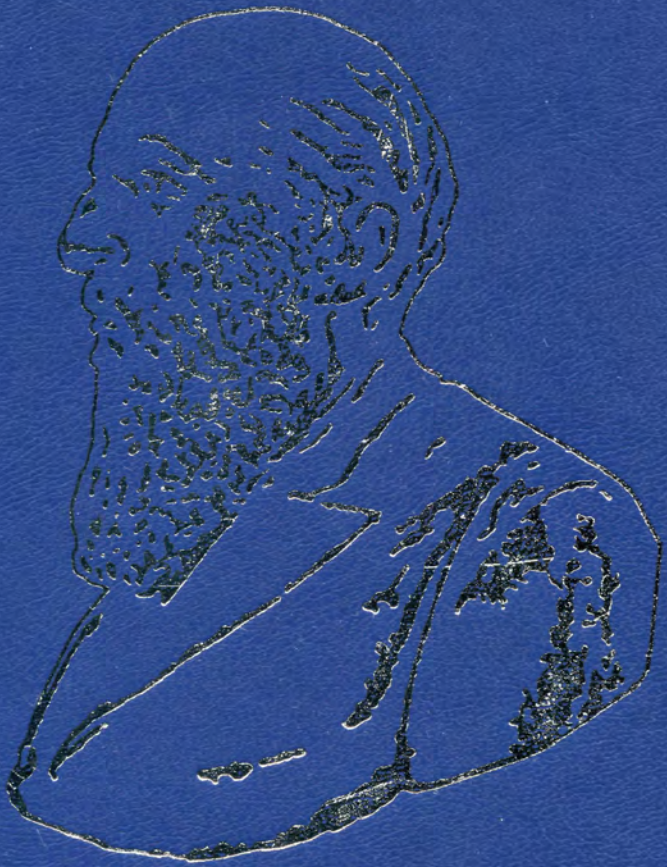

Н. Огарев

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

1839-1863

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Курский государственный
педагогический университет

А. А. Фет

СОЧИНЕНИЯ И ПИСЬМА

Редакционная коллегия: А. В. Ачкасов, В. В. Гвоздев,
Н. П. Генералова, В. А. Кошелев, Ю. М. Прозоров,
М. В. Строганов, Л. И. Черемисинова

А. А. Фет

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ
1839—1863

Тексты и комментарии подготовили: Н. П. Генералова,
В. А. Кошелев, Г. В. Петрова

ББК 84.Р1
Ф 45

Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России)

Редактор тома *В. А. Кошелев*

Контрольный рецензент тома *М. Д. Эльзон*

На фронтисписе портрет А. Фета работы К. К. Гампельна,
нач. 1850-х гг. (с фотографии,
хранящейся в Литературном музее ИРЛИ)

Издание выпущено при финансовой
поддержке Курского государственного
педагогического университета

ISBN 5-7331-0170-9
ISBN 5-7331-0171-7, т. 1

© Курский государственный педагогический
университет, 2002
© Академический проект, 2002

От редакции

Настоящее собрание сочинений и писем Афанасия Афанасьевича Фета (1820—1892) представляет собой первую попытку издания с возможной полнотой многообразного наследия великого русского поэта. Еще с дореволюционных времен сложилась издательская традиция извлекать из этого наследия лишь собственно стихотворную, лирическую ее часть, считая остальное не заслуживающим внимания. Редакции настоящего собрания эта традиция представляется глубоко неверной.

Афанасий Фет отразил в своем творчестве не только психологию человека своего времени, но русского человека всех времен — и в этом отношении он оказывается очень близок современности. Личность и лирическое творчество поэта активно изучались с начала XX века. Исследования, подкрепленные «усеченными» изданиями, были отмечены как несомненными достижениями, так и некоторой односторонностью. Последняя выразилась, в частности, в представлении о Фете как о «раздвоенной» личности, в которой ее бытовая сторона (кавалерийский офицер, затем преуспевающий помещик-фермер, автор «консервативных» политических и экономических статей и пр.) как бы противостояла творческой личности «чистого лирика». Сам Фет многократно, но безуспешно пытался объяснить специфику собственной «цельности» — но не был понят ни своими современниками, ни ближайшими потомками.

В последнее время в литературоведческой науке все активнее подвергаются сомнению те представления и «легенды» о Фете, которые были рождены еще русскими символистами. Вместе с тем, комплексное исследование творчества поэта невозможно без полного издания его наследия, разбросанного по самым разным, порой трудно доступным, источникам. К сожалению, современное состояние изучения наследия Фета не позволяет еще ставить вопрос о его комментированном академическом издании — это дело будущего. Мы надеемся, что настоящее собрание станет важным этапом на пути к осуществлению этой цели.

В настоящем собрании представлены, по жанрово-хронологическому принципу, все основные стороны его литературного наследия, включающего не только стихотворения, но и художественную прозу, и публицистику, и мемуары, и переводы, и эпистолярий. Произведения распределяются по томам прежде всего в соответствии с творческим развитием самого поэта:

Т. 1. Стихотворения и поэмы 1839—1863.

Т. 2. Переводы 1839—1863.

Т. 3. «Вечерние огни»; стихотворения 1864—1892.

Т. 4. Художественная проза.
Т. 5. «Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство».
Т. 6. «Ранние годы моей жизни».
Т. 7—8. «Мои воспоминания».
Т. 9. Публицистика и литературная критика.
Т. 10. Трагедия Гете «Фауст» в переводе Фета.
Т. 11—13. Переводы из античной поэзии.
Т. 14—15. Переводы философских трудов.
Т. 16—17. Письма Фета.
Т. 18—19. Письма к Фету.
Т. 20. Биографические материалы. Указатели.

ЛИРИЧЕСКІЙ

ПАНТЕОНЪ.

А. Ф.

Si tu pouvais jamais egaler, o ma lyre!
Le doux fremissement des ailes du zephire
A travers les rameaux

Ou l'onde qui murmure en caressant ses rives,
Ou le roucoulement des colombes plaintives
Jouant aux bords des eaux.

Lamartine.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго
1840.

Пуская в свет мои мечты,
Я предаюсь надежде сладкой,
Что, может быть, на них украдкой
Блеснет улыбка красоты;
Иль раб мучительных страстей,
Читая скромные созданья,
Разделит тайные страданья
С душой взволнованной моей.

БАЛЛАДЫ

ПОХИЩЕНИЕ ИЗ ГАРЕМА

Кто в ночи при луне открывает окно?
Чья рука, чья чалма там белеют?
Тихо всё. Злой евнух уже дремлет давно,
И окошки гарема чернеют.

Ты, султанша, дрожишь? Ты, султанша, бледна?..
Страшно ждать при луне иноверца!..
Но зачем же, скажи мне, ты ждешь у окна?
Отчего ноет сладостно сердце?

Что ж ты медлишь, гяур? Приезжай поскорей!
Уж луна над луной минарета.
Чу, не он ли?.. Мне чудится топот коней.
Далеко нам скакать до рассвета!

Да! То Он! Мой гяур уж заметил меня!
Конь идёт осторожной стопою,
Всадник машет платком и другого коня
На поводьях ведет за собою.

Дремлет страж под окном; вдруг кинжал полетел
На него серебристой змеёю;
Стон глухой... Меч сверкнул, и песок почернел
Там, где пала чалма с головою.

«Ножкой стань на плечо! Ах, скорей! не сорвись!»
— «Я боюся ревнивой погони.
Ах, в гареме огонь!» Захрапевши, взвились
И, как вихри, помчалися кони.

Поутру под окном изумленной толпой
Чернолицая стража стояла,
Перед нею с султаншиной белой чалмой
Иноверца перчатка лежала.

ЗАМОК РАУФЕНБАХ

I

На гранит ступает твёрдо
Неприступный Рауфенбах,
И четыре башни гордо
Там белеют на углах.
Заредеют ли туманы
Перед утренней зарёй,
Освежатся ли поляны
Хладной вечера росой,
Пробирается ль в тумане
В полночь чуткая луна,—
Всё молений и стенаний
Башня южная полна.
Там под кровлею железной
Протянулося окно,
И решёткой бесполезной
Не заковано оно.
Что ж ты, пленник, так бледнеешь?
Вольный мир перед тобой!
Иль нет крыльев? — Знать, сотлеешь
За удушливой стеной.
Но потухшими очами
Ты не смотришь в синю даль;
Знать, что куплено слезами,
Знать, чего так больно жаль, —
Не вдали. Сухие руки
Не протягивай к земле
И в жару безумной муки
Не зови ее к себе!!!
Что ты бьёшься?.. Теодора,
Нежный друг твой, не придёт,
Не избавит от позора
И на грудь не упадёт.
Завтра казнь! Барону-змею
Любо, что перед женой
Завтра к плахе склонишь шею
Ты с косматой головой!..
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

II

Светом облит лик иконы,
Перед ней стоит налой,
Слышны вздохи, слышны стоны,
И, во прах склонясь главой,
Горько плачет Теодора,
Кудри по полу легли;
Завтра день его позора,
Завтра с горестной земли
Милый друг ее умчится;
Не слезой горячей с ней
Он в последнее простится —
Жаркой кровию своей!

III

Уж редеет сумрак хладный,
Уж поднялся эшафот,
И кругом толпою жадной
Собирается народ.
Час настал. С своей женою
К башне подошел барон,
И могучею рукою
Уж замка коснулся он.
Вдруг с окна над ним слетело
Что-то. — Ах! — и уж в пыли
Два разбитых мертвых тела
Близ дверей тюрьмы легли.

IV

Там, в капелле, под горою,
За решеткой золотой
Спит под мраморной плитою
Рауфенбах с своей женой.
Любо черни на просторе,
Что толпе любви закон?
Душно в гробе Теодоре
Спать с немилым; где же он?

Холм песчаный за рекою
Лёг над избранным твоим.
Всё там тихо, — лишь зарею
Ворон каркает над ним.

УДАВЛЕННИК

Ужин сняли. Слава Богу,
Что собрались как-нибудь;
Ну присядем на дорогу
Да и с Богом в дальний путь.

Вот уж месяц вполовину
Показался; — не поздай;
Только слушай: ты долину
За кладбищем объезжай!

Речь давно об ней ведётся:
Там удавленник зарыт.
Только полночь — он проснётся
И проезжих сторожит.

Как огни у исполина,
Светят страшные глаза;
На макушке, как щетина,
Поднялися волоса!

С шеей, петлею обвитой,
Как котел он посинел,
Зубы кровию облиты,
И язык окостенел.

Самому мне с ним возиться
Довелось лет пять назад;
И теперь — когда случится,
Вспомнишь ночью — и не рад!

Всё ли в путь собрали сыну?
Вот и с Богом: поезжай!
Только слушай: ты долину
За кладбищем объезжай.

БЕЗУМНАЯ

Ах! не плачь и не тужи,
Мать родная, покажи,
Где его могила!
Иль не знаешь ты того,
Как я нежила его,
Как его любила?

Ох, родная, страшно мне:
Он мерещится во сне
С яркими очами!
Всё кивает головой
И зовёт меня с собой
Грозными речами.

Нет, родная, Бог уж с ним!
Не пойду я вслед за ним:
Он меня задушит.
Пусть он спит в земле сырой;
Мой приход его покой
В гробе не нарушит.

Ох, родная, покажи,
Где он, где он? — Задуши
Ты меня, мой милой!
Сладко я умру с тобой;
Ты поделишься со мной
Тесною могилой.

Не задушишь ты меня:
Обовьюсь вокруг тебя
Жадными руками;
Я прижмусь к твоим устам
И полжизни передам
Мертвецу устами.

Что ж ты смотришь на меня?
Мне смешно и без тебя:
Сердце лопнуть хочет!
Тяжко мне среди людей!
Слышишь... Свищет соловей,
И сова хохочет.

Ха-ха-ха! так смех берёт!
То из раны кровь польёт,
То застынет снова;
Жадно кровию напьюсь,
Сладко-сладко захлебнусь
Кровию милова.

В чистом поле он убит
И в сырой земле лежит
С раною кровавой.
Кровь и слёзы — слёзы — кровь,
Где ж ты, где моя любовь
С головой кудрявой?

Вскинусь птицей, полечу,
Черны кудри размечу
По челу кольцами.
Улыбнись же, полно спать!
Это я пришла играть
Черными кудрями!

ДВЕ РОЗЫ

Вчера златокудрявый
Румяный майский день
Принёс мне двух душистых
Любовниц соловья:
Одна одета ризой
Из снежных облаков;
Другая же — туникой
Авроры молодой.

Я долго колебался,
Какую розу взять.

Ах, белая так нежно
Зеленые листки
В венке моем пахучем,
Целуя, оттенит!

А ты, коралл душистый!
Прильнув к моей груди,
Горячее дыханье
Бальзамом напоишь;
И взоры огневые
Красотки молодой
Скорей падут на сердце,
Над коим дышишь ты!..
И с розы на другую
Бросал я жадный взор.

Заметив нерешимость,
Мне юный Май сказал:
Возьми сестёр обеих
И, счастливый вдвойне,
Укрась венок зеленый
И любящую грудь!

Я принял их и понял
Спасительный урок.
Давно на дне кристальном
Души моей живой
Любуется собою
Наины светлый взор,
И грудь полунагая,
И черная коса;
И тут же ненарочно
В тени златых кудрей
Красотка Зинаида
Предстанет предо мной,
И каждый раз, как кольца
Упругие прыгнут
И золотом заблещет
Их радужный отлив,
Я слышу, как в ланитах
Моих зардеет кровь.
Вы розы! — да, две розы! —
Обеим вам любовь!

СЕРЕНАДА

Плывёт луна по высоте,
Смахнув с чела туман ревнивый,
И в сладострастной темноте
Шумят ветвистые оливы.
Чу, — слышу звуки вдалеке,
Там, под балконом, близ ограды,
Поют — и эхо по реке
Несёт аккорды Серенады.
И звуки, стройные сыны
Звончатой лиры Аполлона,
Несут владычице балкона
На ложе пламенные сны.
Луна плывёт, река дрожит,
Трепещет сердце у поэта,
Проснись, о дева, он стоит
И ждёт отрадного ответа.
И вдруг раздался тихий звон
Замка средь звуков песнопенья,
И вот брюнетка на балкон
Взошла с улыбкой умиленья,
И, будто невзначай, само,
Скользнув из ручки девы милой,
Сердец поверенный — письмо —
Упало вниз через перилы.

МОЙ САД

В моём саду, в тени густых аллей,
Поёт в ночи влюбленный соловей,
И, позлащён июньскою луной,
Шумит фонтан холодною волной,
Кругом росой увлажены цветы, —
Пойдём туда вкушать восторг мечты!

Не чужд ли ты волшебных чар любви?
В моём саду сильней огонь в крови;
Всё чудно там, и звезды над тобой
Текут плавней небесной синевой,
Луна дрожит и блещет, как алмаз, —
Пойдём туда: полюбишь в первый раз!

Но если ты уж любишь и любим,
Всё там найдешь, всё назовешь своим:
Фонтан, цветы, влюбленный соловей —
Везде она, везде поют о ней!
К луне ли взор — там тихо и светло —
Опять она, опять её чело!

ПРИЗНАНИЕ

Простите мне невольное признанье!
Я был бы нем, когда бы мог молчать,
Но в этот миг я должен передать
Вам весь мой страх, надежду и желанье.

Я не умел скрываться. — Да, вам можно
Заметить было, как я вас любил!
Уже давно я тайне изменил
И высказал вам всё неосторожно.

Как я следил за милою стопой!
Как платья милого мне радостен был шорох!
Как каждый мне предмет был безотчётно дорог,
Которого касались вы рукой!

Однажды вы мне сами в том признались,
Что видели меня в тот самый миг,
Как я устами к зеркалу приник,
В котором вы недавно улыбались.

И я мечтал, что к вам закралась в грудь
Моей души безумная тревога;
Скажите мне, — не смейтесь так жестоко:
Могла ли в вас наружность обмануть?

Но если я безжалостно обманут, —
Один ваш взгляд, один полунамёк —
И нет меня — и я уже далёк,
И вздохи вас печалить перестанут.

Вдали от вас измучуся, изною,
Ночь будет днем моим — ей буду жить,

С луной тоскующей о прошлом говорить;
Но вы любуйтеся весёлою луною!

И ваших девственных и ваших светлых дней
Участием в страдальце не темните;
Тогда — одно желанье: разрешите,
Лицо луны — или мое бледней?

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Фиял кипит янтарной Иппокреной,
Душа горит и силится во мне
Залить в груди огонь жемчужной пеной,
Но что забыть, что вспомнить при вине?

Красавица с коварною душою!
Ты, божеством забытый, пышный храм,
И вы, друзья с притворною слезою,
И вы, враги с презренной клеветою, —
Забвенье вам!

И вы, мечты, которыми прельщался!
И ты, судьба, противница мечтам!
Довольно я страдал и заблуждался,
Надеялся, слезами обливался...
Забвенье вам!

Ты, девы грудь, вы, кудри золотые!
Ты, Грации художественный рост!
Вы, ямочки и щечки огневые,
Ты, тень ресниц, вы, глазки голубые!
Вам первый тост!

И вы, друзья святого вдохновенья!
С мечтательной и нежною душой,
Вы, полные к прекрасному стремленья,
С тоской души, с улыбкой умиленья, —
Вам тост второй!

И вы, друзья с зелеными венками
И с хохотом в досужный Вакха час,

Похмелья Гений носится над вами! —
Поднимем кубки дружными руками!
Я пью за вас!

Фиял кипит янтарной Иппокреной,
И что души тревожило покой —
Всё умерло в груди воспламененной,
Всё милое — воскресло предо мной!

КОЛЬЦО

Скажи, кольцо, как друг иль как злодей
Ты сжало мне трепещущую руку?
Скажи, что мне сулишь: ряд ясных дней
Иль чёрных дней томительную муку?

Нет, за тебя мне сердце говорит,
И я тебя, мой друг кольцо, целую;
И, вечности символ, твой круг, сулит,
Как ты само, мне вечность золотую.

Что ж ты молчишь, предвестник лучших дней?
Скажи ты мне, подарок обручальный,
Скажи, далёк ли миг, когда у ней
Блеснёт чело короною венчальной?

И счастье мне!.. но мне ль мечтать о нём?..
Дают ли груз сокровищ несть бессильным?
Мне счастья нет в страдальчестве земном,
Найду ль его и за холмом могильным?

Зачем же миг, зачем миг счастья мне?
Зачем в цепь узника сапфир лазурный?
Пусть я несусь по яростной волне,
Чтоб потонуть в пучине жизни бурной.

О, не мертвей, небесное лицо,
Не раздирай души твоим страданьем!
О, не блистай, заветное кольцо,
И не сжигай груди твоим блистаньем!

Прочь, счастье, прочь! — я не привык к тебе.
Её кольцо меня с тобой сковало, —
Но, море, — вот, возьми его себе:
Его давно ты с шумом ожидало!

И не меняет моего лица
От тиши к бурям переход столь быстрый,
Но сердцу так легко: нет на руке кольца —
И нет в душе надежды даже искры!

УТЕШЕНИЕ

Вспорхнул твой ветреник, уж нет его с тобою!
Уже, склонясь к тебе, дрожащею рукою
Он шейку белую твою не обовьет,
Извившись талией могучею и ловкой,
И розы пламенной над милою головкой
Дыханье сладкое в восторге не вопьет.
Он ветрен — ты верна изменнику душою;
Ты плачешь здесь, а он смеется над тобою;
Рассмейся, милая, как солнце поутру,
Забудь любовника твоей душистой розы,
Дай руку мне, — а я пленительные слёзы
Устами жаркими с очей твоих сотру.

СТРАННОСТЬ

В мире, где радостей нет, Эпикур говорит: наслаждайся!
Дай мне восторгов, а там можешь сказать: удержись!

ОТКРОВЕННОСТЬ

Не силен жар ланит твоих младых
Расшевелить певца уснувшей воли;
Не мне просить у прелестей твоих
Очаровательной неволи.

Не привлекай и глазки не взводи:
Я сердце жён изведал слишком рано;
Не разожжёшь в измученной груди
Давно потухшего волкана.

Смотри, там ждет влюбленный круг мужчин,
А я стою, желаний общих чуждый;
Но, женщины! у вас каприз один:
Вам нужны те, которым вы не нужны.

Вам надоел по розам мягкий путь
И тяжелы влюбленные беседы;
Вам радостно разжечь стальную грудь
И льстят одни тяжелые победы.

Но ты во мне не распалишь страстей
Ни плечиком, ни шейкою атласной,
Ни благовонием рассыпанных кудрей,
Ни этой грудью сладострастной.

Зачем даришь ты этот мне букет?
Он будет мне причиною печали.
И я когда-то цвёл, как этот цвет, —
Но и меня, как этот цвет, сорвали.

Ужель страдать меня заставишь ты?
Брось эту мысль: уж я страдал довольно
От ваших козней, вашей простоты
И вашей ласки своевольной,

Другим отрадно быть в плену твоём,
Я ж сердце жён изведал слишком рано;
Ни хитростью, ни истинным огнём
Не распалишь потухшего волкана.

ОДАЛИСКА

Вот груди — жаркий пух, вот взоры — звезды ночи,
Здесь цитры звон и сладостный щербет.
О юноша! прекрасный Аллы цвет,

Иди ко мне лобзать живые очи
И грудь отогревать под ризой тихой ночи!

ЛАСТОЧКА

Я люблю посмотреть,
Когда ласточка
Вьется вверх иль стрелой
По рву стелется.
Точно молодость! Всё
В небо просится,
И земля хороша,
Не расстался б с ней!

В АЛЬБОМ

Пусть гений прошлого с улыбкой
Вам обо мне заговорит,
Когда ваш взор хотя ошибкой
По этим строчкам пробежит.

Так иногда певец унылый
Идет в стране своей родной,
В былые дни когда-то милой —
Теперь заглохшею тропой.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Побольше влаги светлой мне,
И пену через край!
Ищи спокойствия на дне
И горе запивай!
Вино богами нам дано
В замену Летских струй:
Разгонит горести оно,
Как смерти поцелуй,

И новый мир откроет нам,
Янтарных струй светлей,
И я за этот мир отдам
Всю нить грядущих дней.

Лишь кубок, чокнув, закипит,
Воспламенится кровь,
И снова в сердце проблестит
И радость и любовь!

В душе отвага закипит,
Свобода оживёт,
И сын толпы не уследит
Орлиный мой полёт!

НА СМЕРТЬ ЮНОЙ ДЕВЫ

В обширном саду, испещренном живыми цветами,
Где липа душистая солнца лучи преломила,
Природа-волшебница дивный цветок насадила —
Любимицу розу в тени под густыми листами.

И дева могучая милым цветком любовалась,
Слезами чистейшими неба ее поливала,
Дыханием груди родимой ее согревала, —
И роза с улыбкой младенца в тиши развивалась.

Ах, роза, зачем на тебя не падут мои слёзы?
Еще над тобой не вздыхала в тиши Филомела,
И бабочка лёгкой подругой к тебе не летела,
Природа не знала чела, достойного розы.

Восток загорелся, и мощная дева в печали
Стояла; цветы фимиам погребальный курили, —
В гирлянду небесную ангелы розу сломили
И этой гирляндою Вечного трон увенчали.

ХУДОЖНИК К ДЕВЕ

Дева! не спрашивай
Ясными взорами,
Зачем так робко я
Гляжу на дивные
Твои формы?
Зачем любовь ко мне
Волной серебряной
Катится в грудь?

Ты — легкая, юная,
Как первая серна
У струй Евфрата, —
Одна достойна
Руками лилейными
Прижать к груди твоей
Широкую грудь,
Где кроется чудный дар
Бессмертных песен
Про жизнь и природу!

Лишь ты сохранишь её
Святою и чистою;
Ты, перл земной,
Расскажешь небесному
Про чистые радости
Сына земли,
Когда он молча
Стоит пред изящным.

Лишь ты — достойно
Венчаешь художника,
Когда венок свой
С кудрей шелковых
Рукою белою
С улыбкою снимешь,
Чтобы украсить
Чело любовника.

Сними поскорее
Венок, златовласая!
Пускай твои кудри
Играют с зефиром.

ВАКХАНКА

Зачем, как газель,
По лесистым утесам
Ты мчишься, вакханка?
Зачем из-под грубой,
Косматой одежды
Ты дерзко мне кажешь
Блестящую, стройную,
Воздушную ножку?

Зачем твои черные,
Мягкие кудри,
Взвеваясь, не кроют
Той страсти, той неги,
Что пышет зарёю
На диком лице твоём?

Никто нас не видит, —
Далёко-далёко
Умчались подруги! —
Ты слышишь? — в горах там:
Эвое! Эвое!

Брось тирс и венок твой.
Скорее на грудь ко мне...
Не дай утишиться
Вакхической буре
В пахучих грудях твоих.
Сатир не подсмотрит,
С коварной улыбкой,
Проказ молодых.

КОЛОДНИК

С каждым шагом тяжкие оковы
На руках и на ногах гремят,
С каждым шагом дальше в край суровый
Не вернешься, бедный брат!

На лице спокойствие могилы,
Очи тихи; может быть, ты рад,

Что оставил край, тебе немилый, —
Помолися, бедный брат!

ТОСКА ПО НЕВОЗВРАТНОМ

Опять в душе минувшая тревога,
Вновь сердце просится в неведомую даль,
Чего-то милого мне больно-больно жаль,
Но не дерзну просить его у Бога.

И вновь маню высокий идеал,
И снова жизнь мне грезится иная:
Так грешник-праотец, проснувшися, искал
Знакомых благ утраченного рая!

ГРЕЦИЯ

Там, под оливами, близ шумного каскада,
Где сочная трава унизана росой,
Где радостно кричит веселая цикада
И роза южная гордится красотой,
Где храм оставленный поднял свой купол белый
И по колоннам вверх кудрявый плющ бежит, —
Мне грустно: мир богов, теперь осиротелый,
Рука невежества забвением клеймит.
Вотще! В полночь, как соловей восточный
Свистал, а я бродил незримый за стеной,
Я видел: Грации сбирались в час урочный
В былой приют заросшею тропой.
Но в плясках ветреных богини не блистали
Молочной пеной форм при золотой луне;
Нет, — ставши в тесный круг, красавицы шептали.
«Эллада!» — слышалось мне часто в тишине.

НЕВОЗВРАТНОЕ

Друг — о чем ты всё тоскуешь?
Нет улыбки на устах,
Чёрны кудри в беспорядке,
Очи чёрные в слезах.

— Я тоскую, я горюю,
Ты ж не можешь пособить:
Ты любила, разлюбила
И не в силах полюбить.

ВЗДОХ

Быть может, всё оставило поэта;
Душа, не плачь, не сетуй, не грусти!
Зачем любить и требовать ответа?
Ты изрекла мне вечное прости.

Но будет жизнь за жизнию земною,
Где буду вновь и светел и любим,
Где заблещу прославленной звездою,
Где я сольюсь с дыханием твоим!

К ЛЕШЕМУ

На мшистом старом пне, скрестив кривые ноги,
И вещей* наготой блистая меж древес,
Ты громче хохочи и смешивай дороги,
Когда красавица зайдет в твой тёмный лес.

Где я люблю следить за чуткими зверями, —
От страха робкая домой забудет путь,
И, кузов уронив с душистыми цветами,
Она падёт ко мне на пламенную грудь.

---

* Простолюдины думают, что увидеть лешего предвещает беду.

ХАНДРА

I

Когда на серый, мутный небосклон
Осенний ветер нагоняет тучи
И крупный дождь в стекло моих окон
Стучится глухо, в поле вихрь летучий
Гоняет желтый лист и разложён
Передо мной в камине огнь трескучий,
Тогда я сам осенняя пора:
Меня томит несносная хандра.

II

Мне хочется идти таскаться в дождь;
Пусть шляпу вихрь покружит в чистом поле.
Сорвал... унес... и кружит. Ну так что ж?
Ведь голова осталась. — Поневоле
О голове прикованной вздохнешь, —
Не царь она, а узник — и не боле!
И думаешь: где взять разрыв-травы,
Чтоб с плеч свалить обузу головы?

III

Горят дрова в камине предо мной,
Кругом зола горячая сереет.
Светло — а холодно! дай, обернусь спиной
И сяду ближе, но халат чадеет.
Ну вот точь-в-точь искусств огонь святой:
Ты ближе — жжет, отдвинешься — не греет!
Эх, мудрецы! когда б мне кто помог
И сделал так, чтобы огонь не жёг!

IV

Один, один. Ну, право, сущий ад!
Хотя бы чорт явился мне в камине:
В нём много есть поэзии. Вот клад
Вы для меня в несносном карантине...

Нет, съезжу к ней!.. Да нынче маскерад,
И некогда со мной болтать Алине.
Нет, лучше с чортом наболтаюсь я:
Он слёз не знает — скучного дождя!

V

Не еду в город. «Смесь одежд и лиц»
Так бестолкова; лучше у камина
Засну — и чорт мне тучу небылиц
Представит. Пусть прекрасная Алина
Прекрасна. — Завтра поздней стаей птиц
Потянется по небу паутина,
И буду вновь глядеть на небеса:
Эх, тяжело, хоть бы одна слеза!

НОЧЬ И ДЕНЬ

Мила мне ночь, когда в неверной тьме
Ты на моей руке в восторге таешь,
Устами ищешь уст и нежно так ко мне
Горячей щёчкой припадаешь!
И я, рукой коснувшись как-нибудь
Твоих грудей, их сладостно взволную;
Но днем ты ищешь скрыть, упав ко мне на грудь,
Пожар лица от поцелуя —
И мне милее день...

ЭПИТАФИЯ

Любил он песням дев задумчиво внимать,
Когда на звуки их березник отзовется,
Любил о них поплакать, помечтать;
Под этой липою лениво отдыхать;
Теперь он спит — и не проснется.

АРАБЕСК

Чёрную урну с прахом поэта
Плющ обогнул;
К брошенной арфе девственный пояс
Крепко прильнул.

Факел угасший подле папира
Вечного спит;
Гарпия-зависть, крылья раскинув,
В прахе лежит.

Но за Коцитом ты улыбнёшься,
Дивный певец;
К урне прижался дар Аполлона —
Свежий венец!

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

(Памяти Козлова)

Мечтанье было то иль сон?
Мне слышался вечерний звон;
А над рекою, под холмом,
Стоял забытый сельский дом,
И перелив тяжелых дум
Давил мне сердце, мучил ум.

Пустынный дом! где твой жилец?
Увы! вдали поэт-слепец
О родине не забывал
И сладкозвучно тосковал.
Он спит: его глубокий сон
Уж не прервет вечерний звон.

Но что ж, — певец земных скорбей,
Ты не умрешь в сердцах людей! —
Так я мечтал — и надо мной
Пронёсся чрез эфир пустой
Какой-то грусти полный стон,
И я запел: «Вечерний звон».

ВОДОПАД

Там, как сраженный
Титан, простерся
Между скалами,
Обросший мохом,
Седой гранит
И запер пропасть;
Но с дикой страстью
Стремится в бездну
Через препоны
Поток гремучий
И мечет жемчуг
Шипучей пены
На черный брег.

Смотри, как быстро
Несётся ветка
К кипучей бездне,
Как струйка сильно
Её кидает
С прозрачной мели
На острый камень. —
Мелькнула! — Полно!
Из чёрной бездны
Возврата нет.

Слежу глазами
За быстрым током.
Как присмирел он
Там, в отдаленьи;
Как будто небо
В нём хочет видеть
Свою красу.
Смотри: та ветка,
Что там исчезла
В пучине лютой,
Плывет так тихо,
Так безмятежно
По вечной влаге.

I

Весна, весна, пора любви.

Пушкин

Солнце потухло, плавает запах
Юных берез
В воздухе сладком; лодка катится
Вниз по реке;
Небо прозрачно, плавает месяц
В ясной воде.

Там, за рекою, звездною цепью
Блещут огни,
Тени мелькают, вторится эхом
Песнь рыбака.

Здесь, над горою, к другу склонившись
Легкой главой,
Милая Мери с нежной улыбкой
Шепчет: «Люблю».

Мери, ты любишь! скоро умолкнет
Ночи певец,
Лист потемнеет, — будешь ли так же,
Мери, любить?

II

Когда петух,
Ударив три раза
Крылом золотистым,
Протяжною песнью
Встречает зарю,
И ты, человек,
Впиваешь последнюю
Сладкую влагу
Сна на заре;
Тогда поэт...

Нет! спи, утомленный
Заботами дня
Земной страдалец!
Ты не поймешь,
Зачем я бодрствую
В таинственном храме
Прохладной ночи.

Чу! слышу вздох
Ко мне несется
С мягкого ложа,
Где при серебряной
Луне белеют
Младые ланиты,
Покрытые первым
Шелковым пухом,
И где в беспорядке
Рассыпаны кудри.
А! слышу, слышу,
Ты также не спишь,
Несчастный влюбленный!

Послушай, что ныне
Я слышал ночью
От чад Сатурна:
Они мне велели
В земных страданьях
Искать исцеленья
У Вакха. Наполним
Стаканы, — и оба
Заснем поутру,
Когда другие
Пойдут трудиться.

III

Amantium irae amoris renovatio.

Horatius

Ты мне простишь, мой друг, что каждый раз,
Как ссоришься ты с милою своею,
Кусаю губы в кровь, но лишь взгляну на вас,
Рассеять смеха не умею.

Как к ней пристал суровый этот взгляд,
Как на устах улыбка скрыта мило, —
А всё видна! Недаром говорят:
«Как ни клади, в мешке не скроешь шила».

А ты, — ты в этот миг оригинал большой;
С сигарою во рту, в халате, у окошка,
Алеко, Мортимер, Отелло предо мной,
И даже Гамлет ты немножко.

А я, смотря на вас, смеюсь, — не утерплю!
Вот люди, думаю, не знают, как придраться, —
Напившись кофею, сто раз сказать «люблю»,
И тысячу — поцеловаться.

IV

И девушка пленить умела их
Без помощи нарядов дорогих.

Пушкин. *Дом. в Кол.*

Сними твою одежду дорогую,
С чела лилейного сбрось жемчуг и цветы, —
И страстней я милашку поцелую,
И простодушнее мне улыбнёшься ты.
Когда ты лёгкую свою накинешь блузу
И локон твой скользит по щёчке как-нибудь,
Я вижу простотой овеянную Музу,
И не простой восторг мне сладко льется в грудь.

V

Не плачь, моя душа! ведь сердцу не легко
Смотреть, как борешься ты с лютою тоскою.
Утешься, милая! хоть еду далеко,
Но скоро возвращусь нежданною порою
И снова под руку пойду гулять с тобою.

В твои глаза с улыбкой погляжу,
Вкруг стана обовью трепещущие руки
И всё, и всё тебе подробно расскажу
Про дни веселия, про дни несносной муки,
Про злую грусть томительной разлуки,

Про сны, что снились мне от милой далеко.
Прощай — и, укрепясь смеющейся мечтою,
Не плачь, моя душа! ведь сердцу не легко
Смотреть, как борешься ты с лютою тоскою,
Склонясь на локоток печальной головою.

VI

Доволен я на дне моей души,
Чуждаясь мысли дерзкой и преступной;
Пусть как звезда ты светишь мне в тиши,
Чиста, свята красою неприступной.

VII

Ich singe wie ein Vogel singt
Der in den Zweigen wohnet.

Goethe

Над морем спит косматый бор;
Там часто слушал я
Прибрежных волн мятежный спор
И песни соловья.

Бывало, там внизу шумят
Ветрила кораблей,

На ветре снасти шелестят,
И гордый царь зыбей

Несётся, — с палубы крутой
Далёко песнь звучит, —
А соловей во тьме лесной
Неслышимый грустит.

VIII

На балконе золочёном
Ряд цветов кругом перил, —
Я любуюся балконом,
И цветник мне пёстрый мил,

Но туда в дыханьи утра
Ходит друг моей мечты —
Дева с шейкой перламутра —
Поливать свои цветы.

Так стыдлива и свободна,
Так приветлива без слов,
Так нежна и благородна,
Так милей своих цветов.

IX

Посмотри, наш боец зашатался, упал,
Залило алой кровью всего.
Что, он ранен легко — иль убит наповал?
На плаще вы несите его.

Может быть, оживёт, и к геройской груди
Он прижмёт и жену и детей.
Осторожней, чтоб нам не толкнуть на пути
Храбреца. Ну! беритесь скорей!

А убит... ну, зато видел я, что за взор
Бросил он на врага своего!
Хоть убит — не стоять же над ним. Что за вздор!
На плаще вы несите его.

X

Она легка, как тонкий пар
Вокруг луны златой,
Ее очей стыдливый дар
Вливает в сердце томный жар,
Беседует с душой.
Она стройна, как гибкий клён,
Она чиста, как свет.
Ее кудрей блестящий лён
Увил чело — и упоён
Стоит пред ней поэт.

XI

Nec sit ancillae tibi amor pudori.

Horatius

Уж, серпы на плеча взложив, усталые жницы
Звонкою песнью своей оглашают прохладное поле;
Ландышем пахнет в лесу; там, над оврагом, березы
Рдеют багрянцем зари, а здесь, в кустарнике мелком,
Звонко запел соловей, довольный вечерней прохладой.
Верный конь подо мной выступает медленным шагом,
Шею сгибая кольцом и мошек хвостом отгоняя.
Скоро доеду! — Да вот и тенистая старая ива,
Вот и пригорок, и ключ под кровом корнистого вяза.
Как он звучен и чист, как дышит подземной прохладой!
Чу! не она ль? Где-то ветвь шелестит... Но ей не заметить
Здесь, за вязом, меня. — Ах, вот она, роза селенья!
По локотки рукава засучила и быстро склонилась
К холоду светлой струи, — вот моет белые руки,
Вот в прозрачные персты воды зачерпнула, и блещет
В чистых каплях чело, покрытое лёгким румянцем.
Вот сарафан на груди расстегнулся, и плечи и груди
Робко бегут от руки, несущей холодную влагу.
Вот малютка-рука трёт белую ножку-малютку,
И под нею в ключе такая ж качается ножка.
Дева, помедли! — но нет: вспорхнула резвая крошка, —
Только кустарник вдали ея сарафанчик целует.

I. ИЗ ГЁТЕ

МАЙСКАЯ ПЕСНЯ

Всё нежит взоры,
Всё нежит слух,
Блистает солнце,
Смеётся луг.

Я вижу ветви,
Полны цветов,
Я слышу птичек
Из-за кустов.

Восторг и нега
Теснятся в грудь;
О счастье, счастье!
Продлись, пробудь!

Не ты ли это,
Любовь, любовь,
Одела жизнью
Природу вновь?

Благословила
Луг молодой
И расцветила
Весь круг земной?

О дева! как я
Люблю тебя!
Как взор твой светел!
Люби меня!

Как сладко птичке
Поутру петь,
Иль пышной розе
Зарёй алеть.

Так сладко, дева,
Тебя любить,
Тобой воскреснуть,
Тобою жить.

Ты оживила
Мои мечты!
Будь ввек счастлива,
Как любишь ты.

НОЧНЫЕ ДУМЫ

Как вы жалки мне, бедняжки звезды,
С вашей негой, с вашим чудным блеском,
Что пловцам отрадно так сияет,
Без награды от богов и смертных.
Вам любовь чужда! — и вы мне жалки!
Вас ведут без устали по небу
Вечные часы путём далёким.
Сколько вы уж протекли пространства
С той поры, как я в объятьях милой,
Вас и час полночи забываю.

ПЕРВАЯ ПОТЕРЯ

Кто воротит мне дни блаженные,
Дни крылатые, страсти первенца;
Кто воротит мне хоть один часок
Драгоценного того времени?

Каждый день болит сердце бедное,
Каждый день грущу о минувших днях.
Кто воротит мне хоть один часок
Драгоценного того времени?

ПЕВЕЦ

«Я слышу песню у ворот
Иль на мосту, не знаю.
Взови певца — пусть пропоёт:
Послушать я желаю».
Король сказал — и паж бежит,
Вернулся — и король кричит:
«Позвать скорее старца!»

«Приветствую господ и дам
Вкруг царственного трона;
Кто перечтет по именам
Все звезды небосклона?
Ах, как всё блещет вкруг меня,
Закройся, взор! теперь тебя
Мне услаждать не время!»

Певец запел — и по лицу
Играл восторгом Гений,
Все взоры рыцарей к певцу
И взоры дам в колени.
Король доволен песнью той,
И старца цепью золотой
Он жалует за пенье.

«Златую цепь мне не дари:
Не мне удел героя;
Пускай твои богатыри
Ей блещут после боя.
Пусть ей гордится канцлер твой,
И этой цепью золотой
Он старые умножит.

А я пою, как соловей
На ветке винограда,
И песня от души моей
Сама себе награда.
Но просьба у меня одна:
Вели мне лучшего вина
Подать в златом покале».

Поднёс — и разом осушил.
«О царственный напиток!

Господь тот дом благословил,
Где благ такой избыток.
Молитесь Вечному Царю,
Так, как я вас благодарю
За этот полный кубок».

ПРЕКРАСНАЯ НОЧЬ

Оставляю домик милой,
Нежной девицы-души
И спешу с душой унылой
Побродить в ночной глуши.
Лунные лучи пронзают
Свод древесный там и сям,
И березы воссылают
К небу сладкий фимиам.

Как здесь тихо и прохладно
Под навесами ветвей:
Здесь душе моей отрадно
И понятно счастье ей.
Ночь — восторг! — Но месяц ясный,
Тысячи возьми их прочь,
Если мне мой друг прекрасный
Подарит одну лишь ночь.

УТРЕННЯЯ ЖАЛОБА

О скажи мне, милая резвушка,
Чем перед тобой я провинился?
Что такой меня ты мучишь пыткой
И не держишь данного мне слова?

Не сама ль вчерашний вечер жала
Ты мне руку и шептала нежно:
Я приду поутру непременно
В твою комнату, приду, увидишь.

Дверь слегка я затворил, и рад был,
До безумья рад был, как заметил,
Что нам петли изменить не могут.

Я всю ночь томился в ожиданьи,
Я не спал, все четверти считая:
Лишь глаза сомкнутся на минуту,
А уж сердце, — этот чуткий сторож,
В грудь начнёт стучаться и разбудит.

Как я тьму благословлял ночную
За покой, которым всё дышало;
Как я слушал, затая дыханье:
Нет ли звуков в этой чуткой тиши.

Если бы у ней такие ж мысли;
Если бы у ней такие ж чувства —
Не дождалась бы она рассвета,
А тотчас же бы сюда явилась.

На чердак вспрыгнёт ли резвый котик,
Заскребёт ли мышка за карнизом,
Всё как будто бы твоя походка,
Всё шаги твои как будто слышу.

Так я долго, долго ждал в томленьи,
И вот свет денной уже забрезжил,
И уж там и сям раздался шелест.

Не ея ли дверь то? не моя ли!
Я сидел поджавшись на кровати
И смотрел на дверь пол-освещенну,
Ждал, не распахнутся ль половинки.
Нет! на тихих петлях неподвижно
Виснут в ожиданьи половинки.

День всё ярче, ярче становился,
Слышу, дверь соседа заскрипела,
И сосед пошел уж на работу,
И потом колёса прогремели,
Ворота градские растворились,
И вся дрянь на рынке завозилась,
В суматохе без толку мешаясь.

Взад, вперёд пошли таскаться в доме.
По ступеням вверх и вниз; то двери
Затрещат, то простучит походка,
А мне всё еще, как с милой жизнью,
Жаль расстаться с сладостной надеждой.

Наконец, когда, к моей досаде,
Солнце мне в окна засветило,
Я вскочил и в сад бежать пустился,
Чтоб смешать горячее дыханье
С утренней прохладою зефира,
Может быть, здесь встретиться с тобою,
Ждать — и что ж? тебя нет ни в беседке,
Ни в высокой липовой аллее.

II. ИЗ ШИЛЛЕРА

ВЕЧЕР

Бог лучезарный, спустись, жаждут долины
Вновь освежиться росой, люди томятся,
Медлят усталые кони, —
Спустись в златой колеснице!

Кто, посмотри, там манит из светлого моря
Милой улыбкой тебя! Узнало ли сердце?
Кони помчались быстрее:
Манит Фетида тебя.

Быстро в объятия к ней — вожжи покинув,
Спрянул возничий, — Эрот держит за узды;
Будто вкопаны, кони
Пьют прохладную влагу.

Ночь, по своду небес прохладою вея,
Легкой стопою идет — с подругой любовью.
Люди, покойтесь, любите:
Феб влюбленный почил.

НАДЕЖДА

Надеются люди, мечтают свой век
Судьбу покорить роковую,
И хочет поставить себе человек
Цель счастия — цель золотую.
За днями несчастий дни счастья идут;
А люди всё лучшего, лучшего ждут.

Надежда ведёт на путь жизни людей:
Дитя уже ей веселится,
Она манит юношу блеском лучей
И с старцем в гроб не ложится:
Пусть нас утомленье в могилу сведёт,
Надежда для нас за гробом цветёт.

Нет, нет! не пустым, не безумным мечтам
Мы дух предаем с колыбели,
Недаром твердит сердце вещее нам:
Для высшей мы созданы цели.
А что голос сердца нам внятно твердит,
То нам неизменной судьбою горит.

ДИФИРАМБ

Боги всегда к нам
На землю приходят
Дружной толпой.

Только что Бахус ко мне принесётся,
Тотчас крылатый Амур улыбнётся
И прилетит Аполлон золотой.

Стремятся, несутся
Жильцы небо-края,
Бессмертных приемлет
Обитель земная.

Скажите, чем примет
Убогий сын Геи
Хор неземной?

О дайте вы, боги, мне жизнь неземную!
Скажите, что, смертный, вам в дар принесу я?
Возьмите меня на Олимп за собой.

В чертоге Зевеса
Лишь царствует радость.
Налейте же в кубок
Мне Нектара сладость!

Подай ему кубок!
Полон поэту,
Геба, налей.

Росою небесной смочи ему очи,
Чтобы они вечной не видели ночи,
Чтобы он был равен нам славой своей.

Небесная влага,
Напенясь, белеет,
И грудь не волнует,
И око светлеет.

III. Из Горация

К ПИРРЕ
Ode V. Lib. I

Кто этот красавец — скажи мне, о Пирра,
Что в гроте прохладном на ложе из роз,
Облит благовоньем, тобою пылает,
А ты распускаешь небрежно пред ним

Златистую косу. Увы! сколько верность
Твою и богов переменчивость тот
Оплакивать будет, смотря с удивлением
На волны, подъятые чёрной грозой.

Кто ныне в забвеньи горит тобой, милая,
Надеясь на верность твою и любовь.
Увы! он не знает, что ветры бывают
Порой переменчивы. Горе тому,

Перед кем ты, коварная, блещешь. А мне уж
Доска возвещает с священной стены,
Что влажные ризы пловца по обету
Повешены мной перед богом морей.

К ЛИДИИ
Ode XXV. Lib. I

Юноши буйные в ставни закрытые
Реже к тебе уж стучатся теперь;
Крик их твой сон не прервёт, и забытая
Заперта дверь.

Петли визжат под рукой не согретою,
Реже и реже тебе говорят:
«Спишь ли ты, Лидия — в ночь, как я сетую,
Страстью объят!»

Только отцветшей лишь хватик пригрезится,
Горько заплачешь в передней пустой,
Пуще фракийского ветра, что бесится
С каждой луной.

Грудь распалят и любовь и желание,
Что с кобылицею носится вскачь.
Ревностью лютой заложит дыхание,
Бедная, плачь:

Юноши пылкие, плющем увитые,
Миртом зеленым любуются там;
Листья же зимние, хладом убитые, —
Пища волнам.

IV. ИЗ ЛАМАРТИНА

ОЗЕРО

Итак, всему конец! к таинственному брегу
Во мрак небытия несёт меня волной,
И воспротивиться на миг единый бегу
Не в силах якорь мой.

Ах озеро! взгляни! один лишь год печали
Промчался — и теперь на самых тех местах,
Где мы бродили с ней, сидели и мечтали,
Сижу один в слезах.

Ты так же со скалой угрюмою шептало
И грызло грудь ея могучею волной,
И ветром пену волн встревоженных кидало
На ножки дорогой.

О вечер счастия! где ты, когда я с нею
Скользил по озеру, исполнен сладких дум,
И услаждал мой слух гармонией своею
Согласных вёсел шум!

Но вдруг раздался звук средь тишины священной,
И эхо сладостно завторило словам,
Притихло озеро, и голос незабвенной
Понесся по волнам.

«О время, не лети! куда, куда стремится
Часов твоих побег?
О дай, о дай ты нам подоле насладиться
Днём счастья, днём утех!

Беги для страждущих; довольно их воззвала
Судьба на жизни путь;
Лети и притупи их рока злое жало
И счастливых забудь.

Напрасно я прошу хоть миг один у рока:
Сатурн летит стрелой.
Я говорю: о ночь, продлись! — и блеск востока
Уж спорит с темнотой.

Любовь, любовь! восторгов неужели
Не подаришь ты нам?
У нас нет пристани, и время нас без цели
Мчит быстро по волнам».

О время! неужель позволено судьбою,
Чтоб дни, когда любовь все радости свои
Даёт нам, пронеслись с такой же быстротою,
Как горестные дни?

Ах, если бы хоть след остался наслаждений!
Неужели всему конец и навсегда?
И время воротить нам радостных мгновений
Не хочет никогда?

Пучины прошлого, ничтожество и вечность!
Какая цель у вас похищенным часам?
Скажите, может ли хоть раз моя беспечность
Поверить райским снам?

Ах озеро, скалы, леса и сумрак свода
Пещеры! смерть от вас с весною мчится прочь!
Не забывай хоть ты, прелестная природа,
Блаженнейшую ночь!

В час мертвой тишины, в час бурь освирепелых,
И в берегах твоих, играющих с волной,
И в соснах сумрачных, и в скалах поседелых,
Висящих над водой,

И в тихом ветерке с прохладными крылами,
И в шуме берегов, вторящих берегам,
И в ясной звездочке, сребристыми лучами
Скользящей по струям.

Чтоб свежий ветерок дыханьем ароматным
И даже шелестом таинственным тростник —
Всё б говорило здесь молчанием понятным:
Любовь, заплачь о них!

ПРИЗЫВАНИЕ

О ты, которая мне в душу заглянула,
Как странница земли, как горний серафим,
Твоя любовь лучом во тьме блеснула
Глазам восторженным моим.

Явися мне, прелестное созданье,
Скажи мне имя, родину и цель,
Земля ль твоя святая колыбель,
Иль ты небесное дыханье?

Не завтра ль озарит тебя веков светило,
Или тебя здесь небо осудило
Идти в изгнании по трудному пути?..

Ах! кто б ты ни была, с каким бы назначеньем,
О дочь земли иль гостья горних мест,
Позволь мне жизнь с твоим боготвореньем
Тебе, как дар любви моей, принесть!
Когда ты на земле здесь с нами остаёшься,
Будь мне подругою — и знай, что я тот прах
Целую, где земли ты ножкою коснёшься.
Но если ты на миг один у нас в гостях
И скоро к ангелам на ангельских крылах,
Любив меня лишь миг, на небо вознесешься,
То вспомни обо мне в блаженных небесах.

---

* * *

Amis! un dernier mot!

V. Hugo.

Стократ блажен, когда я мог стяжать
Стихом хотя одну слезу участья!
Когда я мог хотя мгновенье счастья
Страдальцу-брату в горе даровать!
Умру! — мой холм исчезнет под пятой
Могучего, младого поколенья, —
Но, может быть, оно мои волненья
Поймет, почтив меня своей слезой.
За смертью смерть, за веком век пройдет,
Оплачет каждый жизненное горе, —
И, может быть, мне каждый в слезном море
Слезинку ясную, святую принесет.
Раздастся звук — и с ангельской трубой
Могучим вновь из праха я воспряну
И с перлами пред Господом предстану:
Слеза ведь перл в обители иной.

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. ФЕТА.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.
1850.

СНЕГА

I

Я русский, я люблю молчанье дали мразной,
Под пологом снегов, как смерть однообразной...
Леса под шапками иль в инее седом,
Да речку звонкую под темносиним льдом.
Как любят находить задумчивые взоры
Завеянные рвы, навеянные горы,
Былинки сонные, иль средь нагих полей,
Где холм причудливый, как некий мавзолей,
Изваян полночью, — круженье вихрей дальных
И блеск торжественный при звуках погребальных.

<Поздняя редакция:

На пажитях немых люблю в мороз трескучий
При свете солнечном я снега блеск колючий,
Леса под шапками иль в инее седом
Да речку звонкую под темно-синим льдом.
Как любят находить задумчивые взоры
Завеянные рвы, навеянные горы,
Былинки сорные среди нагих полей,
Где холм причудливый, как некий мавзолей,
Изваян полночью, — иль тучи вихрей дальных
На белых берегах и полыньях зеркальных.>

II

Знаю я, что ты, малютка,
Лунной ночью не робка:
Я на снеге вижу утром
Легкий оттиск башмачка.
Правда, ночь при свете лунном
Холодна, тиха, ясна;

Правда, ты не даром, друг мой,
Покидаешь ложе сна.
Бриллианты в свете лунном,
Бриллианты в небесах,
Бриллианты на деревьях,
Бриллианты на снегах.
Но боюсь я, друг мой милый,
Чтобы в вихре дух ночной
Не завеял бы тропинку,
Проложённую тобой.

III

Вот утро севера — сонливое, скупое,
Лениво смотрится в окно волоковое;
В печи трещит огонь — и серый дым ковром
Тихонько стелется над кровлею с коньком.
Петух заботливый, копаясь на дороге,
Кричит... а дедушка брадатый на пороге
Кряхтит и крестится, схватившись за кольцо,
И хлопья белые летят ему в лицо.
И полдень настает. Но Боже! как люблю я,
Как тройкою ямщик кибитку удалую
Промчит — и скроется... И долго, мнится мне,
Звук колокольчика трепещет в тишине.

IV

Ветер злой, ветр крутой в поле
Заливается,
А сугроб на степной воле
Завивается.
При луне, — на версте мороз
Огонёчками, —
Про живых ветер весть пронёс
С позвоночками.
Под дубовым крестом свистит,
Раздувается.
Серый заяц степной хрустит,
Не пугается.

V

Печальная берёза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.
Как гроздья винограда,
Ветвей концы висят, —
И радостен для взгляда
Весь траурный наряд.
Люблю игру денницы
Я замечать на ней,
И жаль мне, если птицы
Стряхнут красу ветвей.

VI

Кот поёт, глаза прищуря,
Мальчик дремлет на ковре,
На дворе играет буря,
Ветер свищет на дворе.
«Полно тут тебе валяться,
Спрячь игрушки да вставай!
Подойди ко мне прощаться,
Да и спать себе ступай».
Мальчик встал. А кот глазами
Поводил и всё поёт;
В окна снег валит клоками,
Буря свищет у ворот.

VII

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна.
Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далёких
Одинокий бег.

VIII

Ночь светла, мороз сияет,
Выходи — снежок хрустит;
Пристяжная озябает
И на месте не стоит.
Сядем — полость застегну я —
Ночь светла и ровен путь.
Ты умолкнешь — замолчу я
И пошел куда ни будь.
И летучею ездою
Зимней ночью при луне
Я душе твоей раскрою
Всё, что ясно будет мне.

<Поздняя редакция:

Ночь светла, мороз сияет,
Выходи — снежок хрустит;
Пристяжная озябает
И на месте не стоит.
Сядем, полость застегну я, —
Ночь светла и ровен путь.
Ты ни слова, — замолчу я,
И — пошел куда ни будь!>

IX

На двойном стекле узоры
Начертил мороз,
Шумный день свои дозоры
И гостей унёс;
Смолкнул яркий говор сплетней,
Скучный голос дня:
Благодатней и приветней
Всё кругом меня.
Пред горящими дровами
Сядем — там тепло.
Месяц быстрыми лучами
Пронизал стекло.

Ты хитрила, ты скрывала,
Ты была умна;
Ты давно не отдыхала,
Ты утомлена.
Но люблю я утомленье
Это созерцать:
. . . . . .
. . . . . .
В торжестве успокоенья
Светлой красоты,
Без улыбки, без движенья,
Мне понятна ты.

<Поздняя редакция:

На двойном стекле узоры
Начертил мороз,
Шумный день свои дозоры
И гостей унес;
Смолкнул яркий говор сплетней,
Скучный голос дня:
Благодатней и приветней
Всё кругом меня.
Пред горящими дровами
Сядем — там тепло.
Месяц быстрыми лучами
Пронизал стекло.
Ты хитрила, ты скрывала,
Ты была умна;
Ты давно не отдыхала,
Ты утомлена.
Полон нежного волненья,
Сладостной мечты,
Буду ждать успокоенья
Чистой красоты.>

ГАДАНИЯ

I

Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом,
Я при свечах навела,
В два ряда свет — и таинственным трепетом
Чудно горят зеркала.
Страшно припомнить душой оробелою —
Там за спиной нет огня —
Тяжкое что-то над шеею белою
Плавает, давит меня!
Ну — как уставят гробами дубовыми
Весь этот ряд между свеч, —
Ну, как лохматый с глазами свинцовыми
Выглянет вдруг из-за плеч!
Ленты да радуги, ярче и жарче дня —
Что ж?.. обернись, погляди!..
Суженый! золото, се́ребро!.. Чур меня,
Чур меня — сгинь, пропади!

II

Слушай одна ты — нам не годится
Мертвая тишь!..
Только и слышно, чуть шевелится
Резвая мышь.
«Чу! не стучите! кто-то шагает
Вдоль закромов...
Сыплет да сыплет, пересыпает
Рожь из мешков.
Сыплет орехи, деньги считает,
Шубой шумит,
Всем наделяет, всё обещает,
Только сердит».

Ну, а тебе что? «Тише, сестрицы!
Что-то несут:
Так и трясутся все половицы, —
Что-то поют;
Гроб забивают крышей большою,
Кто-то завыл!
Страшно, сестрицы! знать надо мною
Шут подшутил».

<Поздняя редакция:

«Полно смеяться! что это с вами?
Точно базар!
Как загудело! словно пчелами
Полон анбар».
«Чу! не стучите! кто-то шагает
Вдоль закромов...
Сыплет да сыплет, пересыпает
Рожь из мешков.
Сыплет орехи, деньги считает,
Шубой шумит,
Всем наделяет, всё обещает,
Только сердит».
— Ну, а тебе что? — «Тише, сестрицы!
Что-то несут:
Так и трясутся все половицы...
Что-то поют;
Гроб забивают крышей большою,
Кто-то завыл!
Страшно, сестрицы! знать, надо мною
Шут подшутил».>

III

Ночь крещенская морозна,
Будто зеркало — луна.
«Побегу: ещё не поздно,
Да боюсь идти одна».
Я, сестрица, за тобою
Не пойду — одна иди!

Я с тобою за избою —
Наводи да наводи!
Ничего: пёс рябый ходит,
Вот и серый у ворот...
И красавица наводит,
И никак не наведёт.
«Вижу, вижу! потянулись:
Раз, два, три, четыре, пять...
Заструились, покачнулись,
Стало только три опять.
Ну, захочет почудесить,
Со страстей рехнуся я...
Шесть, семь, восемь, девять, десять —
Чешуя как чешуя...
Вот одиннадцать — все лица, —
Вот собаки лай и вой...
Чур меня!..» — Ну что, сестрица? —
«Раскрасавец молодой!»

IV

Помню я: старушка няня
Мне в рождественской ночи
Про судьбу мою гадала
При мерцании свечи,
И на картах выходили
Интересы да почёт.
Няня, няня! ты ошиблась,
Обманул тебя расчёт;
Но зато уже влюбился
Твой воспитанник невмочь.
Погадай мне, друг мой няня,
Нынче святочная ночь.
Что? Не будет ли свиданья,
Разговоров иль письма?
Выйдет пиковая дама
Иль бубновая сама?
Няня добрая гадает,
Грустно голову склоня;
Свечка тихо нагорает,
Сердце бьется у меня.

V

Перекрёсток, где ракитка
И стоит и спит:
Тихо ветхая калитка
За плетнём скрыпит.
Кто-то крадется сторонкой —
Санки пробегут:
И вопрос раздастся звонкой:
Как тебя зовут?..
И ответ, как голос рока,
Прозвучит врасплох:
Телогрейку им высоко
Приподнимет вздох.

<Поздняя редакция:

Перекрёсток, где ракитка
И стоит и спит...
Тихо ветхая калитка
За плетнём скрыпит.
Кто-то крадется сторонкой,
Санки пробегут —
И вопрос раздастся звонкой:
Как тебя зовут?..>

МЕЛОДИИ

1

Перлы восточные — зубы у ней,
Шелк шемаханский — коса;
Мягко и ярко, что утро весной,
Светят большие глаза.
Перси при каждом вдыханьи у ней
Так выдаются вперед,
Будто две полные чаши на грудь
Ей опрокинул Эрот;
Если же с чувством скажет: «люблю» —
Чувство и слово лови!
К этому слову — ты слов не найдёшь, —
Чувства для этой любви.

2

Как ум к ней идёт, как к ней чувство идёт,
Как чувство с умом в ней умеет сродниться,
Умеет родное найти — и на нём
Так ярко и тонко всегда отразиться.
Сквозь ставень окна серебристым лучом
Так в спальню прекрасной луна проникает,
На стол упадет — и нашедши на нём
Алмаз позабытый, с алмазом играет.

3

Не отходи от меня,
Друг мой, останься со мной!
Не отходи от меня:
Мне так отрадно с тобой...

Ближе друг к другу, чем мы,
Ближе нельзя нам и быть;
Чище, живее, сильней
Мы не умеем любить.

Если же ты — предо мной
Грустно головку склоня, —
Мне так отрадно с тобой:
Не отходи от меня!

4

Утром курится поляна,
Вьется волнистый туман,
И на развивы тумана
Весело смотрит Титан.
Шире грудей колыханье,
Локон свивается вновь, —
Слаще младое дыханье
И непорочней любовь...
Утро как сон новобрачной,
Пóлно стыда и огня —
Всё, что вечор было мрачно,
Ясно в сиянии дня.

5

Тихая, звездная ночь...
Трепетно светит луна:
Сладки уста красоты
В тихую, звездную ночь.

Дева — радость любви!
Звезды что очи твои:
В небе луна и в воде,
Будто печаль и любовь.

Друг мой! я звезды люблю
И от печали не прочь,
Ты же еще мне милей
В тихую, звездную ночь.

<Поздняя редакция:

Тихая, звездная ночь,
Трепетно светит луна;
Сладки уста красоты
В тихую, звездную ночь.

Друг мой! в сияньи ночном
Как мне печаль превозмочь?..
Ты же светла, как любовь,
В тихую, звездную ночь.

Друг мой! я звезды люблю —
И от печали не прочь...
Ты же еще мне милей
В тихую, звездную ночь.>

6

Я полон дум, когда, закрывши вежды,
Внимаю шум
Младого дня и молодой надежды:
Я полон дум.
Я всё с тобой, когда рука неволи
Владеет мной —
И целый день, будь ясно ли, темно ли —
Я всё с тобой.
Я жду тебя под сладкий шум фонтана,
И потопя
Туда глаза, где крадется Диана —
Я жду тебя.

<Поздняя редакция:

Я полон дум, когда, закрывши вежды,
Внимаю шум
Младого дня и молодой надежды;
Я полон дум.
Я всё с тобой, когда рука неволи
Владеет мной —

И целый день, туманно ли, светло ли, —
Я всё с тобой.
Вот месяц всплыл в своем сияньи дивном
На высоты,
И водомет в лобзаньи непрерывном, —
О, где же ты? >

7

Буря на не́бе вечернем,
Моря сердитого шум —
Буря на мо́ре и думы,
Много мучительных дум —
Буря на море и думы,
Хор возрастающих дум —
Черная туча за тучей,
Моря сердитого шум.

8

Давно ль под волшебные звуки
Носились по зале мы с ней?
Теплы были нежные руки,
Теплы были звезды очей.

Вчера пели песнь погребенья,
Без крыши гробница была;
Закрывши глаза, без движенья, —
Она под парчою спала.

Я спал... над постелью моею
Стояла луна мертвецом:
Под чудные звуки мы с нею
Носились по зале вдвоём.

9

NOCTURNO

Ты спишь один, забыт на месте диком,
Старинный монастырь!
Твой свод упал; кругом летают с криком
Сова и нетопырь.

И стёкол нет, и свищет вихорь ночи
Во впадину окна,
Да плющ растёт, да устремляет очи
Полночная луна.

И кто-то там мелькает в свете лунном,
Блестит его убор —
И слышатся на по́мосте чугунном
Шаги и звуки шпор.

И грустную симфонию печали
Звучит во тьме орган...
То тихо всё, как будто вечно спали
И стены и орган.

10

Когда я блестящий твой локон целую
И жарко дышу так на милую грудь, —
Зачем говоришь ты про деву иную
И в очи мне прямо не смеешь взглянуть?
Хоть вечер и близок, не бойся! От стужи
Тебя я в широкий свой плащ заверну —
Луна не в тумане, а звезд хоть и много,
Но мы заглядимся с тобой на одну.
Хоть в сердце не веруй... хоть веруй в мгновенье,
И взор мой, и трепет, и лепет пойми —
И жарким лобзаньем спаливши сомненье,
Ревнивая дева, меня обойми!

11

В руке с тамбурином, в глазах с упоеньем —
Ты гнёшься и вьёшься, плывёшь и летишь:
Так чуткая травка под грёзы Эола,
Под сонную арфу качается в тишь.
Так в теле, так в членах, объятых забвеньем,
Одно безусталое сердце стучит,
В тот час, как при звездах, недвижных, холодных
Одна яркой искрою к бездне летит.

12

Я узна́ю тебя и твой белый вуаль,
Где роняет цветы благовонный миндаль,
За решёткою сада, с лихого коня,
И в ночи при луне, и в сиянии дня;
И гитару твою далеко слышу я,
Под журчанье фонтана и песнь соловья...
Днем и ночью гляжу сквозь решётку я вдаль —
Не мелькнёт ли в саду белоснежный вуаль.

13

Мы ехали двое... Под нею
Шел мерно и весело мул;
Мы въехали молча в аллею,
И луч из-за мирты блеснул.
Все гроздья по тёмной аллее
Зажглися прощальным огнём —
Горят всё светлее, алее,
И вот мы в потёмках вдвоём.
Не бойтесь, синьора! Я с вами —
И ручку синьоры я взял,
И долго, прильнувши устами,
Я ручку ее целовал.

14

За красавицу соседку,
За глаза ея —
Виноградную беседку
Не забуду я.
Помню ветреной смуглянки
Резкий, долгий взор —
Помню милой итальянки
Утренний убор...
Жаркой груди половину,
Смоль ея кудрей —
И плетёную корзину
На руке у ней.
И прозрачной тени сетку
На лице ея —
Виноградную беседку
Не забуду я.

15

Тёплым ветром потянуло,
Смолк далёкий гул...
Поле тусклое уснуло,
Гуртовщик уснул.
В загородке улеглися
И жуют волы,
Звезды частые зажглися
По навесу мглы.
Только хор свой огибает
Месяц золотой,
Только стадо обегает
Пёс сторожевой.
Да и тот задремлет чутко —
Не усну лишь я...
Огонёк блеснул... малютка
Верно ждет меня.

<Поздняя редакция:

Тёплым ветром потянуло,
Смолк далекий гул,
Поле тусклое уснуло,
Гуртовщик уснул.
В загородке улеглися
И жуют волы,
Звезды частые зажглися
По навесу мглы.
Только выше всё всплывает
Месяц золотой,
Только стадо обегает
Пёс сторожевой.
Редко, редко кочевая
Тучка бросит тень...
Неподвижная, немая
Ночь светла, как день. >

16

Между счастием вечным твоим и моим
Бесконечное, друг мой, пространство,
Не клянись мне, я верю: я точно любим,
И похвально твое постоянство;
Я и сам и люблю, и ласкаю тебя.
Эти локоны чудно-упруги!
Сколько веры в глазах!.. Я скажу не шутя:
Мне не выбрать милее подруги.
Но к чему тут обман? Говорим что хотим;
И к чему осторожное чванство?
Между счастием вечным твоим и моим
Бесконечное, друг мой, пространство.

17

Если зимнее небо звездами горит
И мечтательно светит луна,
Предо мною твой образ, твой дивный скользит,
Предо мною ты вся создана.

И светла, и легка, ты несёшься туда.
Я гляжу и молю хоть следов.
И светла, и легка — но зато ни следа;
Только грудь обуяет любовь.
И летел бы, летел за красою твоей.
И пускай в небе звезды горят,
И быстрей, и светлей мириады лучей
На пылинки ночные глядят.

18

Полуночные образы реют,
Блещут искрами ярко впотьмах;
Но глаза различить не умеют,
Много ль их на тревожных крылах.
Полуночные образы стонут,
Как больной в утомительном сне,
И всплывают, и стонут, и тонут;
Но о чем это стонут оне?
Полуночные образы воют,
Как духов испугавшийся пёс.
Я боюся, они мне откроют,
Что я сам их призыв произнёс.

<Поздняя редакция:

Полуночные образы реют,
Блещут искрами ярко впотьмах,
Но глаза различить не умеют,
Много ль их на тревожных крылах.
Полуночные образы стонут,
Как больной в утомительном сне,
И всплывают, и стонут, и тонут —
Но о чем это стонут оне?
Полуночные образы воют,
Как духов испугавшийся пёс;
То нахлынут, то бездну откроют,
Как волна обнажает утёс.>

19

Я долго стоял неподвижно,
В далёкие звезды вглядясь, —
Меж теми звездами и мною
Какая-то связь родилась.
Я думал... не помню, что думал;
Я слушал таинственный хор,
И звезды тихонько дрожали,
И звезды люблю я с тех пор...

20

Шумела полночная вьюга
В лесной и глухой стороне;
Мы сели с ней друг подле друга —
Валежник свистал на огне.
И наших двух теней громады
Лежали на красном полу,
А в сердце ни искры отрады
И не́чем прогнать эту тьму!
Берёзы скрипят за стеною,
Сук ели трещит смоляной...
О, друг мой! скажи, что́ с тобою?
Я знаю давно, что́ со мной.

21

Улыбка томительной скуки
Средь общей веселия жажды...
Вы, полные, сладкие звуки —
Знать сердцу не слушать их дважды...
Зачем же за тающей скрипкой
Так сердце в груди встрепенулось,
Как будто знакомой улыбкой
Минувшее вдруг улыбнулось?
Так томно и грустно — небрежно
В свой мир расцвечённый уносит
И ластится к сердцу так нежно,

И так умилительно просит?
Под сладостный голос родного,
В заветной святыне раздумья,
Так много трепещет былого,
И молит у сердца безумья;
Но едкие слёзы разлуки
Душевной не уняли жажды —
Вы, полные, сладкие звуки,
Знать сердцу не слушать их дважды!..

<Поздняя редакция:

Улыбка томительной скуки
Средь общей веселия жажды...
Вы, полные, сладкие звуки, —
Знать, вас не услышать мне дважды!
Зачем же за тающей скрипкой
Так сердце в груди встрепенулось,
Как будто знакомой улыбкой
Минувшее вдруг улыбнулось?
Так томно и грустно-небрежно
В свой мир расцвечённый уносит,
И ластится к сердцу так нежно,
И так умилительно просит?>

22

СЕРЕНАДА

Тихо вечер погарает,
Горы золотя;
Знойный воздух холодает —
Спи мое дитя.
Соловьи давно запели,
Сумрак возвестя;
Струны робко зазвенели —
Спи мое дитя.
Блещут ангельские очи,
Трепетно светя;

Так легко дыханье ночи —
Спи мое дитя.
Так легко и так привольно
Страсти укротя,
В сердце вымолвишь невольно:
Спи мое дитя.

<Поздняя редакция:

Тихо вечер догорает,
Горы золотя;
Знойный воздух холодает —
Спи, мое дитя.

Соловьи давно запели,
Сумрак возвестя;
Струны робко зазвенели —
Спи, мое дитя.

Смотрят ангельские очи,
Трепетно светя;
Так легко дыханье ночи —
Спи, мое дитя.>

23

Тихо ночью на степи;
Небо ей сказало: спи!
И курганы спят;
Звезды ж крупные в лучах
Говорят на небесах:
Вечный Свят, Свят, Свят!
В небе чутко и светло.
Неподвижное крыло
За плечом молчит,
Нет движенья; лишь порой
Бриллиантовой слезой
Ангел пролетит.

24

За кормою струйки вьются,
Мы несёмся в челноке,
И далёко раздаются
Звуки Нормы по реке.
Млечный путь глядится в воду —
Светлый праздник светлых лет!
Я веслом прибавил ходу,
И луна бежит вослед.
Поневоле песни льются:
Ты с гитарою в руке,
И далёко раздаются
Звуки Нормы по реке.

25

ИЗ БАЙРОНА

О солнце глаз бессонных — звездный луч,
Как слёзно ты дрожишь меж дальних туч.
Сопутник мглы — блестящий страж ночной,
Как по былом тоска сходна с тобой,
Так светит нам блаженство давних лет,
Горит, а всё не греет этот свет;
И гостья дум воздушная видна,
Но далеко — ясна, но холодна.

26

ИЗ МУРА

Прощай, Тереза! Печальные тучи,
Что томным покровом луну облекли,
Ещё помешают улыбке летучей,
Когда твой любовник уж будет вдали.
Как эти тучи, я долгою тенью
Мрачил твое сердце и жил без забот.
Сошлись мы — как верила ты наслажденью,
Как верила счастью — о Боже! и вот,

Теперь — свободна ты, диво созданья:
Скорее тяжелый свой сон разгоняй;
Смотри! и луны уж прошло обаянье,
И тучи минуют; — Тереза, прощай!

27

Мы одни; из сада в стёкла окон
Светит месяц... тусклы наши свечи;
Твой душистый, твой послушный локон,
Развиваясь, падает на плечи.
Что ж молчим мы? или самовластно
Царство тихой, светлой ночи майской?
Иль поет и ярко так и страстно
Соловей над розою китайской?
Знать, цветы, которых нет заветней,
Распустились в неге своевольной?
Знать, и кактус побелел столетний,
И банан, и лотос богомольной?
Иль проснулись птички за кустами,
Там, где ветер колыхал их гнезды?
И дрожа ревнивыми лучами,
Ближе, ближе к нам нисходят звезды?
На суку извилистом и чудном,
Пестрых сказок пышная жилица,
Вся в огне, в сияньи изумрудном,
Над водой качается жар-птица;
Расписные раковины блещут
В переливах чудной позолоты,
До луны жемчужной пеной мещут
И алмазной пылью водомёты.
Листья по́лны светлых насекомых,
Всё растет и рвется вон из меры;
Много снов проносится знакомых
И на сердце много сладкой веры.
Переходят радужные краски,
Раздражая око светом ложным;
Миг ещё... и нет волшебной сказки,
И душа опять полна возможным.
Мы одни; из сада в стёкла окон
Светит месяц... тусклы наши свечи.

Твой душистый, твой послушный локон,
Развиваясь, падает на плечи.

<Поздняя редакция:

ФАНТАЗИЯ

Мы одни; из сада в стёкла окон
Светит месяц... тусклы наши свечи;
Твой душистый, твой послушный локон,
Развиваясь, падает на плечи.
Что ж молчим мы? или самовластно
Царство тихой, светлой ночи мая?
Иль поет и ярко так, и страстно
Соловей, над розой изнывая?
Иль проснулись птички за кустами,
Там, где ветер колыхал их гнезды,
И, дрожа ревнивыми лучами,
Ближе, ближе к нам нисходят звезды?
На суку извилистом и чудном,
Пёстрых сказок пышная жилица,
Вся в огне, в сияньи изумрудном,
Над водой качается жар-птица.
Расписные раковины блещут
В переливах чудной позолоты,
До луны жемчужной пеной мещут
И алмазной пылью водомёты.
Листья полны светлых насекомых,
Всё растет и рвется вон из меры,
Много снов проносится знакомых,
И на сердце много сладкой веры.
Переходят радужные краски,
Раздражая око светом ложным;
Миг еще — и нет волшебной сказки,
И душа опять полна возможным.
Мы одни; из сада в стёкла окон
Светит месяц... тусклы наши свечи;
Твой душистый, твой послушный локон,
Развиваясь, падает на плечи.>

28

Недвижные очи, безумные очи,
Зачем вы средь дня и в часы полуночи
Так жадно вперяетесь вдаль?
Ужели вы в том потонули минувшем,
Давно и мгновенно пред вами мелькнувшем,
Которого сердцу так жаль?
Не вам возродить, чего нет и что было,
Что́ сердце, как святость, в себе схоронило
На самое тёмное дно;
Не вам допросить у случайности жадной,
Куда она скрыла рукой беспощадной,
Что́ было так щедро дано.

29

Весеннее небо глядится
Сквозь ветви мне в очи случайно,
И тень золотая ложится
На воды блестящего Майна.
Вдали огонёк одинокой
Трепещет под сумраком липок,
Исполнена тайны жестокой
Душа замирающих скрипок.
Средь шума толпы неизвестной
Те звуки понятней мне вдвое:
Напомнили силой чудесной
Они мне всё сердцу родное.
Ожившая память несётся
К прошедшей тоске и веселью;
То сердце замрёт, то проснётся
За каждой безумною трелью.
Но быстро волшебной чредою
Промчалась тоскливая тайна,
И месяц бежит полосою
Вдоль вод тихоструйного Майна.

30

Как мошки зарёю,
Крылатые звуки толпятся;
С любимой мечтою
Не хочется сердцу расстаться.
Но цвет вдохновенья
Печален средь буднишних терний;
Былое стремленье
Далёко, как выстрел вечерний.
Но память былого
Всё крадется в сердце тревожно.
О, если б без слова
Сказаться душой было можно!

<Поздняя редакция:

Как мошки зарёю
Крылатые звуки толпятся;
С любимой мечтою
Не хочется сердцу расстаться.
Но цвет вдохновенья
Печален средь буднишних терний;
Былое стремленье
Далёко, как отблеск вечерний.
Но память былого
Всё крадется в сердце тревожно...
О, если б без слова
Сказаться душой было можно!>

31

Спи — ещё зарёю
Холодно и рано;
Звезды за горою
Блещут средь тумана;
Петухи недавно
В третий раз пропели,
С колокольни плавно
Звуки пролетели.

Дышут лип верхушки
Негою отрадной,
А углы подушки
Влагою прохладной.
Скоро вспыхнут тучки,
Горы и потоки,
А у бледной ручки
Молодые щёки.

<Поздняя редакция:

Спи — еще зарёю
Холодно и рано;
Звезды за горою
Блещут средь тумана;
Петухи недавно
В третий раз пропели,
С колокольни плавно
Звуки пролетели.
Дышат лип верхушки
Негою отрадной,
А углы подушки
Влагою прохладной.>

32

VEILLE SUR CE QUE J'AIME

Бди над тем, что сердцу мило,
Неизменное светило —
Звездочка моя.
Светлых снов и благодати
Ей, как спящему дитяти,
Умоляю я!
Свод небесный необъятен...
Чтоб на нём ей был понятен
Ход усталых туч,
Твой восход, твоё стремленье
И молитвенное бденье,
И дрожащий луч.

33

Как отрок зарёю
Лукавые сны вспоминает,
Я звука душою
Ищу, что в душе обитает.
Хоть в сердце нет веры
В живое преданий наследство,
Люблю я химеры,
Где рдеет румяное детство.
Быть может, что сонный
Со сном золотым встрепенётся,
Иль стих благовонный
Из уст разомкнутых польётся.

34

Свеж и душист твой роскошный венок,
Всех в нём цветов благовония слышны;
Кудри твои так обильны и пышны,
Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,
Ясного ока губительна сила.
Нет, я не верю, чтоб ты не любила:
Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок!
Счастию сердце легко предаётся:
Мне близ тебя хорошо и поётся.
Свеж и душист твой роскошный венок!

35

Младенческой ласки доступен мне лепет:
Душа откровенно так с жизнью мирится.
Безумного счастья томительный трепет
Горячим приливом по сердцу стремится.

Скажу той звезде, что так ярко сияет:
Давно не видались мы в мире широком,

Что я понимаю, на что намекает
Мне с неба она многозначущим оком.

Ты смотришь мне в очи. Ты пра́ва: мой трепет
Понятен, как луч твой, что в воды глядится.
Младенческой ласки доступен мне лепет:
Душа откровенно так с жизнью мирится.

ВЕЧЕРА И НОЧИ

I

Право, от полной души я благодарен соседу.
Славная вещь — под окном в клетке держать соловья...
Грустно в неволе певцу, но чары сильны у природы!
Только прощальным огнём озлатятся кресты на церквах,
И в расцветающий сад за высоким, ревнивым забором
Вечера свежесть вдыхать выйдет соседка одна —
Веспера тайны в певце пробудят желание воли
И под окном соловей громко засвищет любовь.
Что за чело у нее! за атласные плечи и руки!
Что за янтарный отлив на роскошных извивах волос!
Стан — загляденье! притом, какая вертлявая ножка!
Впрочем, зачем мне роптать на высокий забор? В эту щель
Может быть, лучше она мне кажется. Труд наслажденья
Цену ему самому удвояет... Но вечер настал...
Что ж не поет соловей, или что ж не выходит соседка?..
Может, сегодня мы все трое друг друга поймём.

<Поздняя редакция:

Право, от полной души я благодарен соседу:
Славная вещь — под окном в клетке держать соловья.
Грустно в неволе певцу, но чары сильны у природы!
Только прощальным огнём озлатятся кресты на церквах
И в расцветающий сад за высоким, ревнивым забором
Вечера свежесть вдыхать выйдет соседка одна, —
Тени ночные в певце пробудят желание воли,
И под окном соловей громко засвищет любовь.
Что за головка у ней, за белые плечи и руки!
Что за янтарный отлив на роскошных извивах волос!
Стан — загляденье! притом какая лукавая ножка!
Будто бы дразнит, мелькая... Но вечер давно уж настал...
Что ж не поёт соловей или что ж не выходит соседка?..
Может, сегодня мы все трое друг друга поймём.>

II

Вдали огонёк за рекою,
Вся в блестках струится река;
На лодке весло удалое,
На цепи не видно замка.
Никто мне не скажет: «Куда ты
Поехал, куда загадал?»
Шевелись же весло, шевелися —
А берег во мраке пропал!
Да что же? Зачем бы не ехать?
Дождешься ль вечерней порой
Опять и желанья, и лодки,
И весла, и огня за рекой?

III

Я люблю многое, близкое сердцу,
Только редко люблю я...
Чаще всего мне приятно скользить по заливу
Так — забываясь
Под звучную меру весла,
Омочённого пеной шипучей...
Да смотреть, много ль отъехал
И много ль осталось,
Да не видать ли зарницы...
Изо всех островков,
На которых редко мерцают
Огни рыбаков запоздалых,
Мил мне один предпочтительно...
Красноглазый кролик
Любит его;
Гордый лебедь, каждой весною,
С протянутой шеей, летает вокруг
И садится у брега
На тихие воды.
Над обрывом утёса
Растет, помавая ветвями,
Широколиственный дуб.
Сколько уж лет тут живёт соловей!
Он поет по зарям,

Да и позднею ночью, когда
Месяц обманчивым светом
Сребрит и волны и листья...
Он не молкнет, поёт
Всё громче и громче.
Странные мысли
Приходят тогда мне на ум:
Что это — жизнь или сон?..
Счастлив я или только обманут?
Нет ответа...
Мелкие волны что-то шепчут с кормою,
Весло недвижимо,
И на́ небе ясном высоко сверкает зарница.

IV

Скучно мне вечно болтать о том, что́ высоко, прекрасно;
Все эти толки меня только к зевоте ведут...
Бросив педантов, бегу с тобой побеседовать, друг мой;
Знаю, что в этих глазах, черных и умных глазах,
Больше прекрасного, чем в нескольких стах фолиантах,
Знаю, что сладкую жизнь пью с этих розовых губ.
Только пчела узнает в цветке затаённую сладость,
Только художник на всём чует прекрасного след.

V

Долго еще прогорит Веспера скромная лампа;
Но уже светит с небес девы изменчивый лик,
Тонкие змейки сребра блещут на влаге уснувшей,
Звездное небо во мгле дальнего облака ждёт.
Вот потянулось оно, лёгкому ветру послушно,
Скрыло богиню, и мрак сладостный землю покрыл.

VI

Я жду... Соловьиное эхо
Несётся с блестящей реки,
Трава при луне в бриллиантах,
На тмине горят светляки.

Я жду... Тёмно-синее небо
И в мелких, и в крупных звездах;
Я слышу биение сердца
И трепет в руках и в ногах.
Я жду... Вот повеяло с юга,
Тепло мне стоять и идти;
Звезда покатилась на запад...
Прости, золотая, прости!

VII

Здравствуй! тысячу раз мой привет тебе, ночь!
Опять и опять я люблю тебя;
Тихая, тёплая,
Серебром окаймленная!
Робко свечу потушив, подхожу я к окну...
Меня не видать, зато сам я всё вижу...
Дождусь, непременно дождусь:
Калитка вздрогнет, растворяясь,
Цветы, закачавшись, сильнее запахнут, и долго,
Долго при месяце будет мелькать покрывало.

VIII

Друг мой, бессильны слова, — одни поцелуи всесильны...
Правда, в записках твоих весело мне наблюдать,
Как прилив и отлив мыслей и чувства мешают
Ручке твоей поверять то и другое листку;
Правда, и сам я пишу стихи, послушный богине;
Много и рифм у меня, много размеров живых...
Но меж ними люблю я рифмы взаимных лобзаний,
С нежной цезурою уст, с вольным размером любви.

IX

Ночью как-то вольнее дышать мне,
Как-то просторней...
Даже в столице не тесно!
Окна растворишь:
Тихо и чутко

Плывёт прохладительный воздух.
А небо? а месяц?
О! этот месяц-волшебник!
Как будто бы кровли
Покрыты зеркальным стеклом,
Шпилѝ и кресты — бриллианты;
А там за луной горизонт
Чем дальше — светлей и прозрачней.
Смотришь — и дышишь,
И слышишь дыханье своё,
И бой отдалённых часов,
Да крик часового,
Да изредка стук колеса,
Или пение вестника утра.
Что бы проплыть тому облаку мимо!
На чтó ему месяц?..
Знать, уж так должно, знать, предназначено было.

<Поздняя редакция:

Ночью как-то вольнее дышать мне,
Как-то просторней...
Даже в столице не тесно!
Окна растворишь:
Тихо и чутко
Плывёт прохладительный воздух.
А небо? а месяц?
О, этот месяц-волшебник!
Как будто бы кровли
Покрыты зеркальным стеклом,
Шпилѝ и кресты — бриллианты;
А там, за луной, небосклон
Чем дальше — светлей и прозрачней.
Смотришь — и дышишь,
И слышишь дыханье свое,
И бой отдаленных часов,
Да крик часового,
Да изредка стук колеса
Или пение вестника утра.
Вместе с зарею и сон налетает на вежды,
Светел, как призрак.
Голову клонит, — а жаль от окна оторваться!>

X

Рад я дождю... От него тучнеет мягкое поле,
Лист зеленеет на ветке и воздух становится чище...
Зелени запах одну за одной из ульёв многошумных
Пчёл вызывает.
Но, что́ для меня еще лучше,
Это — когда он ея на дороге ко мне орошает!
Мокрые волосы, гладко к челу прилегая,
Так и сияют у ней; а губки и бледные ручки
Так холодны, что нельзя не согреть их, подолгу устами.
Но нестерпим ты мне ночью бессонною, Плювий Юпитер.
Лучше согласен я крыс и мышей в моей комнате слушать,
Лучше колеса пускай гремят непрестанно у окон,
Чем этот шум и удары глупых, бессмысленных капель;
Точно как будто бы птиц проклятое стадо
Сотнями ног и носов терзают железную кровлю.
Юпитер Плювий — помилуй! Расти, сколько хочешь,
цветов ты
Для прекрасной и лавров юных на кудри поэта,
Только помилуй! не бей по ночам мне в железную кровлю.

XI

Слышишь ли ты, как шумит крылами угольное стадо?
С криком летят через дом к тёплым полям журавли,
Желтые листья шумят, в березнике свищет синица.
Ты говоришь, что опять теплой дождался весны...
Друг, не сули журавля, дай лучше в руки синицу!
Разве зимой у тебя меньше ланиты цветут?..
В зеркале часто себя ты видишь с детской улыбкой,
Свой поправляя венок; так разреши мне сама,
Где у тебя на лице более жизни и страсти,
Вешним ли утром в саду, в полном сияньи зари,
Иль у огня моего, когда я боюсь, чтобы искра,
С треском прыгнув, не сожгла ножки малютки твоей?

<Поздняя редакция:

Слышишь ли ты, как шумит вверху угловатое стадо?
С криком летят через дом к тёплым полям журавли;

Жёлтые листья шумят, в березнике свищет синица.
Ты говоришь, что опять тёплой дождемся весны...
Друг мой! могу ль при тебе дожидаться блаженства
в грядущем?
Разве зимой у тебя меньше ланиты цветут?..
В зеркале часто себя ты видишь, с детской улыбкой
Свой поправляя венок; так разреши мне сама,
Где у тебя на лице более жизни и страсти;
Вешним ли утром в саду, в полном сияньи зари,
Иль у огня моего, когда я боюсь, чтобы искра,
С треском прыгнув, не сожгла ножки-малютки твоей? >

XII

Каждое чувство бывает понятней мне ночью, и каждый
Образ пугливо-немой дольше трепещет во мгле...
Самые звуки доступней, даже когда, неподвижен,
Книгу держу я в руках, сам пробегая в уме
Всё невозможно-возможное, странно-бывалое... Лампа
Томно у ложа горит, месяц смеется в окно,
А в отдалении колокол вдруг запоёт — и тихонько
В комнату звуки плывут; я предаюсь им вполне:
Сердце в них находило всегда какую-то влагу,
Точно как будто росой ночи омыты они...
Звук всё тот же поет, но с каждым порывом иначе:
То в нём меди тугой более, то серебра.
Странно, что ухо в ту пору, как будто не слушая, слышит...
В мыслях иное совсем, думы волна за волной,
А между тем еще глубже сокрытая сила объемлет
Лампу и звуки, и ночь — их сочетавши в одно:
Так посвящая все больше и больше пытливую душу,
Ночь научает ее мир созерцать и себя.

<Поздняя редакция:

Каждое чувство бывает понятней мне ночью, и каждый
Образ пугливо-немой дольше трепещет во мгле;
Самые звуки доступней, даже когда, неподвижен,
Книгу держу я в руках, сам пробегая в уме

Всё невозможно-возможное, странно-бывалое... Лампа
Томно у ложа горит, месяц смеётся в окно,
А в отдалении колокол вдруг запоёт — и тихонько
В комнату звуки плывут; я предаюсь им вполне.
Сердце в них находило всегда какую-то влагу,
Точно как будто росой ночи омыты они.
Звук всё тот же поет, но с каждым порывом иначе:
То в нем меди тугой более, то серебра.
Странно, что ухо в ту пору, как будто не слушая, слышит;
В мыслях иное совсем, думы — волна за волной...
А между тем ещё глубже сокрытая сила объемлет
Лампу, и звуки, и ночь, их сочетавши в одно.
Так между влажно-махровых цветов снотворного маку
Полночь роняет порой тайные сны наяву.>

XIII

Любо мне в комнате ночью стоять у окошка в потёмках,
Если луна с высоты прямо глядит на меня,
И, проникая стекло, нарисует квадраты лучами
По полу, — комнату всю дымом прозрачным поя;
А за окошком в саду между листьев сирени и липы,
Черные группы деля, зыбким находит лучом
Все промежутки — и вниз ее золоченые стрелы
Ярким стремятся дождем, иль одинокий листок
Лунному свету мешает рассыпаться по́-земи; сам же,
Светом осыпанный весь, чёрен дрожит на тени.
Я восклицаю: блажен, трижды блажен, о Диана!
Кто всемогущей судьбой в тайны твои посвящён.

XIV

Летний вечер тих и ясен;
Посмотри, как дремлют ивы,
Запад неба бледно-красен
И реки блестят извивы.
От вершин скользя к вершинам,
Ветр ползёт лесною высью.
Слышишь ржанье по долинам:
То табун несётся рысью.

Да оставь окно в покое,
Подожди еще немножко —
Я не знаю, что такое,
Полетел бы из окошка.

<Поздняя редакция:

Летний вечер тих и ясен;
Посмотри, как дремлют ивы;
Запад неба бледно-красен,
И реки блестят извивы.
От вершин скользя к вершинам,
Ветр ползет лесною высью.
Слышишь ржанье по долинам:
То табун несется рысью.>

XV

Что за вечер, а ручей
Так и рвется;
Как зарёй-то соловей
Раздаётся.
Месяц светом с высоты
Обдал нивы,
А в овраге блеск воды,
Тень да ивы.
Знать, давно в плотине течь;
Доски гнилы;
А нельзя здесь не прилечь
На перилы.
Так-то всё весной живет!
В роще, в поле
Всё трепещет и поёт
Поневоле.
Мы замолкнем, что в кустах
Хоры эти —
Придут с песнью на устах
Наши дети;
А не дети, так пройдут
С песнью внуки:
К ним с весною низойдут
Те же звуки.

ТАЛИСМАН

ТАЛИСМАН

I

Октавами и повесть, признаюсь!
И, полноте, ну что я за писатель?
У нас беда — и, право, я боюсь,
Так, ни за что, услышишь: подражатель!
А по размеру, я на вас сошлюсь,
И вы нередко судите, читатель.
Но что же делать? Видно, так и быть:
Бояться волка — в лес нельзя ходить.

II

Вы знаете, деревню я люблю
И зимний быт. Плохой я горожанин.
Я этой жизни душной не терплю,
И повестью напомню образ Танин,
Сугробами деревню завалю,
Как некогда январский «Москвитянин»...
Но, — виноват, я знаю, вам милей
Тверской бульвар неведомых полей!

III

Вас не займет отлогий косогор,
И ветхий храм с безмолвной колокольней,
И синий лес по скату белых гор;
Не станете вы внутренне довольней
Рассматривать старинный барский двор
И в тех местах молиться богомольней;
Но, верно, есть в них скрытая печаль:
Иначе что ж, — зачем же мне их жаль?

IV

Там у меня ни близких, ни родни,
Но, знать, душе напомнили те горы
Места иные, где в былые дни
Звучали в замках рыцарские шпоры,
Блистали в окнах яркие огни
И дамские роскошные уборы
И где теперь — давно ли был я там? —
Ни зал, ни шпор, ни благородных дам.

V

Да, всё пройдет своею чередой!
Давно ли он, романтиков образчик,
Про степь и глушь беседовал со мной?
Он был и славный малый, и рассказчик;
Но вот вся жизнь его покрыта мглой,
Он сам давно улегся в долгий ящик.
Но помню я в его рассказах ночь:
Я вам рассказ тот передам точь-в-точь.

VI

— Шестнадцать лет, я помню, было мне.
Близ той деревни жил и я когда-то.
Не думайте, что я герой вполне,
Что жизнь моя страданьями богата.
Пришла пора — и вздумалось родне
Почти ребенка превратить в солдата.
Казалось, вдаль стремился я душой,
Но я любил, то был обман пустой.

VII

Кто юных лет волнения не знал
И первой страсти, пылкой, но послушной,
Во дни надежд о счастьи не мечтал
С веселием улыбки простодушной,
И кто к ногам судьбы не повергал
Кровавых жертв любви великодушной?

И всё пройдет, — нельзя же век любить;
Но есть и то, чего нельзя забыть.

VIII

Пора, пора из теплого гнезда
На зов судьбы далекий подниматься!
Смеркался день, вечерняя звезда
Вдали зажглась; я начал одеваться.
До их села недальняя езда;
Перед отъездом должно распрощаться.
Готова тройка, порский снег взвился,
И колокольчик жалко залился.

IX

«Пошел, пошел! всего верст двадцать пять;
Да льдом поедем: там езда ровнее.
Смотри, чтоб нам в село не опоздать,
Хотя домой приедем и позднее.
Ты коренной-то не давай скакать».
Я нашей тройки не видал дружнее
(И вам, я чай, случалось ездить льдом);
Да вот и церковь, вот господский дом!

X

Не стану я описывать фасад
Старинного их дома. Из гостиной
В стекло балкона виден голый сад
С беседкою и сонною куртиной.
Признаться вам, ребяческий мой взгляд
Тогда иною занят был картиной,
И маменьке, хозяйке дома, чуть
Я не забыл примолвить что-нибудь.

XI

Зато она рассыпала слова...
(За хлеб и соль ее хвалили миром)
Радушная соседка и вдова,
Как водится, была за бригадиром;
Ее сынок любимый (голова!)
Жил в отпуску усатым кирасиром.
Где он теперь, не знаю, право, я;
Но что за дочки! — Чудная семья!

XII

Их было две. Нам должно их назвать:
Пожалуй, мы хоть старшую Варварой,
Меньшую Александрой станем звать.
Они прекрасны были. Чудной парой,
Для всех заметно, любовалась мать;
Хоть иногда своей красою старой
Блистать хотела, что греха таить!
Но женщине как это не простить?

XIII

Мы младшую оставим: что нам в ней?
Она блондинка стройная, положим,
Но этот взгляд и смысл ее речей —
Всё говорит, что и лицом пригожим,
И талией горда она своей,
Что весело ей нравиться прихожим.
Зато Варвара — томная луна,
Как ты была прекрасна и скромна!

XIV

Ее не раз и прежде я видал,
Когда случался близко у соседства
Какой-нибудь необычайный бал
По случаю крестин или наследства;
Но в этот миг в душе припоминал
Я образ, мне знакомый с малолетства, —

И не ошибся: в городе одном
Мы с ними жили, рядом был их дом.

XV

Что ж можно лучше выдумать? — И мать
Припомнила ту счастливую пору
И прочее. Я должен был внимать
Хозяйки доброй искреннему вздору.
Сынок меня придумал занимать:
Велел привесть любимую мне свору, —
И я хвалил за стать его борзых.
А мне, признаться, было не до них.

XVI

Я и забыл: день святочный был то.
Зажгли огни; мы с Варенькой сидели;
Большое блюдо было налито,
Дворовые над блюдом песни пели,
И сердце ими было занято,
С гаданьями предчувствия кипели.
Я посмотрел на милое лицо...
И за меня она дала кольцо.

XVII

С каким отрадным страхом я внимал
Тех вещих песен роковому звуку!
Но вот мое кольцо — я услыхал
В моем припеве близкую разлуку:
Как будто я давно о том не знал!
Но Варенька мне тихо сжала руку,
И капли слез едва сдержать я мог;
Но улетел неосторожный вздох.

XVIII

Другой сосед приехал — он жених.
Но стол готов в диванной с самоваром,
И Варенька исчезла. В этот миг

Сосед-жених мне был небесным даром:
Им занялись. Я ускользнул от них.
«Вы не в столовой?» — Обдало как варом
Меня от этих слов... Но этот взор!..
О, я вполне ей верил с этих пор!

XIX

Мы говорили бог знает о чем:
Скучают ли они в своем именьи,
О сельском лете, о весне, потом
О Шиллере, о музыке и пеньи.
«Я вам спою... Скажите, вам знаком
Романс такой-то?» — В сладком упоеньи
Едва-едва касался я земли...
Но чай простыл, и самовар снесли.

XX

В столовую я вышел... Боже мой,
Какое счастье: заняты гаданьем!
И я прошел нарочно пред толпой
И тихо скрылся. Чудным обаяньем
Меня влекло за двери. За стеной
Дрожали струны сладостным бряцаньем...
Нет, я не в силах больше, не могу —
На тайный зов я к милой побегу.

XXI

Серебряная ночь гляделась в дом...
Она без свеч сидела за роялью.
Луна была так хороша лицом
И осыпала пол граненой сталью;
А звуки песни разлились кругом
Какою-то мучительной печалью:
Всё вместе было чувства торжество,
Но то была не жизнь, а волшебство.

XXII

И, сам не свой, я, наклоняясь, чуть
Не покрывал кудрей ее лобзаньем,
И жаждою моя горела грудь,
Хотелось мне порывистым дыханьем
Всю душу звуков сладостных вдохнуть —
И выдохнуть с последним издыханьем!
Дрожали звуки на ее устах,
Дрожали слезы на ее глазах.

XXIII

«Вы знаете,— сказала мне она,—
Что я владею чудным талисманом?
Хотите ли, я буду вам видна
Всегда, везде, с луною, за туманом?»
Несбыточным была душа полна,
Я счастлив был ребяческим обманом.
Что б ни было — я верил всей душой, —
И для меня слилась она с луной.

XXIV

Я был вдали, ее я позабыл,
Иные страсти овладели мною;
Я даже снова искренно любил,—
Но каждый раз, когда ночной порою
Засветится воздушный хор светил,—
Я увлечен волшебницей луною.
<Тревожит луч мне язвы старых ран
И помню я могучий талисман.>

БАЛЛАДЫ

ЗМЕЙ

Чуть вечернею росою
Осыпается трава,
Чешет косу, моет шею
Чернобровая вдова,
И не сводит у окошка
С неба тёмного очей,
И летит, свиваясь в кольца,
В ярких искрах длинный змей.
И шумит всё ближе, ближе,
И над вдовьиным двором,
Над соломенною крышей
Рассыпается огнём.
И окно тотчас затворит
Чернобровая вдова;
Только слышатся в светлице
Поцалуи да слова.

СИЛЬФЫ

Ночную фиалку лобзает Зефир,
И сладостно цвет задышал,
Я слышу бряцание маленьких лир;
Луну я в росинке узнал.

И светлая капля дрожит теплотой,
И мещет сиянье вокруг,
И сильфы собрались веселой толпой
С улыбкой взглянуть на подруг.

И крошка Сильфида взяла светляка
На пальчик. Он вьется как змей.
Как ярко лицо и малютка рука
Сияньем покрылись у ней.

Но, чу! кто-то робко ударил в тимпан!
Лучей вам нельзя превозмочь!
И весь упоенный раскрылся тюльпан
В последнюю сладкую ночь.

Но вот уж навстречу грядущему дню
Готовы цветов олтари,
И сильфы с улыбкой встречают родню
И светлого друга зари.

ВАМПИР

Почти ребёнком я была,
Все любовались мной;
Мне шли и кудри по плечам,
И фартучек цветной;
Любила мать смотреть, как я
Молилась поутру,
Любила слушать, если я
Певала ввечеру.
Чужой однажды посетил
Наш тихий уголок:
Он был так нежен и умён,
Так строен и высок.
Он часто в очи мне глядел
И тихо руку жал,
И тайно глаз мой голубой
И кудри целовал.
И помню, стало мне вокруг
При нем всё так светло,
И стало мутно в голове,
И на́ сердце тепло.
Летели дни... промчался год...
Настал последний час —
Ему шепнула что-то мать,
И он оставил нас.
И долго, долго мне пришлось
И плакать, и грустить;
Но я боялася о нём
Кого-нибудь спросить.
Однажды вижу: милый гость,

Припав к устам моим,
Мне говорит: «Не бойся, друг,
Я для других незрим».
И с этих пор — он снова мой,
В объятиях моих,
И страстно, крепко он меня
Целует при других.
Все говорят, что яркий цвет
Ланит моих больной...
Им не узнать, как жарко их
Целует милый мой.

МЕТЕЛЬ

Ночью буря разозлилась,
Крыша снегом опушилась,
И собаки — по щелям.
Липнет глаз от резкой пыли,
И огни уж потушили
Вдоль села по всем дворам.

Лишь в избушке, за дорогой,
Одинокий и убогий
Огонек в окне горит.
В той избушке только двое.
Кто их знает, что такое
Брат с сестрою говорит:

«Помнишь то, что, умирая,
Говорила нам родная
И родимый — отвечай?
Вот теперь, что день, то гонка,
И крикливого ребенка,
Повек девкою, качай.

И когда же вражья сила
Вас свела? Ведь нужно ж было
Завертеться мне в извоз!..
Иль ответить не умеешь?
Что молчишь и что бледнеешь?
Право, девка, не до слёз!».

«Братец милый, ради Бога,
Не гляди в глаза мне строго:
Я в ночи тебя боюсь».
«Хоть ты бойся, хоть не бойся,
А сойдусь — не беспокойся,
С ним по-свойски разочтусь!».

Ветер пуще разыгрался;
Кто-то в избу постучался.
«Кто там?» — брат в окно спросил.
«Я прохожий — и от снега
До утра ищу ночлега» —
Чей-то голос говорил.

«Что ж ты руки-то поджала?
Люльку вдоволь, чай, качала.
Хоть грусти, хоть не грусти;
Нет меня — так нет и лени.
Побеги проворней в сени,
Да прохожего впусти».

Чрез порог ступил прохожий.
Помолясь на образ Божий,
Поклонился брату он;
А сестре как поклонился,
Да взглянул, остановился,
Точно громом поражён.

Все молчат; сестра бледнеет,
Никуда взглянуть не смеет;
Исподлобья брат глядит;
Всё молчит; лучина с треском
Лишь горит багровым блеском
Да по кровле ветр шумит.

ДОЗОР

Из беседки садовой воевода багровой
В замок вбег — еле дух переводит;
Дёрнул занавес — что́ же? Глядь на женино ложе —
Задрожал — никого не находит.

Он поник головою и дрожащей рукою
Сивый ус покрутил он угрюмо;
Взором ложе окинул, рукава в тыл закинул,
И позвал казака он Наума.

«Гей ты, хамово племя! отчего в это время
У ворот нет ни пса, нет ни дворни?
Видишь сумку барсучью, да винтовку гайдучью,
Да подай карабин мой проворней».

Взяли ружья, помчались, до ограды подкрались,
Где беседка стоит садовая.
На скамейке из дерна что-то бело и чёрно:
То сидела жена молодая.

Белой ручки перстами, скрывши очи кудрями,
Грудь сорочкой она прикрывала,
А другою рукою от колен пред собою
Плечи юноши прочь отклоняла.

Тот, к ногам преклоненный, говорит ей смущенный:
«Так конец и любви и надежде!
Так за эти объятья, за твои рукожатья
Заплатил воевода уж прежде!

Сколько лет я вздыхаю, той же страстью сгораю
И удел мой страдать бесконечно;
Не любил, не страдал он, лишь казной побряцал он,
И ты всё ему предана вечно.

Он, что ночь — властелином, на пуху лебедином
Старый лоб к этим персям склоняет,
И с ланит воспаленных, и с кудрей благовонных
Мне запретную сладость впивает.

Я ж, коня оседлавши, да луну обождавши,
Тороплюся по хладу ненастья,
Чтоб встречаться стенаньем и прощаться желаньем
Доброй ночи и долгого счастья».

Не пленивши ей слуха, он уж шепчет на ухо,
Знать, иные мольбы и заклятья,
Что она, без движенья и полна упоенья,
Пала к милому тихо в объятья.

С казаком воевода взводят разом два взвода
И патроны из сумки достали,
И скусили зубами, и в стволы шомполами
Порох с пулями плотно дослали.

«Пан, — казак замечает, — бес какой-то мешает:
Не бывать в этом выстреле толку.
Я, курок нажимавши, сыпал мимо, дрожавши,
И слеза покатилась на полку».

«Тише! выдумал вякать. Научу тебя плакать,
Только слово промолвить осмелься.
Всыпь на полку, да живо сдерни ногтем огниво
И той женщине в лоб ты прицелься.

Выше, вправо, до разу, моего жди приказу,
Молодца-то сперва на свободе».
Но казак не дождался, громко выстрел раздался
И прямехонько в лоб — воеводе.

ГЕРА И ЛЕАНДР

Бледен лик твой, бледен, дева!
Средь упругих волн напева
Я люблю твой бледный лик.
Под окном на всём просторе
Только море — только в море
Волн кочующий родник.
Тихо. — Море голубое
Взору жадному в покое
Каждый луч передаёт.
Что ж там в море — чья победа?
Иль в зыбях вторая Леда,
Лебедь-бог к тебе плывет?
Не бессмертный, не бессонный,
Нет, то юноша влюблённый
Проложил отважный путь,
И полна огнём желаний
Волны взмахом крепкой длани
Молодая режет грудь.
Меркнет день; из крайней тучи

Вдоль пучины ветр летучий
Направляет шаткий бег,
И под молнией багровой
Страшный вал белоголовый
С рёвом прыгает на брег.
Где ж он, Гера? с бездной споря,
Удушающего моря
Он свиданьем дорожит!
Хоть бесстрастен, хоть безгласен,
Но по-прежнему прекрасен,
Он у ног твоих лежит.
Бледен лик твой, бледен, дева!
Средь упругих волн напева
Я люблю твой бледный лик.
Под окном на всём просторе
Только море — только в море
Волн кочующий родник.

ВОРОТ

Спать пора, свеча сгорела;
Да и ты, моя краса,
Голова отяжелела:
Кудри лезут на глаза.
Стань вон тут перед иконы,
Я постельку стану стлать.
Не спеши же класть поклоны,
Богородицу читать.
Видишь, глазки-то бедняжки
Так и просятся уснуть.
Только ворот у рубашки
Надо прежде расстегнуть.
«Отчего же, няня, надо?»
Надо, друг мой, чтоб тобой,
Не сводя святаго взгляда,
Любовался Ангел твой.
Твой хранитель, Ангел Божий,
Прилетает по ночам,
Как и ты, дитя, пригожий,
Только крылья по плечам.
Коль твою он видит душку,

Ворот вскрыт и тих твой сон:
Тихо справа на подушку,
Улыбаясь, сядет он;
А закрыта душка, спрячет
Душку во́рот, мутны сны:
Ангел взглянет и заплачет,
Сядет с левой стороны.
Над тобой Господня сила!
Дай, я ворот распущу.
Уж подушку я крестила
И тебя перекрещу.

* * *

На дворе не слышно вьюги,
Над землей туманный пар;
Уж давно вода остыла,
Смолк шумливый самовар.
Няня старая не видит
И не слышит — всё прядет;
Мочку левою пощиплет,
Правой нитку отведёт;
А ребенок всё играет.
Как хорош он при огне!
И кудрявая головка
Отразилась на стене.
Вот задумалася няня,
Со свечи нагар сняла,
И прекрасного малютку
Ближе к свечке подвела.
«Дай-ка ручки!» Няня хочет
Посмотреть на их черты.
«Что? на пальчиках дорожки
Не кружками ль завиты?»
Няня смотрит... Вот вздохнула...
«Ничего, дитя моё!»
Вот заплакала — и плачет
Мальчик, глядя на неё.

ЛЕГЕНДА

Вдоль по берегу полями
Едет сын княжой;
Сорок отроков верхами
Следуют толпой.
Странен лик его суровой,
Всё кругом молчит,
И подкова лишь с подковой
Часто говорит.
«Разгуляйся в поле», — сыну
Говорил старик.
Знать, сыновнюю кручину
Старый взор проник.
С золотыми стремянами
Княжий аргамак;
Шемаханскими шелками
Вышит весь чепрак;
Но печален в поле чистом,
Князь себе не рад,
И не кличет громким свистом
Кречетов назад.
Он давно душою жаркой
В перегаре сил,
Всю неволю жизни яркой
Втайне отлюбил.
Полюбить успев вериги
Молодой тоски,
Переписывает книги,
Пишет кондаки.
И не раз в минуты битвы
С жизнью молодой,
В увлечении молитвы
Находил покой.
Едет он в раздумьи шагом
На лихом коне;
Вдруг пещеру за оврагом
Видит в стороне:
Там душевной жажде пищу
Старец находил,
И к пустынному жилищу
Князь поворотил.
Годы страсти, годы спора

Пронеслися вдруг,
И пустынного простора
Он почуял дух.
Слез с коня, оборотился
К отрокам спиной,
Снял кафтан, перекрестился
И махнул рукой.

СОНЕТЫ

I

О, для тебя я сделаюсь поэтом!
Готов писать и прозой, и стихами,
Распоряжаться мыслью и словами,
И рифмы в ряд нанизывать сонетом.

Да что же мне? — какая польза в этом?
Я не решусь быть низким перед вами;
Я не решуся чёрными словами
Вас выставить, запачкать перед светом.

Но если вы, поняв мои намёки,
Со страху раз помолитесь невольно,
И на́долго запомните уроки,
В которых то-то и смешно, что больно;
Поверьте, мне и этого довольно,
И одою сменю я эти строки.

II

Смотреть на вас и странно мне, и больно:
Жаль ваших взоров, ножек, ручек, плечек:
Скажите, кто вот этот человечек,
Что подле вас стоит самодовольно?

Во мне вся кровь застынет вдруг невольно,
Когда, при блеске двух венчальных свечек,
Он вам подаст одно из двух колечек;
Тогда в слезах молитесь богомольно.

Но я на вас глядеть тогда не стану,
А то, быть может, сердце содрогнётся.
К чему тревожить старую в нём рану?
А то из ней, быть может, яд польётся.
Мне только легкой поступи и стану,
Да скрытности дивиться остаётся.

III

Рассказывал я много глупых снов,
На мой рассказ так грустно улыбались;
Многозначительно при звуке странных слов
Ея глаза в глаза мои вперялись.

И время шло — я сердцем был готов
Поверить счастью. Скоро мы расстались,
И я постиг у дальних берегов,
В чем наши чувства некогда встречались.

Так слышит узник, бледный, присмирев,
Родной реки излучистый припев,
Пропетый вовсе чуждыми устами.
Он звука не проронит, хоть не ждёт
Спасения; но глубокó вздохнёт,
Блеснув во мгле ожившими очами.

IV

Владычица Сиона, пред тобою
Во мгле моя лампада зажжена.
Всё спит кругом — душа моя полна
Молитвою и сладкой тишиною.

Ты мне близка... Покорною душою
Молюсь за ту, кем жизнь моя ясна.
Дай ей цвести, будь счастлива она —
С другим ли избранным, одна, или со мною.

О нет! прости наитие недуга!
Ты знаешь нас: нам суждено друг друга
Взаимными молитвами спасать.
Так дай же сил, простри святые руки,
Чтоб ярче мог, в полночный час разлуки,
Я пред тобой лампаду возжигать.

V

МАДОННА

Я не ропщу на трудный путь земной,
Я буйного не слушаю невежды;
Моим ушам понятен звук иной,
Моей душе приятен глас надежды.

С тех пор, как Санцио передо мной
Изобразил склоняющую вежды,
И этот лик, и этот взор святой,
Смиренные и легкие одежды,

И это лоно матери, и в нём
Младенца с ясным, радостным челом,
С улыбкою к Марии наклонённой —
О! как душа стихает вся до дна!
Как много ты с святого полотна
Мне шлёшь, мой Бог, с пречистою Мадонной!

VI

МОСКВА

(Из Кёрнера)

Как высоки церквей златые главы,
Как царственно дворцы твои сияют!
Со всех сторон глаза мои встречают
И гордый блеск, и памятники славы.

Но час твой бил, о город величавый!
Твои граждане руку подымают,
Трещит огонь, и факелы пылают,
И ты стоишь в горячей ризе лавы!

О пусть тебя поносит исступленье!
Ломитесь, башни, рухайтесь, палаты!
То русский феникс, пламенем объятый,
Горит векам... Но близко искупленье;
Уже под клик и общие восторги
Копье побед поднял святый Георгий!

СОЛОВЕЙ И РОЗА

Небес и земли повелитель,
Творец плодотворного мира,
Дал счастье, дал радость всей твари
Цветущих долин Кашемира.

И равны все звенья пред Вечным
В цепи непрерывной творенья,
И жизненным трепетом общим
Исполнены чудные звенья.

Такая дрожащая бездна
В дыханьи полудня и ночи,
Что Ангелы в страхе закрыли
Крылами звездистые очи.

Но там же, в саду мирозданья,
Где радость и счастье — привычка,
Забыты, отвергнуты счастьем
Кустарник и серая птичка.

Листов, окаймленных пилами,
Побегов, вращающих спицы,
Минуют летучие гости,
Чуждаются певчие птицы.

Безгласная серая птичка
Одна не пугается терний,
И любят друг друга — но счастья
Ни в утренний час, ни в вечерний.

И по небу веки проходят,
Как волны безбрежного моря;
Никто не узнает их страсти,
Никто не увидит их горя.

Однажды сияющий Ангел,
Купаяся в безднах эфира,

Узрел и кустарник, и птичку
В долине ночной Кашемира.

И нежному Ангелу стало
Их видеть так грустно и больно,
Что с неба слезу огневую
На них уронил он невольно.

И к утру свершилося чудо:
Краснея и млея сквозь слёзы,
Склонилася к ветке упругой
Головка душистая розы.

И к ночи с безгласною птичкой
Ещё перемена чудесней:
И листья и звезды трепещут
Её упоительной песней.

Он

Рая вечного изгнанник,
Вешний гость я, певчий странник;
Чужды ваши мне цветы;
Страшны искры мне мороза.
Друг мой роза, дева роза,
Я б не пел, когда б не ты.

Она

Полночь. мать моя родная,
Незаметно расцвела я
На заре весны;
Для тебя ж у бедной розы
Аромат, краса и слёзы,
Заревые сны.

Он

Ты так нежна, как утренние розы
Едва раскрыв малиновый шипок;
Ты так светла, что поневоле слезы
Туманят мне внимательный зрачок;

Ты так чиста, что помыслы земные
Невольно мрут в груди перед тобой;
Ты так свята, что Ангелы святые
Зовут тебя их смертною сестрой.

Она

Мой друг, мой брат, мой милый, мой любовник!
На милую внимательней взгляни:
За розу ты не принял ли шиповник,
Смиренное подобие родни?
И если есть во мне благоуханье,
Оно лишь тем коснется до тебя,
Что скромное, безвестное созданье,
Стремясь к тебе, так предало себя.

Он

Ты роза долины, я ночи певец,
И чувство в нас братское то же;
Нам месяц кристальный готовит венец,
А солнце пурпурное ложе.
Росою на песни, на песни росой
Дала отвечать нам природа,
И наши все звуки, все блестки, как рой,
Горят у небесного свода.
Там Ангел лазурный, Востока жилец,
Их огненной метит рукою.
Ты роза долины, я ночи певец:
Мы вечные братья с тобою.

Она

Ты поешь, когда дремлю я,
Я цвету — когда ты спишь;
Я горю без поцелуя,
Без ответа ты грустишь.
Но и радость и мученье
Мудро нам судьба дала:
Ты не пел бы без стремленья,
Я б без страсти не цвела.

Он

На Востоке небо чисто,
Как сапфир твоих очей,
В рощах пальмовых тенисто,
Лунный луч дрожит теплей.
На Востоке есть у Бога
Заповедные места:
Сердцу снится та дорога —
Полетим с тобой туда.
Ни фазанов позлащённых,
Ни павлинов не сомнем;
Ни плодов мы запрещённых
Тихомолком не сорвём.
Мы, как лотос, богомольно
Заглядимся в ручеёк...
Сердцу станет сладко, больно —
Полетим же на Восток.

Она

Мой милый, где сердце — там грёзы,
Где вера — там царство весны;
Где очи — там жаркие слёзы,
Где думы — там чудные сны...
Во сне мое спящее око
Небесный измерило круг,
От Запада вплоть до Востока,
Узрело и Север, и Юг...
Ни дна; только, в бездне рождаясь,
Горят и сверкают ключи,
И, силою вечной вращаясь,
Дрожат золотые лучи;
И вся эта сила стремилась
К одной отдаленной звезде;
А я всё молилась, молилась,
Чтоб ты был мне верен везде.

Он

Дева роза, доброй ночи!
Звезды в небесах.
Две звезды горят, как очи
В голубых лучах;

Две звезды горят приветно
Нынче, как вчера;
Сон подкрался незаметно...
Роза, спать пора!

Она

Зацелую тебя, закачаю,
Но боюсь над тобой задремать:
На заре лишь уснёшь ты, я знаю,
Что всю ночь будешь петь ты опять.
Закрывается милое око,
Голова у меня на груди.
Ветер, ветер, мой ветер востока,
Не тревожь его сна, не буди.
Я сама не дышу, не ласкаю,
Только вежды закрыл ему сон,
И кудрями его не играю:
Всё боюсь, не проснулся бы он.
Ветер, ветер лукавый, поди ты,
Я умею сама целовать;
Я устами коснуся ланиты,
И мой милый проснётся опять.
Просыпайся ж; заря потухает:
Для певца золотая пора.
Дева роза тихонько вздыхает,
Отпуская тебя до утра.

Он

Ах, опять к ночному бденью
Вышел звездный хор...
Эхо ждет завторить пенью...
Спал до этих пор!
Веет ветер над дубровой,
Листик шелестит.
У меня в тени лавровой
Дева роза спит.
Хорошо ль ей, сладко ль спится,
Я предузнаю́,
И звездам, что́ ей приснится,
Громко пропою.

Она

Я дремлю, но слышит
Роза соловья;
Ветерок колышет
Сонную меня.
Звуки остаются
Все в моих листках;
Слышу — а проснуться
Не могу никак.
Заревые слёзы,
Наклоняясь, лью.
Пой у сонной розы
Про любовь мою.

И во сне только любит и любит,
И от счастия плачет и спит!
Эти песни она приголубит,
Если эхо о них промолчит.
Эти песни земле рассказали
Всё, что розе приснилось во сне,
И глубоко, глубоко запали
Ей в румяное сердце оне.
И в ночи под землёю коренья
Влагу ночи сосут да сосут,
А у розы росой умиленья
Бриллиантами слёзы текут.
Отчего ж под навесом прохлады
Раздаётся так голос певца?
Роза! песни не знают преграды:
Без конца твои сны, без конца.

ЭЛЕГИИ

1

О, долго буду я в молчаньи ночи тайной,
Коварный лепет твой, улыбку, взор случайной,
Перстам послушную волос густую прядь
Из мыслей изгонять, и снова призывать;
Дыша порывисто, один, никем не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
В словах, которые произносила ты;
Шептать и поправлять былые выраженья
Речей моих с тобой, исполненных смущенья,
И в опьянении, наперекор уму,
Заветным именем будить ночную тьму.

2

Когда мои мечты за гранью прошлых дней
Найдут тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, как первый иудей
На рубеже земли обетованной.
Не жаль мне детских игр, не жаль мне тихих снов,
Тобой так сладостно и больно возмущённых
В те дни, как постигал я первую любовь
По бунту чувств неугомонных,
По сжатию руки, по отблеску очей,
Сопровождаемых то вздохами, то смехом,
По восторгающей гармонии речей
С серебряным и вечным эхом...

<Поздняя редакция:

Когда мои мечты за гранью прошлых дней
Найдут тебя опять за дымкою туманной,

Я плачу сладостно, как первый иудей
На рубеже земли обетованной.
Не жаль мне детских игр, не жаль мне тихих снов,
Тобой так сладостно и больно возмущённых
В те дни, как постигал я первую любовь
По бунту чувств неугомонных,
По сжатию руки, по отблеску очей,
Сопровождаемых то вздохами, то смехом,
По ропоту простых, незначащих речей
Лишь нам звучавших страсти эхом.>

3

Когда мечтательно я предан тишине
И вижу на небе корону ясной ночи,
Когда у <ангелов> заблещут в вышине
И сном у Аргуса начнут смыкаться очи,
И близок час уже условленный тобой,
И ожидание с минутой возрастает,
И я стою уже безумный и немой,
И каждый звук ночной смущенного пугает;
И нетерпение сосет больную грудь,
И ты идешь одна украдкой, озираясь,
И я спешу в лицо прекрасной заглянуть,
И вижу ясное — и тихо, улыбаясь,
Ты на слова любви мне говоришь — люблю!
А я бессвязные связать стараюсь речи,
Дыханьем пламенным дыхание ловлю,
Целую волоса душистые и плечи,
И долго слушаю, как ты молчишь, и мне
Ты руку подаешь, сказавши: до свиданья!
О друг! как счастлив я, как счастлив я вполне!
Как жить мне хочется до нового свиданья!

<Поздняя редакция:

Когда мечтательно я предан тишине
И вижу кроткую царицу ясной ночи,
Когда созвездия заблещут в вышине
И сном у Аргуса начнут смыкаться очи,

И близок час уже, условленный тобой,
И ожидание с минутой возрастает,
И я стою уже безумный и немой,
И каждый звук ночной смущенного пугает;
И нетерпение сосет больную грудь,
И ты идешь одна, украдкой, озираясь,
И я спешу в лицо прекрасной заглянуть,
И вижу ясное, — и тихо, улыбаясь,
Ты на слова любви мне говоришь «люблю!»,
А я бессвязные связать стараюсь речи,
Дыханьем пламенным дыхание ловлю,
Целую волоса душистые и плечи,
И долго слушаю, как ты молчишь, — и мне
Ты предаешься вся для страстного лобзанья, —
О друг, как счастлив я, как счастлив я вполне!
Как жить мне хочется до нового свиданья!>

4

Помедли... люди спят; медлительной царицей
Луна двурогая обходит небеса;
Всё медлит разойтись с серебряной зарницей
И ветр, и облака, и горы, и леса.
Я не пойду туда, где камень вероломный,
Скользя из-под пяты с отвесных берегов,
Летит на хрящ морской; где в море вал огромный
Придет и убежит в объятия валов.
Там вечный шум, там нет неясного сознанья
Какой-то святости звездолюбивых дум
И тихой радости немого созерцанья.
Я не пойду туда: там моря вечный шум.

<Поздняя редакция:

Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой
Каймою тень легла от сосен в лунный свет...
Какая тишина! Из-за горы высокой
Сюда и доступа мятежным звукам нет.
Я не пойду туда, где камень вероломный,
Скользя из-под пяты с отвесных берегов,

Летит на хрящ морской; где в море вал огромный
Придет — и убежит в объятия валов.
Одна передо мной, под мирными звездами,
Ты здесь, царица чувств, властительница дум...
А там придет волна — и грянет между нами...
Я не́ пойду туда: там вечный плеск и шум!>

5

Странное чувство какое-то в несколько дней овладело
Телом моим и душой, целым моим существом.
Радость и светлая грусть, благотворный покой и желанья
Детские, резвые, сам даже понять не могу.
Вот хоть теперь посмотрю за окно на веселую зелень
Вешних деревьев, да вдруг ветер ко мне донесет
Утренний запах цветов, птичек звонкие песни;
Так бы и бросился в сад, с кликом: пойдем же, пойдем!
Да как взгляну на тебя, как уселась ты там безмятежно
Подле окошка, склоня иглы ресниц на канву,
То уж не в силах ничем я шевельнуться, а только
Всю озираю тебя, всю — от пробора волос
До перекладины пялец, где вольно, легко и уютно,
Складки раздвинув, прильнул маленькой ножки носок.
Жалко... да нет — хорошо, что никто не видал, как взглянула
Ты на сестрицу, когда та приходила сюда
Куклу свою показать. Право, мне кажется, всех бы
Вас мне хотелось обнять. Даже и брат твой, шалун,
Что изучает грамматику в комнате ближней, мне дорог.
Можно ль так ложно его вещи учить понимать!
Как отворялися двери, расслушать я мог, что учитель
Каждый отдельный глагол прятал в отдельный залог:
Он говорил, что любить есть действие — не состоянье.
Нет, достохвальный мудрец, здесь ты не видишь ни зги,
Я говорю, что любить — состоянье, еще и какое!
Чудное, полное нег!.. Дай Бог нам вечно любить!

6

Виноват ли я, что долго месяц
Простоял вчера над рощей тёмной,
Что под ним река дрожала долго
Там, где крылья пучил белый лебедь.

Ведь не я зажёг огни рыбачьи
Над водой, у самых лодок чёрных.
Виноват ли я, что до рассвета
Перепёлок голос раздавался?
Но ты спишь... О, подними ресницы!
Знаешь ли, я помню, помню живо —
Ты сама ведь любишь ночи: ночью
Это было — я спешил в Риальто.
Быстро вёсла ударяли в воду,
Гондольер мой пел; но эта песня
Пронеслась, как многое проходит
Невозвратно; помню только это:
«Обожали пламенные греки
Красоты богиню Афродиту
В пене волн на раковине ясной.
Как же глупы, просты эти греки:
Перед ними ты была в гондоле».
Знаешь ли, я сам, когда ты дремлешь,
Опустя недвижные ресницы
И твоих волос густые кудри
Недвижимы, руки выше локтя,
Обнажась, на складках полотняных
Так лежат, как будто с мыслью тайной
Раскидал их <боговидец> Фидий.
И гляжу я долго и не знаю,
На твоем блестящем светом лике
Рождена ль улыбка красотою;
Иль краса улыбку породила,
Знаешь ли?.. Но, опустя ресницы,
Ты уснула... Спи, моя богиня!

7

Я знаю, гордая, ты любишь самовластье;
Тебя в ревнивом сне томит чужое счастье;
Свободы смелый лик и томный взор любви
Манят наперерыв желания твои.
Чрез всю толпу рабов у пышной колесницы
Я взгляд лукавый твой под бархатом ресницы
Давно прочел, давно, и знаю с той поры,
Где жертву новую ты ищешь для игры.

Несчастный юноша, давно ль, веселья полный,
Скользил его челнок, расталкивая волны!
Смотри, как счастлив он, как волен... он ничей;
Лобзает ветр один руно его кудрей.
Рука, окрепнувши в труде однообразном,
Минула уж брегов, ухающих соблазном,
Но горе! ты поёшь; на зыбкое стекло,
Из ослабевших рук упущено весло;
Он скован — ты поёшь, ты блещешь красотою
И пенишь тёмный понт зубчатой чешуёю.

<Поздняя редакция:

Я знаю, гордая, ты любишь самовластье;
Тебя в ревнивом сне томит чужое счастье;
Свободы смелый лик и томный взор любви
Манят наперерыв желания твои.
Чрез всю толпу рабов у пышной колесницы
Я взгляд лукавый твой под бархатом ресницы
Давно прочел, давно — и разгадал с тех пор,
Где жертву новую твой выбирает взор.
Несчастный юноша! давно ль, веселья полный,
Скользил его челнок, расталкивая волны?
Смотри, как счастлив он, как волен... он — ничей;
Лобзает ветр один руно его кудрей.
Рука, окрепшая в труде однообразном,
Минула берега, манящие соблазном.
Но горе! ты поёшь; на зыбкое стекло
Из ослабевших рук упущено весло;
Он скован, — ты поёшь, ты блещешь красотою,
Для взоров божество — сирена под водою.>

8

Ее не знает свет — она ещё ребёнок;
Но очерк головы у ней так чист и тонок,
И так подвижен склон ее округлых плеч,
Что дней недальних грёз у ней не устеречь.
Дохнёт тепло любви, младенческое око
Лазурным пламенем засветится глубоко,

И гребень, ласково разборчив, будто сам
Пойдет медлительней по пышным волосам,
Персты румяные, бледнея, подлиннеют.
Блажен, кто замечал, как постепенно зреют
Златые гроздия, и знал, что виноград
Сбирая, он вопьёт их сладкий аромат.

<Поздняя редакция:

Ее не знает свет, — она ещё ребёнок;
Но очерк головы у ней так чист и тонок,
И столько томности во взгляде кротких глаз,
Что детства мирного последний близок час.
Дохнёт тепло любви — младенческое око
Лазурным пламенем засветится глубоко,
И гребень, ласково-разборчив, будто сам
Пойдёт медлительней по пышным волосам,
Персты румяные, бледнея, подлиннеют...
Блажен, кто замечал, как постепенно зреют
Златые гроздия, и знал, что виноград
Сбирая, он вопьёт их сладкий аромат!>

9

Эх, шутка-молодость! как новый, ранний снег
Всегда и чист и свеж. Царица тайных нег,
Луна зеркальная, над древнею Москвою
Одну выводит ночь блестящей за другою.
Что, все ли улеглись, уснули? Не пора ль?..
На сердце жар любви, и трепет, и печаль!..
Бегу!.. Далёкие, как бы в вознагражденье,
Шлют звезды в инее свое изображенье.
В сияньи полночи безмолвен сон Кремля;
Под быстрою стопой промерзлая земля
Звучит, и по крутой, хотя недавней стуже
Доходит бой часов прерывистей и туже.
Бегу!.. Там нежная и трепетная та
Несет на поцелуй дрожащие уста,
Чьё имя, близ меня помянуто без цели,
Не даст мне до зари забыться на постели;

Чей шорох медленный уж издали меня
Кидает в полымя мгновенно из огня,
И чей глубокий взор, блистающий вниманьем,
Исполнил жизнь мою безумством и страданьем.

<Поздняя редакция:

Эх, шутка-молодость! как новый, ранний снег
Всегда и чист, и свеж. Царица тайных нег,
Луна зеркальная над древнею Москвою
Одну выводит ночь блестящей за другою.
Что, все ли улеглись, уснули? Не пора ль?..
На сердце жар любви, и трепет, и печаль!..
Бегу! Далёкие, как бы в вознагражденье,
Шлют звезды в инее свое изображенье.
В сияньи полночи безмолвен сон Кремля.
Под быстрою стопой промерзлая земля
Звучит, и по крутой, хотя недавней стуже
Доходит бой часов порывистей и туже.
Бегу! Нигде огня, — соседи полегли,
И каждый звук шагов, раздавшийся вдали,
Иль тени на стене блестящей колыханье
Мне напрягает слух, прервав мое дыханье.>

10

Лозы мои за окном разрослись живописно и даже
Свет отнимают. Смотри, вот половина окна
Верхняя тёмною зеленью листьев покрыта; меж ними,
Будто нарочно, в окне кисть начинает желтеть.
Милая! полно, не трогай!.. К чему этот дух разрушенья!
Ты доставать виноград высунешь руку на двор —
Белую, полную ручку легко распознают соседи,
Скажут: она у него в комнате тайно была.

11

Тебе в молчании я простираю руку,
И детских укоризн в грядущем не страшусь.
Ты втайне поняла души смешную муку,

Усталых прихотей ты разгадала скуку. —
Мы вместе — и судьбе я молча предаюсь.
Без клятв и клеветы ребячески невинной
Сказала жизнь за нас последний приговор.
Мы оба молоды, но с радостью старинной
Люблю на локон твой засматриваться длинной;
Люблю безмолвных уст и взоров разговор,
Как в дни безумные, как в пламенные годы
Мне жизни мировой святыня дорога;
Люблю безмолвие полуночной природы;
Люблю ее лесов лепечущие своды;
Люблю ее степей алмазные снега,
И снова мне легко, когда, святому звуку
Внимая не один, я заживо делюсь;
Когда, за честный бой с тенями, взяв поруку,
Тебе в молчании я простираю руку
И детских укоризн в грядущем не страшусь.

САКОНТАЛА

САКОНТАЛА

1

Саконтала — из всех цариц, украшавших индийский
Трон, народу любезная, милая сердцу супруга
Мудрого государя Викрамы, встречала однажды
Праздничный день своего рожденья общим весельем.
Радость кругом разлилась по чертогам и хижинам царства;
Только живей и нежнее ея раздавалися звуки
В сердце каждого. Лик царицы был тих и прекрасен;
Око ее сияло любезно и кротко, как солнце
В час вечерний, когда, садясь за дальние горы,
Рóсу шлёт и прохладу оно, долины и выси
Влагою с высоты окропляя отрадной. Таков был
Лик Саконталы. Затем-то, с детским смирением в сердце,
Жители Индии взор к своей несравненной царице,
Полный любви, обращали и ей приносили посильно
Разного рода дары, растенья лучшие царства:
Благоуханный елей, злато и камни цветные;
Благословения ей другие молили у Брамы.
Вот в середину ликующих, тесной толпою стоящих
Около царских ворот, брамин выходит; корзинку
Нёс он в руках, из лоз плетённую; край у корзинки
Мохом простым был покрыт. Придворные слуги, увидя
Старца, стоя в переходах, друг друга спрашивать стали:
«Знать брамин приблизиться хочет сиянью престола
С лозниковой корзинкою, полною мохом кудрявым».
Но брамин подошел свободно, поставил корзинку
Саконтале к ногам и сказал: «Видишь ли, наша
Добрая мать и владычица нашего царства, вот эти
Лозы корзинки и этот мох и цветы полевые —
Дети долины на самой далекой границе обширной
Нашей земли, где стопы твои блуждали в то время,
Как ещё первая жизни весна пред тобой улыбалась?»
Так брамин говорил, и у ног Саконталы стояла
С мохом корзинка. Тогда царица взор обратила

На корзинку, на мох и цветы, что лежали в корзинке,
И с престола она улыбнулась приветливо, нежно
Скромным цветам долины давно миновавшего детства.
Тихо брамин возвращался к своей одинокой долине
И казалася роскошь полей для него превосходней:
Он не мог позабыть улыбки лица Саконталы.

2

Саконтала прекрасная, милая сердцу царица
Индии, день своего рожденья встречала молитвой
Тихою к Браме; война ужасная всё государство
Опустошила, и царь индийский, супруг Саконталы,
Был вдали от нее средь ужасов битвы кровавой;
Но ещё более то умножало горесть царицы,
Что большая часть преданных в битве погибли и много
Было таких, что забыли царскую милость, с какою
Почестями он их осыпал, и вдруг показали
Неблагодарность и трусость сердец изменой в годину
Бедствия. Вот почему Саконтала в тиши проливала
Слезы и день рождения был ей дню смерти подобен.
В это время вошла одна из женщин служащих
Тихо к печальной царице и ей сказала: «Опять здесь
Тот брамин, что к тебе приходил с цветами долины».
Но Саконтала вздохнула и ей отвечала: «Как могут
Быть отрадны цветы моему сокрушённому сердцу
Или служить украшеньем моей побледневшей ланите?
Всё же, — сказала потом царица добрая, — старца
Ты введи, чтобы я из его приношенья сознала,
Как верна мне в печали любовь незлобивых сердцем».
Старый брамин вошёл и сказал, главу наклоняя:
«Видишь ли, добрая мать и владычица нашего царства:
Горе твое и печаль тебя сердец не лишило
Жителей той долины, где ты блуждала в то время,
Как еще первая жизни весна пред тобой улыбалась.
Шаткого счастья измена, любви и верности узы
Не разрушает; напротив, она их прочнее связует.
Только цветов я тебе не принёс: в нашей долине
Стоптаны все; но они расцветут ещё лучше, коль Брама
После бурь ниспошлет весны благодатной дыханье.
Я принёс тебе дар драгоценнейший нашей долины —
Камень, которому в Индии равного нет красотою».

Молча, полна удивленья, царица взглянула на старца;
Он же, речь продолжая, сказал: «Тебе приносил я
В дар цветы, когда на юном челе твоем радость
Расцветала, ничем не смущённая, но испытанье
Брама наслал на тебя; я вижу, что горе ланиты
Бледностию твои овеяло; знал я, что будешь
День своего рожденья ты провожать со слезами.
Для прекрасных душ слёзы небесная влага,
От которой они вполне расцветают. Так Брама
Освещает своих любимцев. Вот почему я
Ныне к тебе подхожу с благороднейшим даром природы».
Так брамин говорил и, полный почтенья, поставил
Черного дерева ящик к ногам Саконталы. Чудесно
Светлый камень играл, отвсюду охваченный черным.
Тут склонила царица чело и взглянула на ящик
И на камень, своими лучами его наполнявший,
И с ланит у нее покатились прозрачные слезы.
Тихо брамин возвращался к своей одинокой долине,
Медленно шел он и грустью отрадною полон был старец;
Всё казалось ему, он видит слезу Саконталы.

3

Грустен скитался брамин в своей одинокой пустыне,
Помнил царицы-страдалицы тяжкое он испытанье;
Вдруг опять поднялась война ужасная. Мощный
Истребитель, с своей толпой необузданных полчищ,
Встал на западе с тем, чтоб земли восточных пределов
Опустошить. И того, о чем, надругаясь, задумал
Он достигнуть, успел; но всё населенье стонало.
Старец Браму день и ночь умолял за Викраму
Правосудного и за Саконталу царицу,
Сердцу любезную. Но тщетны были моленья,
И военная буря неслася грозным потоком
К самой долине брамина, и бич притеснителя всюду
Жертв настигал. Тогда печальный брамин удалился
В дикие горы, и жил между скал, чуждаяся встретить
Лик человеческий. Тяжкою скорбью исполнено было
Сердце старца, и смерти желанной алкал он душою;
Но желанье его не исполнилось. — Много он прожил
Лет в своем одиночестве между скалами пустыни;
Вдруг кругом раздались вдали весёлые звуки
Песен победы и мира под рокот трубы и кимвала.

Тут главою к земле склонился старец в молитве.
Встал, помазал главу и сказал: «Перед смертью я должен
Правых победу и лик царицы кроткой увидеть».
Тут наполнил брамин опять корзину цветами
Самыми лучшими в целой долине, и сверху прикрыл их
Пальмы и маслины тучной младыми побегами; тут же
Ветвь положил благовонную нежно лепечущей мирты.
Скоро потом он к престольному граду лицом обратился
И в молчаньи пошёл чрез толпы торжествующих граждан.
Радостью лик засиял у старца, когда в воротах он
Был дворцовых. Отверзши уста, слугам он придворным
Стал говорить: «Ведите меня к царице, чтоб мог я
Жертву свою ей принесть. Семь лет как не видел я мира».
Слыша речи такие, слуги взглянули на старца,
Смолкли и стали плакать. Брамин же спросил их: «Чего вы
Плачете и от чего изменилися так ваши лица?»
Слуги на это ему отвечали: «Иль ты не житель
Здешнего мира, когда один ты не знаешь, что сталось?»
И на могилу царицы они повели его. «Видишь —
Так говорили они — в ней сердце не вынесло горя».
Больше они ничего сказать не могли и рыдали.
Тут у старца лик просиял и затеплилось око,
Будто у юноши, к небу он поднял чело и воскликнул:
«Разве не вижу я Брамы жилища, не вижу сиянья
Вечного моря лучей, его окружающих блеском!
И Саконтала пред ним на облаке раннего утра
Смотрит на нас. Примиренной отчизны чистейшая жертва,
Жрицею ныне она сияет небесного мира.
Видишь ли ты, просветленная, я, как и прежде бывало,
Здесь пред тобою стою с моими земными цветами?»
Тут умолкнул старец, склонясь на цветы и могилу.
Тихим повеяло ветром, и Брама приял его душу.

ПОДРАЖАНИЕ ВОСТОЧНОМУ

1

Я люблю его жарко: он тигром в бою
Нападает на хищных врагов;
Я люблю в нём отраду, награду мою
И потомка великих отцов.

Кто бы ни был ты, странник простой иль купец,
Ни овцы, ни верблюда не тронь —
От кобыл Мугаммеда его жеребец,
Что небесный огонь этот конь.

Только, мирный пришлец, нагибайся в шатёр
И одежду дорожную скинь;
На услугу и ласку он ловок и скор;
Он бадья при колодце пустынь.

Будто месяц над кедром белеет чалма
У него средь далёких степей.
Я люблю, и никто — ни Фатима сама —
Не любила пророка сильней.

2

ИЗ САДИ

Обременённый славой мира,
Сравняйся с смоквою полей!
Она тем ниже гнётся долу,
Чем смокв обильнее на ней.

3

ЯЗЫК ЦВЕТОВ

Мой пучок блестит росой,
Как алмазами Калиф мой,
Я давно хочу с тобой
Говорить пахучей рифмой.
Каждый цвет уже намёк —
Ты поймешь мои признанья;
Может быть, что весь пучок
Нам откроет путь свиданья.

4

Не дивись, что я черна,
Опаленная лучами;
Посмотри, как я стройна
Между старшими сестрами.

Оглянись: сошла вода,
Зимний дождь не хлещет боле;
На горах опять стада
И оратай вышел в поле.

Розой гор меня зови;
Ты красой моей ужален,
И цвету я для любви,
Для твоих опочивален.

Целый мир пахнул весной,
Тайный жар владеет девой;
Я прильну к твоей десной,
Ты меня обнимешь левой.

Я пройду к тебе в ночи
Незаметными путями;
Отопрись — и опочий
У меня между грудями.

К ОФЕЛИИ

I

Как идёт к вам чепчик новой,
Как идёт большая шаль!
Поздравляю вас с обновой,
А мне всё-таки вас жаль.
Как идет к вам эта бледность,
Эта скрытая печаль,
Эта внутренняя бедность,
Мне вас жаль, да, мне вас жаль.

II

Не здесь ли ты лёгкою тенью,
Мой гений, мой ангел, мой друг,
Беседуешь тихо со мною
И тихо летаешь вокруг?
И робким даришь вдохновеньем,
И сладкий врачуешь недуг,
И тихим даришь сновиденьем,
Мой гений, мой ангел, мой друг.
То вдруг опечалишь ужасно,
То сердце обрадуешь вдруг,
А всё улыбаешься ясно,
Как гений, как ангел, как друг.

<Поздняя редакция:

Не здесь ли ты лёгкою тенью,
Мой гений, мой ангел, мой друг,
Беседуешь тихо со мною
И тихо летаешь вокруг?
И робким даришь вдохновеньем,
И сладкий врачуешь недуг,
И тихим даришь сновиденьем,
Мой гений, мой ангел, мой друг...>

III

Сосна так темна, хоть и месяц
Глядит между длинных ветвей:
То клонит ко сну, то очнёшься;
То мельница, то соловей,
То ветра немое лобзанье,
То запах фиалки ночной,
То блеск замороженной дали
И вихря полночного вой.
И сладко дремать мне, и грустно,
Что сном я надежду гублю.
Мой ангел, мой ангел далёкий,
Зачем я так сильно люблю?

IV

Как майский голубоокий
Зефир — ты, мой друг, хороша;
Моя ж, что Эолова арфа,
Чутка и послушна душа!
И струн у той арфы немного,
Но вечно под чувством живым
Найдёт она новые звуки
За новым дыханьем твоим.

V

Я болен, Офелия, милый мой друг!
Ни в сердце, ни в оке нет силы.
О, спой мне, как носится ветер вокруг
Его одинокой могилы.
Душе раздражённой и груди больной
Понятны и слёзы, и стоны.
Про иву, про иву зелёную спой,
Про иву сестры Дездемоны.

VI

Офелия гибла и пела,
И пела, сплетая венки;
С цветами, венками и песнью
На дно опустилась реки.
И многое с песнями канет
Мне в душу на тёмное дно,
И много мне чувства и песен,
И слёз и мечтаний дано.

<Поздняя редакция:

Офелия гибла и пела,
И пела, сплетая венки;
С цветами, венками и песнью
На дно опустилась реки.
Ах, много по жизни мелькнуло
Дней светлых безумной тоски,
И счастье давно потонуло,
Лишь песни плывут да венки.>

VII

Как ангел неба безмятежный,
В сияньи тихого огня,
Ты помолись душою нежной
И за себя, и за меня.
Ты от меня любви словами
Сомненья духа отжени
И сердце тихими крылами
Твоей молитвы осени.

АНТОЛОГИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

ГРЕЦИЯ

«Там, под оливами, близ шумного каскада...»

См. с. 27

2

«Когда петух...»

См. с. 33

3

ВАКХАНКА

Под тенью сладостной полуденного сада,
В широколиственном венке из винограда
И влаги Вакховой томительной полна,
Чтоб дух перевести, замедлилась она.
Закинув голову с улыбкой опьяненья,
Прохладного она искала дуновенья,
Как будто бы власы уж начинали жечь
Горячим золотом ей розы пышных плеч,
Одежда жаркая всё ниже опускалась,
И молодая грудь всё больше обнажалась,
А страстные глаза, слезой упоены,
Вращались медленно, желания полны.

4

ДИАНА

Богини девственной округлые черты,
Во всем величии блестящей наготы,
Я видел меж дерев над ясными водами,
С продолговатыми, бесцветными очами,
Высоко поднялось открытое чело —
Его недвижностью вниманье облегло,
И дев молению в тяжелых муках чрева
Внимала чуткая и каменная дева.
Зефир вечеровой между листов проник,
Качнулся на воде богини ясный лик;
Я ждал — она пойдет с колчаном и стрелами,
Молочной белизной мелькая меж древами,
Взирать на сонный Рим, на вечный славы град,
На желтоводный Тибр, на группы колоннад,
На стогны длинные! Но мрамор недвижимой
Белел передо мной красой непостижимой.

5

Влажное ложе покинувши, Феб златокудрый направил
Быстрых коней, Фаетонову гибель, за розовый Эос;
Круто напрягши бразды, он кругом озирался и тотчас
Бойкие взоры его устремились на берег пустынный.
Там воскурялся туман благовонною жертвою; море
Тихо у желтых песков почивало; разбитая лодка
Дном опрокинута вверх, половиной в воде, половиной
В утреннем воздухе тёмной смолою чернела, и тут же,
Влево, раскинуты были обломки еловые вёсел,
Кожаный щит и шелом опрокинутый, полные тины.
Дальше, когда порассеялись серые волны тумана,
Он увидал на траве, под зелёным навесом каштана
(Трижды его обежавши, лоза окружала кистями),
Юношу он на траве увидал: белоснежные члены
Были раскинуты, правой рукою как будто теснил он
Грудь, и на ней-то прекрасное тело недвижно лежало,
Левая навзничь упала, и белые формы на тёмной
Зелени трав благовонных во всей полноте рисовались;

Весь был разодран хитон, округлённые бедра белели,
Будто бы мрамор, приявший изгибы от рук Праксителя,
Ноги казали свои покровенные прахом подошвы,
Светлые кудри чела упадали на грудь, осеняя
Мертвую силу лица и глубоко смертельную язву.

6

КУСОК МРАМОРА

Тщетно блуждает мой взор, измеряя твой начатый мрамор;
Тщетно пытливая мысль хочет загадку решить:
Что́ одевает кора грубо изрубленной массы?
Ясное ль Тита чело, Фавна ль изменчивый лик,
Змей примирителя жезл, крылья и стан быстроногий,
Или стыдливости дев с тонким перстом на устах?

7

С корзиной, полною цветов, на голове,
Из сумрака аллей она на свет ступила,
И побежала тень за ней по мураве,
И пол-лица ей тень корзины осенила;
Но и под тению увидишь ты как раз
Приметы южного созданья без ошибки,
По светлому зрачку неотразимых глаз,
По откровенности младенческой улыбки.

8

ПОДРАЖАНИЕ XVI ИДИЛЛИИ БИОНА

Прекрасная звезда Венеры светлоокой,
Пока свое чело за рощею далёкой
Диана нежная скрывает, освети
Кустарник тот и холм для моего пути.
Я оставляю кров не для нощных хищений,
На путников в душе не крою покушений...

Нет, я люблю и жду возмездия забот
От нимфы молодой, красы между красот,
Как в мириаде звезд, Дианой предводимой,
Краса ночных небес, горит твой луч любимой.

9

НЕПТУНУ

Птицей,
Быстро парящей птицей Зевеса,
Быть мне судьбою дано всеобъемлющей.
Ныне, крылья раскинув над бездной
Тверди, ныне над высью я
Горной, там, где у ног моих
Воды,
Вечно несущие белую пену,
Стонут, и старый трезубец Нептуна
В тёмных руках повелителя строгого блещет.
Нет пределов
К верху, и нет пределов
К низу —
Здравствуй!
На половинном пути
К вечности, здравствуй, Нептун: над собою
Слышишь ли шумные крылья и ветер,
Спертый нагрудными сизыми перьями, здравствуй!
Нет мгновенья покою;
Вслед за тобою летящая
Феба стрела, я вижу, стоит,
С визгом перья поджавши в эфире,
Ты промчался, пронёсся, мелькнул и сокрылся,
А я!
Здравствуй, Нептун!
Слышишь ли, брат, над собою
Шумный полёт? — Я принёс
С жаркой, далёкой земли,
Кровью упитанной,
Трупами тучной,
Лавром шумящей,
Мой привет тебе: здравствуй, Нептун!

Вечно, вечно,
Как бы ни мчался ты, брат мой,
Крылья мои зашумят и орлиный
Голос к тебе зазвучит по Эфиру:
Здравствуй, Нептун!

10

ВОДОПАД

«Там, как сраженный...»

См. с. 32

11

АРХИЛОХ

Здесь Архилох опочил; его в беспощадные ямбы
Ринула Муза — певцу Ионии сладостный друг.

12

ИЗ КАТУЛЛА

Давай любить и жить, о Лезбия, со мной!
За толки стариков угрюмых мы с тобой,
За все их не дадим одной монеты медной.
Пускай светает день и меркнет тенью бледной:
Для нас, когда заря зайдет за небосклон,
Настанет ночь одна и бесконечный сон —
Сто раз целуй тогда, и тысячу, и снова
До новой тысячи, и вновь до ста другова,
Опять до новых сот, до тысячи опять.
Когда же много нам придётся насчитать,
Смешаем счёт тогда, чтоб мы его не знали,
Чтоб злые нам с тобой завидовать не стали,
Узнав, как много раз тебя я целовал.

13

К ЮНОШЕ

Друзья, как он хорош за чашею вина,
Как молодой души неопытность видна!
Его шестнадцать лет, его живые взоры,
Ланиты нежные, заносчивые споры,
Порывы дружества, негодованье, гнев —
Всё обещает в нём любимца зорких дев.

14

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

«Фиял кипит янтарной Иппокреной...»

См. с. 19

15

Питомец радости, покорный наслажденью,
Зачем, коварный друг, не внемля приглашенью,
Наш пир вечеровой вчера не посетил?
Хозяин ласковый к обеду пригласил
В беседку, где кругом, не заслоняя сада,
Полувоздушная обстала колоннада.
Диана полная, глядя между ветвей,
Благословляла стол улыбкою своей
И яства жирные с их паром благовонным,
Отрадно лакомым — гулякам утончённым.
И отчих кладовых старинное добро,
Широкодонных чаш литое серебро;
А ветер заревой, по фитилям порхая,
Качал слегка огни, нам лица освежая.
Зачем ты не сидел меж нами у стола?
Тут в розовом венке и Лидия была,
И Пирра смуглая, и Цинтия живая,
И ученица муз Неэра молодая,
Как Сафо страстная, пугливая, как лань...
О друг! я чувствую, я заплачу ей дань

Любви Проперция тоскливой, безотрадной;
Я наливал вчера рукою беспощадной;
Но вспоминал тебя, и знаю, вполпьяна
Мешал в заздравиях я ваши имена.

16

В златом сиянии лампады полусонной
И отворя окно в мой садик благовонной,
То прохлаждаемый, то в сладостном жару,
Следил я лёгкую кудрей ея игру:
Дыханьем полночи их тихо волновало
И с милого чела красиво отдувало...
Дивился молча я волшебной красоте,
А месяц медленно катился в высоте.

17

Уснуло озеро; безмолвен чёрный лес;
Русалка белая небрежно выплывает;
Как лебедь молодой, луна среди небес
Скользит и двойника на влаге созерцает.
Уснули рыбаки у сонных огоньков;
Ветрило бледное не шевельнёт ни складкой;
Лишь карпия, порой, плеснёт у тростников,
Оставя резвый круг сребра на влаге гладкой.
Как тихо... Каждый звук и шорох слышу я;
Но звуки тишины ночной не прерывают.
Пускай живая трель ярка у соловья,
Пусть шильник водяной русалки колыхают.

<Поздняя редакция:

Уснуло озеро; безмолвен черный лес;
Русалка белая небрежно выплывает;
Как лебедь молодой, луна среди небес
Скользит и свой двойник на влаге созерцает.
Уснули рыбаки у сонных огоньков;

Ветрило бледное не шевельнёт ни складкой;
Порой тяжелый карп плеснёт у тростников,
Пустив широкий круг бежать по влаге гладкой.
Как тихо... Каждый звук и шорох слышу я;
Но звуки тишины ночной не прерывают —
Пускай живая трель ярка у соловья,
Пусть травы на воде русалки колыхают...>

18

ИЗ АНАКРЕОНА

Сядь, Вафил, в тени отрадной,
Здесь под деревом красивым;
Посмотри, до тонкой ветки,
Каждый нежный лист трепещет.
Мимо с сладостным журчаньем
Пробирается источник.
Кто такое ложе лени
Увидавши проминует?

19

Многим богам в тишине я фимиам воскуряю,
В помощь нередко с мольбой многих героев зову;
Жертвую Музам, Дриадам, Нимфам речистым и даже
Глупому Фавну весной первенца стад берегу.
Песня же первая Вакху, мудрому сыну Семелы.
Ты, Дионисий в венке, грозный владыка ума,
Всех доступней моим мольбам и моим возлияньям,
Ты за утраты мои полной мне чашей воздай...
Где недоступная дева, моих помышлений царица?
В мраморах Фидий своих равной не зрел никогда.
Я же сходного с ней не знал созданья — и что же?
Тирсу покорный, и ей клялся пожертвовать я.
Ждал я, безумный, забыться в дыму и в чаду приношений,
Новый Калхас уже меч дерзкой рукой заносил;
Мать природа вотще взывала, как мать Клитемнестра.
Миг, ещё миг — и тебе всё бы принес я, Лией.

Мне уже чудился плеск волн забвения в барку;
Только заступница дев деву чудесно спасла.
Дивно светла предо мной Ифигения к небу восходит,
Я же коленом тугим в бок упираю козла.

20

К КРАСАВЦУ

Природы баловень, как счастлив ты судьбой!
Всем нравится твой рост и гордый облик твой,
И кудри пышные беспечностью завиты,
И бледное чело, и нежные ланиты,
Приподнятая грудь, жемчужной ряд зубов,
И огненный зрачок, и бархатная бровь;
А девы юные, украдкой от надзора,
Толкуют твой ответ и выраженье взора,
И после каждая, вздохнув наедине,
Примолвит: да! он мой — его отдайте мне!
Как сон младенчества, как первое лобзанье,
С отрадой сладкою безумного желанья,
Ты полон прелести, в их памяти живёшь
И гребню в их руках искусство придаёшь;
Не для тебя ль они, с улыбкою Авроры,
Находят новый взгляд и новые уборы?
Когда же ложе их оденет темнота,
Алкают уст твоих, раскрывшись, их уста.

<Поздняя редакция:

К КРАСАВЦУ

Природы баловень, как счастлив ты судьбой!
Всем нравятся твой рост и гордый облик твой,
И кудри пышные, беспечностью завиты,
И бледное чело, и нежные ланиты,
Приподнятая грудь, жемчужный ряд зубов,
И огненный зрачок, и бархатная бровь;
А девы юные, украдкой от надзора,
Толкуют твой ответ и выраженье взора,

И после каждая, вздохнув наедине,
Промолвит: «Да, он мой — его отдайте мне!»
Как сон младенчества, как первые лобзанья
С отравой сладкою безумного желанья,
Ты полон прелести в их памяти живёшь,
Улыбкам учишь их и к зеркалу зовёшь;
Не для тебя ль они, при факеле Авроры,
Находят новый взгляд и новые уборы?
Когда же ложе их оденет темнота,
Алкают уст твоих, раскрывшись, их уста.>

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Эти думы, эти грёзы —
Безначальное кольцо,
И текут ручьями слёзы
На горячее лицо.
Сердце хочет, сердце просит,
Слёзы льются в два ручья,
Далеко меня уносит,
А куда — не знаю я.
Не могу унять стремленье,
Я не в силах не желать:
Эти грёзы — наслажденье!
Эти слёзы — благодать!

2

ХАНДРА

(1)

Непогода — осень — куришь,
Куришь — всё как будто мало.
Хоть читал бы, только чтенье
Продвигается так вяло;
Серый день ползёт лениво,
И болтают нестерпимо
На стене часы стенные
Языком неутомимо;
Сердце стынет понемногу
И у жаркого камина
Лезет в голову больную
Всё такая чертовщина!

Над дымящимся стаканом
Остывающего чаю,
Слава Богу! понемногу,
Будто вечер, засыпаю...
Но болезненно-тревожна
Принужденная дремота.
Точно в комнате соседней
Учат азбуке кого-то,
Или, кто их знает? где-то,
В кабинете или в зале,
С писком, визгом пляшут крысы
В худо запертом рояле.

<Поздняя редакция:

Непогода — осень — куришь,
Куришь — всё как будто мало.
Хоть читал бы, — только чтенье
Продвигается так вяло.
Серый день ползет лениво,
И болтают нестерпимо
На стене часы стенные
Языком неутомимо.
Сердце стынет понемногу,
И у жаркого камина
Лезет в голову больную
Всё такая чертовщина!
Над дымящимся стаканом
Остывающего чаю,
Слава Богу! понемногу,
Будто вечер, засыпаю...>

(2)

Не ворчи, мой кот мурлыка,
В неподвижном полусне
Без тебя темно и дико
В нашей стороне;
Без тебя всё та же печка,
Те же окна, как вчера;
Те же двери, та же свечка

И опять хандра...
У соседа ненароком
Я сказал ей слова три
О прекрасном, о высоком —
Скука хоть умри!
Неотвязчивая вьюга
Разыгралася в трубе...
От двоякого недуга
Так не по себе.
Не ворчи же, кот мурлыка,
В неподвижном полусне;
Без тебя темно и дико
В нашей стороне.

<Поздняя редакция:

Не ворчи, мой кот-мурлыка,
В неподвижном полусне
Без тебя темно и дико
В нашей стороне;
Без тебя всё та же печка,
Те же окна, как вчера,
Те же двери, та же свечка,
И опять хандра...>

(3)

Друг мой! я сегодня болен;
Знать поветрие такое...
Право, я в себе не волен,
Не найдусь никак в покое...
Не ошибся я в надежде:
Ты умна и молчалива,
Ты всё та же, что и прежде:
И добра и горделива.
На дворе у нас ненастье,
На дворе гулять опасно.
Дай мне руку, дай на счастье...
У тебя тепло и ясно.
Ах, давно ли у тебя я, —

Так беспечно, так лениво, —
Всё на свете забывая,
Был покорен молчаливо.
А теперь зачем в углу том,
За широкою гардиной...
Вон, вон тот, что смотрит плутом,
С чёрной мордою козлиной.
Не могу не ненавидеть
Этих глаз в досадной роже!
Право, скучно, грустно видеть
Каждый день одно и то же.
Понимаю эти ласки,
Взор печали беспредельной.
Нет ли, друг мой, нет ли сказки,
Нет ли песни колыбельной,
Чтобы песнию смягчалось
То, что в сказке растревожит,
Чтобы сердце хоть пугалось,
Коль любить оно не может.

3

На водах Гвадалквивира
Месяц длинной полосой;
От незримых уст зефира
Влага блещет чешуёй.
Всё уснуло... лишь мгновенной
Меркнет луч во тьме окна,
Да гитарой отдаленной
Тишина потрясена.
Да звезда с высот эфира
Раскатилася дугой...
На водах Гвадалквивира
Месяц длинной полосой...

4

ВЕНЕЦИЯ НОЧЬЮ

Всплески волн сверкают ярко,
Ударяя о гранит;
Дремлет лев святого Марка
И царица моря спит.

По каналам посребренным
Опрокинулись дворцы
И блестят веслом бессонным
Запоздалые гребцы.

Звезд сияют мириады,
Чутко в воздухе ночном;
Осребренные громады
Вековым уснули сном.

<Поздняя редакция:

ВЕНЕЦИЯ НОЧЬЮ

Лунный свет сверкает ярко,
Осыпая мрамор плит;
Дремлет лев святого Марка
И царица моря спит.

По каналам посребренным
Опрокинулись дворцы,
И блестят веслом бессонным
Запоздалые гребцы.

Звезд сияют мириады,
Чутко в воздухе ночном;
Осребренные громады
Вековым уснули сном.>

5

Поделись живыми снами,
Говори душе моей;
Что́ не выскажешь словами,
Звуком на́ душу навей.

6

ВЕСНА

Уж верба вся пушистая
Раскинулась кругом;
Опять весна душистая
Повеяла крылом.
Станицей тучки носятся,
Тепло озарены,
И в душу мощно просятся
Блистательные сны.
Везде разнообразною
Картиной занят взгляд,
Шумит толпою праздною
Народ — чему-то рад.
Дитя тысячеглавое,
Не знает он, что в нём
Приветно-величавое
Зажглось святым огнём;
Что жизни тайной жаждою
Невольно жизнь полна;
Что над душою каждою
Проносится весна.

<Поздняя редакция:

Уж верба вся пушистая
Раскинулась кругом;
Опять весна душистая
Повеяла крылом.
Станицей тучки носятся,

Тепло озарены,
И в душу снова просятся
Пленительные сны.
Везде разнообразною
Картиной занят взгляд,
Шумит толпою праздною
Народ — чему-то рад.
Какой-то тайной жаждою
Мечта распалена —
И над душою каждою
Проносится весна.>

7

ПОСВЯЩЕНИЕ К ФАУСТУ

(Г — ВУ)

Вы вновь ко мне, воздушные виденья!
Давно знаком печальный с вами взор!
Иль сердце к вам полно опять стремленья,
Иль грудь хранит безумие с тех пор?
Вы принеслись! Я полон умиленья;
В туманной мгле приветствую ваш хор!
Трепещет грудь младенческими снами
От волшебства, навеянного вами.
Вы обновили светлых лет картину,
И много милых ожило теней.
Подобно саге, смолкшей вполовину,
Звучат любовь и дружба прежних дней.
И больно мне, — давнишнюю кручину
Несёт мне жизнь со всех своих путей,
И кличет тех, которых в миг участья
И унесло и обмануло счастье.
Им не слыхать последующих песен,
Всем тем, кому я первые певал.
Кружок приветный избранных стал тесен
И отголосок первый отзвучал.
Кому пою, тот круг мне не известен,
Его привет мне сердце запугал;
А те, чей слух мою и любит лиру,
Хотя в живых, рассеяны по миру.

И вновь во мне отвычное стремленье
В тот кроткий мир к задумчивым духам,
Неясное подъемлю песнопенье,
Подобное эоловым струнам,
Проснулось в строгом сердце умиленье,
Невольно слёзы следуют слезам;
Всё, чем владею, кажется мне лживо,
А что прошло — передо мною живо.

8

ДОБРЫЙ ДЕНЬ

Вот снова ночь с своей тоской бессонной
Дрожит при блеске дня;
С улыбкою мой демон искушенной
Взирает на меня.
Он видит всё — улыбку, вздох и слёзы.
Пусть он их видит — пусть!
Давным-давно бессонницу и грёзы
Он знает наизусть.
Пускай весна наряд свой пёстрый кажет
И я вокруг гляжу;
Он знает всё, что сердце твари скажет,
Что людям я скажу.
Ему смешно, что наперёд он знает,
Чем дума занята,
Что ясно так и внятно он читает
По книге живота.
Как мраморный, блестящий и холодной
Мой прорицатель дня,
С улыбкой злой и — гордо благородной
Он смотрит на меня.

9

К КАРТИНЕ

Не говори, что счастлив я,
Что я хорош собой,
Что Бог благословил меня
Прекрасною женой.

Не говори, что жизнь сулит
Мне счастье впереди,
Что крошка сын наш тихо спит,
Прильнув к родной груди.

Напрасных слов не расточай:
Не нужен мой ответ.
Взгляни в глаза и отвечай:
Что́ счастлив я иль нет?

Скажи, ты видишь по глазам,
По сердцу ль мне покой?
Иль, может быть, я жизнь отдам
Померяться с судьбой.

Отдам, что было мне дано
Блаженства и тоски
За взгляд, улыбку — за одно
Пожатие руки.

10

КУРГАН

Друг веков, поверенный преданий,
Ты один средь братии своей
Сохранил сокровищ и деяний
Вековую тайну от людей.

Что же дуб с кудрявой головою
Не взращён твой подвиг отмечать
И не светит в сумрак над тобою
Огонёк — избрания печать.

Как на всех, орёл с неизмеримой
На тебя слетает высоты,
И срезает плуг неумолимой
Всех примет последние следы.

Что ж ты дремлешь? силой чудотворной
Возрасти темно-кудрявый дуб,
Сокруши о камень непокорный
Злого плуга неотвязный зуб.

Оттого-то, странник беспримётный,
На степи я вечно здесь молчу,
Что навек в груди мой клад заветный
Ото всех я затаить хочу.

11

Полно спать: тебе две розы
Я принёс с рассветом дня.
Сквозь серебряные слёзы
Ярче нега их огня.

Дрожь в руках: твои угрозы
Помню я, но дремлешь ты,
И роняют тихо слёзы
Ароматные цветы.

<Поздняя редакция:

Полно спать: тебе две розы
Я принёс с рассветом дня.
Сквозь серебряные слёзы
Ярче нега их огня.

Вешних дней минутны грозы,
Воздух чист, свежей листы...
И роняют тихо слёзы
Ароматные цветы.>

12

Ты говоришь мне: прости!
Я говорю: до свиданья!
Ты говоришь: не грусти!
Я замышляю признанья.

Дивный был вечер вчера!
Долго он будет в помине;
Всем — только нам не пора:
Пламя бледнеет в камине.

Что же, к чему этот взгляд?
Где ж мой язвительный холод?
Грусти твоей ли я рад?
Знать, я надменен и молод.

Что ж ты вздохнула? — цвести
Цель вековая созданья;
Ты говоришь мне: прости!
Я говорю: до свиданья!

13

ТУЧКА

Тучка-чёлн, небес волною
Обданная паром,
Между мною и луною
Ты плывешь недаром:
От луны твой свет, что ставит
Трон полночный Богу;
От меня ж возьми, что давит:
Думу и тревогу.
Спит она — тяжелой битвой
Дум не возмутима;
Ты ж над ней с моей молитвой
Пронесися мимо.

14

СВОБОДА И НЕВОЛЯ

Видишь, мы теперь свободны:
Ведь одно свобода с платой;
Мы за каждый миг блаженства
Жизни отдали утратой.

Что ж не вижу я улыбки?
Иль сильней всего привычка?
Или ты теперь из клетки
Поздно пущенная птичка?

Птичка радость, друг мой птичка,
Разлюби иную долю!
Видишь, я отверз объятья:
Полети ко мне в неволю.

15

Сядь у моря — жди погоды.
Отчего ж не ждать?
Будто воды, наши годы
Станут прибывать.
Поразвеет пыл горячий,
Проминёт беда
И под камень под лежачий
Потечёт вода.
И отступится кручина,
Что свекровь стара;
Накидает мне пучина
Всякого добра.
Будто воды, наши годы
Станут прибывать.
Сядь у моря, жди погоды;
Отчего ж не ждать?

16

Б.....М.

ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ЦВЕТОВ И НОТ

Откуда вдруг в смиренный угол мой
Двоякой роскоши избыток,
Прекрасный дар, нежданный и двойной,
Цветы и песни дивный свиток?
Мой жадный взор к чертам его приник.
Внемлю живительному звуку
И узнаю под бархатом гвоздик
Благоухающую руку.

17

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Сердце — незабудка!
Угомон возьми,
Хоть на миг рассудка
Голосу вонми.
Рад принять душою
Всю болезнь твою!
Спи, Господь с тобою,
Баюшки-баю!

Не касайся к ране:
Станет подживать!
Не тоскуй по няне,
Что ушла гулять;
Это только шутка:
Няню жди свою.
Засыпай, малютка,
Баюшки-баю!

А не то другая
Нянюшка придёт,
Сядет молодая,
Песни запоёт:
«Посмотри, родное,
На красу мою,

Да усни в покое.
Баюшки-баю!»

Что ж ты повернулось?
Старой няни жаль!
Знать, опять проснулась
Старая печаль?
Знать, пуста скамейка,
Даром что пою:
Что ж она, злодейка?
Баюшки-баю!

Подожди, вот к лету
Станешь подрастать,
Колыбельку эту
Надо променять.
Я кровать большую
Дам тебе свою
И свечу задую.
Баюшки-баю!

И долга кроватка,
И без няни в ней
Спится сладко-сладко,
До скончанья дней.
Перестанешь биться
И навек в раю,
Только будет сниться
Баюшки-баю!

<Поздняя редакция

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ СЕРДЦУ

Сердце — ты малютка!
И далее по тексту ранней ред., с. 157—158.>

18

Я знал её малюткою кудрявой,
Голубоглазой девочкой; она,

Казалось, вся из резвости лукавой
И скромности румяной сложена.
И в те лета какой-то круг влеченья
Был у неё, и звал её ласкать;
На ней лежал оттенок предпочтенья
И женского служения печать.
Я знал её красавицей; горели
Ея глаза священной тишиной.
Как светлый день, как ясный звук свирели
Она неслась над грешною землёй.
Я знал его — и как она любила,
Как искренно пред ним она цвела,
Как много слез она ему дарила,
Как много счастья в душу пролила!
Я видел час ея благословенья,
Детей в слезах покинувшую мать;
На ней лежал оттенок предпочтенья
И женского служения печать.

19

Ещё весна — как будто неземной
Какой-то дух ночным владеет садом.
Иду я молча, — медленно и рядом
Мой тёмный профиль движется со мной.

Полуодевшись, ветви предают
Лазурь небес — туман подёрнул траву,
А я иду и рад святому праву
Ходить — иду, и соловьи поют.

Несбыточное грезится опять,
Несбыточное в нашем бедном мире,
И грудь вздыхает радостней и шире,
И вновь кого-то хочется обнять.

А будет время: снова искупить
Весна природу будет торопиться;
Но это сердце перестанет биться
И ничего не будет уж любить.

<Поздняя редакция:

Ещё весна — как будто неземной
Какой-то дух ночным владеет садом.
Иду я молча, — медленно и рядом
Мой тёмный профиль движется со мной.

Ещё аллей не сумрачен приют,
Между ветвей небесный свод синеет,
А я иду — душистый холод веет
В лицо — иду — и соловьи поют.

Несбыточное грезится опять,
Несбыточное в нашем бедном мире,
И грудь вздыхает радостней и шире,
И вновь кого-то хочется обнять.

Придет пора — и скоро, может быть, —
Опять земля взалкает обновиться,
Но это сердце перестанет биться
И ничего не будет уж любить.>

20

ЛИХОРАДКА

Няня, что-то всё не сладко!
Дай-ка сахар мне да ром:
Всё как будто лихорадка,
Точно холоден наш дом.

Ах! родимый — Бог с тобою,
Подойти нельзя к печам.
При себе всегда закрою,
Топим жарко — знаешь сам.

Ты бы шторку опустила...
Дай-ка книгу... Не хочу,
Ты намедни говорила,
Лихорадка... я шучу...

Что за шутка спозаранок!
Уж поверь моим словам:

Сёстры, девять лихоманок,
Часто ходят по ночам.

Вишь, нелёгкая их носит
Сонных в губы целовать!
Всякой болести напросит
И пойдет тебя трепать.

Верю, няня!.. Нет ли шубы...
Хоть всего не помню сна,
Целовала крепко в губы —
Лихорадка ли она?

21

О, не зови! страстей твоих так звонок
Родной язык.
Ему внимать и плакать, как ребенок,
Я так привык.
Передо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь,
Я знаю край, где всё, что может сниться,
Трепещет въявь.
Скажи, не я ль на первые воззванья
Страстей в ответ
Искал блаженств, которым нет названья
И меры нет?
Что ж? Рухнула со треском колесница,
Хоть цель вдали,
И распростёрт заносчивый возница
Лежит в пыли.
Я это знал — с последним увлеченьем
Конец всему;
Но самый прах с любовью, с наслажденьем
Я обойму.
Так предо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь!
Я знаю край, где всё, что может сниться,
Трепещет въявь.
И не зови — но песню наудачу
Любви запой.
На первый звук я как дитя заплачу —
И за тобой...

<Поздняя редакция:

О, не зови! страстей твоих так звонок
Родной язык.
Ему внимать и плакать, как ребёнок,
Я так привык!
Передо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь,
Я знаю край, где всё, что может сниться,
Трепещет въявь.
Скажи, не я ль на первые воззванья
Страстей в ответ
Искал блаженств, которым нет названья
И меры нет?
Что ж? Рухнула с разбега колесница,
Хоть цель вдали,
И распростерт заносчивый возница
Лежит в пыли.
Я это знал — с последним увлеченьем
Конец всему.
Но самый прах с любовью, с наслажденьем
Я обойму.>

22

Дитя, покорное любви,
Моих стихов не назови
Ты самолюбием нескромным.
О! нет! мой стих не мог молчать,
На нем легла твоя печать
С раздумьем тягостным и томным.

Не говорю тебе — прости!
Твоя судьба — одной цвести;
Да мимо идет зов мятежной.
Как в жизни раз и в песни тож
Ты раз мне сердце потревожь
И уносись прекрасной, нежной!

И завтра светлый образ весь
Исчезнет там, исчезнет здесь;

Про твой удел никто не спросит.
И запах лилии ночной
Не досягнёт луны родной,
Полночный ветр его разносит.

23

А. Л. БРЖЕСКОЙ

Я вам пророчил поклоненье,
Венец прекрасному челу,
И расточал своё уменье
Воздать вам должную хвалу.

Теперь же слабый мой умишка
Не больше сделает добра,
Как театральная афишка
О пьесе, сыгранной вчера.

24

Под палаткою пунцовой,
Без невольников, один,
С одалиской чернобровой
Расстаётся властелин:

«Сара, Гурия Пророка,
Солнце дней, источник сил,
Сара, утро не далёко
И проснется Азраил.

Где-то завтра, после бою,
Снова ноги подогну?
Иль усталой головою
Беззаботно отдохну?

С новой ночью, с новой кущей,
Пылкой страсти вопреки,
Не коснусь твоей цветущей,
Нарумяненной щеки.

Пред тобою на бездельи
Свой кальян не закурю
И в глаза твои газельи,
Полон дум, не посмотрю.

И рукой моей усталой
У тебя не обовью
Чёрных кос по феске алой
Чешуйчатую змею».

25

ЭОЛОВЫ АРФЫ

Он

По листам пронёсся шорох,
Каждый миг в блаженстве дорог,
В песни каждый звук...
Там, где первое не ясно,
Всё, хоть будь оно прекрасно,
Исчезает вдруг.

Она

О! не только что внимала,
Я давно предугадала
Все твои мечты...
Но настроенная выше,
Я рассказываю тише,
Что мечтаешь ты.

Он

Я на всякие звуки готов,
Но не сам говорю я струной:
Только формы воздушных перстов
Обливаю звончатой волной.
Оттого-то в разлуке с тобой
Слышу я беззвучную дрожь,

Оттого-то и ты узнаёшь
Всё, что здесь совершится со мной.

Она

Если мне повелитель ветров
Звука два перекинет порой,
Но таких, где трепещет любовь,
Я невольно пою за тобой...
Ах! запой поскорее, запой!
Ты не знаешь, что сталось со мной!
Этот перст так прозрачно хорош,
Под которым любовь ты поёшь.

26

После раннего ненастья,
Что за рост и цвет обильный!
Ты даёшь мне столько счастья,
Что сносить лишь может сильный.

Ныне чувства стали редки,
Ты же мне милей свободы;
Но боюсь я той беседки,
Где у ног почиют воды.

Сердце чует, что не даром
Нынче счастие такое;
Я в воде горю пожаром,
А в глазах твоих так вдвое.

27

Мудрым нужно слово света,
Дружбе сладок глас участья;
Но влюблённый ждёт привета —
Обновительного счастья.

Я ж не знаю в жизни здешней,
Думы ль правы, чувства ль правы;

Отчего так месяц вешний
Жемчугом осыпал травы.

Что они дрожат, как слёзы,
Голубого неба очи,
И зачем в такие грёзы
Манит мглу любовник ночи?

Ждёт он что ли? Мне сдаётся,
Что напрасно я гадаю.
Слышу, сердце чаще бьётся,
И со мною что? — не знаю.

28

Мы с тобой не просим чуда:
Только истинное чудно.
Нет для духа больше худа,
Как увлечься безрассудно.

Нынче, завтра — круг волшебный
Будет нем и будет тесен;
Оглянись — и мир вседневный
Многоцветен и чудесен.

Время жизни скоротечно,
Но в одном пределе круга
Наши очи могут вечно
Пересказывать друг друга.

29

Я пришёл к тебе с приветом
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;
Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера — пришёл я снова,
Что душа всё так же счастью
И тебе служить готова;
Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что́ буду
Петь — но только песня зреет.

30

ДАЛЬ

Облаком волнистым
Прах встает вдали;
Конный или пеший —
Не видать в пыли!

Вижу: кто-то скачет
На лихом коне.
Друг мой, друг далёкий,
Вспомни обо мне!

<Поздняя редакция:

Облаком волнистым
Пыль встает вдали;
Конный или пеший —
Не видать в пыли!

Вижу: кто-то скачет
На лихом коне.
Друг мой, друг далёкий,
Вспомни обо мне!>

31

МОЯ УНДИНА

Она резва
Как рыбка:
Ее слова
Так гибко
Шутить в речи
Готовы,
И что ключи
Всё новы...
Она светлей
Фонтана,
Она скрытней
Тумана,
Немного зла,
Ревнива...
Зато мила
На диво.

32

ПЕРЧАТКА

Перчатку эту
Я подстерёг:
Она поэту
Немой залог
Душистой ночи,
Где при свечах
Гляделись очи
В моих очах;
Где вихрь кружений
Качал цветы,
Где легче тени
Носилась ты;
Где я, как школьник,
За мотыльком,
Иль как невольник,
Нуждой влеком,
Следил твой сладкой,
Душистый круг,

И вот украдкой,
Мой нежный друг,
Перчатку эту
Я подстерёг:
Она поэту
Немой залог.

33

На заре ты её не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко дышит на ямках ланит;

И подушка ее горяча,
И горяч утомительный сон,
И чернеясь бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.

А вчера у окна ввечеру
Долго, долго сидела она,
И следила по тучам игру,
Что́ скользя затевала луна.

И старалась понять темноту,
Где свистал и урчал соловей
То на небе, то в звонком саду;
Билось сердце слышнее у ней.

И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Всё бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты ее, не буди
На заре — она сладко так спит!

<Поздняя редакция:

На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.

И подушка ее горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.

А вчера у окна ввечеру
Долго, долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что́ скользя затевала луна.

И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Всё бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты ее, не буди...
На заре она сладко так спит!>

34

Какая холодная осень!
Надень свою шаль и капот,
Смотри: из-за дремлющих сосен
Как будто пожар восстает.

Сияние северной ночи
Я помню всегда близ тебя,
И светят фосфорные очи,
Да только не греют меня.

35

ДЕРЕВНЯ

Люблю я приют ваш печальный,
И вечер деревни глухой,
И за лесом благовест дальный,
И кровлю и крест золотой.
Люблю я немятого луга
К окну подползающий пар
И тесного тихого круга
Не раз долитой самовар.
Люблю я на тех посиделках
Старушки чепец и очки;
Люблю на окне на тарелках
Овса золотые злачки;
На столике близко к окошку
Корзину с узорным чулком
И по полу резвую кошку
В прыжках за проворным клубком;
И милой застенчивой внучки
Красивый девичий наряд,
Движение бледненькой ручки
И робко опущенный взгляд;
Прощанье смолкающих пташек,
И месяца бледный восход,
Дрожанье фарфоровых чашек
И речи замедленный ход;
И собственной выдумки сказки,
Прохлады вечерней струю,
И вас, любопытные глазки,
Живую награду мою.

36

Ах, дитя, к тебе привязан
Я любовью безвозмездной!
Нынче ты, моя малютка,
Снилась мне в короне звездной.
Что за искры эти звезды!
Что за кроткое сиянье!

Ты сама, моя малютка,
Что за светлое созданье!

37

В небесах летают тучи,
На листах сверкают слёзы;
До росы шипки грустили,
А теперь смеются розы.

После грома воздух чище
И свежее дышат люди;
Под ресницей орошённой
Как-то легче жаркой груди.

На природе с каждой каплей
Зеленеет вся одежда;
В небе радуга сияет,
Для души горит надежда.

38

УЗНИК

Густая крапива
Шумит под окном,
Зелёная ива
Повисла шатром;
Веселые лодки
В дали голубой;
Железо решётки
Свистит под пилой.
Отпетое горе
Уснуло в груди,
Свобода и море
Горят впереди.
Прибавилось духа,
Затихла тоска,
И слушает ухо,
И пилит рука.

39

Ночь. Не слышно городского шума,
В небесах звезда, и от неё,
Будто искра, заронилась дума
Тайно в сердце грустное моё.

И светла, прозрачна дума эта,
Будто милых взоров меткий взгляд;
Глубь души полна родного света,
И давнишней гостье опыт рад.

Тихо всё, покойно, как и прежде;
Но рукой незримой снят покров
Тёмной грусти. Вере и надежде
Грудь раскрыла, может быть, любовь.

Что ж такое? Близкая утрата
Или радость? — Нет, не объяснишь —
Но оно так пламенно, так свято,
Что за жизнь Творца благодаришь.

40

ВИДЕНИЕ

Не ночью, не лживо
Во сне пролетело виденье;
Свершилося диво:
Земле подобает смиренье.
Прозрачные тучи
Над дикой Печерской горою
Сплывалися в кучи
Под зыбью небес голубою.
И юноши в белом
Летали от края до края,
Прославленным телом
Очам умиленным сияя.
На тучах высоко,
Всё выше, в сиянии славы,
Заметно для ока,
Вставали Печерские главы...

41

AVE MARIA

Ave Maria — лампада тиха,
В сердце готовы четыре стиха:
Чистая Дева, скорбящего Мать,
Душу проникла Твоя благодать.

Неба Царица! не в блеске лучей,
В тихом предстань сновидении ей!
Ave Maria, — лампада тиха,
Я прошептал все четыре стиха.

42

Опять я затеплю лампаду
И вечную книгу раскрою,
Опять помолюся Пречистой
С невольно-горячей слезою.

Опять посетит меня радость
Без бури, тоски и веселья,
И снова безмолвные стены
Раздвинет уютная келья.

Прочь, горе земное: одно лишь
Про землю напомнит мне внятно,
Когда, обращая страницу,
Увижу прозрачные пятна.

ИЗ ГЕЙНЕ

1

Красавица-рыбачка,
Причаль свою ладью,
Поди и сядь со мною,
Дай руку мне свою;
Доверчиво головкой
На грудь склонись ко мне:
Ведь ты ж себя вверяешь
Беспечно глубине.
С приливом и отливом
Что море — грудь моя,
И много чудных перлов
Во глубине ея.

2

На севере дуб одинокий
Стоит на пригорке крутом;
Он дремлет — сурово покрытый
И снежным и льдяным ковром.
Во сне ему видится пальма.
В далекой восточной стране,
В безмолвной глубокой печали,
Одна на горячей скале.

3

Из слёз моих много родится
Роскошных и пёстрых цветов;
И вздохи мои обратятся
В полунощный хор соловьёв.

Дитя! если ты меня любишь,
Цветы все тебе подарю,
И песнь соловьиная встретит
Под милым окошком зарю.

4

Хотел я с тобою остаться,
Забыться, моя красота;
Но было нам должно расстаться:
Ты чем-то была занята.
Тебе я сказал, что связала
Нам души незримая связь,
Но ты от души хохотала
И ты мне присела, смеясь.
Страданья прибавить умела
Ты чувствам влюбленным моим
И даже польстить не хотела
Прощальным лобзаньем твоим.
Не думай, что я застрелюся,
Как мне и ни горек отказ;
Всё это, мой друг, признаюся,
Со мною бывало не раз.

5

Твои пылают щёки
Румянцем летних роз,
А у тебя на сердце
Рождественский мороз.

Изменится всё это —
Увидишь ты сама:
На сердце будет пламя
И на щеках зима.

6

По бульварам Саламанки
Воздух благотворной;

Там в прохладный летний вечер
Я гуляю с милой донной.

Я рукой нетерпеливой
Обнял стройное созданье,
И блаженным пальцем слышу
Гордой груди волнованье.

Но по липкам слышен шёпот,
Чем-то полный невесёлым,
И ручей внизу плотины
Злобно грезит сном тяжёлым.

Ах, сеньора, чует сердце,
Скоро буду я в изгнаньи;
По бульварам Саламанки
Не ходить нам на гуляньи.

7

Как цвет ты чиста и прекрасна,
Нежна как цветок по весне;
Взгляну на тебя, и тревога
Прокрадется в сердце ко мне.

И, кажется, будто б я руки
Тебе на чело возложил,
Молясь, чтобы Бог тебя чистой,
Прекрасной и нежной хранил.

8

Ах, опять всё те же глазки,
Что так нежно улыбались,
И опять всё те же губки,
Что так сладко целовались!
Этот голос, что внимать я
Так любил — не изменился;
Только сам уж стал не тот я,
Изменённым воротился.

Вновь меня объемлют страстно
Эти пламенные руки;
Но лежу у ней на сердце
Полон холода и скуки.

9

Как луна, светя во мраке,
Прорезает пар густой,
Так из темных лет выходит
Светлый образ предо мной.

Все на палубе сидели,
Гордо Рейн судно́ качал,
Поздний луч младую зелень
Берегов озолочал.

И у ног прекрасной дамы
Я задумчиво сидел:
Бледный лик ея на солнце
Красным пламенем горел.

Струны ныли, хоры пели,
Жизнь была так хороша,
Небо тихо голубело,
Расширялася душа.

Чудной сказкою тянулись
Замки, горы мимо нас,
И всё это улыбалось
Мне в прекрасной паре глаз.

10

Ланитой к ланите моей приложись —
Тогда наши слёзы сольются.
И сердцем теснее мне к сердцу прижмись —
Огнём они общим зажгутся.

И если в тот пламень польются рекой
Те общие слёзы мученья,
Я, крепко тебя охвативши рукой,
Умру от тоски наслажденья.

11

Дитя! мои песни далёко
На крыльях тебя унесут,
К долинам Гангесова тока:
Я знаю там лучший приют.

Там светом луны обливаясь,
В саду всё краснея цветёт,
И лотоса цвет, преклоняясь,
Сестрицу заветную ждёт.

Смеясь, незабудкины глазки
На дальние звёзды глядят,
И розы душистые сказки
Друг другу в ушко говорят.

Припрянув, внимания полны,
Там смирно газели глядят;
А там, в отдалении, волны
Священного тока шумят.

И там мы под пальмой младою,
Любви и покоя полны,
Склонившись, уснём и с тобою
Увидим блаженные сны.

12

Я плакал во сне: мне приснилось,
Что друг мой во гробе лежит —
И я проснулся, и долго
Катилися слёзы с ланит.

Я плакал во сне: мне приснилось,
Что ты расстаешься со мной —
И я проснулся, и долго
Катилися слёзы рекой.

Я плакал во сне: мне приснилось,
Что ты меня любишь опять —

И я проснулся, и долго
Не в силах я слёз был унять.

13

ГОРНАЯ ИДИЛЛИЯ

На горе стоит избушка,
Где живет старик седой;
Там сосна шумит ветвями,
Светит месяц золотой.

Посреди избушки кресло,
Пышно резаны края;
Кто на них сидит, тот счастлив,
И счастливец этот — я.

На скамье сидит малютка,
Опершись на локоток;
Глазки — звёзды голубые,
Ротик — розовый цветок.

И малютка эти звезды
Кротко на меня взвела
И лилейный пальчик хитро
К розе уст приподняла.

Нет, никто нас не увидит:
Мать так пристально прядет
И отец под звуки цитры
Песню старую поет.

И малютка шепчет тихо,
Тихо, звуки затая;
Много тайн немаловажных
От нее разведал я.

«Но как тетушка скончалась
И ходить нельзя уж нам
В Гослар, где стрельба бывает,
А веселье только там.

Я же робкая такая!
Как, ребенку, страшно мне
Знать, что ночью злые духи
Бродят в нашей стороне».

Вдруг малютка приумолкла,
Будто слов страшась своих,
И ручонками прикрыла
Звёзды глазок голубых.

Пуще ветр шумит сосною,
Прялка воет и ревёт,
И под голос звонкой цитры
Песня старая поёт:

«Не страшись, моя малютка,
Покушений власти злой;
День и ночь, моя малютка,
Серафимы над тобой».

14

ПОСЕЙДОН

Солнце лучами играло
Над морем, катящим далеко валы;
На рейде блистал в отдаленьи корабль,
Который в отчизну меня поджидал,
Только попутного не было ветра,
И я спокойно сидел на белом песке
Пустынного брега;
Песнь Одиссея читал я — старую,
Вечно юную песнь. — Из ее
Морем шумящим страниц, предо мной
Радостно жизнь поднималась
Дыханьем богов,
И светлой весной человека,
И небом цветущим Эллады.
Благородное сердце мое с участьем следило
За сыном Лаэрта в путях многотрудных его;
Садилося с ним в печальном раздумьи
За радушный очаг,
Где царицы пурпур прядут;

Лгать и удачно ему убегать помогало
Из объятия нимф и пещер исполинов;
За ним в Киммерийскую ночь и в ненастье
И в кораблекрушенье неслось,
И с ним несказанное горе терпело.
Вздохнувши, сказал я: «Злой Посидаон,
Гнев твой ужасен,
И сам я боюсь
Не вернуться в отчизну».

Едва я окончил,
Запенилось море,
И бог морской из белеющих волн
Главу, осокóю венчанную, поднял,
Сказавши в насмешку:
«Что ты боишься, поэтик?
Я нимало не стану тревожить
Твой бедный кораблик,
Не стану в раздумье о жизни любезной тебя
Вводить излишнею качкой,
Ведь ты, поэтик, меня никогда не сердил:
Ни башенки ты не разрушил у врат
Священного града Приама,
Ни волоса ты не спалил на глазу
Полифема любезного сына,
И тебе не давала советов ни в чем
Богиня ума — Паллада Афина».
Так воззвал Посейдон,
И в море опять погрузился,
И над грубою остротой моряка
Под водой засмеялись
Амфитрида — женщина-рыба
И глупые дщери Нерея.

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. А. ФЕТА.

Санктпетербургъ.
—
1856.

Собрание стихотворений, предлагаемое читателю, составилось вследствие строгого выбора между произведениями, уже изданными автором. Многие из них подверглись поправкам и сокращениям; некоторые, новые, прибавлены. Автор надеется, что в теперешнем своем виде они более прежнего достойны благосклонного внимания публики и беспристрастной критической оценки.

С. Петербург.
Февраль 1856.

ЭЛЕГИИ

I

«О, долго буду я в молчаньи ночи тайной...»

См. с. 117

II

«Когда мои мечты за гранью прошлых дней...»

См. с. 117, поздняя редакция

III

«Когда мечтательно я предан тишине...»

См. с. 118, поздняя редакция

IV

«Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой...»

См. с. 119

V

«Странное чувство какое-то в несколько дней овладело...»

См. с. 120

VI

«Я знаю, гордая, ты любишь самовластье...»

См. с. 122

VII

«Её не знает свет — она ещё ребёнок...»

См. с. 123

VIII

«Эх, шутка-молодость! как новый ранний снег...»

См. с. 124

IX

«Лозы мои за окном разрослись живописно и даже...»

См. с. 124

X

Не говори, мой друг: «Она меня забудет,
Изменчив времени всемощного полёт;
Измученной души напрасный жар пройдёт,
И образ роковой преследовать не будет
Очей задумчивых. Свободней и смелей
Вздохнет младая грудь; замедленных речей
Польется снова ток блистательный и сладкой,
Ланиты расцветут — и в зеркало, украдкой,
Невольно станет взор с вопросом забегать:
Опять весна в груди — и счастие опять!»
Мой милый, не лелей прекрасного обмана:

В душе мечтательной смертельна эта рана.
Видал ли ты в лесах, под тению дубов,
С винтовками в руках засевших шалунов,
Когда с холмов крутых, окрестность оглашая,
Несётся горячо согласных гончих стая —
И праздным юношам, Дриад жестоких дань,
Уже из-за кустов выскакивает лань?
Вот-вот — и выстрелы... и в переливах дыма,
Ещё быстрее лань, как будто невредима,
Проклятьям вопреки и хохоту стрелков,
Уносится во мглу безбрежную лесов...
Но ловчий опытный уж на позыв победный
К сомкнувшимся губам рожок подносит медный.

XI

Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?
Ведь снова не пойму я ни одной страницы —
И яркий, белый свет начнёт в глазах мелькать,
И ложных призраков заблещут вереницы!
За что ж? Что сделал я? Чем грешен пред тобой?
Ужели помысел мне должен быть укором —
Что так язвительно смеётся призрак твой
И смотрит на меня таким тяжёлым взором!

ПОДРАЖАНИЯ ВОСТОЧНОМУ

I

«Я люблю его жарко: он тигром в бою...»

См. с. 130

II

«Не дивись, что я черна...»

См. с. 131

К ОФЕЛИИ

I

«Не здесь ли ты лёгкою тенью...»

См. с. 132, поздняя редакция

II

«Я болен, Офелия, милый мой друг!..»

См. с. 133

III

«Как ангел неба безмятежный...»

См. с. 134

СНЕГА

I

«На пажитях немых люблю в мороз трескучий...»

См. с. 53

II

«Знаю я, что ты, малютка...»

См. с. 53

III

«Вот утро севера — сонливое, скупое...»

См. с. 54

IV

«Печальная берёза...»

См. с. 54

V

«Кот поет, глаза прищуря...»

См. с. 55

VI

«Чудная картина...»

См. с. 55

VII

«Ночь светла, мороз сияет...»

См. с. 56, поздняя редакция

VIII

«На двойном стекле узоры...»

См. с. 57

ГАДАНИЯ

I

«Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом...»

См. с. 58

II

«Полно смеяться! что это с вами?...»

См. с. 59

III

«Помню я: старушка-няня...»

См. с. 60

IV

«Перекресток, где ракитка...»

См. с. 61, поздняя редакция

МЕЛОДИИ

I

«Не отходи от меня...»

См. с. 62

II

«Тихая звездная ночь...»

См. с. 64

III

«Буря на нéбе вечернем...»

См. с. 65

IV

NOCTURNO

«Ты спишь один, забыт на месте диком...»

См. с. 66

V

«Тёплым ветром потянуло...»

См. с. 69

VI

«Если зимнее небо звездами горит...»

См. с. 69

VII

«Полуночные образы реют...»

См. с. 70, поздняя редакция

VIII

«Я долго стоял неподвижно...»

См. с. 71

IX

«Шумела полночная вьюга...»

См. с. 71

X

«Улыбка томительной скуки...»

См. с. 72

XI

СЕРЕНАДА

«Тихо вечер догорает...»

См. с. 73

XII

«За кормою струйки вьются...»

См. с. 74

XIII

ИЗ БАЙРОНА

«О солнце глаз бессонных! Звездный луч...»

См. с. 74

XIV

ФАНТАЗИЯ

«Мы одни; из сада в стёкла окон...»

См. с. 76

XV

«Недвижные очи, безумные очи...»

См. с. 77

XVI

«Как мошки зарёю...»

См. с. 78, поздняя редакция

XVII

«Спи — ещё зарёю...»

См. с. 79

XVIII

«Свеж и душист твой роскошный венок...»

См. с. 80

ВЕЧЕРА И НОЧИ

I

«Право, от полной души я благодарен соседу...»

См. с. 82, поздняя редакция

II

«Вдали огонёк за рекою...»

См. с. 83

III

«Я люблю многое, близкое сердцу...»

См. с. 83

IV

«Скучно мне вечно болтать о том, что высоко, прекрасно...»

См. с. 84

V

«Я жду... Соловьиное эхо...»

См. с. 84

VI

«Здравствуй! тысячу раз мой привет тебе, ночь!..»

См. с. 85

VII

«Друг мой, бессильны слова — одни поцелуи всесильны...»

См. с. 85

VIII

«Ночью как-то вольнее дышать мне...»

См. с. 86

IX

«Рад я дождю... От него тучнеет мягкое поле...»

См. с. 87

X

«Слышишь ли ты, как шумит вверху угловатое стадо?..»

См. с. 87

XI

«Каждое чувство бывает понятней мне ночью и каждый...»

См. с. 88, поздняя редакция

XII

«Летний вечер тих и ясен...»

См. с. 90

XIII

«Любо мне в комнате ночью стоять у окошка в потёмках...»

См. с. 89

XIV

Шёпот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,
Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,
В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слёзы —
И заря, заря!...

<Ранняя редакция:

Шёпот сердца, уст дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,
Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,
Бледный блеск и пурпур розы,
Речь не говоря,
И лобзания, и слёзы,
И заря, заря!...>

БАЛЛАДЫ

I

ТАЙНА

«Почти ребёнком я была...»

См. с. 99

II

ВОРОТ

«Спать пора, свеча сгорела...»

См. с. 104

III

«На дворе не слышно вьюги...»

См. с. 105

IV

ЛЕГЕНДА

«Вдоль по берегу полями...»

См. с. 106

АНТОЛОГИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

I

ГРЕЦИЯ

«Там, под оливами, близ шумного каскада...»

См. с. 27

II

ВАККХАНКА

«Под тенью сладостной полуденного сада...»

См. с. 135

III

ДИАНА

«Богини девственной округлые черты...»

См. с. 136

IV

«Влажное ложе покинувши, Феб златокудрый направил...»

См. с. 136

V

КУСОК МРАМОРА

«Тщетно блуждает мой взор, измеряя твой мрамор начатый...»

См. с. 137

VI

«С корзиной, полною цветов, на голове...»

См. с. 137

VII

ПОДРАЖАНИЕ XVI ИДИЛЛИИ БИОНА

«Прекрасная звезда Венеры светлоокой...»

См. с. 137

VIII

К ЮНОШЕ

«Друзья, как он хорош за чашею вина...»

См. с. 140

IX

«Питомец радости, покорный наслажденью...»

См. с. 140

X

«В златом сиянии лампады полусонной...»

См. с. 141

XI

«Уснуло озеро; безмолвен чёрный лес...»

См. с. 141, поздняя редакция

XII

К КРАСАВЦУ

«Природы баловень, как счастлив ты судьбой!..»

См. с. 143, поздняя редакция

XIII

СОН И ПАЗИФАЯ

Ярко блестящая пряжка над белою полною грудью
Девы Хариты младой — ризы вязала концы.
Свежий венок прилегал к высоко подвязанным косам,
Серьги с подвеской тройной с блеском качались в ушах.
Сзади вились по плечам, умащенные сладкою амброй,
Запах далёко лия, волны кудрей золотых.
Тихо ступала нога круглобёдрая. Так Пазифаю
Юноша Сон увидал, полон желанья любви.
Крепкой обвита рукой, покраснела Харита младая...
Но возрастающий жар вежды прекрасной сомкнул.
И в упоеньи любви, на цветы опускаяся, дева,
Члены раскинув, с кудрей свой уронила венок.

XIV

СПОР

Где Нимфа резвая, покинув горный ток,
Вплетает гиацинт в свой розовый венок,
На мирных пажитях, в лесу прохладной Иды,
Где землю посещать привыкли Ураниды,
Сияньем царственной красы окружены,
Красавцу пастырю предстали три жены.
«Будь, юноша, судьей — скажи мне, не меня ли
Царицей красоты глаза твои признали? —
Сказала первая, опершись на копьё. —
Как солнце разума горит лицо моё.
Со мной беседовать, мои встречая взгляды,
Фригиец! выше нет и для богов награды.
Подняв румяный плод, вручи его ты той,
Что вправе изо всех владеть твоей душой,
И если мудрости ты верен был доныне —
Я знаю, яблоко достанется Афине».
С румянцем, вспыхнувшим мгновенно вдоль ланит,
«Послушай, юноша, — другая говорит, —
С подвластным божеством не только спор, сравненье
Супруге и сестре Зевеса — униженье.
Но встретив раз меня, всё, что живет кругом,
Не может не сказать: как почивает гром
В небесной синеве, безмолвной и глубокой —
Так силой светит взор у Геры волоокой.
Божественная грудь, чиста как горний цвет,
Приемлет лишь того, кто потрясает свет.
Когда вступаю я в небесные чертоги,
Не люди предо мной покорствуют, а боги...
И если правым я тебя найду судьёй,
Не пастырь — царский сын стоит передо мной».
И третья говорит, к ногам покров роняя:
«Владычица сердец перед тобой нагая.
Небесный душный свод не родина моя,
На берегу морском из пены вышла я.
Но не мудрец теперь, не сын царя прекрасный,
Пусть юноша судья нам будет беспристрастный.
Мой дар божественный не мудрость и не власть;
Нет! я внушу тебе губительную страсть;
Ты сам падешь, падет отец твой, сестры, братья...

Но посмотри сюда: в горячие объятья
Я приведу к тебе подобную красу,
Могуществом моих любимцев вознесу,
И ваши имена — потомства достоянье —
Заменят Красоты обычное названье».

XV

АМИМОНА

«Это у вас на Севере всё нипочём. Посмотри-ка,
Чей там вдали голубой парус, как чайка, блеснул?
Ты только белую точку завидел; а я различила
Снасти и пестрый наш флаг. Это отцовский корабль!
Знать, старику надоела в Наксосе жена молодая...
Мать говорила, что он скоро вернётся домой
В Наполи-ди-Романье. Полно вечерней порою
В рощу лавровую мне тайно к тебе приходить.
Ах, любовь только губит нас, девушек!» — «Милая, полно!
В этих словах две вины: город родной назвала
Ты Наполи-ди-Романьёй. Это названье чужое.
Можно ли в вашей стране девам пенять на любовь?
Здесь она города созидала; по храмам и рощам
Сладостный жар не остыл в гнездах ее голубей.
Знаешь ты, как основался ваш город? Гонимый Египтом,
С целой толпою детей в Грецию прибыл Данай.
В Арголиде, томясь жестокою жаждой, изгнанник
Всех пятьдесят дочерей ключ отыскать разослал.
Долго блуждали они, одинокие. Вдруг Амимона
Неосторожной стопой будит Сатира в лесу.
Нет пощады! — Сатир догоняет пугливую, обнял...
Но над беглянкою бог верным трезубцем взмахнул.
Быстро, как горный олень, умчался Сатир козлоногий —
Мимо его просвистав, в землю трезубец впился.
«Амимона! — сказал Нептун, — подай мне трезубец!»
Дева, горя от стыда, дёрнула ловкой рукой.
Чудо! вслед за зубцами железными почва сухая
Чистых, как горный кристалл, три извергает ключа.
Навплия сына Нептуну затем понесла Амимона —
Город наш Навплию он, смелый пловец, заложил».

XVI

НА СМЕРТЬ ПОПУГАЯ

(Из Овидия)

Попка, восточный индеец, всему подражатель крылатый,
Умер. Пернатых стада! будем его хоронить.
В грудь ударяйте себя крылами, честные птицы,
И проведите следы резких ногтей по щекам.
С горя, вместо волос, чубы торчащие рвите,
Вместо печальной трубы пусть ваши песни звучат!
О преступленьи тирана Измарского ты, Филомела,
Плачешь; но грусти твоей много исполнилось лет.
Пой надгробную песнь несчастной и редкостной птице...
Итис — причина тоски сильной, но древней уже.
Все, которым дано по текучему воздуху плавать,
Ты ж неутешней других, нежная горлица, плачь.
Жизнь вся ваша была наполнена добрым согласьем
И до конца простоял долгий и прочный союз.
Чем арголийцу Оресту был некогда юный фокеец,
Попочка! тем для тебя горлица долго была.
Но к чему вся верность, к чему нарядные перья?
Голос к чему, мастерски звуки умевший менять?
Много ль в том пользы, что мне подарен ты и нравился милой
Деве? Пернатых краса! вот ты, несчастный, лежишь.
Цветом крыльев ты мог затмить изумрудов сиянье,
Кроком пунийским горел, словно окрашен, твой клюв.
Не было на земле в подражаньи искуснее птицы,
Так отчетливо ты, с хрипом, слова повторял.
Зависть сразила тебя. Не пускался ты в жаркие битвы;
Мирный болтун полюбил в жизни отрадный покой.
Вот погляди! перепелки весь век свой дерутся, а живы.
Может быть, оттого часто так стары они.
Малым был ты доволен. Любя разглагольствовать часто,
Времени много не мог яствам твой рот уделять.
Пищей тебе был орех да мак, наводящий дремоту,
Жажду поила вода влагой простою своей.
Ястреб-обжора живёт и кружащийся в воздухе коршун,
Также и грач полевой, верный предвестник дождей,
И ворона живет, ненавистная мощной Минерве;
В девять столетий она разве да разве умрет.

Умер мой попка-болтун, человечьих речей отголосок,
Дар, попавший ко мне с крайних пределов земли.
Так почти все лучшее жадные руки хватают;
Только ничтожному нет в преумноженьи границ.
Грустную видел Терзит фелакийца героя кончину,
Гектор стал прахом, в живых братья остались его.
Сколько обетов дала за тебя дрожавшая дева!
Буйный ветер умчал к морю обеты ея.
День седьмой наступил без всякой надежды в грядущем:
С праздною прялкой уже парка стояла твоя.
Но не иссякли ещё слова в утомлённой гортани,
Перед кончиной язык крикнул: «Коринна! прощай!»
Под Елисейским холмом густая темнеет дубрава,
Влажная почва кругом вечной травой зелена.
Если верить преданью, приют там для честных пернатых;
Птицам бесстыдным туда доступ навек возбранен.
Там выходят пастись безвредные лебеди в поле;
Там же и феникс живой, вечно меж всех одинок.
Птица Юноны по прихоти перья свои распускает,
Тихо голубка зовет к страстным лобзаньям самца.
Там попугаю приют уготован под сенью дубравы,
Честные птицы внимать голосу станут его.
Кости холмик покроет; для тела он слишком обширен.
Крошечный камень лежит, надпись такая ж на нём:
«Памятник — признак того, как мной госпожа дорожила;
Больше, чем птицам дано, я говорить был учён».

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

I

«Владычица Сиона, пред тобою...»

См. с. 109

II

МАДОННА

«Я не ропщу на трудный путь земной...»

См. с. 110

III

МОСКВА

(Из Кёрнера)

«Как высоки церквей златые главы...»

См. с. 110

IV

ХАНДРА

1

«Непогода — осень — куришь...»

См. с. 146

2

«Не ворчи, мой кот-мурлыка...»

См. с. 147

V

ВЕНЕЦИЯ НОЧЬЮ

«Всплески волн сверкают ярко...»

См. с. 149

VI

«Уж верба вся пушистая...»

См. с. 150

VII

ПОСВЯЩЕНИЕ К ФАУСТУ

(Г — ВУ)

«Вы вновь ко мне, воздушные виденья!..»

См. с. 151

VIII

«Полно спать: тебе две розы...»

См. с. 154, поздняя редакция

IX

Б.....М.

ПРИ ПОЛУЧЕНИИ СТИХОВ И НОТ

«Откуда вдруг в смиренный угол мой...»

См. с. 157

X

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ СЕРДЦУ

«Сердце — ты малютка...»

См. с. 157

XI

«Ещё весна — как будто неземной...»

См. с. 159, поздняя редакция

XII

«О не зови! страстей твоих так звонок...»

См. с. 162

XIII

«Я пришел к тебе с приветом...»

См. с. 166

XIV

«Облаком волнистым...»

См. с. 167

XV

«На заре ты её не буди...»

См. с. 170

XVI

ДЕРЕВНЯ

«Люблю я приют ваш печальный...»

См. с. 171

XVII

«Ах, дитя, к тебе привязан...»

См. с. 171

XVIII

УЗНИК

«Густая крапива...»

См. с. 172

XIX

ИЗ ГЕЙНЕ

1

«Ланитой к ланите моей приложись...»

См. с. 178

2

«Дитя! мои песни далёко...»

См. с. 179

3

Желтеет древесная зелень,
Дрожа, опадают листы...
Ах всё увядает, всё меркнет,
Вся нега, весь блеск красоты.

И солнце вершины лесные
Тоскливым лучом обдает.
Знать, в нем уходящее лето
Лобзанье прощальное шлёт.

А я — я хотел бы заплакать,
Так грудь истомилась тоской...
Напомнила эта картина
Мне наше прощанье с тобой.

Я знал, расставаясь, что вскоре
Ты станешь жилицей небес.
Я был — уходящее лето,
А ты — умирающий лес.

4

ПОСЕЙДОН

«Солнце лучами играло...»

См. с. 181

XX

Люди спят; мой друг, пойдём в тенистый сад.
Люди спят; одни лишь звёзды к нам глядят.

Да и те не видят нас среди ветвей
И не слышат — слышит только соловей...
Да и тот не слышит — песнь его громка.
Разве слышат только сердце да рука:
Слышит сердце, сколько радостей земли,
Сколько счастия сюда мы принесли;
Да рука, услышав, сердцу говорит,
Что чужая в ней пылает и дрожит,
Что и ей от этой дрожи горячо,
Что к плечу невольно клонится плечо...

XXI

Растут, растут причудливые тени,
В одну сливаясь тень...
Уж позлатил последние ступени
Перебежавший день.
Что́ звало жить, что́ силы горячило —
Далёко за горой.
Как призрак дня, ты, бледное светило,
Восходишь над землёй.
И на тебя, как на воспоминанье,
Я обращаю взор...
Смолкает лес, бледней ручья сиянье,
Потухли выси гор;
Лишь ты одно скользишь стезёй лазурной;
Недвижно всё окрест...
Да сыплет ночь своей бездонной урной
К нам мириады звезд.

XXII

НА ДНЕПРЕ В ПОЛОВОДЬЕ

(А. Я. П — ВОЙ)

Светало. — Ветер гнул упругое стекло
Днепра, еще в волнах не пробуждая звука...
Старик отчаливал, опершись на весло,
А между тем ворчал на внука.

От вёсел к берегу кудрявый след бежал;
Струи под лодкой закипели;
Наш парус, медленно надувшись, задрожал,
И мы, как птица, полетели.

И ярким золотом и чистым серебром
Змеились облаков прозрачных очертанья;
Над разыгравшимся, казалося, Днепром
Струилися от волн и трав благоуханья.

За нами мельница едва-едва видна,
И берег посинел зелёной...
И вот под лодкою вздрогнувшей быстрина
Сверкает сталью воронёной...

А там затопленный навстречу лес летел...
В него зеркальные врывалися заливы;
Над сонной влагою там тополь зеленел,
Белели яблони и трепетали ивы.

И под лобзания немолкнущей струи,
Певцы, которым лес да волны лишь внимали,
С какой-то негою задорной соловьи
Пустынный воздух раздражали.

Вот изумрудный луг, вот жёлтые пески
Горят в сиянье золотистом;
Вон утка крадется в тростник — вон кулики
Беспечно бегают со свистом...

Остался б здесь дышать, смотреть и слушать век...

<Ранняя редакция:

НА ДНЕПРЕ В ПОЛОВОДЬЕ

Светало. Ветер гнул упругое стекло
Днепра, в проснувшемся не пробуждая звука.
Старик отчаливал, опершись на весло,
А между тем, ворчал на внука.

От вёсел к берегу кудрявый след бежал;
Струи под лодкой закипели;
Наш парус, медленно надувшись, задрожал,
И мы как птица полетели.

И ярким золотом, и чистым серебром
Змеились облаков прозрачных очертанья;
Над разыгравшимся, казалося, Днепром
Струилися от волн и трав благоуханья.

За нами мельница едва-едва видна
И берег посинел зелёной...
И вот под лодкою вздрогнувшей быстрина
Сверкает сталью вороненой...

А там затопленный навстречу лес летел...
В него зеркальные врывалися заливы;
Над сонной влагою там тополь зеленел,
Белели яблони и трепетали ивы.

И под лобзания немолкнущей струи,
Певцы, которым лес да волны лишь внимали,
С какой-то негою задорной соловьи
Пустынный воздух раздражали.

Вот изумрудный луг, вот жёлтые пески
Горят в сияньи золотистом;
Вон утка крадется в тростник — вон кулики
Беспечно бегают со свистом...

Остался б здесь дышать, смотреть и слушать век,
Парить по воздуху, как та парит орлица,
И так досадно мне: зачем я человек,
Не эта царственная птица.

И я с унынием задумался, когда
Стал кровли различать градских домов и башен.
Быть может, в первый раз мир скуки и труда
Мне так противен был и страшен. >

XXIII

Ещё весны душистой нега
К нам не успела низойти,
Ещё овраги полны снега,
Ещё зарёй гремит телега
На замороженном пути.

Едва лишь в полдень солнце греет,
Краснеет липа в высоте,
Сквозя, березник чуть желтеет,
И соловей еще не смеет
Запеть в смородинном кусте.

Но возрожденья весть живая
Уж есть в пролетных журавлях,
И их глазами провожая,
Стоит красавица степная
С румянцем сизым на щеках.

XXIV

Ночь весенней негой дышит,
Ветер взморья не колышет,
Весь залив блестит как сталь,
И над морем облаками,
Как ползущими горами,
Разукрасилася даль.

Долго будет утомлённый
Спать с Фетидой Феб влюблённый;
Но Аврора уж не спит,
И, смутясь блаженством бога,
Из подводного чертога
С ярким факелом бежит.

XXV

Жди ясного назавтра дня...
Стрижи мелькают и звенят,
Пурпурной полосой огня
Прозрачный озарён закат.

В заливе дремлют корабли,
Едва трепещут вымпела,
Далёко небеса ушли —
И к ним морская даль ушла.

Так робко набегает тень,
Так тайно свет уходит прочь,
Что ты не скажешь: минул день,
Не говоришь: настала ночь.

XXVI

Как здесь свежо под липою густою!
Полдневный зной сюда не проникал;
И тысячи висящих надо мною
Качаются душистых опахал.

А там вдали сверкает воздух жгучий,
Колебляся, как будто дремлет он.
Так резко сух снотворный и трескучий
Кузнечиков неугомонный звон...

За мглой ветвей синеют неба своды,
Как дымкою подернуты слегка —
И как мечты почиющей природы,
Волнистые проходят облака.

XXVII

Над озером лебедь в тростник протянул;
В воде опрокинулся лес;
Зубцами вершин он в заре потонул,
Меж двух изгибаясь небес.

И воздухом чистым усталая грудь
Дышала отрадно. Легли
Вечерние тени. — Вечерний мой путь
Краснел меж деревьев вдали.

А мы, мы на лодке сидели вдвоём,
Я смело налег на весло,
Ты молча покорным владела рулём,
Нас в лодке как в люльке несло.

И детская челн направляла рука
Туда, где, блестя чешуёй,
Вдоль сонного озера быстро река
Бежала, как змей золотой.

Уж начали звезды мелькать в небесах...
Не помню, как бросил весло,
Не помню, что пестрый нашептывал флаг,
Куда нас потоком несло!

XXVIII

ОСЕНЬ

Ласточки пропали,
А вчера зарёй
Всё грачи летали,
Да как сеть мелькали
Вон над той горой.

С вечера всё спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Ночью ветер злится
Да стучит в окно.

Лучше б снег да вьюгу
Встретить грудью рад!
Словно как с испугу
Раскричавшись, к югу
Журавли летят.

Выйдешь — поневоле
Тяжело — хоть плачь!
Смотришь: через поле
Перекати-поле
Прыгает как мяч.

XXIX

СОСНЫ

Средь клёнов девственных и плачущих берёз
Я видеть не могу надменных этих сосен;
Они смущают рой живых и сладких грёз,
И трезвый вид их мне несносен.

В кругу воскреснувших соседей лишь оне
Не знают трепета, не шепчут, не вздыхают,
И, неизменные, ликующей весне
Пору зимы напоминают.

Когда уронит лес последний лист сухой
И, смолкнув, станет ждать весны и возрожденья —
Они останутся холодною красой
Пугать иные поколенья.

XXX

БОЛЬНОЙ

Его томил недуг. Тяжёлый зной печей,
Казалось, каждый вздох оспаривал у груди...
Его дразнил напев бессмысленных речей,
Ему противны стали люди.

На стены он кругом смотрел как на тюрьму,
Он обращал к окну горящие зеницы,
И света Божьего хотелося ему —
Хотелось воздуха, которым дышат птицы.

А там за стёклами, как чуткий сон, легки,
С востока яркого всё шире дни летели,
И солнце тёплое, морозам вопреки,
Вдоль крыш развесило капели.

Просиживая дни, он думал всё одно:
«Я знаю, небеса весны меня излечут...»
И ждал он: скоро ли весна пахнет в окно,
И там две ласточки, прижавшись, защебечут?

XXXI

В САДУ

Приветствую тебя, мой добрый, старый сад,
Цветущих лет цветущее наследство!
С улыбкой горькою я пью твой аромат,
Которым некогда мое дышало детство.

Густые липы те ж, но заросли слова,
Которые в тени я вырезал искусно;
Хватает за ноги заглохшая трава,
И чувствую, что там в лесу мне будет грустно.

Как будто с трепетом здесь каждого листа
Моя пробудится и затрепещет совесть,
И станут лепетать знакомые места
Давно забытую, оплаканную повесть.

И скажут: «Помним мы, как ты играл и рос,
Мы помним, как потом, в последний час разлуки,
Венком из молодых и благовонных роз
Тебя здесь нежные благословляли руки.

Скажи: где розы те, которые такой
Веселой радостью и свежестью дышали?»
Одни я раздарил с безумством и тоской,
Другие растерял — и все они увяли.

А вы, вы молоды и пышны до конца.
Я рад... и радости вполне вкусить не смею;

Стою как блудный сын перед лицом отца,
И плакать бы хотел — и плакать не умею.

XXXII

ПАМЯТИ ДМИТРИЯ ЛЬВОВИЧА КРЮКОВА

Когда светильником пред нашими очами
Ко храму Римских Муз ты озарял ступень,
И чудилося нам невольно, что пред нами
Горация витает тень —

Впервые тихие и радостные слёзы
Исторгнул дышащий из уст твоих певец:
Пленили нас его неблекнущие розы
И зеленеющий венец.

В замолкнувший чертог к Минерве и к Зевесу
Вслед за тобой толпа ликующая шла;
И тихо древнюю ты раздвигал завесу
С громодержащего орла.

Но светоч твой угас. Надёжного союза
Судьба не обрекла меж нами и тобой...
И лиру уронив, поникла молча Муза
В слезах над урной гробовой.

XXXIII

В долгие ночи, как вежды на сон не сомкнуты,
Чудные душу порой посещают минуты.
Дух окрилен, никакая не мучит утрата,
В дальней звезде отгадал бы отбывшего брата!
Близкой души предо мною все ясны изгибы;
Видишь, как были — и видишь, как быть бы могли бы!
О! если ночь унесет тебя в мир этот странный,
Мощному духу отдайся, о друг мой желанный!
Я отзовусь — но внемля бестелесному звуку,
Вспомни меня, как невольную помнят разлуку!

XXXIV

МОРСКОЙ ЗАЛИВ

Третью уж ночь вот на этом холме за оврагом
Конь мой по звонкой дороге пускается шагом.
Третью уж ночь, миновав эту старую иву,
Сам я невольно лицом обращаюсь к заливу.
Только вдали потухая за дымкою сизой,
Весь в ширину он серебряной светится ризой.
Спит он так тихо, что ухо, исполнясь вниманья,
Даже средь камней его не уловит дыханья.
В блеск этот душу уносит волшебная сила!..
Что за слова мне она в эту ночь говорила!
Сколько в веселых речах прозвучало привета!
Сколько в них сердце почуяло неги и света!
Ах! что за ночь! Тише, конь мой, куда торопиться?..
Рад и сегодня я сном до зари не забыться!

XXXV

Не спрашивай, над чем задумываюсь я:
Мне сознаваться в том и тягостно, и больно;
Мечтой безумною полна душа моя
И в глубь минувших лет уносится невольно.
Сиянье прелести тогда в свой круг влекло.
Взглянул — и пылкое навстречу сердце рвётся!
Так голубь, бурею застигнутый, в стекло,
Как очарованный, крылом лазурным бьётся.
А ныне пред лицом сияющей красы
Нет этой слепоты и страсти безответной.
Но сердце глупое, как ветхие часы,
Коли забьет порой, так всё свой час заветной.
Я помню, отроком я был ещё. Пора
Была туманная. Сирень в слезах дрожала.
В тот день лежала мать больна, и со двора
Подруга игр моих надолго уезжала.
Не мчались ласточки, звеня, перед окном,
И мошек не толклись блестящих вереницы,
Сидели голуби, нахохлившись, рядком,
И в липник прятались умолкнувшие птицы.

А над колодезем, на вздернутом шесте,
Где старая бадья болталась как подвеска,
Закаркал ворон вдруг, чернея в высоте;
Закаркал как-то зло, отрывисто и резко.
Тот плач давно умолк, — кругом и смех и шум;
Но сердце вечно, знать, пугаться не отвыкнет;
Гляжу в твои глаза, люблю их нежный ум...
И трепещу — вот-вот зловещий ворон крикнет.

XXXVI

ПЕРВАЯ БОРОЗДА

Со степи зелёно-серой
Подымается туман,
И торчит ещё — Церерой
Ненавидимый бурьян.

Ржавый плуг опять светлеет;
Где волы, склонясь, прошли,
Лентой бархатной чернеет
Глыба взрезанной земли.

Чем-то блещут свежим, нежным
Солнца вешние лучи,
Вслед за пахарем прилежным
Ходят жадные грачи.

Ветерок благоухает
Сочной почвы глубиной —
И Юпитера встречает
Лоно Геи молодой.

XXXVII

Ты расточительна на милые слова,
А в сердце мне не шлешь отрадного привета,
И втайне думаешь: причудлива, черства
Душа суровая поэта.

Я тоже жду; я жду, нельзя ли превозмочь
Твоей холодности, подметить миг участья,
Чтобы в глазах твоих, загадочных как ночь,
Затрепетали звезды счастья.

Я жду, я жажду их; мечтателю в ночи
Сиянья не встречать пышнее и прелестней,
И знаю, низойдут их яркие лучи
Ко мне и трепетом, и песней.

XXXVIII

ЛЕС

Куда ни обращаю взор,
Кругом синеет мрачный бор,
И день права свои утратил;
В глухой дали стучит топор,
Вблизи стучит вертлявый дятел.

У ног гниет столетний лом,
Гранит чернеет, и за пнём
Прижался заяц серебристый;
А на сосне, поросшей мхом,
Мелькает белки хвост пушистый.

И пусть заглох и одичал,
Позеленелый мост упал
И лег, скосясь, во рву размытом,
И конь давно не выступал
По нём подкованным копытом.

XXXIX

Какое счастие: и ночь, и мы одни!
Река как зеркало и вся блестит звездами;
А там-то... голову закинь-ка да взгляни:
Какая глубина и чистота над нами!

О, называй меня безумным! назови
Чем хочешь. В этот миг я разумом слабею
И в сердце чувствую такой прилив любви,
Что не могу молчать, не стану, не умею!

Я болен, я влюблен; но, мучась и любя —
О, слушай! о пойми! — я страсти не скрываю,
И я хочу сказать, что я люблю тебя —
Тебя, одну тебя люблю я и желаю!

XL

СТЕПЬ ВЕЧЕРОМ

Клубятся тучи, млея в блеске алом,
Хотят в росе понежиться поля,
В последний раз, за третьим перевалом
Пропал ямщик, звеня и не пыля.

Нигде жилья не видно на просторе,
Вдали огня иль песни — и не ждешь!
Всё степь да степь. Безбрежная, как море,
Волнуется и наливает рожь.

За облаком, до половины скрыта,
Луна светить еще не смеет днём.
Вот жук взлетел и прожужжал сердито,
Вот лунь проплыл, не шевеля крылом.

Покрылись нивы сетью золотистой,
Там перепел откликнулся вдали,
И слышу я, в изложине росистой
Вполголоса скрыпят коростели.

Уж сумраком пытливый взор обманут,
Среди тепла прохладой стало дуть.
Луна чиста. Вот с неба звезды глянут,
И как река засветит млечный путь.

XLI

ПЧЁЛЫ

Пропаду от тоски я и лени,
Одинокая жизнь не мила,
Сердце ноет, слабеют колени...
В каждый гвоздик душистой сирени,
Распевая, вползает пчела...

Дай хоть выйду я в чистое поле
Иль совсем потеряюсь в лесу...
С каждым шагом не легче на воле,
Сердце пышет всё боле и боле,
Точно уголь в груди я несу.

Нет, постой же! с тоскою моею
Здесь расстанусь. Черёмуха спит...
Ах, опять эти пчёлы под нею!
И никак я понять не умею,
На цветах ли, в ушах ли звенит.

XLII

Что за ночь! Прозрачный воздух скован;
Над землей клубится аромат.
О, теперь я счастлив, я взволнован,
О, теперь я высказаться рад!

Помнишь час последнего свиданья?
Безотраден сумрак ночи был;
Ты ждала, ты жаждала признанья —
Я молчал: тебя я не любил.

Холодела кровь и сердце ныло:
Так тяжка была твоя печаль;
Горько мне за нас обоих было
И сказать мне правду было жаль.

Но теперь, когда дрожу и млею
И как раб твой каждый взор ловлю,

Я не лгу, назвав тебя своею
И клянясь, что я тебя люблю.

XLIII

СТАРЫЙ ПАРК

Сбирались умирать последние цветы
И ждали с грустию дыхания мороза;
Краснели по краям кленовые листы,
Горошек отцветал и осыпалась роза.

Над мрачным ельником проснулася заря,
Но яркости ее не радовались птицы;
Однообразный свист лишь слышен снегиря,
Да раздражает писк насмешливой синицы.

Беседка старая над пропастью видна.
Вхожу. Два льва без лап на лестнице встречают...
Полузатертые, чужие имена,
Сплетаясь меж собой, в глазах моих мелькают.

Гляжу. У ног моих отвесною стеной
Мне сосен кажутся недвижные вершины.
И горная тропа, размытая водой,
Виясь, как жёлтый змей, бежит на дно долины.

И солнце вырвалось из тучи — и лучи,
Блеснув как молния, в долину долетели.
Отсюда вижу я, как бьют в пруде ключи
И над травой стоят недвижные форели.

Один. Ничьих шагов не слышу за собой,
В душе уныние, усилие во взоре.
А там, за соснами, как купол голубой,
Стоит бесстрастное, безжалостное море.

Как чайка, парус там белеет в высоте.
Я жду, потонет он, но он не утопает,
И, медленно скользя по выгнутой черте,
Как волокнистый след пропавшей тучки тает.

XLIV

ВЕСЕННИЕ МЫСЛИ

Снова птицы летят издалёка
К берегам, расторгающим лёд,
Солнце тёплое ходит высоко
И душистого ландыша ждёт.

Снова в сердце ничем не умеришь
До ланит восходящую кровь
И душою подкупленной веришь,
Что как мир бесконечна любовь.

Но сойдемся ли снова так близко
Средь природы разнеженной мы,
Как видало ходившее низко
Нас холодное солнце зимы?

XLV

ВЕСНА НА ДВОРЕ

Как дышит грудь свежо и ёмко —
Слова не выразят ничьи!
Как по оврагам, в полдень, громко
На пену прядают ручьи!

В эфире песнь дрожит и тает,
На глыбе зеленеет рожь —
И голос нежный напевает:
«Еще весну переживешь!»

XLVI

ВЕЧЕР

Прозвучало над ясной рекою,
Прозвенело в померкшем лугу,

Прокатилось над рощей немою,
Засветилось на том берегу.

Далеко, в полумраке, луками
Убегает на запад река;
Погорев золотыми каймами,
Разлетелись, как дым, облака.

На пригорке то сыро, то жарко,
Вздохи дня есть в дыханьи ночном...
Но зарница уж теплится ярко
Голубым и зелёным огнём.

XLVII

МУЗА

Не в сумрачный чертог Наяды говорливой
Пришла она пленять мой слух самолюбивый
Рассказом о щитах, героях и конях,
О шлемах кованых и сломанных мечах.
Скрывая низкий лоб под ветвию лавровой,
С цитарой золотой, иль из кости слоновой,
Ни разу на моём не прилегла плече
Богиня гордая в расшитой епанче.
Мне слуха не ласкал язык ее могучий,
И гибкий, и простой, и звучный без созвучий.
По воле Пиерид с достоинством певца
Я не мечтал стяжать широкого венца.
О, нет! под дымкою ревнивой покрывала
Мне Муза молодость иную указала:
Отягощала прядь душистая волос
Головку дивную узлом тяжелых кос;
Цветы последние в руке ее дрожали;
Отрывистая речь была полна печали,
И женской прихоти, и серебристых грёз,
Невысказанных мук и непонятных слёз.
Какой-то негою томительной волнуем,
Я слушал, как слова встречались с поцелуем,
И долго без нее душа была больна
И несказанного стремления полна.

XLVIII

Тёплый ветер тихо веет,
Жизнью свежей дышит степь,
И курганов зеленеет
Убегающая цепь.

И далёко меж курганов
Темносерою змеёй
До леднеющих туманов
Пролегает путь родной.

К безотчетному веселью
Подымаясь в небеса,
Сыплют с неба трель за трелью
Вешних птичек голоса.

<Ранняя редакция:

Тёплый ветер тихо веет,
Жизнью свежей дышит степь,
И курганов зеленеет
Убегающая цепь.

И далёко меж курганов
Темносерою змеёй
До бледнеющих туманов
Пролегает путь родной.

К безотчетному веселью
Подымаясь в небеса,
Сыплют с неба трель за трелью
Вешних птичек голоса.

С думой легкой, с думой страстной
Я гляжу на дальний путь —
И надеждою напрасной
Молодая млеет грудь.>

XLIX

Последний звук умолк в лесу глухом,
Последний луч погаснул за горою...
О, скоро ли в безмолвии ночном,
Прекрасный друг, увижусь я с тобою?

О, скоро ли младенческая речь
В испуг мое изменит ожиданье?
О, скоро ли к груди моей прилечь
Ты поспешишь, вся трепет, вся желанье?

Скользит туман прозрачный над рекой,
Как твой покров, свиваясь и белея...
Час фей настал! Увижусь ли с тобой
Я в царстве фей, мечтательная Фея?

Иль заодно с тобой и ночь и мгла
Меня томят и нежат в заблужденьи?
Иль эта страсть больная солгала
И жар ночной потухнет в песнопеньи?

L

В пору любви, мечты, свободы,
В мерцаньи розового дня,
Язык душевной непогоды
Был непонятен для меня.

Я забавлялся над словами,
Что будто по душе иной
Проходит злоба полосами,
Как тень от тучи громовой.

Настало время отрезвляться —
И долг велел: в немой борьбе
Навстречу людям улыбаться,
А горе подавлять в себе.

Я побеждал. В душе сокрыта,
Беда спала... Но знал ли я,

Как живуща, как ядовита
Эдема старая змея!

Находят дни: с самим собою
Бороться сердцу тяжело...
И духа злобы над душою
Я слышу тяжкое крыло.

LI

ИВА

Сядем здесь, у этой ивы.
Что за чудные извивы
На коре вокруг дупла!
А под ивой как красивы
Золотые переливы
Струй дрожащего стекла!

Ветви сочные дугою
Перегнулись над водою,
Как зеленый водопад;
Как живые, как иглою,
Будто споря меж собою,
Листья воду бороздят.

В этом зеркале под ивой
Уловил мой глаз ревнивый
Сердцу милые черты...
Мягче взор твой горделивый...
Я дрожу, глядя, счастливый,
Как в воде дрожишь и ты.

LII

О друг! Не мучь меня жестоким приговором!
Я оскорблять тебя минувшим не хочу.
Оно пленительным промчалось метеором...
С твоим я встретиться робел и жаждал взором
И приходил молчать. Я и теперь молчу.

Добра и красоты в чертах твоих слиянье
По-прежнему ещё мой подкупает ум.
Я вижу — вот оно, то нежное созданье,
К которому я нёс весь пыл, всё упованье
Безумных, радостных, невысказанных дум.

Но помнишь ли? Весной гремела песнь лесная
И кликал соловей серебряные сны...
Теперь душистей лес, пышнее тень ночная,
И хочет соловей запеть, как утром мая...
Но робко так не пел он в первый день весны.

LIII

ПРИМЕТЫ

И тихо и светло — до сумерек далёко;
Как в дымке голубой и небо и вода...
Лишь облаков густых с заката до востока
Лениво тянется лиловая гряда.

Да, тихо и светло... но ухом напряженным
Смятенья и тоски ты крики разгадал:
То чайки скликались над морем усыпленным
И в воздухе кружась, летят к навесам скал.

Ночь будет страшная и буря будет злая,
Сольются в мрак и гул и небо и земля...
А завтра, может быть, вот здесь волна седая
На берег выбросит обломки корабля.

LIV

Какие-то носятся звуки
И льнут к моему изголовью...
Полны они томной разлуки,
Дрожат небывалой любовью.

Казалось бы... что ж? Отзвучала
Последняя нежная ласка,
По улице пыль пробежала,
Почтовая скрылась коляска...

И только... Но песня разлуки
Несбыточной дразнит любовью,
И носятся светлые звуки,
И льнут к моему изголовью.

<Ранняя редакция:

МЕЛОДИЯ

Какие-то носятся звуки
И льнут к моему изголовью.
Полны они гордой разлуки,
Дрожат небывалой любовью...

Ведь годы ж прошли? И тогда-то
Душа не изведала страсти...
Что ж сердце болезненно сжато
Влияньем неведомой власти?

Казалось бы, что ж? Отзвучала
Последняя нежная ласка,
По улице пыль пробежала,
Почтовая скрылась коляска...

И только... Но песня разлуки
С несбыточной шутит любовью,
И носятся светлые звуки,
И льнут к моему изголовью...>

LV

РЕВЕЛЬ
(После представления Фрейшица)

Театр во мгле затих. Агата
В объятьях нежного стрелка.
Еще напевами объята,
Душа светла — и жизнь легка.

Всё спит. Над тесным переулком,
Как речка, блещут небеса,
Умолк на перекрестке гулком
Далёкий грохот колеса.

И с каждым шагом город душный
Передо мной стесняет даль;
Лишь там на высоте воздушной
Блестит балкон, поет рояль...

И с переливом серебристым,
С лучом, просящимся во тьму,
Летит твой голос к звездам чистым,
И вторит сердцу моему.

LVI

ПЕРВЫЙ ЛАНДЫШ

О первый ландыш! Из-под снега
Ты просишь солнечных лучей;
Какая девственная нега
В душистой чистоте твоей!

Как первый луч весенний ярок!
Какие в нем нисходят сны!
Как ты пленителен, подарок
Воспламеняющей весны!

Так дева в первый раз вздыхает
О чем? неясно ей самой...

И робкий вздох благоухает
Избытком жизни молодой.

LVII

ПАРОХОД

Злой дельфин, ты просишь ходу,
Ноздри пышут, пар валит,
Сердце мощное кипит,
Лапы с шумом роют воду.

Не лишай родной земли
Этой девы, этой розы,
Погоди, прощанья слёзы
Вдохновенные продли!

Но напрасно... Конь морской,
Ты понесся быстрой птицей —
Только пляшут вереницей
Нереиды за тобой.

LVIII

ЗНАКОМКЕ С ЮГА

На Север грустный с пламенного Юга,
Прекрасных дней прекрасная подруга,
Ты мне привет отрадный принесла.
Но холодом полночным всё убило,
Что́ сердце там так искренне любило
И чем душа так радостно цвела.

О, как бы я на милый зов ответил
Там, где луны встающий диск так светел,
Где солнца блеск живителен и жгуч,
Где дышит ночь невыразимой тайной
И теплятся над спящею Украйной
В лучах лазурных звезды из-за туч,

И грезит пруд, и дремлет тополь сонной,
Вдоль туч скользя вершиной заострённой,
Где воздух, свет и думы заодно —
И грудь дрожит от страсти неминучей,
И веткою всё просится пахучей
Акация в раскрытое окно.

LIX

Вчера, увенчана душистыми цветами,
Смотрела долго ты в зеркальное окно,
На небо синее, горевшее звездами,
В аллею тополей с дрожащими листами,
В аллею, где вдали так страшно и темно.

Забыла, может быть, ты за собою в зале
И яркий блеск свечей, и нежные слова...
Когда помчался вальс и струны рокотали —
Я видел — вся в цветах, исполнена печали,
К плечу слегка твоя склонилась голова.

Не думала ли ты: «Вон там, в беседке дальней,
На мраморной скамье теперь он ждет меня
Под сумраком дерев, ревнивый и печальный;
Он взоры утомил, смотря на вихорь бальный,
И ловит тень мою в сиянии огня».

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. А. ФЕТА.

ЧАСТЬ I.

Изданіе К. Солдатенкова.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1863.

Издание моих стихотворений, появившееся в 1856 году, распродано. В этом я вижу доказательство, что Муза моя не без добрых друзей. Для них-то предпринимаю новое полное собрание, в которое войдут не только оригинальные пиесы, но и переводы. Не могу при этом не заявить искренней признательности тем друзьям поэтам, эстетическому вкусу которых я вверил вполне издание 1856 года. Эти друзья могут убедиться, что и в предлежащие два тома вновь вошла всего одна пиеса, случайно ими забытая, из прежней моей деятельности, а из последующей и всех переводов включены только те, которые, хотя и поодиночке, были ими одобрены.

ЭЛЕГИИ

I

«О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной...»

См. с. 117

II

«Когда мои мечты за гранью прошлых дней...»

См. с. 117, поздняя редакция

III

«Когда мечтательно я предан тишине...»

См. с. 118, поздняя редакция

IV

«Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой...»

См. с. 119

V

«Странное чувство какое-то в несколько дней овладело...»

См. с. 120

VI

«Я знаю, гордая, ты любишь самовластье...»

См. с. 121, поздняя редакция

VII

«Её не знает свет — она ещё ребёнок...»

См. с. 123

VIII

«Эх, шутка-молодость! Как новый, ранний снег...»

См. с. 124

IX

«Лозы мои за окном разрослись живописно и даже...»

См. с. 124

X

«Не говори, мой друг: "Она меня забудет..."»

См. с. 186

XI

«Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?..»

См. с. 187

XII

Под небом Франции, среди столицы света,
Где так изменчива народная волна,
Не знаю отчего грустна душа поэта
И тайной скорбию мечта его полна.

Каким-то чуждым сном весь блеск несётся мимо,
Под шум ей грезится иной, далёкий край;
Так древле дикий Скиф средь праздничного Рима
Со вздохом вспоминал свой северный Дунай.

О Боже! перед кем везде страданья наши,
Как звезды по небу полночному горят,
Не дай моим устам испить из горькой чаши
Изгнанья мрачного по капле жгучий яд.

XIII

СМЕРТИ

Когда, измучен жаждой счастья
И громом бедствий оглушен,
Со взором, полным сладострастья,
В тебе последнего участья
Искать страдалец обречен, —

Не верь, суровый ангел Бога,
Тушить свой факел погоди.
О, как в страданьи веры много!
Постой! безумная тревога
Уснет в измученной груди.

Придет пора, пора иная:
Повеет жизни благодать,
И будет тот, кто, изнывая,
В тебе встречал предтечу рая,
Перед тобою трепетать.

Но кто не молит и не просит,
Кому страданье не дано,

Кто жизни злобно не поносит,
А молча, сознавая, носит
Твое могучее зерно,

Кто дышит с равным напряженьем, —
Того, безмолвна, посети,
Повея полным примиреньем,
Ему предстань за сновиденьем
И тихо вежды опусти.

XIV

Целый заставила день меня промечтать ты сегодня:
Только забудусь — опять ты предо мною в саду.
Если очнусь, застаю у себя на устах я улыбку;
Вновь позабудусь, и вновь листья в глазах да цветы,
И у суровой коры наклоненного старого клёна
Милая дева-дитя, в белом, ты чинно сидишь.
Да! ты ребенок ещё, но сколько любви благодатной
Светит в лазурных очах мальчику злому вослед.
Златоволосый, как ты, на твоих он играет коленях:
В вожжи твой пояс цветной силясь (шалун!) обратить.
Крепко сжимая концы ленты одною ручонкой,
Веткой левкоя тебя хочет ударить другой.
Полно, шалун! ты сронил диадему с румяной головки;
Толстою прядью скользя, вся развернулась коса.
Цвет изумительный: точно опала и бронзы слиянье,
Иль назревающей ржи колос слегка-золотой.
О, Афродита! не твой ли здесь шутит кудрявый упрямец?
Долго недаром вокруг белый порхал мотылек.
Мне еще памятен образ Амура и нежной Психеи,
Душу мою ты в свой мир светлый опять унесла.

XV

ОДИНОКИЙ ДУБ

Смотри! синея, друг за другом
Каким широким полукругом

Уходят правнуки твои.
Зачем же тенью благотворной
Всё кружишь ты, старик упорной,
По рубежам родной земли?

Когда ж неведомым страданьям,
Когда жестоким испытаньям
Придет медлительный конец?
Иль вечно понапрасну годы,
Рукой суровой непогоды,
Упрямый щиплют твой венец?

И под изрытою корою,
Ты полон силой молодою.
Так старый витязь, сверстник твой,
Не остывал душой с годами,
Под иззубренною мечами,
Давно заржавленной бронёй.

Всё дальше, дальше с каждым годом
Вокруг тебя, незримым ходом,
Ползет простор твоих корней,
И в их кривые промежутки,
Гнездясь, с пригорка незабудки
Глядят смелее в даль степей.

Когда же, вод взломав оковы,
Весенний ветр несёт в дубровы
Твои поблеклые листы,
С ним вести на простор широкой,
Что жив их пращур одинокой,
Ко внукам посылаешь ты.

XVI

ИТАЛИЯ

Италия, ты сердцу солгала;
Как долго я в душе тебя лелеял,
Но не такой мечта тебя нашла,
И не родным мне воздух твой повеял.

В твоих степях любимый образ мой
Не мог, опять воскреснувши, не вырость;
Сын Севера — люблю я шум лесной
И зелени растительную сырость.

Твоих сынов паденье и позор
И нищету увидя, содрогаюсь;
Но иногда, суровый приговор
Забыв, опять с тобою примиряюсь.

В углах садов и старческих руин
Нередко жар я чувствую мгновенный,
И слушаю — и кажется один
Я слышу гимн Сивиллы вдохновенной.

В подобный миг чужие небеса
Неведомой мне в душу веют силой,
И я люблю, увядшая краса!
Твой долгий взор надменный и унылый,

И ящериц, мелькающих кругом,
И негу их на нестерпимом зное,
И страстного кумира, под плющом
Раскидистым, увечье вековое.

XVII

НА РАЗВАЛИНАХ ЦЕЗАРСКИХ ПАЛАТ

Над грудой мусора, где плющ тоскливо вьётся,
Над сводами глухих и тёмных галерей,
В груди моей сильней живое сердце бьётся
И в жилах кровь бежит быстрей.

Пускай вокруг меня тяжелые громады
Из праха восстают и храмы и дворцы,
И драгоценные пестреют колоннады,
И воскресают мертвецы,

И шум на площади, и женщин вереница,
И вновь увенчанный святый алтарь горит,

И из-под новых врат златая колесница
К холму заветному спешит.

Нет! нет! не ослепишь души моей тревожной!
Пускай я не дерзну сказать: ты не велик,
Но Рим! я радуюсь, что грустный и ничтожный,
Ты здесь у ног моих приник.

Безжалостный Квирит, тебя я ненавижу
За то, что на земле ты видел лишь себя,
И даже в зрелищах твоих кровавых вижу,
Что музы прокляли тебя.

Напрасно лепетал ты эллинские звуки,
Ты смысла тайного речей не разгадал,
И на учителя безжалостные руки,
Палач всемирный! подымал.

Законность измерял ты силою великой.
Что ж сиротливо так безмолвствуешь теперь?
Ты сам, бездушный Рим, пал жертвой силы дикой,
Как устаревший хищный зверь.

И вот, растерзаны блестящие одежды,
В тумане утреннем развалина молчит,
И трупа буйного, жестокого невежды
Слезой Камена не почтит.

XVIII

Пойду навстречу к ним знакомою тропою.
Какою нежною, янтарною зарёю
Сияют небеса нетленные, как рай.
Далёко выгнулся земли померкший край,
Прохлада вечера и дышит и не дышит
И колос зреющий едва, едва колышет.
Нет, дальше не пойду: под сению дубов
Всю ночь, всю эту ночь я просидеть готов,
Смотря в лицо зари, иль вдоль дороги серой...
Какою молодой и безграничной верой

Опять душа полна! Как в этой тишине
Всем, всем, что́ жизнь дала, довольная вполне,
Иного уж она не требует удела.
Собака верная у ног моих присела
И, ухо чуткое насторожив слегка,
Глядит на медленно ползущего жука.
Иль мне послышалось? В подобные мгновенья
Вдали колеблются и звуки и виденья.
Нет, точно, — издали доходит до меня
Нетерпеливый шаг знакомого коня.

XIX

СТАРЫЕ ПИСЬМА

Давно забытые, под лёгким слоем пыли,
Черты заветные, вы вновь передо мной,
И в час душевных мук мгновенно воскресили
Всё, что́ давно-давно утрачено душой.

Горя огнём стыда, опять встречают взоры
Одну доверчивость, надежду и любовь,
И задушевных слов поблекшие узоры
От сердца моего к ланитам гонят кровь.

Я вами осужден, свидетели немые
Весны души моей и сумрачной зимы.
Вы те же светлые, святые, молодые,
Как в тот ужасный час, когда прощались мы.

А я доверился предательскому звуку,
(Как будто вне любви есть в мире что-нибудь!)
Я дерзко оттолкнул писавшую вас руку,
Я осудил себя на вечную разлуку,
И с холодом в груди пустился в дальний путь.

Зачем же с прежнею улыбкой умиленья
Шептать мне о любви, глядеть в мои глаза?
Души не воскресит и голос всепрощенья,
Не смоет этих строк и жгучая слеза.

XX

О нет, не стану звать утраченную радость,
Напрасно горячить скудеющую кровь;
Не стану кликать вновь забывчивую младость
И спутницу ее безумную любовь.

Без ропота иду навстречу вечной власти,
Молитву затвердя горячую одну:
Пусть тот осенний ветр мои погасит страсти,
Что́ каждый день с чела роняет седину.

Пускай с души больной, борьбою утомленной,
Без грохота спадет тоскливой жизни цепь,
И пусть очнусь вдали, где к речке безыменной
От голубых холмов бежит немая степь;

Где с дикой яблонью убором спорит слива;
Где тучка чуть ползет, воздушна и светла;
Где дремлет над водой поникнувшая ива
И вечером жужжа к улью летит пчела.

Быть может! — вечно вдаль с надеждой смотрят очи, —
Там ждет меня друзей лелеющий союз,
С сердцами чистыми, как месяц полуночи,
С душою чуткою, как песни вещих муз.

Там наконец я всё, чего душа алкала,
Ждала, надеялась, на склоне лет найду,
И с лона тихого земного идеала
На лоно вечности с улыбкой перейду.

ПОДРАЖАНИЯ ВОСТОЧНОМУ

I

«Я люблю его жарко: он тигром в бою...»

См. с. 130

II

«Не дивись, что я черна...»

См. с. 131

К ОФЕЛИИ

I

«Не здесь ли ты лёгкою тенью...»

См. с. 132, поздняя редакция

II

«Я болен, Офелия, милый мой друг!..»

См. с. 133

III

«Как ангел неба безмятежный...»

См. с. 134

СНЕГА

I

«На пажитях немых люблю в мороз трескучий...»

См. с. 53

II

«Знаю я, что ты, малютка...»

См. с. 53

III

«Вот утро севера — сонливое, скупое...»

См. с. 54

IV

«Печальная берёза...»

См. с. 54

V

«Кот поёт, глаза прищуря...»

См. с. 55

VI

«Чудная картина...»

См. с. 55

VII

«Ночь светла, мороз сияет...»

См. с. 56, поздняя редакция

VIII

«На двойном стекле узоры...»

См. с. 57

IX

Скрип шагов вдоль улиц белых,
Огоньки вдали;
На стенах оледенелых
Блещут хрустали.

От ресниц нависнул в очи
Серебристый пух,
Тишина холодной ночи
Занимает дух.

Ветер спит и всё немеет,
Только бы уснуть;
Ясный воздух сам робеет
На мороз дохнуть.

ГАДАНИЯ

I

«Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом...»

См. с. 58

II

«Полно смеяться! что это с вами?..»

См. с. 59

III

«Помню я: — старушка няня...»

См. с. 60

IV

«Перекрёсток, где ракитка...»

См. с. 61

МЕЛОДИИ

I

«Не отходи от меня...»

См. с. 62

II

«Тихая, звездная ночь...»

См. с. 64

III

«Буря на нéбе вечернем...»

См. с. 65

IV

NOCTURNO

«Ты спишь один, забыт на месте диком...»

См. с. 66

V

«Тёплым ветром потянуло...»

См. с. 69

VI

«Если зимнее небо звездами горит...»

См. с. 69

VII

«Полуночные образы реют...»

См. с. 70, поздняя редакция

VIII

«Я долго стоял неподвижно...»

См. с. 71

IX

«Шумела полночная вьюга...»

См. с. 71

X

«Улыбка томительной скуки...»

См. с. 71, поздняя редакция

XI

СЕРЕНАДА

«Тихо вечер догорает...»

См. с. 73

XII

«За кормою струйки вьются...»

См. с. 74

XIII

ФАНТАЗИЯ

«Мы одни; из сада в стёкла окон...»

См. с. 76

XIV

«Недвижные очи, безумные очи...»

См. с. 77

XV

«Как мошки зарёю...»

См. с. 78, поздняя редакция

XVI

«Спи — ещё зарёю...»

См. с. 79

XVII

«Свеж и душист твой роскошный венок...»

См. с. 80

XVIII

«Давно ль под волшебные звуки...»

См. с. 65

XIX

Снился берег мне скалистый,
Море спало под луною,
Как ребёнок дремлет чистый...
И по нём скользя с тобою,
В дым прозрачный и волнистый
Шли алмазной мы стезёю.

XX

ТУМАННОЕ УТРО

Как первый золотистый луч
Меж белых гор и сизых туч
Скользит уступами вершин
На темя башен и руин,
Когда в долинах, полных мглой,
Туман недвижим голубой,
Пусть твой восторг во мглу сердец
Такой кидает свет, певец!
И как у розы молодой,
Рожденной раннею зарей, —
Когда еще палящих крыл
Полудня ветер не раскрыл
И влажный вздох туман ночной
Меж небом делит и землёй, —
Росинка катится с листа,
Пусть будет песнь твоя чиста.

XXI

РИМСКИЙ ПРАЗДНИК

Не напевай тоскливой муки
И слёзный трепет утиши,
Воздушный голос! Эти звуки
Смущают кроткий мир души.

Вокруг светло. На праздник Рима
Взглянули ярко небеса —
И высоко-неизмерима
Их светло-синяя краса.

Толпа ликует, как ребёнок,
На перекрёстках шум и гул,
В кистях пунцовых, бодр и звонок,
По мостовой ступает мул.

В дыханьи чары мимолётной
Уже ласкались вкруг меня
И радость жизни беззаботной,
И свет безоблачного дня.

Но ты запел, — и злые звуки
Смущают кроткий мир души...
О, не зови тоскливой муки
И слёзный трепет утиши!

XXII

ЦВЕТЫ

С полей несётся голос стада,
В кустах малиновки звенят,
И с побелевших яблонь сада
Струится сладкий аромат.

Цветы глядят с тоской влюбленной,
Безгрешно-чисты, как весна,
Роняя с пылью благовонной
Плодов румяных семена.

Сестра цветов, подруга розы,
Очами в очи мне взгляни,
Навей живительные грёзы
И в сердце песню заронi.

XXIII

Вчера я шёл по зале освещённой,
Где так давно встречались мы с тобой.
Ты здесь опять! Безмолвный и смущённый,
Невольно я поникнул головой,

И в темноте тревожного сознанья
Былые дни я различал едва,
Когда шептал безумные желанья
И говорил безумные слова.

Знакомыми напевами томимый
Стою. В глазах движенье и цветы, —
И кажется, летя под звук любимый,
Ты прошептала кротко: «что же ты?»

И звуки те ж и те ж благоуханья,
И чувствую — пылает голова,
И я шепчу безумные желанья,
И лепечу безумные слова.

XXIV

Всё вокруг и пестро так и шумно;
Но напрасно толпа весела:
Без тебя я тоскую безумно,
Ты улыбку мою унесла.
Только изредка поздней порою,
После скучного, тяжкого дня,
Нежный лик твой встает предо мною
И ему улыбаюся я.

XXV

ПЕВИЦЕ

Уноси моё сердце в звенящую даль,
Где как месяц за рощей печаль,
В этих звуках на жаркие слёзы твои
Кротко светит улыбка любви.

О дитя! как легко средь незримых зыбей
Доверяться мне песне твоей:
Выше, выше плыву серебристым путем,
Будто шаткая тень за крылом.

Вдалеке замирает твой голос, горя,
Словно за морем ночью заря,
И откуда-то вдруг, я понять не могу,
Грянет звонкий прилив жемчугу.

Уноси ж моё сердце в звенящую даль,
Где кротка, как улыбка, печаль,
И всё выше помчусь серебристым путем
Я, как шаткая тень за крылом.

XXVI

БАЛ

Когда трепещут эти звуки
И дразнит ноющий смычок,
Слагая на коленях руки,
Сажусь в забытый уголок.

И как зари румянец дальной,
Иль дней былых немая речь,
Меня пленяет вихорь бальной
И шевелит мерцанье свеч.

О как ничем неукротимо
Уносит к юности былой,
Вблизи порхающее мимо,
Круженье пары молодой!

Чего хочу? иль, может статься,
Бывалой жизнию дыша,
В чужой восторг переселяться
Заране учится душа.

XXVII

ANRUF AN DIE GELIEBTE (БЕТХОВЕНА)

Пойми хоть раз тоскливое признанье,
Хоть раз услышь души молящей стон,
Я пред тобой, прекрасное созданье,
Безвестных сил дыханьем окрылен.

Я образ твой ловлю перед разлукой,
Я полон им и млею и дрожу, —
И без тебя, томясь предсмертной мукой,
Своей тоской, как счастьем, дорожу.

Ее пою, во прах упасть готовый,
Ты предо мной стоишь, как божество —
И я блажен; я в каждой муке новой
Твоей красы провижу торжество.

XXVIII

Ярким солнцем в лесу пламенеет костёр
И сжимаясь трещит можжевельник,
Точно пьяных гигантов столпившийся хор,
Раскрасневшись, шатается ельник.

Я и думать забыл про холодную ночь, —
До костей и до сердца прогрело,
Что смущало, колеблясь, умчалося прочь,
Будто искры в дыму, улетело.

Пусть на зорьке, всё ниже спускаясь, дымок
Над золою замрёт сиротливо.

Долго, долго, до поздней поры огонёк
Будет теплиться скупо, лениво.

И лениво и скупо мерцающий день
Ничего не укажет в тумане,
У холодной золы изогнувшийся пень
Прочернеет один на поляне;

Но нахмурится ночь — разгорится костёр,
И виясь затрещит можжевельник,
И как пьяных гигантов столпившийся хор,
Покраснев, зашатается ельник.

XXIX

Свеча нагорела. Портреты в тени.
Сидишь прилежно и скромно ты;
Старушке зевнулось — по окнам огни
Прошли в те дальние комнаты.

Никак комара не прогонишь ты прочь,
Поет и к свету всё просится;
Взглянуть ты не смеешь на лунную ночь,
Куда душа переносится.

Подкрался, быть может, и смотрит в окно, —
Увидит мать — догадается;
Нет, верно, у старого клёна давно
Стоит в тени дожидается.

XXX

Нет, не жди ты песни страстной,
Эти звуки — бред неясный,
Томный звон струны;
Но, полны тоскливой муки,
Навевают эти звуки
Ласковые сны.

Звонким роем налетели,
Налетели и запели
В светлой вышине.
Как ребенок, им внимаю,
Что́ сказалось в них — не знаю,
И не нужно мне.

Поздним летом в окна спальной
Тихо шепчет лист печальный,
Шепчет не слова;
Но под легкий шум берёзы
К изголовью в царство грёзы
Никнет голова.

ВЕЧЕРА И НОЧИ

I

«Право, от полной души я благодарен соседу...»

См. с. 82, поздняя редакция

II

«Вдали огонёк за рекою...»

См. с. 83

III

«Я люблю многое, близкое сердцу...»

См. с. 83

IV

«Скучно мне вечно болтать о том, что высоко, прекрасно...»

См. с. 84

V

«Я жду... Соловьиное эхо...»

См. с. 84

VI

«Здравствуй! тысячу раз мой привет тебе, ночь!..»

См. с. 85

VII

«Друг мой, бессильны слова, — одни поцелуи всесильны...»

См. с. 85

VIII

«Ночью как-то вольнее дышать мне...»

См. с. 86

IX

«Рад я дождю... От него тучнеет мягкое поле...»

См. с. 87

X

«Слышишь ли ты, как шумит вверху угловатое стадо?..»

См. с. 87

XI

«Каждое чувство бывает понятней мне ночью, и каждый...»

См. с. 88, поздняя редакция

XII

«Летний вечер тих и ясен...»

См. с. 90

XIII

«Любо мне в комнате ночью стоять у окошка в потёмках...»

См. с. 89

XIV

«Шёпот, робкое дыханье...»

См. с. 198

XV

На стоге сена, ночью южной,
Лицом ко тверди я лежал,
И хор светил живой и дружный,
Кругом раскинувшись, дрожал.

Земля, как смутный сон, немая,
Безвестно уносилась прочь,
И я, как первый житель рая,
Один в лицо увидел ночь.

Я ль несся к бездне полуночной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.

И с замираньем и смятеньем
Я взором мерил глубину,
В которой с каждым я мгновеньем
Всё невозвратнее тону.

XVI

Заря прощается с землёю,
Ложится пар на дне долин,
Смотрю на лес, покрытый мглою,
И на огни его вершин.

Как незаметно потухают
Лучи и гаснут под конец;
С какою негой в них купают
Деревья пышный свой венец.

И всё таинственней, безмерней
Их тень растёт, растёт, как сон;
Как тонко по заре вечерней
Их легкий очерк вознесен.

Как будто чуя жизнь двойную
И ей овеяны вдвойне —
И землю чувствуют родную,
И в небо просятся оне.

XVII

КОЛОКОЛЬЧИК

Ночь нема, как дух бесплотный,
Теплый воздух онемел;
Но как будто мимолетный
Колокольчик прозвенел.

Тот ли это, что мешает
Вдалеке лесному сну,
И, качаясь, набегает
На ночную тишину?

Или этот, чуть заметный
В цветнике моём и днём,
Узкодонный, разноцветный
На тычинке под окном?

БАЛЛАДЫ

I

ТАЙНА

«Почти ребёнком я была...»

См. с. 99

II

ВОРОТ

«Спать пора, свеча сгорела...»

См. с. 104

III

«На дворе не слышно вьюги...»

См. с. 105

IV

ЛЕГЕНДА

«Вдоль по берегу полями...»

См. с. 106

АНТОЛОГИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

I

ГРЕЦИЯ

«Там, под оливами, близ шумного каскада...»

См. с. 27

II

ВАКХАНКА

«Под тенью сладостной полуденного сада...»

См. с. 135

III

ДИАНА

«Богини девственной округлые черты...»

См. с. 136

IV

«Влажное ложе покинувши, Феб златокудрый направил...»

См. с. 136

V

КУСОК МРАМОРА

Тщетно блуждает мой взор, измеряя твой мрамор
начатый...»

См. с. 137

VI

К ЮНОШЕ

«Друзья, как он хорош за чашею вина...»

См. с. 140

VII

«С корзиной, полною цветов, на голове...»

См. с. 137

VIII

«В златом сиянии лампады полусонной...»

См. с. 141

IX

ПОДРАЖАНИЕ XVI ИДИЛЛИИ БИОНА

«Прекрасная звезда Венеры светлоокой...»

См. с. 137

X

«Питомец радости, покорный наслажденью...»

См. с. 140

XI

«Уснуло озеро, безмолвен чёрный лес...»

См. с. 141, поздняя редакция

XII

К КРАСАВЦУ

«Природы баловень, как счастлив ты судьбой!..»

См. с. 143, поздняя редакция

XIII

СОН И ПАЗИФАЯ

«Ярко блестящая пряжка над белою, полною грудью...»

См. с. 202

XIV

АМИМОНА

«Это у вас на Севере всё нипочём. Посмотри-ка...»

См. с. 204

XV

ДИАНА, ЭНДИМИОН И САТИР

(Картина Брюлова)

У звучного ключа как сладок первый сон!
Как спящий при луне хорош Эндимион!
Герои только так покоятся и дети...
Над чудной головой висят рожок и сети;
Откинутый колчан лежит на стороне;
Собаки верные встревожены, — оне
Не видят смертного и чуют приближенье.
Ты ль, непорочная, познала вожделенье?
Счастливец! ты его узрела с высоты,
И небо для него должна покинуть ты.
Девическую грудь невольный жар объемлет.
Диана, берегись! старик Сатир не дремлет.
Я слышу стук копыт. Рога прикрыв венцом,
Вот он, любовник нимф, с пылающим лицом,
Обезображенным порывом страсти зверской,
Уж стана нежного рукой коснулся дерзкой.
О, как вздрогнула ты, как обернулась вдруг!
В лице божественном и гордость, и испуг.
А баловень Эрот, доволен шуткой новой,
Готов на кулаке прохлопнуть лист кленовый.

XVI

ЗОЛОТОЙ ВЕК

Auch ich war in Arkadien geboren.

Schiller

Я посещал тот край обетованной,
Где золотой блистал когда-то век,
Где розами и миртами венчанной,
Под сению дерев благоуханной
Блаженствовал незлобный человек.

Леса полны поныне аромата,
Долины те ж и горные хребты;

Еще досель в прозрачный час заката
Глядит скала, сиянием объята,
На пену волн эгейских с высоты.

Под пихтою душистой и красивой,
Под шум ручьев, разбитых об утес,
Отрадно видеть, что Сатурн ревнивой
Над этою долиною счастливой
Век золотой не весь еще пронес.

И чудится: за тем кустом колючим
Румяных роз, где лавров тень легла,
Дыханьем дня распалена горючим,
Лобзаниям то долгим, то летучим
Менада грудь и плечи предала.

Но что за шум? За девой смуглолицей
Вослед толпа. Всё празднично кругом,
И гибкий тигр с пушистою тигрицей,
Неслышные, в ярме пред колесницей
Идут, махая весело хвостом.

А вот и он, красавец ненаглядной,
Среди толпы ликующих, — Лией,
Увенчанный листвою виноградной,
Любуется спасенной Ариадной —
Бессмертною избранницей своей.

У колеса, пускаясь вперегонку,
Нагие дети пляшут и шумят;
Один приподнял пухлую ручонку
И крови не вкусившему тигренку
Дает лизать пурпурный виноград.

Вино из рога бог с лукавым ликом
Льет на толпу, сам весел и румян,
И, хохоча в смятеньи полудиком,
Вакханка быстро отвернулась с криком
И от струи приподняла тимпан.

XVII

ДАКИ

Вблизи семи холмов, где так невыразимо
Воздушен на заре вечерней очерк Рима
И светел Апеннин белеющих туман,
У сонного Петра почиет Ватикан.
Там боги и цари толпою обнаженной,
Создания руки, резцом вооруженной,
Готовы на пиры, на негу иль на брань,
Из цезарских палат, из храмов и из бань.
Стеклись безмолвные, торжественные лики,
На древние ступя, как прежде, мозаики,
В которых на конях Нептуновых Тритон
Чернеет, ликами Химеры окружен.
Там я в одной из зал, на мраморах, у входа,
Знакомые черты могучего народа
Приветствовал не раз. Нельзя их не узнать:
Всё та же на челе безмолвия печать,
И брови грозные, сокрытых сил примета,
И на устах вопрос, — и нет ему ответа.
То даки пленные; их странная судьба —
Одна безмолвная и грозная борьба.
Вперя на мрамор взор, исполненный вниманья,
Я в сердце повторял родимые названья
И мрамору шептал: «Суровый славянин,
Среди тебе чужих зачем ты здесь один?
Поверь, ни женщина, ни раб, ни император
Не пощадят того, кто пал, как гладиатор.
По мненью суетных, безжалостных гуляк,
Бойцом потешным быть родится дикий дак,
И, чуждые для них поддерживая троны,
Славяне составлять лишь годны легионы.
Пускай в развалинах умолкнет Колизей,
Чрез длинный ряд веков, в глазах иных судей,
Куда бы в бой его ни бросила судьбина,
Безмолвно умирать — вот доля славянина.
Когда потомок твой, весь в ранах и в крови,
К тому, кого он спас, могучие свои
Протянет руки вновь, проси рукопожатья,
Опять со всех сторон подымутся проклятья
И с подлым хохотом гетера закричит:

«Кончай! кончай его! — он дышит, он хрипит;
Довольно сила рук, безмолвие страданий
Невольных вызвали у нас рукоплесканий —
Как эти варвары умеют умирать! —
Пойдемте, — кончено. — Придется долго ждать
Борьбы таких бойцов иль ярой львиной драки.
Пойдемте! Что смотреть, как цепенеют даки!»

XVIII

ТЕЛЕМАК У КАЛИПСЫ

Солнце низко. Лёгкой мглою
Вечер долы напояет,
Вход в пещеру раззолочен.
С наклоненной головою
Старый Ментор засыпает, —
Сын Улисса озабочен.

Смолкли нимфы. Тихо дышит
Море, пар подъяв туманный;
Все безмолвствуют упорно.
Нимфа Эхо ясно слышит,
Как смолы благоуханной
На жаровне прыщут зерна.

Полны сладкого Лиея,
Ждут раскрытые амфоры;
Но забыл густую влагу
Сын прекрасный Одиссея;
Он поднять не смеет взоры,
Он ступить не смеет шагу.

На душе и стыд, и горе:
Как осмелиться богине
Рассказать свою кручину?
«Неужели, злое море,
Завтра я в твоей пустыне
Всё забуду, что́ покину?»

Разгораясь в блеске алом
Отлетающей Авроры,

Но безмолвна, как рабыня,
Грудь прикрыла опахалом
И, склоня к любимцу взоры,
Не насмотрится богиня.

О, Зевес! Зачем же лира
Так бессильна — дар, любимый
Златовласым Аполлоном?
Иль зачем, владыка мира,
Взгляд такой невыразимый
Ты даешь влюбленным женам?

XIX

ВЕНЕРА МИЛОССКАЯ

И целомудренно и смело,
До чресл сияя наготой,
Цветёт божественное тело
Неувядающей красой.

Под этой сенью прихотливой
Слегка приподнятых волос
Как много неги горделивой
В небесном лике разлилось.

Так, вся дыша пафосской страстью,
Вся млея пеною морской
И всепобедной вея властью,
Ты смотришь в вечность пред собой.

XX

НИМФА И МОЛОДОЙ САТИР

(Группа Ставассера)

Постой хотя на миг! о камень или пень
Ты можешь уязвить разутую ступень;
Ещё невинная, бежа от вакханалий,

Готова уронить одну ты из сандалий.
Но вот, — косматые колена преклоня,
Он у ноги твоей поймал конец ремня.
Затянется теперь не скоро узел прочный:
Сатир, и молодой, — не отрок непорочный.
Смотри, как, голову откинувши назад,
Глядит он на тебя и пьет твой аромат,
Как дышат негою уста его и взоры.
Быть может, нехотя ты ищешь в нем опоры,
А стройное твое бедро так горячо
Теперь легло к нему на крепкое плечо.
Нет! Мысль твоя чиста и воля неизменна;
Улыбка у тебя насмешливо-надменна.
Но отчего, скажи, в сознаньи ль красоты
Иль в утомлении так неподвижна ты?
Ещё открытое смежиться хочет око,
И молодая грудь волнуется высоко.
Иль страсть, горящая в Сатире молодом,
Пахнула и в тебя томительным огнем?

XXI

СОН И СМЕРТЬ

Богом света покинута, дочь Громовержца немая,
Ночь Гелиосу вослед водит возлюбленных чад.
Оба и в мать и в отца зародились бессмертные боги,
Только несходны во всем между собой близнецы:
Смуглоликий, как мать, творец, как всезрящий родитель,
Сон и во мраке никак дня не умеет забыть;
Но просветленная дочь лучезарного Феба, дыханьем
Ночи безмолвной полна, невозмутимая Смерть,
Увенчавши свое чело неподвижной звездою,
Не узнает ни отца, ни безутешную мать.

МОРЕ

I

«Ночь весенней негой дышит...»

См. с. 215

II

«Жди ясного на завтра дня...»

См. с. 216

III

МОРСКОЙ ЗАЛИВ

«Третью уж ночь, вот на этом холме за оврагом...»

См. с. 221

IV

ВЕЧЕР У ВЗМОРЬЯ

Засверкал огонь зарницы,
На гнезде умолкли птицы,
Тишина леса объемлет,
Не качаясь, колос дремлет;
День бледнеет понемногу,
Вышла жаба на дорогу.

Ночь светлеет и светлеет,
Под луною море млеет;
Различишь прилежным взглядом,
Как две чайки, сидя рядом,

Там на взморьи плоскодонном
Спят на камне озаренном.

V

Как хорош чуть мерцающим утром,
Амфитрида, твой влажный венок!
Как огнем и сквозным перламутром
Убирает Аврора восток!

Далеко на песок отодвинут
Трав морских бесконечный извив,
Свод небесный, в воде опрокинут,
Испещряет румянцем залив.

Остров вырос над тенью зелёной;
Ни движенья, ни звука в тиши,
И погнувшись над влагой солёной,
В крупных каплях стоят камыши.

VI

Морская даль во мгле туманной;
Там парус тонет, как в дыму,
А волны в злобе постоянной
Бегут к прибрежью моему.

Из них одной, избранной мною,
Навстречу пристально гляжу
И за грядой ее крутою
До камня влажного слежу.

К ней чайка плавная спустилась;
Не дрогнет острое крыло.
Но вот громада докатилась,
Тяжеловесна, как стекло;

Плеснула в каменную стену,
Вот звонко грянет на плиту —
А уж подкинутую пену
Разбрызнул ветер на лету.

VII

ПРИБОЙ

Утёсы, зной и сон в пустыне,
Песок, да звонкий хрящ кругом,
И вдалеке земной твердыне
Морские волны бьют челом.

На той черте, уже безвредный,
Не докатясь до красных скал,
В последний раз зелено-медный
Сверкает Средиземный вал;

И, забывая век свой бурный,
По пестрой отмели бежит,
И преломленный и лазурный;
Но вот преграда — он кипит,

Жемчужной пеною украшен,
Встает на битву со скалой,
И, умирающий, все страшен
Всей перейденной глубиной.

VIII

НА КОРАБЛЕ

Летим! туманною чертою
Земля от глаз моих бежит.
Под непривычною стопою,
Вскипая белою грядою,
Стихия чуждая дрожит.

Дрожит и сердце, грудь заныла.
Напрасно моря даль светла,

Душа в тот круг уже вступила,
Куда невидимая сила
Её неволей унесла.

Ей будто чудится заране
Тот день, когда без корабля
Помчусь в воздушном океане,
И будет исчезать в тумане
За мной родимая земля.

ВЕСНА

I

«Уж верба вся пушистая...»

См. с. 150

II

«Ещё весна, — как будто неземной...»

См. с. 159, поздняя редакция

III

«На заре ты её не буди...»

См. с. 170

IV

«Ещё весны душистой нега...»

См. с. 215

V

ПЧЁЛЫ

«Пропаду от тоски я и лени...»

См. с. 225

VI

ВЕСЕННИЕ МЫСЛИ

«Снова птицы летят издалёка...»

См. с. 227

VII

ВЕСНА НА ДВОРЕ

«Как дышит грудь свежо и ёмко...»

См. с. 227

VIII

ПЕРВЫЙ ЛАНДЫШ

«О первый ландыш! из-под снега...»

См. с. 234

IX

ЕЩЁ МАЙСКАЯ НОЧЬ

Какая ночь! на всём какая нега!
Благодарю родной, полночный край!
Из царства льдов, из царства вьюг и снега
Как свеж и чист твой вылетает май.

Какая ночь! все звезды до единой
Тепло и кротко в душу смотрят вновь,
И в воздухе за песнью соловьиной
Разносится тревога и любовь.

Берёзы ждут. Их лист полупрозрачный
Застенчиво манит и тешит взор;

Они дрожат. Так деве новобрачной
И радостен и чужд ее убор.

Нет! никогда нежней и бестелесней
Твой лик, о ночь, не мог меня томить;
Опять к тебе иду с невольной песней,
Невольной и последней, может быть.

X

Опять незримые усилья,
Опять невидимые крылья
Приносят северу тепло;
Все ярче, ярче дни за днями,
Уж солнце черными кругами
В лесу деревья обвело.

Заря сквозит оттенком алым,
Подернут блеском небывалым
Покрытый снегом косогор,
Ещё леса стоят в дремоте;
Но тем слышнее в каждой ноте
Пернатых радость и задор.

Ручьи, журча и извиваясь,
И меж собой перекликаясь,
В долину гулкую спешат,
И разыгравшиеся воды
Под бело-мраморные своды
С весёлым грохотом летят.

А там по нивам, на просторе,
Река раскинулась, как море,
Стального зеркала светлей,
И речка к ней на середину
За льдиной выпускает льдину,
Как будто стаю лебедей.

XI

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Ещё светло, — перед окном
В разрывы облак солнце блещет
И воробей своим крылом,
В песке купаяся, трепещет, —

А уж от неба до земли,
Качаясь, движется завеса
И будто в золотой пыли
Стоит за ней опушка леса.

Две капли брызнули в стекло,
От лип душистым мёдом тянет,
И что-то к саду подошло, —
По свежим листьям барабанит.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

I

«Владычица Сиона, пред тобою...»

См. с. 109

II

МАДОННА

«Я не ропщу на трудный путь земной...»

См. с. 110

III

ХАНДРА

1

«Непогода — осень — куришь...»

См. с. 146

2

«Не ворчи, мой кот мурлыка...»

См. с. 147

IV

ВЕНЕЦИЯ НОЧЬЮ

«Всплески волн сверкают ярко...»

См. с. 149

V

«Полно спать: тебе две розы...»

См. с. 154, поздняя редакция

VI

Б.....М.

ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ЦВЕТОВ И НОТ

«Откуда вдруг в смиренный угол мой...»

См. с. 157

VII

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ СЕРДЦУ

«Сердце — ты малютка!..»

См. с. 157

VIII

«О, не зови! страстей твоих так звонок...»

См. с. 162

IX

«Облаком волнистым...»

См. с. 167

X

«Я пришел к тебе с приветом...»

См. с. 166

XI

ДЕРЕВНЯ

«Люблю я приют ваш печальный...»

См. с. 171

XII

«Ах, дитя, к тебе привязан...»

См. с. 171

XIII

УЗНИК

«Густая крапива...»

См. с. 172

XIV

«Люди спят; мой друг, пойдём в тенистый сад...»

См. с. 211

XV

«Растут, растут причудливые тени...»

См. с.212

XVI

НА ДНЕПРЕ В ПОЛОВОДЬЕ.

(А. Я. П—ВОЙ)

«Светало. — Ветер гнул упругое стекло...»

См. с. 212

XVII

«Как здесь свежо под липою густою!..»

См. с. 216

XVIII

«Над озером лебедь в тростник протянул...»

См. с. 216

XIX

ОСЕНЬ

«Ласточки пропали...»

См. с. 217

XX

СОСНЫ

«Средь клёнов девственных и плачущих берёз...»

См. с. 218

XXI

БОЛЬНОЙ

«Его томил недуг. Тяжелый зной печей...»

См. с. 218

XXII

В САДУ

«Приветствую тебя, мой добрый, старый сад...»

См. с. 219

XXIII

ПАМЯТИ ДМИТРИЯ ЛЬВОВИЧА КРЮКОВА

«Когда светильником, пред нашими очами...»

См. с. 220

XXIV

«В долгие ночи, как вежды на сон не сомкнуты...»

См. с. 220

XXV

«Не спрашивай, над чем задумываюсь я...»

См. с. 221

XXVI

ПЕРВАЯ БОРОЗДА

«Со степи зелёно-серой...»

См. с. 222

XXVII

«Ты расточительна на милые слова...»

См. с. 222

XXVIII

ЛЕС

«Куда ни обращаю взор...»

См. с. 223

XXIX

«Какое счастие: и ночь и мы одни!..»

См. с. 223

XXX

СТЕПЬ ВЕЧЕРОМ

«Клубятся тучи, млея в блеске алом...»

См. с. 224

XXXI

«Что за ночь! Прозрачный воздух скован...»

См. с. 225

XXXII

СТАРЫЙ ПАРК

«Сбирались умирать последние цветы...»

См. с. 226

XXXIII

ВЕЧЕР

«Прозвучало над ясной рекою...»

См. с. 227

XXXIV

МУЗА

«Не в сумрачный чертог Наяды говорливой...»

См. с. 228

XXXV

«Тёплый ветер тихо веет...»

См. с. 229

XXXVI

«Последний звук умолк в лесу глухом...»

См. с. 230

XXXVII

«В пору любви, мечты, свободы...»

См. с. 230

XXXVIII

ИВА

«Сядем здесь, у этой ивы...»

См. с. 231

XXXIX

«О друг! не мучь меня жестоким приговором!..»

См. с. 231

XL

ПРИМЕТЫ

«И тихо и светло — до сумерек далёко...»

См. с. 232

XLI

«Какие-то носятся звуки...»

См. с. 232

XLII

РЕВЕЛЬ

(После представления Фрейшица)

«Театр во мгле затих. Агата...»

См. с. 234

XLIII

ПАРОХОД

«Злой дельфин, ты просишь ходу...»

См. с. 235

XLIV

ЗНАКОМКЕ С ЮГА

«На Север грустный с пламенного Юга...»

См. с. 235

XLV

«Вчера, увенчана душистыми цветами...»

См. с. 236

XLVI

В темноте, на треножнике ярком,
Мать варила черешни вдали;
Мы с тобой отворили калитку
И по тёмной аллее пошли.

Шли мы розно. Прохлада ночная
Широко между нами плыла.
Я боялся, чтоб в помысле смелом
Ты меня упрекнуть не могла.

Как-то странно мы оба молчали...
И странней сторонилися прочь...
Говорила за нас и дышала
Нам в лицо благовонная ночь.

XLVII

ИВЫ И БЕРЁЗЫ

Берёзы Севера мне милы;
Их грустный, опущенный вид,
Как речь безмолвная могилы
Горячку сердца холодит.

Но ива, длинными листами
Упав на лоно ясных вод,
Дружней с мучительными снами
И дольше в памяти живет.

Лия таинственные слёзы
По рощам и лугам родным,
Про горе шепчутся берёзы
Лишь с ветра севера одним.

Всю землю, грустно-сиротлива,
Считая родиной скорбей,
Плакучая склоняет ива
Везде концы своих ветвей.

XLVIII

ОТВЕТ ТУРГЕНЕВУ

Поэт! ты хочешь знать, за что́ такой любовью
Мы любим родину с тобой?
Зачем в разлуке с ней, наперекор злословью,
Готово сердце в нас истечь до капли кровью
По красоте ее родной?

Что ж! пусть весна у нас позднее и короче,
Но вот дождались наконец:
Синей, мечтательней божественные очи,
И раздражительней немеркнущие ночи,
И зеленей ее венец.

Вчера я шел в ночи и помню очертанье
Багряно-золотистых туч.
Не мог я разгадать: то́ яркое сиянье —
Вечерней ли зари последнее прощанье,
Иль утра пламенного луч?

Как будто среди дня, замолкнувши мгновенно,
Столица Севера спала,
Под обаяньем сна горда и неизменна,
И над громадой ночь, бледна и вдохновенна,
Как ясновидящая шла.

Не верилося мне, а взоры различали,
Скользя по ясной синеве,
Чьи корабли вдали на рейде отдыхали,
А воды, не струясь, под ними отражали
Все флаги пестрые в Неве.

Заныла грудь моя, но в думах окрыленных
С тобой мы встретилися, друг!

О, верь, что никогда в объятьях раскаленных
Не мог таких ночей, вполне разоблаченных
Лелеять сладострастный Юг.

XLIX

Е. П. К—У

Напрасно жизнь зовешь ты жалкою ошибкой,
И тихо наклонясь усталой головой,
Напрасно смотришь ты с язвительной улыбкой
На благородный подвиг свой.

Судьба тебя тоской непраздной истерзала,
В измученной груди волшебный голос жив;
В нем слышен жар любви, в нем жажда идеала
И сердца смелого порыв.

Так навсегда простясь с родимою скалою;
Затерянный в песках рассыпчатых степей,
Встречает путников, томящихся от зною,
Из камня брызнувший ручей.

L

У КАМИНА

Тускнеют угли. В полумраке
Прозрачный вьется огонек,
Так плещет на багряном маке
Крылом лазурным мотылек.

Видений пестрых вереница
Влечет, усталый теша взгляд,
И неразгаданные лица
Из пепла серого глядят.

Встают ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль,
И лжет душа, что ей не нужно
Всего, чего глубоко жаль.

LI

СЕСТРА

Милой меня называл он вчера —
В зеркале точно себя я не вижу!
Боже! зачем хороша так сестра,
Что перед ней я себя ненавижу.

Голос его, прерываясь, дрожал;
Даже в сердцах я его проводила,
Образ сестры предо мною стоял...
Так я всю ночь по аллее ходила.

В спальню вошла я; она уж спала,
Месяц ей кудри осыпал лучами.
Я не могла устоять, — подошла
И, наклонясь, к ней прильнула устами.

Как хороша, как светла и добра!
Нет, и сравненьем ее не обижу...
Милой меня называл он вчера —
В зеркале точно себя я не вижу!

LII

ГОРНОЕ УЩЕЛЬЕ

За лесом лес и за горами горы,
За темными лилово-голубые,
И если долго к ним приникнут взоры,
За бледным рядом выступят другие.

Здесь тёмный дуб и ясень изумрудный,
А там лазури тающая нежность...
Как будто из действительности чудной
Уносишься в волшебную безбрежность,

И в дальний блеск душа лететь готова,
Не трепетом, а радостью объята,
Как будто это чувство ей не ново,
А сладостно уж грезилось когда-то.

LIII

МУЗЕ

Надолго ли опять мой угол посетила,
Заставила еще томиться и любить?
Кого на этот раз собою воплотила?
Чьей речью ласковой сумела подкупить?

Дай руку. Сядь. Зажги свой факел вдохновенный.
Пой, добрая! В тиши признаю голос твой
И стану, трепетный, коленопреклоненный,
Запоминать стихи, пропетые тобой.

Как сладко, позабыв житейское волненье,
От чистых помыслов пылать и потухать,
Могучее твое учуя дуновенье,
И вечно девственным словам твоим внимать.

Пошли, небесная, ночам моим бессонным
Еще блаженных снов и славы и любви,
И нежным именем, едва произнесённым,
Мой труд задумчивый опять благослови.

LIV

РЫБКА

Тепло на солнышке. Весна
Берёт свои права;
В реке местами глубь ясна,
На дне видна трава.

Чиста холодная струя,
Слежу за поплавком;
Шалунья рыбка, вижу я,
Играет с червяком.

Голубоватая спина,
Сама как серебро,
Глаза — бурмитских два зерна,
Багряное перо.

Идет, не дрогнет под водой,
Пора! червяк во рту.
Увы, блестящей полосой
Юркнула в темноту.

Но вот опять лукавый глаз
Сверкнул невдалеке.
Постой, авось на этот раз
Повиснешь на крючке.

LV

Был чудный майский день в Москве,
Кресты церквей сверкали;
Вились касатки под окном
И звонко щебетали.

Я под окном сидел влюблен,
Душой и юн и болен,
Как пчёлы, звуки вдалеке
Жужжали с колоколен.

Вдруг звуки стройно, как орган,
Запели в отдаленьи;
Невольно дрогнула душа
При этом стройном пеньи.

И шёл и рос поющий хор, —
И непонятной силой
В душе сливался лик небес
С безмолвною могилой.

И шёл и рос поющий хор, —
И чёрною грядою
Тянулся набожно народ
С открытой головою.

И миновал поющий хор,
Его я минул взором,
И гробик розовый прошел
За громогласным хором.

Струится теплый ветерок,
Покровы колыхая,
И мне казалось, что душа
Парила молодая.

Весенний блеск, весенний шум,
Молитвы стройной звуки,
Все тихим веяло крылом
Над грустию разлуки.

За гробом шла, шатаясь, мать, —
Надгробное рыданье! —
Но мне казалось, что легко
И самоё страданье.

LVI

В леса безлюдной стороны
И чуждой шумному веселью
Меня порой уносят сны
В твою приветливую келью.

В благоуханьи простоты,
Цветок — дитя дубравной сени,
Опять встречать выходишь ты
Меня на шаткие ступени.

Вечерний воздух влажно чист,
Вся покраснев, ты жмешь мне руки,
И сонных лип тревожа лист,
Порхают гаснущие звуки.

LVII

НА ЛОДКЕ

Ты скажешь, брося взор по голубой равнине:
«И небо, и вода». —
Здесь остановим челн, по самой середине
Широкого пруда.

Буграми с колеса волненье не клокочет;
Чуть, чуть блестят струи,
Так тихо, будто ночь сама подслушать хочет
Рыдания любви.

До слуха чуткого мечтаньями ночными
Доходит плеск ручья;
Осыпана кругом звездами золотыми,
Покоится ладья.

Гляжу в твое лицо, в сияющие очи,
О, добрый гений мой!
Лицо твое, как день, ты вся, при свете ночи,
Как призрак неземной.

Теперь, волшебница! иной могучей власти
У неба не проси.
Всю эту ночь, весь блеск, весь пыл безумной страсти
Возьми — и погаси.

LVIII

Только станет смеркаться немножко,
Буду ждать, не дрогнет ли звонок,
Приходи, моя милая крошка,
Приходи посидеть вечерок.

Потушу перед зеркалом свечи, —
От камина светло и тепло;
Стану слушать веселые речи,
Чтобы вновь на душе отлегло.

Стану слушать те детские грёзы,
Для которых всё — блеск впереди;
Каждый раз благодатные слёзы
У меня закипают в груди.

До зари осторожной рукою
Вновь платок твой узлом завяжу,
И вдоль стен, озаренных луною,
Я тебя до ворот провожу.

LIX

Расстались мы, ты странствуешь далече,
Но нам дано опять
В таинственной и ежечасной встрече
Друг друга понимать.

Когда в толпе живой и своевольной,
Поникнув головой,
Смолкаешь ты с улыбкою невольной,
Я говорю с тобой.

И вечером, когда в аллее тёмной
Ты пьешь немую ночь,
Знай, тополи и звезды негой томной
Мне вызвались помочь.

Когда ты спишь, и полог твой кисейный
Раздвинется в лучах,
И сон тебя, прозрачный, тиховейный,
Уносит на крылах,

И ты, летя в эфир неизмеримый,
Лепечешь: «я люблю» —
Я — этот сон, — и я рукой незримой
Твой полог шевелю.

LX

Я был опять в саду твоём,
И увела меня аллея
Туда, где мы весной вдвоем
Бродили, говорить не смея;

Как сердце робкое влекло
Излить надежду, страх и пени,
А юный лист тогда назло
Нам посылал так мало тени.

Теперь и тень в саду темна,
И трав сильней благоуханье;

Зато какая тишина,
Какое томное молчанье.

Один зарею соловей,
Таясь во мраке, робко свищет,
И под навесами ветвей
Напрасно взор кого-то ищет.

LXI

ДОЖДЛИВОЕ ЛЕТО

Ни тучки нет на небосклоне,
Но крик петуший — бури весть,
И в дальном колокольном звоне
Как будто слёзы неба есть.

Покрыты слегшими травами,
Не зыблют колоса поля,
И пресыщенная дождями
Не верит солнышку земля.

Под кровлей влажной и раскрытой
Печально праздное житье,
Серпа с косой, давно отбитой,
В углу тускнеет лезвие.

LXII

ПСОВАЯ ОХОТА

Последний сноп свезён с нагих полей,
По стоптанным гуляет жнивьям стадо
И тянется станица журавлей
Над липником замолкнувшего сада.
Вчера зарей впервые у крыльца
Вечерний дождь звездами начал стынуть.
Пора седлать проворного донца
И звонкий рог за плечи перекинуть.

В поля! в поля! там с зелени бугров
Охотников внимательные взоры
Натешатся на острова лесов
И пестрые лесные косогоры.

Уже давно, осыпавшись с вершин,
Осинников редеет глубь густая
Над гулкими извивами долин
И ждет рогов, да заливного лая.

Семьи волков притон вчера открыт,
Удастся ли сегодня травля наша!
Но вот русак сверкнул из-под копыт.
Все сорвалось — и заварилась каша.

«Отбей собак! скачи наперерез!»
И красный верх папахи вдаль помчался;
Но уж давно весь голосистый лес
На злобный лай стократно отозвался.

LXIII

ГРЁЗЫ

Мне снился сон, что сплю я непробудно,
Что умер я, и в грёзы погружен;
И на меня ласкательно и чудно
Надежды тень навеял этот сон.

Я счастья жду, какого — сам не знаю.
Вдруг колокол — и все уяснено;
И просияв душой, я понимаю,
Что счастье в этих звуках. — Вот оно!

И звуки те прозрачнее и чище
И радостней всех голосов земли,
И чувствую — на дальнее кладбище
Меня под них, качая, понесли.

В груди восторг и сдавленная мука,
Хочу привстать, хоть раз еще вздохнуть

И на волне ликующего звука
Умчаться вдаль, во мраке потонуть.

LXIV

ТУРГЕНЕВУ

Прошла зима, затихла вьюга,
Давно тебе, любовник Юга,
Готовим тучного тельца.
В снегу, в колючих искрах пыли
В тебе мы друга не забыли
И заждались обнять певца.

Ты наш. Напрасно утром рано
Ты будишь стражей Ватикана,
Вот за решетку ты шагнул,
Вот улыбнулися антики,
И долго слышат мозаики
Твоих шагов бегущий гул.

Ты наш. Чужда и молчалива
Перед тобой стоит олива,
Иль зонтик пинны молодой;
Но вечно радужные грёзы
Тебя несут под тень берёзы,
К ручьям земли твоей родной.

Там всё тебя встречает другом:
Черней бразда бежит за плугом,
Там бархат степи зеленей,
И верно чуя, что просторней, —
Смелей и слаще и задорней
Весенний свищет соловей.

LXV

МОТЫЛЁК МАЛЬЧИКУ

Цветы кивают мне, головки наклоня,
И манит куст душистой веткой;
Зачем же ты один преследуешь меня
Своею шелковою сеткой.

Дитя кудрявое, любимый нежно сын
Неувядающего мая,
Позволь мне жизнию упиться день один,
На солнце радостном играя.

Постой, оно уйдет, и блеск его лучей
Замрёт на западе далеком,
И в час таинственный я упаду в ручей,
И унесёт меня потоком.

LXVI

Молчали листья, звезды рдели —
И в этот час
С тобой на звезды мы глядели,
Они — на нас.

Когда всё небо так глядится
В живую грудь,
Как в этой груди затаится
Хоть что-нибудь?

Всё, что́ хранит и будит силу
Во всем живом,
Всё, что уносится в могилу
От всех тайком.

Что́ чище звезд, пугливей ночи,
Страшнее тьмы,
Тогда, взглянув друг другу в очи,
Сказали мы.

LXVII

НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Мороз и ночь над далью снежной,
А здесь уютно и тепло,
И предо мной твой облик нежный
И детски чистое чело.

Полны смущенья и отваги
С тобою, кроткий серафим,
Мы через дебри и овраги
На змее огненном летим.

Он сыплет искры золотые
На озаренные снега,
И снятся нам места иные,
Иные снятся берега.

В мерцаньи одинокой свечки,
Ночным путем утомлена,
Твоя старушка против печки
В глубокий сон погружена.

Но ты красою ненаглядной
Еще томиться мне позволь;
С какой заботою отрадной
Лелеет сердце эту боль.

И серебром облиты лунным,
Деревья мимо нас летят,
Под нами с грохотом чугунным
Мосты мгновенные гремят.

И как цветы волшебной сказки,
Полны сердечного огня,
Твои агатовые глазки
С улыбкой радости и ласки
Порою смотрят на меня.

LXVIII

Зреет рожь над жаркой нивой,
И от нивы и до нивы
Гонит ветер прихотливый
Золотые переливы.

Робко месяц смотрит в очи,
Изумлен, что день не минул,
Но широко в область ночи
День объятия раскинул.

Над безбрежной жатвой хлеба
Меж заката и востока,
Лишь на миг смежает небо
Огнедышащее око.

LXIX

Кричат перепела, трещат коростели,
Ночные бабочки взлетели
И поздних соловьев над речкою вдали
Звучат порывистые трели.

В напевах вечера тревожною душой
Ищу былого наслажденья —
Увы! как прежде в грудь живительной струей
Они не вносят откровенья.

Но тем мучительней, как близкая беда,
Меня томит вопрос лукавый:
Ужели подошли к устам моим года
С такою горькою отравой?

Иль век смолкающий в наследство передал
Свои бесплодные мне муки,
И в одиночестве мне допивать фиал,
Из рук переходивший в руки.

Проходят юноши с улыбкой предо мной
И слышу я их шепот внятный:

Чего он ищет здесь, средь жизни молодой
С своей тоскою непонятной?

Спешите, юноши, и верить и любить,
Вкушать и труд и наслажденье.
Придет моя пора, — и скоро, может быть,
Мое наступит возрожденье.

Приснится мне опять весенний, светлый сон
На лоне божески едином,
И мира юного покоен, примирён,
Я стану вечным гражданином.

LXX

ГЕОРГИНЫ

Вчера, уж солнце рдело низко,
Средь георгин я шел твоих,
И как живая одалиска
Стояла каждая из них.

Как много пылких или томных,
С наклоном бархатных ресниц,
Веселых, грустных и нескромных
Отвсюду улыбалось лиц.

Казалось, нет конца их грёзам
На мягком лоне тишины, —
А нынче утренним морозом
Они стоят опалены.

Но прежним, тайным обаяньем
От них повеяло опять,
И над безмолвным увяданьем
Мне как-то совестно роптать.

LXXI

Если ты любишь, как я, бесконечно,
Если живешь ты любовью и дышишь,
Руку на грудь положи мне беспечно —
Сердца биенья под нею услышишь.

О! не считай их. В них силой волшебной
Каждый порыв переполнен тобою.
Так в роднике за струёю целебной
Прядает влага горячей струёю.

Пей! Отдавайся минутам счастливым —
Трепет блаженства всю душу обнимет.
Пей и не спрашивай взором пытливым,
Скоро ли сердце иссякнет, остынет.

LXXII

Ещё акация одна
С цветами ветви опускала
И над беседкою весна
Душистых сводов не скругляла.

Дышал горячий ветерок —
В тени сидели мы друг с другом
И перед нами на песок
День золотым ложился кругом.

Жужжал пчелами каждый куст,
Над сердцем счастье тяготело,
Я трепетал, чтоб с робких уст
Твое признанье не слетело.

Вдали сливалось пенье птиц;
Весна над степью проносилась,
И на концах твоих ресниц
Слеза нескромная светилась.

Я говорить хотел — и вдруг,
Нежданным шорохом пугая,

К твоим ногам, на ясный круг
Спорхнула птичка полевая.

С какой мы робостью любви
Свое дыханье затаили!
Казалось мне, глаза твои
Не улетать ее молили.

Сказать «прости» чему-нибудь
Душе казалося утратой...
И, собираясь упорхнуть,
Глядел на нас наш гость крылатый.

LXXIII

Тихонько движется мой конь
По вешним заводям лугов,
И в этих заводях огонь
Весенних светит облаков.

И освежительный туман
Встает с оттаявших полей.
Заря и счастье и обман!
Как сладки вы душе моей!

Как нежно содрогнулась грудь
Над этой тенью золотой;
Как к этим призракам прильнуть
Хочу мгновенною душой.

LXXIV

Чем тоске, и не знаю, помочь.
Грудь прохлады свежительной ищет —
Окна настежь! — Уснуть мне невмочь,
А в саду над ручьем во всю ночь
Соловей разливается — свищет.

Стройный тополь стоит под окном,
Листья в воздухе все онемели.

Точно думы всё те же и в нем,
Точно судит меня он с певцом, —
Не проронит ни вздоха, ни трели.

На заре только клонит ко сну,
Но лишь яркий багрянец замечу —
Разгорюсь — и опять не усну,
Знать, в последний встречаю весну
И тебя на земле уж не встречу.

LXXV

Прежние звуки, с былым обаяньем
Счастья и юной любви!
Всё, что́ сказалося в жизни страданьем,
Пламенем жгучим пахнуло в крови!

Старые песни, знакомые звуки,
Сон безотвязно больной!
Точно из сумрака бледные руки
Призраков нежных манят за собой.

Пусть обливается жгучею кровью
Сердце, а очи слезой!
Доброю няней, прильнув к изголовью,
Старая песня, звучи надо мной!

Пой! Не смущайся! Пусть время былое
Яркой зарёй расцветет!
Может быть, сердце утихнет больное,
И как дитя в колыбели уснет.

САБИНА

Поэма

Над миром царствовал Нерон,
И шумный двор его шептался,
Когда в раздумьи мрачном он
В своем дворце уединялся.
Там, сочинял ли он стихи
Иль новых ужасов затеи —
Но мерно слышались шаги
Его вдоль узкой галереи.
Как перед бурей, затихал
В подобный час дворец просторный,
И каждый молча ожидал
Судьбы, склоняя взор покорный.
Шумел лишь Рим. — В пяти шагах
Граждане в праздничной одежде,
Позабывая вещий страх,
Кричат пронзительней, чем прежде.
Всё льстит их взорам и ушам,
Всё пища для страстей мгновенных:
Там торжество и новый храм,
Здесь суд царей порабощенных.
Народ шумит. Давно привык
Он к торжеству своей гордыни,
Он всем народам шлёт владык
И в Рим увозит их святыни.
Как прежде, пленные цари
Влачат по форуму оковы,
И рядом стали алтари
И Озириса и Еговы.
Минутным жаром увлечен
Всегда кипучий дух народа:
Сегодня бог ему Нерон,
А завтра бог ему свобода.
Он так же рвался и кричал
Иль так же отступал, немея,
Когда у статуи Помпея
Брут окровавил свой кинжал.

I

Давно собрали виноград,
Серей туман на Апеннинах,
И в Рим, пестрея на долинах,
Лишь юный Мунд не едет в Рим,
Его столица не пленяет,
И он на всё друзьям своим
Одним молчаньем отвечает.
Как быстро лето перед ним
Крылатые промчали Оры,
Каким сияньем голубым
Всё время покрывались горы,
Как сельский быт он полюбил,
Забыв о купленном весельи,
И в этом замкнутом ущельи
Элизий полный находил!
По целым он сидел ночам,
Кидая взоры за ограду,
Пока заря свою лампаду
Взнесет к тибурским высотам,
И, как алтарь любви живой,
За дымом скроется долина.
Быть может, снова в садик свой
Пройдет надменная Сабина.
Не подымая глаз своих,
Пройдет в величии суровом,
Но он любви крылатым словом
Ее смутит хотя на миг,
Иль без свидетелей опять
Ее принудит он ответить,
Чтоб только взор блестящий встретить
Или насмешку услыхать.
Он знал давно, что ничему
Не внемлет строгая Сабина,
Что равнодушие к нему
Хранит супруга Сатурнина.
Недавно прибыл Сатурнин
Из знойной Сирии с женою.
Там долго, полный властелин,
Богатой правил он страною.
Сабина, властью красоты
И саном мужниным хранима,

Смотреть привыкла с высоты
На юных ветреников Рима.
Коней, гетер, ночных пиров
Она в душе им не прощала
И втайне на одних богов
Порывы сердца обращала.
Как чист молитвы фимиам!
Как гасит он огонь преступный!
Сабина покидала храм,
Подобно Гере недоступной.
Когда же Мунд, пробравшись в сад,
Ее смущал любви приветом,
Живой упрек и гордый взгляд
Бывали дерзкому ответом.
Но в Мунде блеск ее очей
Лишь распалял любви желанья:
Он тосковал, не спал ночей
И жаждал нового свиданья.
Сегодня Мунд стоит один,
Глядя в раздумьи на долину;
Вчера уехал Сатурнин
И в Рим увез свою Сабину.
«Что делать? — часто Мунд твердит. —
Бесплодно дни промчались лета!»
— «Что делать?»— эхо говорит
Сто раз — и не дает ответа.
А там, врываясь в недра скал,
Как бы живой упрек бессилью,
Кипучий Анио роптал
И рассыпался тонкой пылью,
Да, разгоняя горный дым,
Как и вчера, перед разлукой,
И ныне Феб золотолукой
Три кинул радуги над ним.

II

Сабина в Риме. Но и там
Живет по-прежнему Сабина:
В дому лелеет Сатурнина
И в храмах жертвует богам;
Молиться чуждым, как своим,

Обучена чужой страною,
Она и в Риме жертвы им
Несет с покорною душою,
И в деле веры и добра,
Послушна сладостным влеченьям,
Она проводит вечера,
Жрецов внимая поученьям.
Но чаще всех с недавних пор
К ней жрец Анубиса приходит,
Заводит жаркий разговор
И зорких глаз с нее не сводит.
Награду темную сулит
И сердца слушает тревогу,
Влечет к таинственному богу —
И наконец ей говорит:
«Недаром ты у алтарей
С мольбами жертвы приносила,
Сабина! верой ты своей
И жизнью небу угодила;
Твои молитвы сочтены,
Но никогда непосвященный
Не приподымет пелены,
На лик Изиды опущенный;
Мужайся — шаг еще, и ты
Войдешь в блаженные чертоги,
Где блеском вечной красоты
Сияют праведные боги.
Тебя я в тайну посвящу,
Но, вечной истины ревнитель,
Я сам, Анубиса служитель,
О ней поведать трепещу.
Богам от юности служил
Я и молился ежечасно,
Но никогда так громогласно
Со мною бог не говорил.
Вчера стою у алтаря,
И вдруг оракул мне вещает,
Что, страстью пламенной горя,
Тебя Анубис избирает.
Всю ночь очей я не смыкал,
Молясь в смятении великом,
И полог брачный разостлал
Перед Анубисовым ликом.
А ныне сам почтить готов

Тебя коленопреклоненьем:
Внимать велению богов
Нам подобает со смиреньем.
Сегодня с вечера луна
Не озирает стогнов Рима.
Ты, как богиня убрана,
Ко храму приходи незрима.
Служанок бойся пробудить,
Пусть дремлет муж твой утомленный,
Чтобы не мог непосвященный
Тебя и взором осквернить.
Тебя я на ступенях жду;
Иди, давай мне руку смело...
Придешь ли, новая Семела,
Во храм Анубиса?» — «Приду».

III

Давно звездами ночь блестит,
Смолкает шумная столица,
Порой лишь громко колесница
Веселых юношей промчит.
Одна под сению ночной
Сабина бережно ступает,
За нею сладкою струей
Сирийский нард благоухает.
Как долго прождала она,
Чтоб сон нисшел на Сатурнина!
Пора! сейчас блеснет луна
Над темной грудой Эсквилина!
Нет, этой позднею порой
Никто не мог ее заметить,—
Лишь только б оргии ночной
Да ярких факелов не встретить!
Какой-то дух ее несет
Неотразимо и упрямо
Всё дальше. — Вот она у храма,
И жрец ей руку подает.
«Молчи, мне всё поведал бог:
Ты опоздала поневоле,
Вступи одна через порог,
Анубис ждет — не медли боле».

Как мавзолей, безмолвен храм,
Лишь ходит облаком куренье,
И ног ее прикосновенье
Звучит по мраморным плитам,
Кумиров глаз не различает,
Повсюду мрак. — Едва-едва
Небес полночных синева
Средину храма озаряет.
О, ночь блаженства и тревог!
Сомненьем слабый дух мятется:
Какое тело примет бог,
В какой он образ облечется?
Но вот луна лучом своим
Посеребрила изваянья,
Сильней заволновался дым
И облака благоуханья.
Шаги! так точно! — различил
Их слух Сабины беспокойный, —
И кто-то трепетный и стройный
Ее в объятья заключил.
Благоуханьем окружен,
Незримый, сердцу он дороже,
О, что за чудный, страстный сон —
И храм, и дым, и это ложе!
Как будто нет уже земли, —
Она исчезла, закрываясь,
И, в лунном свете развиваясь,
Их в небе тучи понесли.
Сильнее свет дрожит в очах,
Сильнее аромат разлился,
И лик Анубиса в лучах
Улыбкой Мунда озарился.

Угрюм, безмолвен Сатурнин,
Он промолчал перед законом;
Но не поведал ли один
Он грустной тайны пред Нероном?
Старик, испытанный в боях,
Как мальчик, не был малодушен,
Но храм Анубиса во прах
По воле Цезаря разрушен.
Толпа ругалась над жрецом,
Он брошен львам на растерзанье,
И долго, долго Мунд потом
Вдали влачил свое изгнанье.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИКИ

СТИХОТВОРЕНИЯ

<К А. М. ПОГОДИНОЙ>

<...>Нет, сколько козней ты ни крой,
Я твоего не слышу бреда,
Пошлю я в лавку за икрой
И ждать не стану до обеда <...>

<1838>

<ЭПИГРАММА НА А. А. ГРИГОРЬЕВА>

Григорьев, музами водим,
Налил чернил на сор бумажный:
И вопиет с осанкой важной:
«Вострепещите! мой Вадим!»

<1839>

ДИФИРАМБ НА НОВЫЙ ГОД

Тише — полночный час скоро пробьёт.
Чинно наполним широкие чаши.
Пусть Новый год, прозвучав, перервёт
Сам о минувшем мечтания наши.

Браво, браво, друзья!
Звонкие чокнем края!
Год проводили, а мало ль что было!
Всё миновалось, да грудь не остыла.
Всё, что отжило, прочь
В эту заветную ночь!

Радость — надежда над всем, что любила,
Ясный светильник навек <пот>ушила.
Спи же во мраке, о́тжитый год,
Мирно сомкнув отягченные вежды,
Нового ждем мы — новый идет!
Братья! Из вас у ког<о не>т надежды?

Ручками, косами, лентами, газами,
Русыми кудрями, русскими фразами
Переплетись, Новый год!
Грудами золота, почестей знаками,
Новыми модами, новыми фраками
Сыпься на тот же народ!

Если ж заметишь, что брат твой покойный
Всё у страдальца унёс,
Кроме души, сожаленья достойной,
Кроме стенаний и слёз, —
Будь сострадателен — что пред судьбою,
Пусть перед злобной судьбой;
Но ты скорей ему тихой рукою
Влажные очи закрой.

Чу! двенадцатый бьет!
Новая жизнь настает!
Браво, браво, друзья!
Чаши полны по края!
Виват! пейте заздравие смело,
Мало ль что будет, — да нам что за дело!

<Ноябрь 1840>

* * *

Щёчки рдеют алым жаром,
Соболь инеем покрыт,
И дыханье легким паром
Из ноздрей твоих летит.

Дерзкий локон в наказанье
Поседел в шестнадцать лет...
Не пора ли нам с катанья?
Дома ждет тепло и свет —

И пуститься в разговоры
До рассвета про любовь?..
А мороз свои узоры
На стекле напишет вновь.

<1841>

<ЭПИГРАММА НА А. А. ГРИГОРЬЕВА(?)>

Он в идее вечно жаден,
А в конкрете он свиреп,
Догматически нескладен
И практически нелеп.

<1841—1842>

* * *

Стихом моим незвучным и упорным
Напрасно я высказывать хочу
Порыв души, но, звуком непокорным
Обманутый, душой к тебе лечу.

Мне верится, что пламенную веру
В душе твоей возбудит тайный стих,
Что грустию невольною размеру
Она должна сочувствовать на миг.

Да, ты поймешь, поймешь — я это знаю —
Всё, чем душа родная прожила, —
Ведь я ж всегда по чувству угадаю
Твой след везде, где ты хоть раз была.

<1842>

ЗВЕЗДЫ

Отчего все звезды стали
Неподвижною чредой
И, любуясь друг на друга,
Не летят одна к другой?

Искра к искре бороздою
Пронесется иногда,
Но уж знай, ей жить недолго:
То — падучая звезда.

<1842>

К ЖАВОРОНКУ

Днём ли, или вечером,
Ранней ли зарей —
Только бы невидимо
Пел ты надо мной.

На́долго заслушаюсь
Звуком с высоты,
Будто эту песенку
Мне поёшь не ты.

<1842>

РУЧКА

Прозрачную канву цветами убирая,
На мягких клавишах, иль с веером резным,
В перчатке крошечной, иль по локоть нагая,
Понятной грацией, движением родным

Ты говоришь со мной, мой бедный ум волнуя
Невольной страстию и жаждой поцелуя.

<1842>

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЬ

Уснули метели
С печальной зимой,
Грачи прилетели,
Пахнуло весной.

Широкая карта
Полночной земли
Чернеет, и марта
Ручьи потекли.

Дождемся ль апреля
Лугов молодых,
Крылатого Леля
Ковров дорогих?

И светлого мая
Красы голубой,
Подруга живая,
Дождемся ль с тобой?

Лилета! Лилета!
С дыханьем весны
Сбылися поэта
Блаженные сны.

Для песни полночной
Отныне живи,
Душой непорочной
Предайся любви.

<1842>

ВЕЧЕРНИЙ САД

Не бойся вечернего сада,
На дом оглянися назад, —
Смотри-ка: все окна фасада
Зарёю вечерней горят.

Мне жаль и фонтана ночного,
Мне жаль и жуков заревых,
Мне жаль соловья заревого
И ночи цветов распускных.

Поверь мне: туман не коснется
Головки-малютки твоей,
Поверь, — ни одна не сомнется
Из этих упругих кудрей.

Поверь, что природа так гибко
Твоим покорится очам,
Поверь мне, что эта улыбка
Царица и дням и ночам.

Сопутники вечера — что ж вы?
Ответствуйте милой моей! —
Поверь мне, что узкой подошвы
Роса не коснется твоей.

<1842>

ГОРНЫЙ КЛЮЧ

(Офелии)

С камня на камень висящий,
С брошенных скал на утёс
Много кристалл твой блестящий
Пены жемчужной унёс.

Был при деннице румян ты,
Был при луне бледен ты,
Гордо носил бриллианты,
Скромно цветы и листы.

Много твой шум отдаленный
Чуждых людей приманил,
Много про чудо вселенной
Странник в дому говорил.

Тучи несут тебе воду,
Чуждые люди дары,
Сила дарует свободу,
Шелест и прелесть игры.

Чадо тревожной неволи,
Что же мне бросить в поток?
Кубок ли звонкий, кольцо ли,
Розы ли юный шипок?

Розу увядшую, друг мой,
Кинул я с желтым листком;
Чувство, и зренье, и слух мой
Гибнут с последним цветком.

<1842>
Москва

* * *

Безмолвные поля оделись темнотою,
Заря вечерняя сгорела, воздух чист,
В лесу ни ветерка, ни звука над водою,
Лишь по верхам осин лепечет лёгкий лист,

Да изредка певец природы благодатной
За скромной самкою, вспорхнув, перелетит
И под черемухой, на ветке ароматной,
Весенней песнею окрестность огласит.

И снова тихо все. Уж комары устали
Жужжа влетать ко мне в открытое окно:
Все сном упоено.
Ужель одной печали
В душе томящейся уснуть не суждено?..

<1842>

* * *

Когда кичливый ум, измученный борьбою
С наукой вечною, забывшись, тихо спит,
И сердце бедное одно с самим собою,
Когда извне его ничто не тяготит,

Когда, безумное, но чувствами всесильно,
Оно проведает свой собственный позор,
Бестрепетностию проникнется могильной
И глухо изречет свой страшный приговор:

Страдать, весь век страдать бесцельно, безвозмездно,
Стараться пустоту наполнить — и взирать,
Как с каждой новою попыткой глубже бездна,
Опять безумствовать, стремиться и страдать, —

О, как мне хочется склонить тогда колени,
Как сына блудного влечет опять к Отцу! —
Я верю вновь во всё, — и с шепотом моленья
Слеза горячая струится по лицу.

<1842>

К МОРФЕЮ

На ложе, свежими цветами испещренном,
В пурпуровом венце, из мака соплетенном,
Довольно спать тебе, красавец молодой.
Проснись, молю тебя, скорей глаза открой,
И дай коснуться мне целебного фиала,
Чтоб тихо я уснул, чтоб сердце не страдало.

Люблю душистый сок твоих целебных трав,
Люблю твои уста, люблю твой кроткий нрав,
Диану полную над детской колыбелью,
В которой ты лежишь, предавшийся безделью,
И ложа тесноту, и трепетную тень,
И страстные слова, и сладостную лень.

<1842>

* * *

Когда не свищет вихрь в истерзанных снастях,
А вольно по ветру летает легкий флаг,
Когда над палубой нависнет пар недужный
И волны, пеною окаймлены жемчужной,
Так дружно к берегу бегут, а ты в тени
Приморских яворов лежишь, — тогда взгляни, —
Как пена лёгкая начнет приподыматься
И в формы стройные Киприды округляться.

<1842>

БЮСТ

Когда — из мрамора иль гипса — предо мною
Ты в думы погружен венчанной головою, —
Верь, не вотще глаза устремлены мои
На изваянные кудрей твоих струи,
На неподвижные, изва́янные думы,
На облик гения торжественно-угрюмый,
Как на пророчество великого певца —
На месяц, день и год печального конца!
Нет! мне не верится, что жил ты между нами,
Что — смертный — обладал небесными дарами,
Что ты так мало жил, что ты не умирал —
И никому даров небес не завещал!

<1842>

* * *

Как на черте полночной дали
Тот огонёк,
Под дымкой тайною печали
Я одинок.

Я не влеку могучей силой
Очей твоих,
Но приманю я взор твой милой
На краткий миг.

И точка трепетного света
Моих очей —
Тебе печальная примета
Моих страстей.

<1842>

ЭЛЕГИЯ

Мечту младенчества в меня вдохнула ты;
Твои прозрачные, роскошные черты
Припоминают мне улыбкой вдохновенья
Младенческого сна отрадные виденья...
Так! вижу: опытность — ничтожный дар земли —
Твои черты с собой надолго унесли!
Прости! — мои глаза невольно за тобою
Следят — и чувствую, что я владеть собою
Не в силах более; ты смотришь на меня —
И замирает грудь от сладкого огня.

<1842>

СОНЕТ

(Офелии)

С тех пор, как Бог в тебе осуществил
Передо мной создание поэта,
Не знаю сам, за что я полюбил
Игривое созвучие сонета.

Не знаю сам, зачем он сердцу мил:
Быть может, звук знакомого привета
Он тех же рифм чредой изобразил —
И ложною мечтой душа согрета.

А может быть он схож с тобою в том,
Что изо всех стихов его стихом,
Как и тобой, владеть всего труднее,

Иль, наконец, причудливый, как ты,
Смиряясь, он для чувства красоты,
Чем затруднял, становится милее.

<1842>

ХРОНОС

Я тоскую и беспечен,
Жизнь бесстрастная томит,
Скучный день мой бесконечен,
Ночь бессонна, как Аид.

Час за часом улетает,
Каждый бой часов растет,
Где двенадцать ударяет,
Там и первый настает.

<1842>

СТРАННАЯ УВЕРЕННОСТЬ

Скорей, молись, затягивай кушак!
Нас ждет ямщик и тройка удалая,
Коней ждет корм, а ямщика кабак,
А нас опять дорога столбовая.

Да кой же черт? хоть путь нам и далёк,
Не даром же прогоны в вечность канут!
Не может быть... Есть в мире уголок,
Где и про нас хоть мельком упомянут.

<1842>

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вот застава — скоро к дому,
Слава Богу, налегке!
Мой привет Кремлю родному,
Мой привет Москве-реке!

Не увижу ли, не встречу ль
Голубых ее очей?
Догадаюсь ли, замечу ль
По сиянью их лучей

Долгой тайны нетерпенье,
Пламень в девственной крови,
Возрожденье, упоенье
И доверчивость любви?

<1842>

ЕЁ ОКНО

Как здесь темно,
А там давно
Её окно
Озарено...
Колонны в ряд
Между картин
Блестят, горят
Из-под гардин!
Вон, вон она
Наклонена!
Как хороша!
Едва дыша,
Любуюсь я...
Она моя,
Моя, моя!

<1842>

* * *

Сорвался́ мой конь со стойла,
Полетел, не поскакал...
Хочет воли, ищет пойла,
Хвост и гриву раскидал.

Отпугните, загоните!
Чья головка там видна?
Посмотрите, посмотрите,
Паша смотрит из окна!

<1842>

* * *

Как много, Боже мой, за то б я отдал дней,
Чтоб вечер северный прожить тихонько с нею
И всё пересказать ей языком очей,
Хоть на вечер один назвав ее своею.

Чтоб на главе моей лилейная рука,
Небрежно потонув, власы приподнимала,
Чтоб от меня была забота далека,
Чтоб счастью одному душа моя внимала.

Чтобы в очах ее слезинка родилась, —
Та, над которой я так передумал много, —
Чтобы душа моя на всё отозвалась, —
На всё, что было ей даровано от Бога!

<1842>

УТЕС

Моря не было там, а уж я тут стоял,
Великан первобытной природы.
Еще ветер зеленые рощи ласкал,
Еще по́ степи конь быстроногий скакал,
Где теперь разбегаются воды.

Раз, я помню, вздрогну́ла земля подо мной,
Я взглянул чрез леса и чрез нивы:
Вижу, море идет тёмно-синей стеной,
Ближе, ближе — и всё затопив, предо мной
Раскидало седые заливы.

Во всю ночь эту шум не давал мне уснуть,
Снились горы шипящие пены...
Но давно я привык. Станет ветер ли дуть
Иль корма бороздить свой невидимый путь —
Я привык и не жду перемены.

<1842>

* * *

Поверьте мне: с надеждой тайной
Стиху я верю своему;
Быть может, прихотью случайной
Дано значение ему.

Так точно, в час осенней тучи,
Когда гроза деревья гнёт,
Листок бесцветный и летучий
Вас грустным лепетом займёт.

<1842>

* * *

Ночь тиха. По тверди зыбкой
Звезды южные дрожат;
Очи матери с улыбкой
В ясли тихие глядят.

Ни ушей, ни взоров лишних.
Вот пропели петухи,
И за Ангелами, в вышних
Славят Бога пастухи.

Ясли тихо светят взору,
Озарен Марии лик...
Звездный хор к иному хору
Слухом трепетным приник.

И над Ним горит высоко
Та звезда далёких стран:
С ней несут цари Востока
Злато, смирну и ливан.

<Конец 1842 или 1843-го >

БЛУДНИЦА

Но Он на крик не отвечал,
Вопрос лукавый проникая,
И на песке, главу склоняя,
Перстом задумчиво писал.

Во прахе, тяжело дыша,
Она, жена-прелюбодейка,
Золотовласая еврейка
Пред Ним, грешна и хороша.

Ее плеча обнажены,
Глаза прекрасные закрыты,
Персты прозрачные омыты
Слезами горькими жены.

И понял Он, как ей сродно́,
Как увлекательно паденье:
Так юной пальме наслажденье
И смерть — дыхание одно.

<1843>

ГОРЫ

(Ода)

Стою у каменной стремнины;
Мне этот воздух незнаком,
Но сердце радуют картины
Своим пестреющим венком:
Внизу — гулливые долины,
И речка блещет серебром...
Где стадо мелкое теснится,
Тропинка желтая пылится.

И нив златая полоса,
И дым белеющих селений,
Благоуханные леса
С немолчным хором песнопений,
И виноградная лоза,

Царица мудрая растений;
Тут мостик легкою дугой
Прыгну́л через поток живой.

Над белым паром водопада
Зубцом причудливым скала
В предел пытующего взгляда
Чело на небо унесла.
Там воздух — вольности отрада,
Стезя широкая орла...
Кругом, куда ни кинешь взоры, —
Венцом синеющие горы.

Мне так легко, — я жизнь познал,
И грудь так сладко дышит ею.
Я никогда не постигал,
Что́ нынче сердцем разумею, —
Зачем Он горы выбирал,
Когда являлся Моисею,
И отчего вблизи небес
Доступней таинства чудес!

<1843>

* * *

Смотри, красавица, — на матовом фарфоре
Румяный русский плод и южный виноград:
Как ярко яблоко на лиственном узоре!
Как влагой ягоды на солнышке сквозят!

Одна искусная рука соединяла,
Одно желание совокупило их;
Их розно солнышко и прежде озаряло, —
Но дорог красоте соединенья миг.

<1843>

ЦЫГАНКЕ

Молода и черноока,
С бледной смуглостью ланит,
Прорицательница рока,
Предо мной дитя Востока,
Улыбаясь, стоит.

Щеголяет хор суровый
Выражньем страстных лиц;
Только деве чернобровой
Так пристал наряд пунцовый
И склонение ресниц.

Перестань, не пой, довольно!
С каждым звуком яд любви
Льется в душу своевольно
И горит мятежно-больно
В разволнованной крови.

Замолчи: не станет мочи
Мне прогрезить до утра
Про полуденные очи
Под навесом тёмной ночи
И восточного шатра.

<1843>

В АЛЬБОМ

Я вас рассматривал украдкой,
Хотел постигнуть — но, увы!
Непостижимою загадкой
Передо мной мелькали вы.

Но вы, быть может, слишком правы,
Не обнажая предо мной, —
Больны ль вы просто, иль лукавы,
Иль избалованы судьбой.

К чему? Когда на блеск пурпурный
Зари вечерней я смотрю,

К чему мне знать, что дождик бурный
Зальет вечернюю зарю?

Тот блеск — цена ли он лишенья —
Он нежно свят — чем он ни будь,
Он дохновение творенья
На человеческую грудь.

<1844>

* * *

Я говорил при расставаньи:
«В далеком и чужом краю
Я сохраню в воспоминаньи
Святую молодость твою».

Я отгадал душой небрежной
Мою судьбу — и предо мной
Твой образ милый, образ нежный,
С своей младенческой красой.

И не забыть мне лип старинных
В саду приветливом твоём,
Твоих ресниц, и взоров длинных,
И глаз, играющих огнём.

<1844>
Франкфурт-на-Майне

ПЕСНЬ ПАЖА

(Из времён рыцарства)

Говорят, мой голос звонок,
Говорят, мой волос тонок, —
Что красавец я;
Говорят, я злой ребенок, —
Бог им в том судья!

Мне сулят во всем удачу,
Судят, рядят наудачу, —

Кто их разберет!
А не знают, как я плачу
Ночи напролет.

«Он дитя» — меня балуют,
«Он дитя» — меня целуют.
Боже мой! Оне
И не знают, что волнуют,
Мучат всё во мне.

Целовал бы, да не смею,
Прошептал бы, да робею,
Этим все гублю...
А давно сказать умею:
«Я люблю! люблю!»

<1845>

* * *

Вижу, снова небо тмится,
Немощь крадется ко мне,
И душе моей не снится
Ничего по старине.

Как пятно, темно и хладно,
Не поя огня в крови,
Смотрит грустно, беспощадно
На меня звезда любви.

И не знаю, расцвету ли
Для порывов юных дней,
Иль навек в груди уснули
Силы гордые страстей?

И чего змея раздора
Ждет от сердца моего:
Униженья, иль отпора,
Или просто ничего?..

<1845>

* * *

Я вдаль иду моей дорогой
И уведу с собою вдаль
С моей сердечною тревогой
Мою сердечную печаль.

Она-то доброй проводницей
Со мною об руку идёт
И перелетной, вольной птицей
Мне песни новые поет.

Ведет ли путь мой горной цепью
Под ризой близких облаков,
Иль в дальний край широкой степью,
Иль под гостеприимный кров, —

Покорна сердца своеволью,
Везде, бродячая, вольна,
И запоет за хлебом-солью,
Как на степи, со мной она.

Спасибо ж тем, под чьим приютом
Мне было радостней, теплей,
Где время пил я по минутам
Из урны жизненной моей,

Где новой силой, новым жаром
Опять затрепетала грудь,
Где музе-страннице с гусляром
Нетруден показался путь.

Весна 1845
Новая Прага

НА СМЕРТЬ БРАЖНИКОВА

Взвод вперед, справа по три, не плачь!
Марш могильный играй, штаб-трубач!
Словно ясная тучка зарёй,
Ты погаснул, собрат молодой!

Как печаль нам утешить свою,
Что ты с нами не будешь в строю?
Гребень каски на гробе ведь наш,
Где с ножнами скрестился палаш.
Лишь тебя нам с пути не вернуть!
Не вздохнет молодецкая грудь,
И рука, цепенея, как лед,
На прощанье ничьей не пожмет.
Но, безмолвный красавец, в гробу
Ты дрожащую слышишь трубу,
И тебе и в земле не забыть,
Как тебя мы привыкли любить.
Взвод вперед, справа по три, не плачь!
Марш могильный играй, штаб-трубач!

<Июль—август 1845>

* * *

В зверинец мой раскрыты двери,
Зверей подобных в мире нет,
Рассортированы все звери,
И каждому дан свой куплет.

Вот Крюднер, капитан хохлатый,
Он привезен из дальних стран,
Молодцеватый, грубоватый,
А вот при нем его Бриган.

Вот Кащенки и Петр и Павел,
Я в клетке их держу одной,
Зверьки ручные, честных правил,
И по-домашнему с ленцой.

Вот Пален; петухом ли шпанским,
Аистом ли его назвать?
Он поится одним шампанским;
Полегче, ног бы не сломать!

Вот Рап-кобель. Каким-то чудом
И Агапей при нем всегда.
Кто кобелем, а кто верблюдом
Заняться может, господа.

Кази усами разукрашен,
Турецкой силой одарен,
Он бородою только страшен,
И до клубнички падок он.

А вот Кудашев; он был князем
Вдали, на южных островах;
Силач, он всех кидает наземь
И татуирован в...

А вот Краевский; с пальмы южной,
Страны полуденной жилец,
Но как обманчив вид наружной:
Он только с виду молодец.

Вот Клопман; ящик с зеркалами,
В помадной банке корм стоит,
Что день, то щетка; он духами
От головы до ног облит.

Вот отделенье мелкой птицы:
Борисов, чтобы не забыть;
Он к нам приехал из столицы
«Мое почтенье» говорить.

А тут, лишь клетку повернете,
Для крошки в ящике простор;
Та крошка Фонька Ревелиоти,
Мала, но ноготок востер.

Вот Иваненко для закуски,
В бараньих завитках кругом;
Не знаю, шпанский или русский,
Но только знаю — с курдюком.

<1845>

* * *

Поднялася пыль степная,
Солнышко взошло,
Всюду сбруя боевая
Блещет, как стекло. <...>

<Август 1845>

* * *

При свете лампады, над чёрным сукном
Монах седовласый сидит
И рукопись держит в иссохших руках
И в рукопись молча глядит.

И красное пламя, вставая, дрожит
На умном лице старика;
Старик неподвижен, — и только порой
Листы отгибает рука.

И верит он барда певучим словам,
Хоть дней тех давно не видать:
Они перед ним, в его келье немой, —
Про них ему сладко читать...

И сладко и горько!.. Ведь жили ж оне
И верили тайной звезде...
И взор на распятье... И тихо слеза
Бежит по густой бороде...

<1846>

ВОЗДУШНЫЙ ГОРОД

Вон там по заре растянулся
Причудливый хор облаков:
Всё будто бы кровли да стены,
Да ряд золотых куполов.

То будто бы белый мой город,
Мой город знакомый, родной,
Высоко на розовом небе
Над тёмной, уснувшей землей.

И весь этот город воздушный
Тихонько на север плывет...
Там кто-то манит за собою, —
Да крыльев лететь не дает!..

<1846>

<В АЛЬБОМ А. Я. МАРЧЕНКО>

Стихом простым, стихом случайным,
Назло альбомам и стихам,
К воспоминаньям грустным, тайным,
Поползновенья я не дам.

Весны обманчивой жилица,
Минутных роз минутный друг,
Без сожаления, как птица,
Перенестись на нежный Юг.

Звездам Украйны полудикой,
Как в дни былые, не молись:
Иной картиною великой
Поражена, остановись!

Твой женский глаз, лучом поспешным
Окинув моря благодать,
Подметит то, чего нам, грешным,
Вовек веков не увидать.

<1846>

ХУДОЖНИКУ

Не слушай их, когда с улыбкой злою
Всю жизнь твою поставят на позор,
И над твоей венчанной головою
Толпа взмахнет бесславия топор;

Когда ни сны, ни чистые виденья,
Ни фимиам мольбы твоей святой,
Ни ряд годов наук, трудов и бденья
Не выкупят тебя у черни злой...

Им весело, когда молвой презренной
Они чело младое заклеймят...
Но ты прости, художник вдохновенный,
Ты им прости: не ведят, что творят.

<1846>

ПРОСТИ

(Офелии)

Прости, — я помню то мгновенье,
Когда влюбленною душой
Благодарил я провиденье
За встречу первую с тобой.

Как птичка вешнею зарёю,
Как ангел отроческих снов,
Ты уносила за собою
Мою безумную любовь.

Мой друг, душою благодарной,
Хоть и безумной, может быть,
Я ложью не хочу коварной
Младому сердцу говорить.

Давно ты видела, я верю,
Как раздвояется наш путь!
Забыть тяжелую потерю
Я постараюсь где-нибудь.

Еще пышней, еще прекрасней
Одна — коль силы есть — цвети!
И тем грустнее, чем бесстрастней
Мое последнее прости.

<1846>

ВЕСНА НА ЮГЕ

Ночью месяц, полон блеска,
Ходит, тучи серебря,
Днём в окно тепло и резко
Светит солнце января.

В новых листьях куст сирени
Явно рад веселью дня.
Вешней лени, тонкой лени
Члены полны у меня.
Песня в сердце, песня в поле,

Нега тайная в крови, —
Как-то веришь поневоле
Обаянию любви.

Что ж раздумье? что за слёзы?
Иль душой учуял я,
Как сирень убьют морозы
И затихнет песнь моя?

<1847>

* * *

Прекрасная, она стояла тихо,
Младенец-брат при ней был тоже тих,
Она слова молитв ему шептала,
Она была прекрасна в этот миг.

И так прекрасен был при ней младенец
Кудрявый, с верой в голубых глазах,
И сколько в знáменьи креста его смиренья,
Как чудно-много детского в мольбах.

Со мною рядом тут же допотопный
И умный франт, незримый для людей,
Хотя б из дружбы придал он сарказму
Бесчувственной иронии своей.

<1847>

* * *

Кенкеты, и мрамор, и бронза,
И глазки, и щёчки в огне...
Такие счастливые лица,
Что весело с ними и мне.

Там дальше зеркальные стены,
Там милое краше в сто раз,
Там гнутся, блистают и вьются
Цветы, бриллианты и газ.

И кто-то из зеркала тотчас
Меняется взором со мной —
Позвольте спросить в vis-a-vis вас —
Куда вы? Я еду домой.

<1847>

* * *

Я знал, что нам близкое горе грозило,
Но я не боялся при ней ничего, —
Она как надежда была предо мною,
И я не боялся при ней ничего.

И пела она мне про сладость страданья,
Про тайную радость страданья любви,
Про тайную ясность святой благодати,
Про тайный огонь в возмущенной крови.

И, павши на грудь к ней, я горько заплакал,
Я горько заплакал и весь изнемог,
Рыдал я и слышал рыдания милой,
Но слёз ее тёплых я видеть не мог.

Я голову поднял, но горькие слёзы
Исчезли с ресницы и с ока ея...
Она улыбнулась, как будто невольно,
Какую-то радость в душе затая.

О друг мой! Ты снова беспечно-игрива!
Зачем ты беспечно-игрива опять?
Хотя б ты из песни своей научилась,
Из песни своей научилась страдать!

<1847>

К ЦИРЦЕЕ

Блажен, о Цирцея, кто в чёрные волны забвенья
Гирлянду завядшую дней пережитых кидает,
Пред кем исчезают предметы в дыму благовонном,
Кто — весь заблужденье — невольно рукой шаловливой
Смоль черных кудрей твоих с белой блистающей шеи
К устам прижимая, вдыхает их сладостный запах,
Кто только и слышит в костях пробегающий трепет,
Кто только и видит два черных, полуденных ока.
Но горе, Цирцея!.. Потянут противные ветры,
Туманом рассеется сладостный дым перед оком,
Упругие губы не будут звучать поцелуем,
И волны забвенья кольцо возвратят Поликрату...
Кто же снова повязку на очи положит Эроту?
Кто скажет со вздохом: Цирцея, как Леда, прекрасна!

<1847>

МОЙ АНГЕЛ

Как он прекрасен,
Гость-небожитель!
Он не состарелся
С первой улыбки моей в колыбели,
Когда, играя
Златыми плодами
Под вечною райскою пальмою,
Он указал мне
На Матерь-Деву
Страдальца Голгофы — и подле
Двенадцать престолов во славе.
Он тот же, всё тот же —
Кудрявый, с улыбкой,
В одежде блистательно-белой,
С любовью во взоре —
Мой ангел-хранитель...

<1847>

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Я громом их в отчаяньи застигну,
Я молнией их пальмы сокрушу,
И месть на месть, и кровь на кровь воздвигну,
И злобою гортань их иссушу.

Я стены их сотру до основанья,
Я камни их в пустыне размечу,
Я прокляну их смрадное дыханье,
И телеса их я предам мечу.

Я члены их орлятам раскидаю,
Я кости их в песках испепелю,
И семя их в потомках покараю,
И силу их во внуках погублю.

На жертвы их отвечу я хулою,
Оставлю храм и не приду опять,
И девы их в молитве предо мною
Вотще придут стенать и умирать.

<1847>

<В АЛЬБОМ А. Л. БРЖЕСКОЙ>

Мы нравимся уездам и столицам,
Я рифмою, вы светлой красотой...
Так лейся ж песнь, — и смелой простотой
Уподобляй нас беззаботным птицам.
Что ж не сказать без скромности пустой,
Оставя злость бездарным да девицам:
Мы нравимся уездам и столицам —
Я рифмою, вы светлой красотой.

9 мая 1847
Березовка

<В АЛЬБОМ А. Л. БРЖЕСКОЙ>

Весенних чувств не до́лжно вспоминать,
Когда весна оденет вновь берёзу,
А вы, а вы, Бог с вами, вы опять
Напомнили мне соловья и розу.

Что в прошлом нам тревожит робкий ум,
В грядущем нас встречает, как родное,
И светлый ряд новорожденных дум
Встает из мглы, как пламя заревое.

Прекрасному поклонится поэт,
И убежит ненужная угроза.
В прекрасном всё — разъединенья нет,
И в вас одной и соловей и роза.

27 июня 1847
Березовка

<В АЛЬБОМ А. Л. БРЖЕСКОЙ>

Я в моих тебя вижу всё снах,
С той же яркою искрой в глазах,
С тем же бледно-прозрачным лицом,
С тем же розовым белым венцом,
С той же властью приветливых слов,
С той же тучей младенческих снов;
И во сне так полно я живу,
Как, бывало, живал наяву.

7 сентября 1847
Елисаветград

<В АЛЬБОМ А. В. СЛИВИЦКОЙ>

Пусть критика и злобна, и зубаста!
Не тронуть ей меня,
Пегасу я сказал на время — баста,
Сажуся на коня.

22 апреля <1848 ?>

<В АЛЬБОМ С. А. РАЧИНСКОГО>

По замечанью моему,
Альбом походит на кладбище.

Боратынский

Отвергнув гордое сомненье
И не смущаемый трудом,
Простой приязни выраженье
Вношу смиренно в ваш альбом.

Легко минутное решенье
Забыться непробудным сном,
Где наше место погребенья
Хоть потревожат, — но с умом;

Где между прочими гробами
И наш без надписи найдут,
И между зримыми чертами
Лукаво-зоркими глазами
Черты незримые прочтут.

29 февраля 1848
Елисаветград

* * *

Мой друг, я верую, надеюсь и люблю
И убежденья полон силы,
Что всё, чем опытность снабдила грудь мою,
Дойдет со мною до могилы,

Что знамя истины, которому служу,
Вокруг меня овеет рати,
Что с тайной гордостью его я покажу
Толпе неверующих братий.

И что же? Новый день нисходит от Творца,
И убежденья величавы
Бледнеют видимо, как за спиной косца
Грядами скошенные травы.

<1848>

* * *

Когда опять по ка́мням заиграет
Алмазами сверкающий ручей
И вновь душа невольно вспоминает
Невнятный смысл умолкнувших речей,

Когда, прогрет приветными лучами,
На волю рвется благовонный лист
И лик небес, усеянный звездами,
Так безмятежно, так лазурно чист,

Не говори: «Я плачу, я страдаю,
Что сердцу близко — взору далеко», —
Скажи: «Хвала! Я сердцем понимаю,
Я чувствую душою глубоко».

<Апрель 1849>

* * *

Где Север — я знаю!
Отрадному предан недугу,
Весь день обращаю
И очи и помыслы к Югу.

В дали ли просторной
Твое забелеет жилище, —
Как в области горной,
Я сердцем и разумом чище.
Услышу ли слово
Твоей недоверчивой речи, —
И сердце готово
Стремиться до будущей встречи.

<1849>

* * *

Среди несметных звезд полночи,
Как эти две глядят мне в очи,
Не поглядит нигде звезда;

Но неизменна воля рока:
С заката — той, а той — с востока,
Им не сойтиться никогда.

Среди людей так часто двое
Равно постигнули земное,
Затем, что стали высоко,
И оба сердца пышут страстью,
И оба сердца рвутся к счастью,
И счастье вечно далеко.

<1849>

* * *

Как гений ты, нежданный, стройный,
С небес слетела мне светла,
Смирила ум мой беспокойный,
На лик свой очи привлекла.

Вдали ль душой ты иль меж нами —
Но как-то сладостно, легко
Мне пред тобою, с небесами
Сдружившись, реять высоко;

Без сожаленья, без возврата
Мне сладко чувства расточать
И на тебя очами брата
С улыбкой счастия взирать.

<1850>

<И. П. БОРИСОВУ>

Перекладывают тройки
И выносят чемоданы;
За столом два сослуживца,
На столе стоят стаканы.

— Знаю я, зачем так влагой
Презираешь ты шампанской.

Всё в ушах твоих, мой милый,
Раздается хор цыганской.

Всё мерещится Матрена,
Всё мерещится плутовка.
Черным бархатом и маской
Скрыта светлая головка.

За красавицей женою
Муж мерещится ревнивый.
«Я люблю, люблю, как прежде» —
Нежит слух самолюбивый.

— Нет, мой друг, не отгадал ты,
Извини, что я не с вами.
Мысли носятся далеко,
За горами, за долами.

Всё мерещится у стенки
Фортепьян красивый ящик,
Всё мерещится угрюмый
Про Суворова рассказчик.

За стаканом даже слышу
Душный воздух тесной кельи,
И о счастьи молит голос
И в раздумьи и в веселье.

В степь глядит одно окошко,
До полуночи открыто,
Перед ним-то, для него-то
Всё на свете позабыто.

Но давно прозябли кони.
Так пожмем друг другу руки,
Не сердись за нашу встречу
Да пиши подчас от скуки.

<Начало 1850?>

* * *

Напрасно, дивная, смешавшися с толпою,
Вдоль шумной улицы уныло я пойду;
Судьба меня опять уж не сведет с тобою,
И ярких глаз твоих нигде я не найду.

Ты раз явилась мне, как дивное виденье,
Среди бесчисленных, бесчувственных людей, —
Но быстры молодость, любовь и наслажденье,
И слава, и мечты, а ты еще быстрей.

Мне что-то новое сказали эти очи,
И новой истиной невольно грудь полна, —
Как будто на заре, подняв завесу ночи,
Я вижу образы пленительного сна.

Да, сладок был мой сон хоть на одно мгновенье! —
Зато, невольною тоскою отягчен,
Брожу один теперь и жду тебя, виденье,
И ясно предо мной летает светлый сон.

<1850>

* * *

Слеза слезу с ланиты жаркой гонит,
Мечта мечту теснит из сердца вон;
Мгновение мгновение хоронит,
И блещет храм на месте похорон.

Крылатый сон опережает брата,
За тучею несутся облака,
Как велика души моей утрата!
Как рана сердца страшно глубока!

Но мой покров я жарко обнимаю,
Хочу, чтоб с ним кипела страсть моя;
Нет, и забывшись, я не забываю,—
Нет, и в ночи безумно плачу я!

<1850>

* * *

Следить твои шаги, молиться и любить —
Не прихоть у меня и не порыв случайный:
Мой друг, мое дитя, поверь, — тебя хранить
Я в сердце увлечен какой-то силой тайной.

Постигнув чудную гармонию твою —
И нежной слабости, и силы сочетанье,
Я что-то грустное душой предузнаю,
И жалко мне тебя, прекрасное созданье!

Вот почему порой заглядываюсь я,
Когда над книгою иль пестрою канвою
Ты наклоняешься пугливой головою,
И черный локон твой сбегает, как змея,

Прозрачность бледную обрезавши, ланиты
И стрелы черные ресниц твоих густых
Сияющего дня отливами покрыты,
И око светлое чернеет из-под них.

<1850>

<В АЛЬБОМ Г. П. ДАНИЛЕВСКОМУ>

Я жертву приносил обильную Прияпу
И жаждал новые во храм его снести,
Но бог велел меня немедля к Эскулапу
Вулкановой супруге отвести.
В изгнании моем я долго тосковал,
Кляня всех нимф, как самых злобных фурий.
Суровый бог мне ноги заковал,
А расковал услужливый Меркурий.

Теперь намерен я, чтоб больше не страдать,
То всякий раз, как я пойду к Прияпу,
Чтоб грозный бог не мог меня узнать,
На плешь надвигивать спасительную шляпу.

Января 4-го дня 1852-го
Петербург

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Вчера, при блеске свеч, в двенадцатом часу,
Ты слушала меня с улыбкою участья,
И мне казалося: вот-вот перенесу
Тебя в цветущий мир безумия и счастья.

Сегодня — Боже мой! — я путаюсь в словах,
Ты смотришь на меня и трезво и обидно, —
И как об этих двух подумаю я днях,
То нынешнего жаль, а за вчерашний стыдно.

<1854>

ОТЪЕЗД

Какая горькая обида:
Я завтра еду. Боже мой!
Как будто к области Аида
Темнеет путь передо мной.

Ка́к после нежного похмелья
От струй пафосского вина,
Уединенная мне келья
Теперь покажется душна!

Но, верен сладостной тревоге,
В степи безбрежной и в лесу,
По рвам, по каменной дороге
Твой образ чистый понесу.

И сохраню в душе глубоко
Двойную прелесть красоты:
И это мыслящее око,
И эти детские черты.

<1854>

ШАРМАНЩИК

К окну я в потёмках приник —
Ну, право, нельзя неуместней:
Опять в переулке старик
С своей неотвязною песней!

Те звуки свистят и поют?
Нескладно-тоскливо-неловки...
Встают предо мною, встают
За рамой две светлых головки.

Над ними поверхность стекла
При месяце ярко-кристальна.
Одна так резво́-весела,
Другая так томно-печальна.

И — старая песня! — с тоской
Мы прошлое нежно лелеем,
И жаль мне и той и другой,
И рад я сердечно обеим.

Меж них в промежутке видна
Еще голова молодая, —
И всё он хорош, как одна,
И всё он грустит, как другая.

Он предан навеки одной
И грусти терзаем приманкой...
Уйдешь ли ты, гаер седой,
С твоей неотвязной шарманкой?..

<1854>

***

Дай руку мне, дай руку, пери злая,
Хоть раз еще приветливо взгляни,
Горячкой рифм восторг мой объясняя,
Влюбленного поэтом не брани.

Ревнивые лишь с тем хариты дружны,
Кто забывать для них готов весь свет.

Коль жителям Олимпа жертвы нужны
И сердца кровь — плохой же я поэт.

Пусть музами навек оставлен буду,
Пусть Феб меня карает за грехи, —
Под хохот твой я музу позабуду,
За поцелуй я все отдам стихи.

<1854>

***

Люди нисколько ни в чем предо мной не виновны, я знаю,
Только я тут для себя утешенья большого не вижу.
День их торопит всечасно своею тяжелой заботой,
Ночь, как добрая мать, принимает в объятья на отдых.
Что им за дело, что кто-то, весь день протомившись
бездельем,
Ночью с нелепым раздумьем пробьется на ложе бессонном?
Пламя дрожит на светильне — и около мысли любимой
Зыблются робкие думы, и все переходят оттенки
Радужных красок. Трепещет душа и трепещет рассудок.
Сердце — Икар неразумный — из мрака, как бабочка
к свету,
К мысли заветной стремится. Вот, вот опаленные крылья,
Круг описавши во мраке, несутся в неверном полете
Пытку свою обновлять добровольную. Я же не знаю,
Что́ добровольным зовется и что́ неизбежным на свете...

<1854>

ХИЖИНА В ЛЕСУ

На лес насунулися тучи,
Морозит — трудно продохнуть,
Ни зги не видно, вихрь колючий
Сугробом переносит путь.

О, как он путнику несносен!
Но вот надежда — огонёк
Блеснул звездою из-за сосен:
Приют знакомый недалёк.

Стучусь с уверенностью давней...
Знакомый голос за стеной;
Как прежде луч, скользя меж ставней,
Ложится яркой полосой...

«О, выйди! Это я!..» Напрасно!..
Я слышу голос, вижу свет, —
Все так безжизненно, бесстрастно:
Ответа нет, привета нет!

Давно ль сюда рвался так жадно
Я с одинокого пути?..
Здесь умирать так безотрадно,
И сил нет далее брести.

<1855>

***

Заревая вьюга
Всё позамела,
А ревнивый месяц
Смотрит вдоль села.

Подойти к окошку —
Долго ль до беды?
А проснутся завтра —
Разберут следы.

В огород — собаки
Изорвут, гляди.
«Приходи сегодня» —
И нельзя нейти!

По плетню простенком
Проберусь как раз, —
Ни свекровь, ни месяц
Не увидят нас!

<Осень или зима 1855>

НЕОТРАЗИМЫЙ ОБРАЗ

В уединении забудусь ли порою,
Ресницы ли мечта смежает мне, как сон, —
Ты, ты опять в дали стоишь передо мною,
Моих весенних дней сияньем окружен.

Всё, что разрушено, но в бедном сердце живо,
Что бездной между нас зияющей легло,
Не в силах удержать души моей порыва,
И снова я с тобой — и у тебя светло.

Не для тебя кумир изменчивый и бренный
В сердечной слепоте из праха создаю;
Мне эта даль мила: в ней — призрак неизменный —
Опять чиста, светла, я пред тобой стою.

Ни детских слёз моих, ни мук души безгрешной,
Ни женской слабости винить я не могу,
К святыне их стремлюсь с тоскою безутешной
И в ужасе стыда твой образ берегу.

<1856?>

***

Когда у райских врат изгнанник
Стоял унижен, наг и нем,
Предстал с мечом небес посланник
И путь закрыл ему в Эдем.

Но, падших душ услыша стоны,
Творец мольбе скитальца внял:
Крылатых стражей легионы
Адама внукам он послал.

Когда мы бьёмся из-за хлеба,
В кровавом поте чуть дыша,
Чтоб хоть одна с родного неба
Нам улыбнулася душа.

Но и в кругах духов небесных
Земные стоны сочтены,

И силой крыльев бестелесных
Еговы дети не равны.

Твой Ангел — перьев лебединых
Не распускает за спиной:
Он на крылах летит орлиных,
Поникнув грустно головой.

В руке пророческая лира,
В другой — горящий Божий гром;
Так на твоём в пустыне мира
Он камне станет гробовом.

<1856?>

<ЭКСПРОМТ НА ОБЕДЕ В ЧЕСТЬ И. С. ТУРГЕНЕВА>

Поднять бокал в честь дружного союза
К Тургеневу мы нынче собрались.
Надень ему венок, шалунья муза,
Надень и улыбнись!

<Январь 1856>

РОДОДЕНДРОН

Рододендрон! Рододендрон!
Пышный цвет оранжереи,
Как хорош и как наряден
Ты в руках вертлявой феи!
Рододендрон! Рододендрон!

Рододендрон! Рододендрон!
Но в руках вертлявой феи
Хороши не только розы,
Хороши большие томы
И поэзии и прозы!
Рододендрон! Рододендрон!

Рододендрон! Рододендрон!
Хороши и все нападки

На поэтов, объявленья,
Хороши и опечатки,
Хороши и прибавленья!
Рододендрон! Рододендрон!

<1856>

ОШИБКА

Не ведал жизни он и не растратил сил
В тоске бездействия, в чаду бесплодных бредней;
Дикарь с младенчества, ее он полюбил
Любовью первой и последней.

Он не сводил очей с прекрасного чела;
Тоскливый взор его светился укоризной;
Он на нее смотрел: она ему была
Свободой, честию, отчизной.

Любимой песнию, улыбкой на устах
Напрасно скрыть она старалася страданья:
Он нежности любви искал в ее глазах —
И встретил нежность состраданья...

Расстались наконец. О, как порой легко
Прервать смущение бестрепетной разлуки!
Но в сердце у него запали глубоко
Порывы затаенной муки.

Ушел он на Восток. В горах, в развале битв,
Который год уже война его стихия.
Но имя он одно твердит среди молитв
И чует сердцем, где Россия...

Давно настала ночь, давно угас костёр, —
Лишь два штыка вдали встречаются, сверкая,
Да там, на севере, над самой высью гор
Звезда сияет золотая.

<1857>

СОНЕТ

Угрюм и празден часто я брожу:
Напрасно веру светлую лелею, —
На славный подвиг силы не имею,
Для песни сердца слов не нахожу.

Но за тобой ревниво я слежу,
Тебя понять и оценить умею;
Вот отчего я дружбой горд твоею
И близостью твоею дорожу.

Спасибо жизни! Пусть по воле рока
Истерзана, обижена глубоко,
Душа порою в сон погружена, —

Но лишь краса душевная коснется
Усталых глаз, — бессмертная проснется
И звучно затрепещет, как струна.

<1857>

В АЛЬБОМ
В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПАСХИ

Победа! Безоружна злоба.
Весна! Христос встаёт из гроба, —
Чело огнём озарено.
Всё, что манило, обмануло
И в сердце стихнувшем уснуло,
Лобзаньем вновь пробуждено.

Забыв зимы душевный холод,
Хотя на миг горяч и молод,
Навстречу сердцем к вам лечу.
Почуя неги дуновенье,
Ни в смерть, ни в грустное забвенье
Сегодня верить не хочу.

8 апреля 1857

ШИЛЛЕРУ

Орёл могучих, светлых песен!
С зарёй открыл твой вещий взор,
Как бледен, как тоскливо тесен
Земного ока кругозор!

Впервой ширяясь, мир ты мерил
Отважным взмахом юных крыл...
Никто так гордо в свет не верил,
Никто так страстно не любил.

И, веселясь над тёмной бездной,
Сокрывшей светлый идеал,
Никто земной в предел надзвездный
Парить так смело не дерзал.

Один ты океан эфира
Крылом надежным облетел
И в сердце огненное мира
Очами светлыми глядел.

С тех пор у моря света вечно
Твой голос всё к себе зовет,
Что в человеке человечно
И что в бессмертном не умрет.

<1857>

ДРУГУ

Когда в груди твоей страданье,
Проснувшись, к сердцу подойдет,
И жадный червь воспоминанья
Его невидимо грызет, —

Борьбой с наитием недуга
Души напрасно не томи,
Без слёз, без ропота на друга
С надеждой очи подыми.

Пусть свет клянет и негодует, —
Он на слова прощенья нем.

Пойми, что сердце только чует
Невыразимое ничем;

То, что в явленьи незаметном
Дрожит, гармонией дыша,
И в тайнике своем заветном
Хранит бессмертная душа.

Одним лучом из ока в око,
Одной улыбкой уст немых,
Со всем, что́ мучило жестоко,
Единый примиряет миг.

15 мая 1857

<В АЛЬБОМ КРЮГЕРУ>

Весь переезд забавою
Казался; третьим днём
И морем мы и Травою
До Любека дойдём.

И как по ветру флюгером
Ни вздумалось играть,
Мы с капитаном Крюгером
Не будем трепетать.

<Конец июля — нач. августа 1857>

АПОЛЛОН БЕЛЬВЕДЕРСКИЙ

Упрямый лук, с прицела чуть склонён,
Еще дрожит за тетивою шаткой,
И не успел закинутый хитон
Пошевелить нетронутою складкой.

Уже, томим язвительной стрелой,
Крылатый враг в крови изнемогает,
И чёрный хвост, сверкая чешуёй,
Свивается и тихо замирает.

Стреле вослед легко наклонено
Омытое в струях кастальских тело.
Оно сквозит и светится, — оно
Веселием триумфа просветлело.

Твой юный лик отважен и могуч,
Победою усилено дыханье.
Так солнца диск, прорезав сумрак туч,
Ещё бойчей глядит на мирозданье.

1857

***

Какая ночь! Как воздух чист,
Как серебристый дремлет лист,
Как тень черна прибрежных ив,
Как безмятежно спит залив,
Как не вздохнет нигде волна,
Как тишиною грудь полна!

Полночный свет, ты тот же день:
Белей лишь блеск, чернее тень,
Лишь тоньше запах сочных трав,
Лишь ум светлей, мирнее нрав,
Да вместо страсти хочет грудь
Вот этим воздухом вздохнуть.

<1857>

***

Весна и ночь покрыли дол,
Душа бежит во мрак бессонный,
И внятно слышен ей глагол
Стихийной жизни, отрешённой.

И неземное бытие
Свой разговор ведет с душою
И веет прямо на нее
Своею вечною струёю.

Но вот заря! Бледнеет тень,
Туман волнуется и тает, —
И встретить очевидный день
Душа с восторгом вылетает.

<1857>

ОТВЕТ СТАРОГО ПОЭТА НА 37 ГОДУ ОТРОДУ

<Д. В. Григоровичу>

Не поноси Замоскворечья,
Еще ты мало с ним знаком.
Не наноси ему увечья
Своим зловредным языком.

<11 декабря 1857>

***

Лесом мы шли по тропинке единственной
В поздний и сумрачный час.
Я посмотрел: запад с дрожью таинственной
Гас.
Что-то хотелось сказать на прощание, —
Сердца не понял никто;
Что же сказать про его обмирание?
Что?

Думы ли реют тревожно-несвязные,
Плачет ли сердце в груди, —
Скоро повысыплют звезды алмазные,
Жди!

<1858>

НЕЛЬЗЯ

Заря. Сияет край Востока,
Прорвался луч — и всё горит,
И всё, что видимо для ока,
Земного путника манит.

Но голубого неба своды
Покрыли бледностью лучи,
И звезд живые хороводы
К нам только выступят в ночи.

В движеньи, в блеске жизни дольной
Не сходит свыше Благодать:
Нельзя в смятенности невольной
Красы небесной созерцать.

Нельзя с безбрежностью Творенья
В чаду отыскивать родства,
И ночь и мрак уединенья —
Единый путь до Божества.

<1858>

<Я. П. ПОЛОНСКОМУ>

Возвестил народу
Уж с горы Афонской
Бэда-проповедник,
Что, быть может, к году
У мадам Полонской
Явится наследник.

<Октябрь 1858>

* * *

Как эта ночь, ты радостно светла,
Подобно ей, к мечтам ты призываешь
И, как луна, что там вдали взошла,
Все кроткое душе напоминаешь.

Она живет в минувшем, не скорбя,
И весело к грядущему стремится.
Взгляну ли вдаль, взгляну ли на тебя —
И в сердце свет какой-то загорится.

<1858—1859?>

* * *

Влачась в бездействии ленивом
Навстречу осени своей,
Нам с каждым молодым порывом,
Что день, встречаться веселей.

Так в летний зной, когда в долины
Съезжают бережно снопы,
И в зрелых жатвах круговины
Глубоко врезали серпы,

Прорвешь случайно повилику
Нетерпеливою ногой
И вдруг откроешь землянику
Красней и слаще, чем весной.

<1858—1859?>

ПРЕВРАЩЕНИЯ

Давно, в поре ребяческой твоей,
Ты червячком мне пестреньким казалась
И ласково, из-за одних сластей,
Вокруг родной ты ветки увивалась.

И вот теперь ты, куколка моя,
Живой души движения скрываешь
И, красоту застенчиво тая,
Взглянуть на свет украдкой замышляешь.

Постой, постой, порвется пелена,
На божий свет с улыбкою проглянешь,
И, весела и днём упоена,
Ты яркою нам бабочкой предстанешь.

<1859>

* * *

Как ярко полная луна
Посеребрила эту крышу!
Мы здесь под тенью полотна,
Твое дыхание я слышу.

У неостывшего гнезда
Ночная песнь гремит и тает.
О, погляди, как та звезда
Горит, горит и потухает.

Понятен блеск ее лучей
И полночь с песнею своею,
Но что горит в груди моей —
Тебе сказать я не умею.

Вся эта ночь у ног твоих
Воскреснет в звуках песнопенья,
Но тайну счастья в этот миг
Я унесу без выраженья.

<1859?>

***

По ветви нижние леса
В зеленой потонули ржи.
Семьею новой в небеса
Ныряют резвые стрижи.

Сильней и слаще с каждым днем
Несется запах медовой
Вдоль нив, лоснящихся кругом
Светло-зеленою волной.

И негой истомленных птиц
Смолкают песни по кустам,
И всеобъемлющих зарниц
Мелькают лики по ночам.

<1859>

***

Я целый день изнемогаю
В живом огне твоих лучей
И, утомленный, не дерзаю
К ним возводить моих очей;

Но без тебя, сознавши смутно
Всю безотрадность темноты,
Я жду зари ежеминутно
И всё твержу: взойдешь ли ты?

<1859>

***

Твоя старушка-мать могла
Быть нашим вечером довольна:
Давно она уж не была
Так зло-умно-многоглагольна.

Когда же взор ее сверкал,
Скользя по нас среди рассказа,
Он с каждой стороны встречал
Два к ней лишь обращенных глаза.

Ковра большого по углам
Сидели мы друг к другу боком,
Внемля насмешливым речам, —
А речи те лились потоком.

Восторгом полные живым,
Мы непритворно улыбались
И над чепцом ее большим
Глазами в зеркале встречались.

<1859>

<ЭПИГРАММА> НА И. С. ТУРГЕНЕВА>

Поэт, пророк, орловский знатный барин,
Твой тонкий ум и нежный слух любя,
О, как уверю я тебя,
Что я не Гр<еч> и не Фад<дей> Булг<арин>?

<1859?>

<И. С. ТУРГЕНЕВУ>

Ты прав: мы старимся. Зима недалека,
Нам кто-то праздновать мешает,
И кудри темные незримая рука
И серебрит и обрывает.

В пути приутомясь, покорней мы других
В лицо нам веющим невзгодам;
И не под силу нам безумцев молодых
Задорным править хороводом.

Так что ж! ужели нам, покуда мы живём,
Вздыхать, оборотясь к закату,
Как некогда, томясь любви живым огнём,
Любви певали мы утрату?

Нет, мы не о́тжили! Мы властны день любой
Чертою белою отметить,
И Музы сирые еще на зов ночной
Нам поторопятся ответить.

К чему пытать судьбу? Быть может, коротка
В руках у Парки нитка наша!
Еще разымчива, душиста и сладка
Нам Гебы пенистая чаша.

Зажжет, как прежде, нам во глубине сердец
Ее огонь благие чувства, —
Так пей же из нее, любимый наш певец:
В ней есть искусство для искусства.

<Июль (?) 1860>

К МОЛОДОМУ ДУБУ

Вчера земле доверил я
Твой корень преданной рукою,
И с той поры мечта моя
Следит с участьем за тобою.

Словам напутственным внемли,
Дубок, посаженный поэтом:
Приподымайся от земли
Все выше, выше с каждым летом.

И, строгой силою ветвей
Гордясь от века и до века,
Храни плоды ты для свиней,
А красоту для человека.

<Между 1860 и 1862>

НА ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ П. И. И Н. А. ПОСТНИКОВЫХ 4 ФЕВРАЛЯ 1862 ГОДА

Ведут два бога за собою
Блаженства жаждущих людей;
Как зол крылатый бог порою,
Зато как нежен Гименей.

Не укрывается от взора
Он, как застенчивый Эрот,
Ища веселья и простора,
Он ныне праздник к нам ведет.

И благодетель человека,
Гимен, счастливых божество,
С вином, в цветах, через полвека
Своё ликует торжество.

Он рад, что сладостному дару
Так долго слышится привет,
Что им увенчанную пару
Чрез пятьдесят он видит лет.

ЭПИТАЛАМА ГРАФУ Л. Н. ТОЛСТОМУ

Кометой огненно-эфирной
В пучине солнечных семей,
Минутный гость и гость всемирный,
Ты долго странствовал ничей.

И лишь порой к нам блеск мгновенный
Ты досылал своим лучом,
То просияв звездой нетленной,
То грозным, пламенным мечом.

Но час и твой пробил, комета!
Благослови глагол его!
Пора свершать душе поэта
Свой путь у солнца одного,

Довольно странствовать по миру,
Пора одно, одно любить,
Пора блестящему эфиру
От моря сушу отделить,

Забыть вражды судьбы безбрачной,
Пути блудящего огня,
И расцвести одеждой злачной
В сияньи солнечного дня.

<Октябрь 1862>

9 МАРТА 1863 ГОДА

Какой восторг! уж прилетели
Вы, благовестники цветов!
Я слышу в поднебесьи трели
Над белой скатертью снегов.

Повеет раем над цветами,
Воскресну я и запою, —
И сорок мучеников сами
Мне позавидуют в раю.

<Ф. И. ТЮТЧЕВУ>

Нетленностью божественной одеты,
Украсившие свет,
В Элизии цари, герои и поэты,
А тёмной черни нет.

Сама Судьба, бесстрастный вождь природы,
Их зыблет колыбель.
Блюсти, хранить и возвышать народы —
Вот их тройная цель,

Равно молчат, в сознании бессилья,
Аида мрачный дол
И сам Олимп, когда ширяет крылья
Юпитера орел.

Утратя сон от божеского гласа,
При помощи небес
Убил и змей, и стойла Авгиаса
Очистил Геркулес.

И ты, поэт, мечей внимая звуку,
Свой подвиг совершил:
Ты протянул тому отважно руку,
Кто гидру задушил.

<Конец 1863—начало 1864>

ПОЭМЫ

СОН

N é m é s i s. Muette encore! Elle n'est pas des nфtres: elle appartient aux autres puissances.

Byron («Manfred»)

I

Мне не спалось. Томителен и жгуч
Был тёмный воздух, словно в устьях печки.
Но всё я думал: сколько хочешь мучь
Бессонница, а не зажгу я свечки.
Из ставень в стену падал лунный луч,
В резные прорываясь сердечки
И шевелясь, как будто ожило
На люстре всё трехгранное стекло,

II

Вся зала. В зале мне пришлось с походу
Спать в качестве служащего лица.
Любя в домашних комнатах свободу,
Хозяин в них не допускал жильца
И, указав мне залу по отводу,
Просил ходить с парадного крыльца.
Я очень рад был этой благодати
И поместился на складной кровати.

III

Не много в Дерпте есть таких домов,
Где веет жизнью средневековою,
Как наш. И я, признаться, был готов
Своею даже хвастаться судьбою.

Не выношу я низких потолков,
А тут как купол своды надо мною,
Кольчуги, шлемы, ветхие портреты
И всякие отжившие предметы.

IV

Но ко всему привыкнешь. Я привык
К немного строгой, сумрачной картине.
Хозяин мой, уживчивый старик,
Жил вдалеке, на новой половине.
Всё в доме было тихо. Мой денщик
В передней спал, забыв о господине.
Я был один. Мне было душно, жарко,
И стекла люстры разгорались ярко.

V

Пора была глухая. Все легли
Давно на отдых. Улицы пустели.
Два-три студента под окном прошли
И «Gaudeamus igitur» пропели,
Потом опять всё замерло вдали,
Один лишь я томился на постели.
Недвижный взор мой, словно очарован,
К блестящим стеклам люстры был прикован.

VI

На ратуше в одиннадцатый раз
Дрогну́ла медь уклончиво и туго.
Ночь стала так тиха, что каждый час
Звучал как голос нового испуга.
Гляжу на люстру. Свет ее не гас,
А ярче стал средь радужного круга.
Круг этот рос в глазах моих — и зала
Вся пламенем лазурным засияла.

VII

О ужас! В блеске трепетных лучей
Всё желтые скелеты шевелятся,
Без глаз, без щек, без носа, без ушей,
И скалят зубы, и ко мне толпятся.
«Прочь, прочь! Не нужно мне таких гостей!
Ни шагу ближе! Буду защищаться...
Я вот как вас!» Ударом полновесным
По призракам махнул я бестелесным.

VIII

Но вот иные лица. Что за взгляд!
В нем жизни блеск и неподвижность смерти.
Арапы, трубочисты — и наряд
Какой-то пестрый, дикий. Что за черти?
«У нас сегодня праздник, маскарад, —
Сказал один преловкий, — но, поверьте,
Мы вежливы, хотя и беспокоим.
Не спится вам, так мы здесь бал устроим.

IX

Эй! живо там, проклятые! Позвать
Сюда оркестр, да вынесть фортепьяны.
Светло и так достаточно». Я глядь
Вдоль стен под своды: пальмы да бананы!..
И виноград под ними наклонять
Стал злак ветвей. По всем углам фонтаны;
В них радуга и пляшет и смеется.
Таких балов вам видеть не придется.

X

Но я подумал: «Если не умру
До завтрашнего дня, что может статься,
То выкину им штуку поутру:
Пусть будут немцы надо мной смеяться,
Пусть их смеются, но не по нутру

Мне с господами этими встречаться,
И этот бал мне вовсе не потребен, —
Пусть батюшка здесь отпоет молебен».

XI

Как завопили все: «За что же гнать
Вы нас хотите? Без того мы нищи!
Наш бедный клуб! Ужели притеснять
Нас станете вы в нашем же жилище?»
«Дом разве ваш?» — «Да, ночью. Днем мы спать
Уходим на старинное кладбище.
Приказывайте, — всё, что вам угодно,
Мы в точности исполним благородно.

XII

Хотите славы? — слава затрубит
Про Лосева поручика повсюду.
Здоровья? — врач наш так вас закалит,
Что плюйте и на зной и на простуду.
Богатства? — вечно кошелек набит
Ваш будет. Денег натаскаем груду.
Неси сундук!» Раскрыли — ярче солнца!
Всё золотые, весом в три червонца.

XIII

«Что? мало, что ли? Эти вороха
Мы просим вас считать ничтожной платой».
Смотрю — кой черт? Да что за чепуха?
А, впрочем, что ж? Они народ богатый.
Взяло раздумье. Долго ль до греха!
Ведь соблазнят. Уж род такой проклятый.
Брать иль не брать? Возьму, — чего я трушу?
Ведь не контракт, не продаю им душу.

XIV

Так, стало быть, всё это забирать!
Но от кого я вдруг разбогатею?
О, что б сказала ты, кого назвать
При этих грешных помыслах не смею?
Ты, дней моих минувших благодать,
Тень, пред которой я благоговею,
Хотя бы ты мой разум озарила!
Но ты давно, безгрешная, почила.

XV

«Вам нужно посоветоваться? Что ж,
И это можно. Мы на всё артисты.
Нам к ней нельзя, наш брат туда не вхож;
Там страшно, — ведь и мы не атеисты;
Зато живых мы ставим ни во грош.
Вы, например, кажись, не больно чисты.
Мы вам покажем то, что видим сами,
Хоть с ужасом, духовными очами».

XVI

«Вон, вон отсюда!» — крикнул старший. Вдруг
Исчезли все, юркнув в одно мгновенье,
И до меня донесся светлый звук,
Как утреннего жаворонка пенье,
Да шорох шелка. Ты ли это, друг?
Постой, прости невольное смущенье!
Всё это сон, какой-то бред напрасный.
Так, так, я сплю и вижу сон прекрасный.

XVII

О нет, не сон и не обман пустой!
Ты воскресила сердца злую муку.
Как ты бледна, как лик печален твой!
И мне она, подняв тихонько руку,
«Утишь порыв души твоей больной», —
Сказала кротко. Сладостному звуку

Ее речей внимая с умиленьем,
Пред светлым весь я трепетал виденьем.

XVIII

«Мой путь окончен. Ты еще живешь,
Еще любви в груди твоей так много,
Но если смело, честно ты пойдешь,
Еще светла перед тобой дорога.
Тоской о прошлом только ты убьешь
Те силы, что даны тебе от Бога.
Бесплотный дух, к земному не ревнуя,
Не для себя уже тебя люблю я.

XIX

Ты помнишь ли на юге тень ветвей
И свет пруда, подобный блеску стали,
Беседку, стол, скамью в конце аллей?..
Цветущих лип вершины трепетали,
Ты мне читал "Онегина". Смелей
Дышала грудь твоя, глаза блистали.
Полудитя, сестра моя влетела,
Как бабочка, и рядом с нами села.

XX

"А счастье было, — говорил поэт, —
Возможно так и близко". Ты ответил
Ему едва заметным вздохом. Нет!
Нет, никогда твой взор так не был светел.
И по щеке у Вари свежий след
Слезы прошел. Но ты — ты не заметил...
Да! счастья было в этот миг так много,
Что страшно больше и просить у Бога.

XXI

С какой тоской боролась жизнь моя
Со дня разлуки — от тебя не скрою.

Перед кончиной лишь узнала я,
Как нежно ты любим моей сестрою.
В безвестной грусти, слезы затая,
Она томится робкою душою.
Но час настал. Ее ты скоро встретишь —
И в этот раз, поверь, уже заметишь!..

XXII

А этого, — и нежный звук речей,
Я слышу, перешел в оттенок строгий, —
Хоть собственную душу пожалей
И грешного сокровища не трогай.
Уйди от них — и не забудь: смелей
Ступай вперед открытою дорогой.
Прощай, прощай!» — И вкруг моей постели
Опять толпой запрыгали, запели.

XXIII

Проворно каждый подбежит и мне
Трескучих звезд в лицо пригоршню бросит.
Как мелкий иней светятся оне,
Колеблются — и ветер их разносит.
Но бросят горсть — и я опять в огне,
И нет конца, никто их не упросит.
Шумят, хохочут, едкой злобы полны,
И зашатались сами, словно волны.

XXIV

Вот приутихли. Но во мглу понес
Челнок меня, и стала мучить качка.
И вижу я: с любовью лижет нос
Мне белая какая-то собачка.
Уж тут не помню. Утро занялось,
И говорят, что у меня горячка
Была дней шесть. Оправившись помалу,
Я съехал — и чертям оставил залу.

<1856>

ДВЕ ЛИПКИ

(И. С. ТУРГЕНЕВУ)

I

Близ рощи, на пригорке, серый дом,
В полуверсте от речки судоходной,
Стоит лет сорок. Нынче пустырём
Он стал смотреть, угрюмый и негодный.
Срубили рощу на дрова кругом,
Не находя ее статьёй доходной;
По трубам галки, ласточки в окошках,
И лопухи на английских дорожках.

II

Семь крыш, одна причудливей другой,
Вам говорят про барские затеи.
Дом этот прежде флигель был простой:
Понадобились залы, галереи,
И в девичью стал нужен вход другой, —
Не обошлось и без оранжереи:
Однако вкус был, на манер столичный,
Во всём фасаде сохранен отличный.

III

Помещик Русов не любил дремать.
Служил в гусарах, ротмистра дождался,
Женился по любви лет в сорок пять
И всей душой к хозяйству привязался:
Стал горы рыть, пошел пруды копать,
На мельницы, на риги разорялся;
Всем уяснил значение капусты, —
У самого ж карманы стали пусты.

IV

В полях с утра до вечера верхом.
Никто не смел в лесу сорвать ореха.
Сам полевым он хвастался конем.
Уже, бывало, не пройдет огреха:
На рыхлой пашне ткнется, и хлыстом
Не перегонишь — и пошла потеха:
«Чей это клин?» Приводят на расправу
Виновного и угостят на славу.

V

А всё ты мил мне, серый, ветхий дом,
С твоею кровлей странной, кособокой.
Так иногда над полусгнившим пнем
Припоминал я осенью глубокой
Весенний вечер, прожитой вдвоем
Под грустный вопль кукушки одинокой,
Припоминал несбыточные грёзы —
И на глазах навертывались слёзы.

VI

Почти три года с той поры прошло,
Как Русов наш женился на Наташе.
Не знаю, что с ума ее свело
В восьмнадцать лет. Тут дело уж не наше.
Ее невольно к Русову влекло;
Для ней он был умнее всех и краше.
Ей Ваня дорог с головы до пяток, —
А Ване скоро на шестой десяток.

VII

Как Русов горд и свеж! Считать лета —
Ребячество смешное, даже детство.
В мужчине воля — лучшая черта,
У избранных семейное наследство.
«Да, Русовы — счастливая чета» —
Так в первый год решило всё соседство.

Стал изредка он дома как-то скучен, —
Но сплин с семейным бытом неразлучен.

VIII

Тот понял жизнь с превратной стороны
И собственное горе приумножит,
Кто требует всей жизни от жены,
А сам ничем пожертвовать не может.
Мы, без любви, любовью стеснены;
Чужой порыв холодного тревожит.
Всё станет жертвой: слышать друга, видеть, —
И сердце начинает ненавидеть.

IX

Наташа смутным чувством поняла,
Что мужнин глаз судья ей беспристрастный.
У старика отца она была
В дому хозяйкой полной, самовластной.
Как май тиха, как птичка весела,
Она отца душой любила страстной.
Больной старик не мог быть равнодушен
И, как дитя, во всем ей был послушен.

X

В одном лишь с ней он мнений разных был
И утверждал, что Русов ей не пара.
Как он сердился, как ее молил
Не выходить за бойкого гусара!
Ей он, конечно, этот шаг простил,
Но сам, бедняк, не перенес удара
И скоро умер. Горькая утрата!
Но Натали послало небо брата.

XI

Он годом старше был. Они росли,
Учились вместе и сходились нравом.

Чем больше развивалась Натали,
Тем меньше предавался брат забавам.
К сестре все чувства юношу влекли.
Он видимо гордился нежным правом,
Когда другие ловят взгляд сестрицы,
Ей целовать и брови, и ресницы.

XII

Грешно сказать, чтоб с самых первых лет
Замужества Наташа тосковала
Иль Русов с нею холоден был, — нет,
Он о жене заботился сначала,
Сам ей убрал уютный кабинет,
С улыбкой слушал, как она мечтала
В дому порядком заменить избыток, —
И жемчугу ей подарил пять ниток.

XIII

В душе Наташи крылись семена
Стремлений светлой, избранной природы.
Быть может, их взлелеяла б она
На доброй почве счастья и свободы.
Дочь нежная и страстная жена
Была сидеть готова с мужем годы
Глаз на́ глаз, лишь бы то, что он хоть мало
Привык ценить, любимца окружало.

XIV

Придет ли к ней, бывало, он сердит,
Иль резкостью бедняжку озадачит, —
Наташа всё, что в сердце закипит,
С болезненно-отрадным чувством спрячет,
Как будто улыбаясь, смолчит,
А утро всё одна потом проплачет;
Но в час обеда и глаза не красны,
И локоны душисты и прекрасны.

XV

Прошло три года. Птичке молодой
Несносна стала золотая клетка.
Чем менее бывает прав иной,
Тем он охотней в жертву целит метко;
Так Русов, насмехаясь над женой,
Давал понять, что ты-де вот поэтка.
Замашку эту видеть было в муже
Всего на свете для Наташи хуже.

XVI

Но время шло. Был чудный вешний день —
Один из тех, что в сердце льют тревогу, —
Балкон раскрыт, и сладостная лень
Наташей овладела понемногу.
Вдруг зазвенело в роще, и, как тень,
Седая пыль шибнула на дорогу,
Вот ближе, ближе, под крыльцо... «Ах! Саша!» —
И брата с воплем обняла Наташа.

XVII

Как передать бессвязный разговор,
Живой восторг того или другого?
Что́ скажет звук, движенье или взор —
Упрямое не перескажет слово.
Но вот и Русов сам спешит во двор,
Объехавши посевы ярового
Он видимо рад жениному брату, —
Хитрить некстати старому солдату.

XVIII

Дня через два по новым колеям
Жизнь Русовых тихонько покатилась.
Наташа светлым чувствам и мечтам
При брате предаваться не стыдилась.
Внимательней к жене стал Русов сам,
Как будто ревность в нем зашевелилась;

Сговорчив, мил, в лице ни тени скуки —
И всё целует у Наташи руки.

XIX

Как упивались маем брат с сестрой,
Когда леса слегка позеленели
И стал туман качаться над рекой,
А соловьи в черемухе запели!
Всю ночь, бывало, по тропе лесной
Вдвоем проходят безо всякой цели.
К обеду вновь и планы, и рассказы,
И ландышей на столике две вазы.

XX

Спешат зарею резеду полить,
Дорожку дальше вывесть за куртиной
Иль две-три клумбы новых очертить,
Пока не кликнет голос соловьиный.
Еще с приезда Саша посадить
Успел две липки под окном гостиной;
Ему сама Наташа помогала
И молодые корни поливала.

XXI

Как странен Русов! Точно сам не свой,
Как будто чем-то сдержанным томится:
Уступчив, шутит ласково с женой
И с братом мил, — но вдруг проговорится:
С улыбкой суд произнося такой:
«Нет, господа! цветник ваш не годится:
Всё это выйдет даже слишком бедно.
Но что ж? Напрасно, да зато безвредно».

XXII

Проговорит — и видно по всему,
Что человек вполне собой доволен

И собственному явно рад уму,
Хоть ум его, разливом желчи болен,
Относит ко внушенью своему
Такой порыв, в котором он не волен.
Поняв намек подобный, брат с сестрою
Внимательнее смотрят за собою.

XXIII

Настало лето. Грустно сознавать,
Как быстро миновалось это лето.
Быть может, в жизни уж ничем опять
Не будет сердце нежно так согрето!
Весной придется брата провожать, —
Когда-то вновь увидишься и где-то?
Пришла зима и с ней катанья, чтенья,
А Русов стал щедрей на поученья.

XXIV

Бывало, вешних, золотых лучей
Наташа втайне ждет и не дождется.
«Да скоро ль этот снег сойдет с полей?
Когда у нас Святая-то придется?»
Спешит окошко выставить скорей,
Увидит свежий дерн — и улыбнется;
Теперь, как взглянет за окно порою,
Совсем к канве приникнет головою.

XXV

А всё пришла тяжелая пора.
В далекий путь уже собрался Саша.
«Бог даст, опять увидимся, сестра!
Судьба, быть может, улыбнется наша;
А так я не поеду со двора...
Ну, полно плакать, добрая Наташа!
Я от тебя дождусь-таки улыбки,
Смотри, как наши распустились липки».

XXVI

И брат уехал. Сколько было слёз,
Когда четверка унесла коляску!
Казалось, брат с собою всё увёз:
Домашний мир, веселие и ласку.
Ходить стал Русов, раздувая нос,
Молчал с женой, слугам давал острастку
И, чтоб, пожалуй, не покончить драмой,
Пускал в Наташу злою эпиграммой.

XXVII

Прогнать стараясь нестерпимый сплин,
Хозяйничать Наташа стала тупо
И сто упреков слушать в день один:
То Русов скажет, что нельзя есть супа,
То он не Ротшильд, то не мещанин,
То слишком расточительно, то скупо.
«Да кто велел? — слуге он повторяет. —
Кто?» — «Барыня-с». — И он при ней вздыхает.

XXVIII

А между тем всё время шло да шло,
И будущность отрады не сулила.
И говорить и вспомнить тяжело,
Что бедная жена переносила.
И ни к чему страданье не вело:
Наперекор уму она любила.
Любовью можно всё исправить в муже,
А тут, что год, что новый день, то хуже.

XXIX

Как разгадать? Что делать? Чем помочь?
Но в этот год само пришло спасенье.
Бог сжалился: послал Наташе дочь.
Какой восторг! Какое утешенье!
Мать от малютки не отходит прочь

И караулит каждое движенье,
Шьет, крошечной любуется одеждой
И выхитрила дочь назвать Надеждой.

XXX

Спешит супруга чаем напоить
И, как-нибудь расчеты дня уладя,
Уйдет к себе малютку тормошить
Иль сладко плачет, на ребенка глядя:
«Скажи: ты будешь ли меня любить,
Моя красотка, тихий ангел, Надя?
Нет, не меня, — промолвит вдруг уныло, —
Люби отца, как я его любила».

XXXI

Хлопочет Русов больше с каждым днем,
Прошенья пишет, счеты да заметки.
В чужом именьи стал опекуном:
Осталася вдова да малолетки.
День целый ездит по полям верхом
Или живет неделю у соседки.
Соседка — друг Наташи, без сомненья,
И в именины шлет к ней поздравленья.

XXXII

В дому угрюм, в гостях умен и мил,
По мненью всех, был Русов муж прекрасный.
Жалели только, что себя сгубил
Женитьбой он неровной и напрасной.
Меж тем Наташа выбилась из сил
И ревностью измучилась ужасной.
Болезни быстро развились зачатки:
Мигрень, тоска, истерики припадки.

XXXIII

Седеть стал Русов, хоть еще далек
От дряхлости. Пошло хозяйство худо.
Он говорил, что всё, что мог, извлек,
Да помощи не видит ниоткуда.
А Наденьке пошел седьмой годок,
И девочка — без прибавленья — чудо.
Ее сама Наташа учит в детской
По азбуке французской и немецкой.

XXXIV

Шесть лет — еще велики ли года?
Не много мать изведала отрады!
К иному как привяжется беда,
Так от нее не жди себе пощады.
Стал Русов после долгого труда
Кидать на дочь задумчивые взгляды.
«Ты рада ль, Надя, что пришел папаша?»
«Как дочь он любит!» — думает Наташа.

XXXV

«Пора бы нам подумать и о ней.
Я сам учить никак ее не стану,
Ты всё больна, а брать учителей
Хотя б желал, да мне не по карману,
И не согласен я никак детей
Доверить незнакомому болвану.
Я лучше Надю — вот мое решенье —
В казенное пристрою заведенье».

XXXVI

Ни слезы, ни мольбы не помогли.
Весною дочь в карету посадили
И по дороге к роще повезли.
Глаза Наташи Надю проводили.
Просилась мать до станции: нашли,
Что будет вредно ей, и не пустили.

Наташа долго на крыльце стояла,
Потом пошла, шатаясь, и упала.

XXXVII

Прошло еще лет восемь. Стар и хил
Стал в это время Русов очевидно,
А хлопотать по-прежнему любил,
И за обедом кушал он завидно.
Но по хозяйству с костылем ходил,
Хоть говорил шутя, что это стыдно.
Быть может, и дворовые стыдились,
Что, барина завидя, сторонились.

XXXVIII

Наташа стала до того слаба,
Что целый день почти уже лежала.
Довольно длилась трудная борьба,
Довольно мук бедняжка испытала.
Теперь во всем покорная раба,
Наташа мужу и не возражала.
Он к ней войдет, присядет у постели —
И дома не бывает три недели.

XXXIX

Был летний вечер и такая тишь,
Что, распахнув окно, Наташа села.
Над цветником носился черный стриж,
И поздняя пчела вкруг ветки пела.
«Как хорошо! О господи! услышь
Мои мольбы: я только бы хотела
Увидеть Надю и проститься с нею.
Другого счастья и просить не смею».

XL

Задумалась Наташа под окном;
За рощею румяный день уходит.

Верхушки лип в сияньи золотом,
И Русова с любимцев глаз не сводит.
Но вот садовник прямо с топором
И лестницей к одной из них подходит.
«Что это ты, Степан?» — «Да уезжали,
Так эту вот срубить мне приказали».

XLI

«Кто приказал?» — «Известно, барин сам, —
Ответил ей Степан, не скрыв улыбки, —
А потрафлять должны мы господам».
— «Да быть не может! Нет ли тут ошибки?»
«Помилуйте-с! Докладываю вам,
Изволили сказать: «У этой липки
Ты от земли сруби на два аршина».
Ослушаться нельзя нам господина».

XLII

Под сук подставив лестницу в упор,
Полез Степан и плюнул в горсть сначала.
Стал мерно в ствол, звеня, стучать топор,
И стройная верхушка задрожала.
Ушла Наташа прочь, потупя взор,
И как упала липка, не слыхала.
Поутру рядом с липою густою
Стоял обрубок, залитый смолою.

XLIII

И Русова немало удивил
Такой исход приказа господина.
Степана он позвал и разбранил:
«Ведь я тебе, безмозглая осина,
Довольно ясно, кажется, твердил,
Чтоб снизу сучья снять на два аршина!
Но дерево ведь дело наживное:
Одно пропало — посажу другое».

XLIV

И точно, первой раннею весной,
Чтоб не смущаться глупою ошибкой,
На дрогах он велел со всем, с землей,
Привезть какой-то ствол с макушкой гибкой,
А вслед за тем, увидевшись с женой,
Сказал: «Теперь опять ты будешь с липкой».
— «Благодарю. Но вот моя примета:
Ты — липка та, здоровая, я — эта...»

XLV

И не могли больную убедить
Ничем, что это предрассудок странный.
За жизнью липки молодой следить
Она в тревоге стала постоянной.
Хотелось ли самой, бедняжке, жить,
Иль с дочерью увидеться желанной, —
Но каждый раз, когда на липку взглянет,
Ей кажется, что с ней она увянет.

XLVI

Иные странно действуют слова:
Услышим их — и сердце вдруг сожмется.
Еще хирела липка года два;
Придет весна — и почка вся нальется,
А там и лист, но так, едва-едва
На солнышке и сбоку развернется...
Еще весны отрадная улыбка, —
Но в этот раз не распустилась липка.

XLVII

А в сером доме, в зале, под парчой,
Закрыв глаза, в гробу спала Наташа,
И Русов сам, с поникшей головой,
Твердил, что воля божья, а не наша.
Он говорил, что в жизни ни одной
Еще усопшей не запомнит краше.

Казалось, точно, что она простила
Всем в мире, всем — и, кроткая, почила.

XLVIII

В ограде церкви, с северных дверей,
Там, где к земле склонилась грустно ива,
Лежит плита, и золотом на ней —
«Покойся, друг» — написано красиво.
Холм ниже всех ввалился, и дружней
Растет по нем засевшая крапива.
Когда, крестясь, народ валит к кладбищу,
Никто нейдет к Наташину жилищу.

XLIX

А серый дом, угрюмый и пустой,
Стоит давно с безмолвием гробницы.
Он только оживляется весной,
Когда в него таскают гнезда птицы.
Балкон скривился, тонкою травой
Заметно прорастают половицы,
Ступени шатки и перила зыбки,
И нет ни новой, нет ни старой липки.

<1856>

ЛИБРЕТТО

ДНЕПРОВСКИЕ РУСАЛКИ

Либретто
музыкального драматического сочинения

Пение наяд на воде

Спеши! К нам, подруга, на голос приветный,
Сквозь зелень осоки, не бойся, вперед!
Земля ваша счастьем скудна, безответна,
А полное счастье в зыбях лишь живет.

Девицы

Сестра, дорогая, не слушай ундин,
Вся нега подводная — призрак один.
На лоне спокойном таинственных вод
Волна нас охватит и вглубь унесет.

Волна кипит,
Из волн манит
Напев!
Но кто пойдет
За ним, умрет
Из дев!

Хор

Чего страшиться?
Пускай река клокочет,
Мы далеко от бед!
Чего страшиться?
Здесь сердце счастья хочет!
Здесь греет солнца свет!

Дуэт

На солнце в утреннем дыханье,
В отрадном трав благоуханье
Минуты счастия лови.
Когда леса полны напевом,
О, как отрадно юным девам,
Как сердцу хочется любви.
Под тайный шепот сладострастья,
Полна живительного счастья,
Душа готова мир обнять,
И без тревоги, без усилья
Ее несут младые крылья,
Лелеет жизни благодать.

Хор

Нам Божий мир на радость дан,
А если где и ждет преграда,
На небе страждущих награда —
Душевных исцеленье ран!
Но чу! Во мгле лесов я слышу хор ловцов!
Они толпой сюда спешат,
Как их рогов гремит раскат!

Хор охотников

Го, го, го, го! спеши, ловец!
Пора, пора, пора!
В лесу охотник-молодец,
Тара, тара, тара!

Разудалая голова —
Царем в лесу живет,
Ему всё в мире трын-трава,
Вперёд, друзья, вперёд!

Го, го! го, го! Спеши, ловец!
В лесу охотник-молодец,
Тара, тара, тара.

Один из охотников

Смотрите! В приюте прохлады лесной
Я вижу красавиц пленительных рой.

Охотники

О радость, о радость!
Трубите отбой и охоте конец,
Такая находка — добычи венец!

Девицы

Русалок мы встретили здесь над рекой,
Нас пеньем и взором манили оне,
Они издевались над грустной землей,
Нам полное счастье суля в глубине!
Хотели в пучину сманить за собой,
Но быстро мы в чаще сокрылись лесной.

Охотники

Их радость обманчива, счастье лениво,
Их муки волна прикрывает ревниво.

Девицы

Скажите, кто знает русалок семью?

Один из охотников

Послушайте страшную повесть мою.

Вот там, где Днепр глубокий
О дикий берег бьет
И темный бор сосновый
Того гляди зальет,

Как будто бы враждуя
С упрямою скалой,
Под нею, слышно, омут
Сам вырыл водяной.

Там замок красовался,
В нем мирно жизнь цвела,
И в замке том Людмила
С подружками жила.

Она цвела красою,
Полна волшебных нег,
Была как пред зарею
В ночи упавший снег.

Две звездочки горели
Из-под ресниц густых,
Румянец свежей розы
На губках молодых.

Как сумрак ночи кудри
Волною до плеча,
И вся как полдень мая
Нежна и горяча.

Рыбак, пастух и воин,
Не в силах превозмочь
Желанья, шли в тот замок
Вкушать блаженства ночь.

Но только звезд последних
Бледнел златой венец,
В волнах Днепра качался
И к югу плыл мертвец.

Хор

О, что за демон! в красе неземной
Навек обреченный погибели злой,
Кто чувство святое любви осквернит,
Навеки проклятье того поразит.

Один из охотников

Однажды юный витязь
Весь в белом на коне
В тот замок поздней ночью
Явился при луне.

Но кто тот витязь белый,
Откуда прискакал?
И что случилось в замке?
Никто о том не знал.

С зарею все исчезло
На склоне сонных гор,
И где белел там замок —
Один синеет бор.

И где стоял тот замок,
У той скалы крутой,
Днепра сильнее ропот
И волн страшней прибой.

Людмила очутилась
С подругами в реке,
Царит, как прежде в замке
Царила, в тростнике.

И много жертв сманили
В пучину за собой
Днепровские русалки
С царицей молодой.

Девицы

Послушай, как чудесен
Мотив волшебных песен.

Хор

Пойте, славьте счастье ваше,
Мы ушли, пропал весь страх,
К вам уж глухо сердце наше,
Счастье ждет на небесах.

<1839–1840?>

АВТОРУ СТИХОВ «БЕЗЫМЕННОМУ КРИТИКУ»

(М. ДМИТРИЕВУ, КОТОРЫЙ ПОМЕСТИЛ ИХ В «МОСКВИТЯНИНЕ»)

Как тебе достало духу
Руси подличать в глаза?
Карамзин тебе даст плюху,
Ломоносов даст туза.

Кто ни честен, кто ни славен,
Будет славен сам собой;
Ни Жуковский, ни Державин
Не нуждаются тобой.

Будь каких ты хочешь мнений
О России до Петра —
От твоих стихотворений
Не прибудет нам добра.
. . . . . .

Где ответ на глупость эту?
И кому тебя судить?
Нет, не мирному поэту, —
Надо в клинику сходить.
. . . . . .

Жалко племени младого,
Где отцы, ни дать ни взять
Как хавроньи, всё, что ново,
Научают попирать.

Где народности примеры?
Не у Спасских ли ворот,
Где во славу русской веры
Казаки крестят народ?

Да, у нас на месте лобном,
На народной площади́,

Калачи так славно сдобны,
Что наешься и — п<....>.

Горько вам, что ваших псарен
Не зовем церквами мы,
Что теперь не важен барин,
Важны дельные умы.

Да, Россия властью вашей
Та же, что и до Петра;
Набивает брюхо кашей
И рыгает до утра.

Что вам Пушкин? Ваши боги
Вам поют о старине
И печатают эклоги
У холопьев на спине.

Ноябрь 1842

КОММЕНТАРИИ

Условные сокращения

БдЧ — журнал «Библиотека для чтения».

ВЕ — журнал «Вестник Европы».

ВО 1 — Вечерние огни. Собрание неизданных стихотворений А. Фета. М.: Типогр. А. Гацтука, 1883.

ВО 2 — Вечерние огни. Выпуск второй неизданных стихотворений А. Фета. М.: Типогр. М. Г. Волчанинова, 1885.

ВО 3 — Вечерние огни. Выпуск третий неизданных стихотворений А. Фета. М.: Типогр. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1888.

ВО 4 — Вечерние огни. Выпуск четвертый неизданных стихотворений А. Фета. М.: Типогр. А. И. Мамонтова и К°, 1891.

ВО 1979 — *Фет А. А.* Вечерние огни / Издание подготовили Д. Д. Благой, М. А. Соколова. 2-е изд. М.: Наука, 1979 («Литературные памятники»).

ЛГ — Литературная газета.

ЛП — Лирический Пантеон А. Ф. М.: В типогр. С. Селивановского, 1840.

ЛС 1894 — Лирические стихотворения А. Фета. В 2-х частях. СПб.: Типогр. бр. Пантелеевых, 1894.

МВ — Мои воспоминания: 1848—1889. А. Фета. Чч. 1—2. М.: Типогр. А. И. Мамонтова и К°, 1890.

МГЛ — газета «Московский городской листок».

Москв. — журнал «Москвитянин».

НЛО — журнал «Новое литературное обозрение».

ОЗ — журнал «Отечественные записки».

Остр. экз. — экземпляр Ст1850, принадлежавший И. С. Остроухову, с пометами И. С. Тургенева и правкой Фета (Архив Государственной Третьяковской галереи).

Письма к невесте — «От тебя одной зависит мое полное счастие...». Письма А. А. Фета к невесте / Публ. и примеч. Г. Д. Аслановой // Наше наследие. 1999. № 49.

ПССт1901 — Полное собрание стихотворений А. А. Фета: [В 3 т.] / Под ред. Б. В. Никольского. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1901.

ПССт1912 — Полное собрание стихотворений А. А. Фета: [В 2 т.] / Со вступ. статьями Н. Н. Страхова и Б. В. Никольского. (Приложение к журналу «Нива»). СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1912.

ПССт1937 — *Фет А. А.* Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья, ред. и прим. Б. Я. Бухштаба. Л.: Сов. писатель, 1937 («Библиотека поэта»).

ПССт1959 — *Фет А. А.* Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья, подг. текста и прим. Б. Я. Бухштаба. Л.: Сов. писатель, 1959 («Библиотека поэта»).

РВ — журнал «Русский вестник»

РГ — Ранние годы моей жизни А. Фета. М.: Типогр. А. И. Мамонтова, 1893.

РиП — журнал «Репертуар и Пантеон».

РО — журнал «Русское обозрение».

РСл — журнал «Русское слово».

Сб1850 — Стихотворения А. Фета. М.: В типогр. Н. Степанова, 1850.

Сб1856 — Стихотворения А. А. Фета. СПб.: В типогр. Эдуарда Праца, 1856.

Сб1863 — Стихотворения А. А. Фета. 2 части. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1863.

Совр. — журнал «Современник».

Соч — *Фет А. А.* Сочинения: В 2-х томах / Сост., вступ. статья, коммент. А. Е. Тархова. М.: Худож. литература, 1982.

СиП1986 — *Фет А. А.* Стихотворения и поэмы / Вступ. статья Б. Я. Бухштаба. Подг. текста и примеч. Б. Я. Бухштаба и М. Д. Эльзона. Л.: Сов. писатель, 1986. («Библиотека поэта»).

СтПрП — *Фет А.* Стихотворения. Проза. Письма / Сост. и прим. Г. Д. Аслановой, Н. Г. Охотина, А. Е. Тархова. М.: Сов. Россия, 1988.

Тургенев. Письма — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. Письма: В 13 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961—1968.

Т 1 — Тетрадь автографов (РО ИРЛИ), содержащая стихотворения Фета 1854—1859 гг.

Т 2 — Тетрадь автографов (РО ИРЛИ), содержащая стихотворения Фета 1859—1885 гг.

Издание стихотворений А. А. Фета сопряжено со специфическими текстологическими проблемами, которые могут быть сведены в три основные группы:

1. Сложности с определением основного текста того или другого стихотворения. В силу особенностей характера Фет был склонен излишне доверять сторонним «редакторам» своих стихов, «знатокам», вмешательство которых в его тексты было иногда неправомерно большим. Такими «редакторами» поэзии Фета в разное время выступали А. А. Григорьев, И. С. Тургенев, А. В. Дружинин, Н. Н. Страхов, Вл. С. Соловьев, Я. П. Полонский, Ф. Е. Корш и ряд других лиц. Подчас характер этой «редактуры» установить невозможно. Но даже и в тех случаях, когда сохранился подлинный фетовский текст, с выявлением основного текста возникают иного рода сложности, ибо, по всем формальным показателям Фет, казалось бы, «благословил» те варианты, которые были изменены «ценителями» его лирики, — но которые, по существу, уступают тем, что написал сам автор.

2. Сложности, связанные со способом представления отдельных стихотворений в собрании. Расположение их в хронологической последовательности на данном этапе изучения фетовского наследия невозможно: во-первых, время написания значительной части стихотворений неизвестно или спорно; во-вторых, для самого Фета, объединявшего разновременные стихи в циклы или специальные разделы, хронология не была композиционным принципом. Расположение стихов в виде свода сборников, выпускавшихся поэтом, тоже достаточно спорно: его стихотворные книги 1850, 1856 и 1863 гг., включают повторяющиеся стихи (иногда — в разных редакциях); к тому же эти сборники выпускались поэтом часто в силу чисто внешних причин: накопилось достаточное количество новых стихов, распродан предыдущий сборник и т. д. Но и расположение основного корпуса стихов в соответствии с авторским списком,

составленным Фетом в конце жизни (предположительно в 1892 г.), — именно так представляется лирическое творчество Фета в научных изданиях последних семи десятилетий — тоже кажется достаточно условным: сам фетовский «план 1892 г.» не может считаться окончательным; всякое же произвольное «улучшение» этого плана (вроде того, что было предпринято Б. В. Никольским в 1901 и 1912 гг.) демонстрирует неправомерность постороннего «вмешательства» и в этот, композиционный, вопрос.

3. Особенность творческой эволюции Фета, ощущавшего себя не только профессиональным *поэтом*, но и профессиональным *переводчиком*: он, в сущности, не отделял переводов от оригинальной лирики. Все его поэтические сборники, начиная с *ЛП*, непременно включали в себя раздел переводов. Подчас эти переводы не выделялись из состава оригинальной лирики («Подражание XVI идиллии Биона», «Посвящение к Фаусту» и др.) и во всех случаях выступали как отражение оригинальной эволюции Фета-лирика. Между тем, эдиционная традиция «выделения» переводов из корпуса основных сочинений поэта привела к тому, что самые интересные его переводы (будучи и самыми большими по объему, как, например, «Герман и Доротея» Гете, «Семела» Шиллера), попросту исключались из его собрания. Между тем, сам Фет, ориентируясь на структуру «Западно-Восточного дивана» Гете, ощущал собственное творчество частью мировой поэзии — и переводы здесь должны были занять соответствующее место, каковое они заняли в *Сб1863*: корпус переводов в нем составил целый второй том обширного собрания.

Рассмотрим эти «сложности» подробнее.

* * *

Проблема выделения основного текста стихотворений Фета наиболее четко выявляется при анализе так называемой «тургеневской правки» его поэтических текстов. В январе 1856 г. друзья-литераторы собрались устроить торжественный «подписной обед» в честь Тургенева. «За обедом, в зале какой-то гостиницы, шампанского, а главное — дружеского единомыслия было много, а потому всем было весело. Собеседники не скупились на краткие приветствия, выставлявшие талант и литературные заслуги Тургенева». Приветствия перемежались тостами и экспромтами. Свой экспромт прочитал Фет, присутствовавший на обеде. Потом слова попросил сам Тургенев и ответил экспромтом:

Все эти похвалы едва ль ко мне придутся,
Но вы одно за мной признать должны:
Я Тютчева заставил расстегнуться
И Фету вычистил штаны. (*МВ.* Ч. 1. С. 134—135. Курсив наш. — *В. К.*)

Фет запомнил этот экспромт и зафиксировал его в своих воспоминаниях, где не однажды возвращался к эпизоду «коллективного» редактирования *Сб1856*, которое предложил ему осуществить дружеский кружок «Современника» во главе с Тургеневым. Тургенев очень гордился тем, что отредактировал сборники Тютчева и Фета, оценивал это едва ли не как собственную заслугу для развития русской поэзии — но сам Фет в тех же *МВ*, писавшихся в конце жизни, двусмысленно оценил это предприятие, совершавшееся тогда же, ког-

да прозвучал приведенный экспромт: 11 февраля 1856 г. датируется цензурное разрешение нового сборника стихотворений Фета, любезно и с дружественной установкой отредактированных Тургеневым. «Почти каждую неделю, — вспоминал Фет, — стали приходить ко мне письма с подчеркнутыми стихами и требованиями их исправлений. Там, где я не согласен был с желаемыми исправлениями, я ревностно отстаивал свой текст, но по пословице: "один в поле не воин" — вынужден был согласиться с большинством, и издание из-под редакции Тургенева вышло *настолько же очищенным, насколько и изувеченным*» (*МВ*. Ч. 1. С. 104—105. Курсив наш. — В. К.).

Эта тургеневская «редактура» стихотворений Фета в свое время рассматривалась в ряде специальных работ и оценена в целом отрицательно (См.: *Никольский Ю. А.* Материалы по Фету. 1. Исправление Тургеневым фетовских «Стихотворений» 1850 г. // Русская мысль. 1921. Кн. 8—9. С. 211—227; Кн. 10—12. С. 248—262; *Благой Д. Д.* Из прошлого русской литературы: Тургенев — редактор Фета // Печать и революция. 1923. Кн. 3. С. 45—64; *Колпакова Н. П.* Из истории фетовского текста // Поэтика. Кн. 3. Временник Ин-та истории искусства. М.; Л., 1927. С. 168—187; *Бухштаб Б. Я.* Судьба литературного наследства А. А. Фета // Литературное наследство. Т. 22—24. М., 1935. С. 561—602; *Бухштаб Б. Я.* Творческий труд Фета // Известия АН СССР. Серия лит-ры и яз. 1973. №1. С. 3—14; *Кошелев В.* О «тургеневской правке» поэтических текстов Афанасия Фета // *НЛО*. 2001. № 48. С. 157—191). При этом Тургенев действительно проделал большую работу по редактированию сборника стихотворений Фета 1850 г.: 21 совершенно выкинутая строфа, 10 измененных, 2 прибавленные заново, свыше 50 выброшенных, переработанных, инверсированных строк, 8 измененных заглавий и множество исправленных слов и выражений (подсчеты Н. П. Колпаковой).

Вместе с тем, констатируя необходимость очистки стихотворений Фета «от чуждой позднейшей записи, хотя бы и тургеневской», текстологи опасались «вкусового» произвола при этой операции. Так, Б. Я. Бухштаб, готовивший *ПССт1937*, говорил о необходимости возвращения к автографам и первопечатным редакциям для установления авторской редакции текста, наиболее удовлетворившей самого Фета, а в *ПССт1959* указал, что такой подход к текстам Фета «не обеспечивает вполне объективных результатов», ибо «в выборе неизбежно скажется вкус редактора» — и, таким образом, снял задачу очищения текстов Фета от позднейшей тургеневской правки. Эта же текстологическая установка была принята в издании «Библиотеки поэта» 1986 г. — последнем научно подготовленном издании фетовских стихов. Е. И. Прохоров не без иронии заметил по поводу текстологических споров по этому поводу: «Таким образом, в течение почти сорока лет совершался и, можно сказать, завершился круг мнений об отношении к редакторским поправкам Тургенева в текстах Фета: началось с отрицания и кончилось принятием их» (Основы текстологии. М., 1962. С. 303). Этот известный текстолог на примере тургеневской правки стихов Фета даже сформулировал особенный критерий, определяющий отношение ученого к редакционной правке. Таким критерием «является отношение к ней самого автора: если он одобрил эту правку, у текстолога нет оснований считать ее искажением и исключать из авторского текста. Если же правка не была одобрена автором или она была сделана без его ведома, а тем более — после его смерти, — она должна признаваться самоуправным вмешательством в авторский текст и должна быть снята» (Там же. С. 307).

Формально Фет действительно «одобрил» тургеневскую правку: в 1863 г., при новом издании своих стихотворений, тексты *Сб1856* он напечатал почти без изменений (лишь восстановил две исключенные Тургеневым строфы и одно забракованное стихотворение). А в последующие почти 30 лет жизни не возвращался к изданию ранних стихов, поскольку в этом не было необходимости: двухтомное *Сб1863* так и осталось не распроданным до конца жизни поэта. А знаменитые «Вечерние огни» имели подзаголовок: «Собрание *неизданных* стихотворений...». В предисловии к *Сб1863* Фет подчеркивал мотивы, заставившие его согласиться с «очищенными» вариантами: «Не могу при этом не заявить искренней признательности тем друзьям-поэтам, эстетическому вкусу которых я вверил вполне издание 1856 года. Эти друзья могут убедиться, что и в предлежащие два тома вновь вошла всего одна пьеса, случайно ими забытая, из прежней моей деятельности, а из последующей и всех переводов включены *только те, которые, хотя и поодиночке, были ими одобрены*».

Признание поэта кажется двусмысленным. Выраженная в нем благодарность «знатокам» выглядит как констатация тактической *необходимости* сохранения в новом издании следов чужого вмешательства, с одной стороны, ставшего своеобразным «подарком» поэту, с другой — поставившего того же поэта перед иеобходимостью сохранять в своих произведениях следы чуждых эстетических установок. (Ср. в *МВ*: рассказав о затеянном «ареопагом» предприятии по новому изданию его стихов, Фет так определил собственное положение: «Конечно, мне оставалось только благодарить» — Ч. 1. С. 40; «Конечно, я усердно благодарил кружок...» — Ч. 1. С. 104). Не забудем кроме того, что именно «тургеневское» издание Фета, выпущенное весьма роскошно (по словам Тургенева, «для того, чтобы лежать на столике всякой прелестной женщины»), сделало его имя чрезвычайно популярным и принесло поэту, в отличие от всех других изданий, литературный доход... Свои воспоминания, выдержка из которых приведена выше, Фет писал уже на склоне лет, вовсе не озабоченный ни литературной «славой», ни литературным заработком, ни какими-то другими привходящими обстоятельствами. Исходя из точного смысла его высказывания, мы должны констатировать, что эту «тургеневскую» правку собственных стихов он ни в коем случае не «одобрил».

Особенное положение Фета в кружке «Современника» делало его своеобразной полукомической фигурой поэта, которому непременно полагается «вычистить штаны». Именно такой фигурой он предстает, например, в известных мемуарах А. Я. Панаевой, вспоминающей о нем в тоне дамской язвительности: «Фет находился в вдохновенном настроении и почти каждое утро являлся с новым стихотворением, которое читал Некрасову, мне и всем литераторам, кто просил его прочесть». И далее — характеристика «от лица» Тургенева: «Тургенев находил, что Фет так же плодовит, как клопы, и что, должно быть, по голове его проскакал целый эскадрон, от чего и происходит такая бессмыслица в некоторых его стихотворениях». Касаясь интересующего нас эпизода «вычищения штанов», Панаева упоминает о спорах по этому поводу Тургенева с Некрасовым («Некрасов находил ненужным выбрасывать некоторые стихотворения, а Тургенев настаивал») и приводит один из самых «сильных» аргументов Тургенева: «Очень хорошо помню, как Тургенев горячо доказывал Некрасову, что в строфе одного стихотворения: «Не знаю сам, что буду петь — но только песня зреет!» — Фет изобличил свои телячьи мозги» (*Панаева (Головачева) А. Я.* Воспоминания. М., 1986. С. 202—203).

Речь идет о классическом стихотворении «Я пришел к тебе с приветом...», о его последней строфе, в которой Фет отражал собственные представления о естественном «механизме» рождения поэтической «песни», о бессознательности, интуитивности подлинного творчества. Тургеневу, наиболее последовательному выразителю позитивистских представлений об этом предмете (вообще характерных для эпохи 1860-х гг.) такая позиция казалась не чем иным, как отражением «безмыслия» самой творческой личности — что он с удовольствием относил к «телячьим мозгам» Фета. Заметим однако, что это стихотворение (напечатанное в *Сб1856* без двух последних строф) было одним из немногих, которые автор восстановил в *Сб1863*, заявив тем самым об абсолютной осознанности своей «интуитивистской» позиции.

Н. Н. Скатов в свое время отмечал, что правомерность тургеневского редактирования «представляется в высшей степени сомнительной» — и показывал эту «сомнительность» на ряде примеров. Что лучше: «Облаком волнистым / Пыль встает вдали...» или «...прах встает вдали»? У Фета было «прах» — но Тургенев зачеркнул и самостоятельно переменил на более «понятную» «пыль», убрав принципиально значимую для Фета «многозначную и многозначительную» семантику, связанную с понятием «прах» и определяющую композицию всего стихотворения. «Одно слово переводит все стихи в совсем иной план. Прах взмятенный или поднятая пыль дорожная — разница. Я уже не говорю о том, как плоско выглядят стихи за счет повтора: «Пыль встает вдали... не видать в пыли», как лишаются они глубины и подлинной дали. Стихотворение первоначально так и называлось «Даль»; это название тоже оказалось снято в тургеневской редакции» (См.: *Скатов Н.* Лирика Афанасия Фета (Истоки, метод, эволюция) // Скатов Н. Далекое и близкое: Литературно-критические очерки. М., 1981. С. 138—141). Исследователь таким образом как бы переводит проблему в более широкий план. С одной стороны, по всем текстологическим правилам (принцип «последней авторской воли»!) мы должны сохранять тургеневскую правку. Но «точная» текстология никак не желает в этом случае «сообщаться» с «неточной» поэтикой...

Словом, проблема «Тургенев — редактор Фета» кажется нам еще весьма далекой от своего окончательного решения. Та же Панаева замечает: «У меня сохранился экземпляр стихотворений Фета с помарками и вопросительными знаками, сделанными рукой Тургенева». Возможно, что мемуарист имеет в виду *Остр. экз.* (перешедший после смерти М. П. Шеншиной-Фет к мужу ее сестры, художнику И. С. Остроухову). «Учитывать» этот экземпляр, впрочем, непросто. он отражает лишь начальный этап «тургеневской» редактуры. Приступая к редактированию, Тургенев зачеркнул в этом экземпляре стихотворения, строфы и отдельные слова, которые считал нужным убрать или заменить; Фет тут же, на полях, дал варианты (иногда по несколько — очевидно, на выбор редактора). Но из этих вариантов Тургенев принял только небольшую часть — следы дальнейшей работы над *Сб1856* в «Остроуховском экземпляре» не отражены.

Между тем, исследование его — в сопоставлении с известной тургеневской правкой, зафиксированной в *Сб1856*, — может представить не только узко текстологический интерес (хотя и этот интерес предельно важен, поскольку речь идет о гениальных стихах, часто до сих пор воспроизводимых с явными ошибками). Не случайно эпизод вмешательства Тургенева в стихотворения Фета в 1930-е годы пытались истолковывать с «классовых» позиций, как борь-

бу либерала с консерватором. При этом даже добавляли, что и сам Фет был «не промах», поскольку позднее подобным же образом «отредактировал» тургеневские письма к нему: «изувечил переписку своего приятеля, отплатил ему сторицею за работу, проделанную Тургеневым над сборником стихотворений 1856 г.» (См.: *Бродский Н.* Фет — редактор Тургенева. // Звенья. Вып. 2. М.; Л., 1933. С. 469—479).

Гораздо плодотворнее рассматривать «тургеневскую» «правку» стихотворений Фета как эпизод вмешательства художественной идеологии кружка «Современника» в художественную практику единичного гениального поэта, внутренне противостоявшего этой идеологии. Перед нами — эпизод литературной полемики, не осознанной как «полемика».

В воспоминаниях о своей юности Фет с особенной любовью и теплотой писал об Аполлоне Григорьеве, эстетическому вкусу, «чуткости и симпатии» которого поэт особенно доверял. Именно Григорьев помогал Фету составлять и редактировать *ЛП* и *Сб1850*. Тургенев был человеком другого мировосприятия — и других художественных установлений: общение с ним Фета, продолжавшееся более 30 лет, постоянно было чревато «несогласием»...'Это эстетическое противостояние выразилось опять же нетрадиционно: не в критических выступлениях и не в поэтических манифестах, а в, по видимости, дружественной «помощи» в издании известного лирического сборника. Внешне Фет в этом противостоянии («один в поле не воин») — проиграл. Но в «проигрыше» этом он сумел продемонстрировать те потенциальные возможности своего поэтического пути, которые сделали его «чистую» лирику востребованной в XX столетии.

«Поэтическая судьба Фета — исправлять свои произведения по указаниям "пестунов" — настолько постоянна на протяжении всего его творческого пути, что причиной ее может быть только своеобразная потребность его творческой личности. Фет не доверял себе в критической оценке своих произведений, ему были необходимы сторонние указания, и, как для Бальзака творческий акт мог окончиться только на печатных гранках, после нескольких перепечаток редакций, данных в набор, — так для Фета он кончался только после учета реакции первых редакций стихотворений на избранных "ценителей"» (*Бухштаб Б. Я.* Судьба литературного наследства А. А. Фета. С. 578). Но истоки этого своеобразного ощущения были вовсе не в творческой неуверенности поэта. Не то, чтобы он «не доверял себе»; напротив — вполне доверял. Просто он очень рано ощутил, что его критерии творчества как-то уж очень разнятся с восприятием большинства современников — и это большинство считает «неясным» («обвинительный приговор поэту»!) именно то, что, по его разумению, просто и прозрачно. Отсюда и возникала необходимость «проверить» на вкусе «публики» то, что у него получилось. Из «публики» выбирались отдельные, тонко чувствующие поэзию и доброжелательные, «знатоки» — именно потому, что со «знатоками» проще иметь дело.

Фет предпочел не отстаивать собственную поэтическую логику — и тем самым поставил будущих текстологов в весьма затруднительное положение. Возник характерный парадокс — противоречие между формально выраженной «последней авторской волей» и действительной семантикой фетовского лирического творчества. «Последняя авторская воля формально за изданием 1863 г.», — констатировал Б. Я. Бухштаб (Там же. С. 574). Более того, даже если подвести какую-то теоретическую базу и не учитывать те же «тургеневские»

изменения (а такого рода издания Фета время от времени предпринимаются), то и в этом случае работу по изданию нельзя осуществить полностью и *последовательно*. Именно по этой причине Б. Я. Бухштаб в *ПССт1959* отказался от частичного восстановления собственно фетовских текстов, проведенного им в *ПССт1937* (где для четырех десятков стихотворений была принята в качестве основной не поздняя, а ранняя редакция). Такая операция, действительно, «не обеспечивает вполне объективных результатов»: в выборе основного текста «неизбежно сказывается вкус редактора» — о чем мы уже писали выше. Но значит ли это, что мы должны следовать вкусовым симпатиям Тургенева, выступившего *редактором* Фета и, по признанию автора, частично «изувечившего» его стихи?

«Когда Тургенев редактировал стихотворения Фета... — констатировал В. Е. Холшевников, — он у четырнадцати стихотворений отрезал последние строфы — и читатели этого не заметили...» (*Холшевников В. Е.* Анализ композиции лирического стихотворения // Анализ одного стихотворения. Межвузовский сборник. Л., 1985. С. 33). Но является ли в данном случае критерием «невнимание» современных поэту читателей? Кажется, что текстологическое решение проблемы может быть достигнуто с учетом прецедента, предпринятого редакторами последнего академического собрания сочинений Пушкина, принявших в качестве *основного текста* по отношению к лицейским стихотворениям поэта не только последнюю авторскую редакцию (для лицейских стихотворений, переработанных при включении в прижизненные сборники Пушкина 1826 и 1829 гг.), но и их собственно «лицейскую» редакцию, отразившую иные художественные реалии и иную пушкинскую поэтическую логику.

Подобным образом эта сложная эдиционная и текстологическая проблема может быть решена и в данном случае.

***

Такое текстологическое решение основного вопроса во многом определяет и принципы расположения стихотворений в составе основного текста. Из трех возможных способов этого расположения (в хронологической последовательности, по сборникам или в соответствии с авторским списком, составленным незадолго до смерти) мы предпочитаем отталкиваться от «сборников». «Фет, — писал Б. Я. Бухштаб, — не принадлежал к числу тех поэтов, для которых сборник — органическое целое, своеобразная художественная форма. Издание сборника не знаменовало у него завершения известного творческого периода...» (*Бухштаб Б. Я.* Судьба литературного наследства А. А. Фета. С. 585). Это утверждение кажется излишне категоричным: вряд ли следует «отделять» Фета от всех других поэтов: появление *сборника* в творческой эволюции *любого* поэта оказывается принципиальным и определяющим «рубежом» — почему же Фет здесь был каким-то «исключением»? Кроме того, оно не вполне согласуется с фактами.

В первый период своего лирического творчества — 1840—1860-е гг. — Фет выпустил четыре книги стихов: «Лирический Пантеон» (*ЛП*, 1840), *Сб1850* (который был подготовлен к печати еще в конце 1847 г.), *Сб1856* и *Сб1863*. Каждая из этих книг была итогом определенного этапа творческой эволюции поэта: в *ЛП* собраны стихи, характеризующие самые ранние творческих поис-

ки Фета и обозначившие художественное самоопределение поэта; *Сб1850* представил итог раннего (студенческого и начала «офицерского») этапа лирического развития поэта; *Сб1856* отразил временную близость Фета к эстетическим установкам кружка «Современника» середины 1850-х гг.; наконец, *Сб1863* подвел итог всему раннему творчеству поэта, обобщив попытки его «лирической» деятельности и одновременно ознаменовав его временный отход от литературы.

В этих сборниках проявилась и «эволюция» симпатий самого Фета, и более общие явления. Так, *Сб1863* был единственным из всех стихотворных собраний Фета, которое было предпринято не по инициативе и не на средства самого поэта, а заказано ему книгоиздателем (К. Т. Солдатенковым) — и, таким образом, свидетельствовало о наступившей известности его поэтического имени. Вместе с тем, именно это издание (которое, будучи издано тиражом в 2400 экземпляров, расходилось в течение 30 лет) Д. И. Писарев посоветовал продавать «пудами для оклеивания комнат под обои и для завертывания сальных свечей, мещерского сыра и копченой рыбы». Наблюдения критика были тем злее и обиднее, чем точнее соответствовали действительному положению вещей, сложившемуся в бурной атмосфере 1860-х годов: «...г. Фет <...> сказал в прошлом 1863 году последнее прости своей литературной славе; он сам отпел, сам похоронил ее и сам поставил над свежею могилою величественный памятник, из-под которого покойница уже никогда не встанет; памятник этот состоит не из гранита и мрамора, а из печатной бумаги; воздвигнут он не в обширных сердцах благородных россиян, а в тесных кладовых весьма неблагодарных книгопродавцев; монумент этот будет, конечно, несокрушимее бронзы (aere perennius), потому что бронза продается и покупается, а стихотворения г. Фета, составляющие вышеупомянутый монумент, в наше время уже не подвергаются этим неэстетическим операциям» (*Писарев Д. И.* Соч.: В 4-х т. М., 1955. Т. 2. С. 333).

Поэзия Фета — явление историческое, которое было связано не только с поэтической судьбой и творческой личностью автора, но и с изменением «литературных мнений» эпохи. С этой точки зрения, Фета необходимо представлять именно «по сборникам» — так, как представляли его читатели-современники. Это относится не только к выпускам «Вечерних огней», но и к первым четырем сборникам: они еще в большей степени отразили и перемену литературных увлечений Фета, и извивы идеологических полемик его эпохи.

С другой стороны — что представляет собою «последняя авторская воля» Фета? В январе 1893 г., через месяц после смерти поэта, его вдова М. П. Шеншина в письме к К. Р. указывала: «Покойный муж мой думал издать полное собрание своих стихотворений, нынешним летом занимался разбором старых своих изданий, делал поправки, кое-что зачеркивал, и таким образом весь материал к этому изданию готов» (Цит. по: *Бухштаб Б. Я.* Судьба литературного наследства А. А. Фета. С. 579). Материалы, посланные К. Р., были впоследствии утрачены (библиотека К. Р. была в свое время продана, а сборники с последней правкой Фета, вероятно, ушли за рубеж, через «Международную книгу»), — но сохранились два «списка» для предполагавшегося «обобщающего» издания: один писан рукой Вл. С. Соловьева, другой — рукой секретарши Фета Е. В. Федоровой. Никаких пояснений насчет того, какой из списков является основным и является ли какой-нибудь из них окончательным, до нас не дошло.

Поэтому уже первый составитель посмертного издания «Лирических стихотворений» Фета (1894) Н. Н. Страхов вынужден был, положив в основу издания какой-то из этих «планов», серьезно его откорректировать. Необходимую «корректировку» в этом направлении проводили в дальнейшем и Б. В. Никольский, и даже Б. Я. Бухштаб, хотя последний специально настаивал на невозможности проведения какой-либо значительной корректировки (см. *ПССт1937* С. 679—680). Нам представляется, что считать этот, весьма зыбкий, «список 1892 г.» основой для композиции собрания его лирики — неправильно.

На основе этого «списка» (точнее, на основе произвольной контаминации двух «списков») выделяется и «основное собрание» фетовской лирики — а за пределами этого «основного собрания» оказываются многие чрезвычайно значимые для него стихи, не говоря уже о переводах, принципиально значимых для фетовского творчества. Кроме того, при таком расположении нарушается авторская воля относительно распределения стихов по циклам. Так, цикл «К Офелии» в *Сб1850* состоял из семи стихотворений, в *Сб1856* — из трех; в нынешнем «Основном собрании» осталось четыре стихотворения (а остальные, соответственно, ушли в «дополнительный» отдел). Почему? — на этот естественный в данном случае вопрос трудно дать какой-то разумный ответ. Если мы допускаем, что Фет сознательно хотел «очистить» этот цикл от «лишних» текстов, то с равным основанием можем допустить и какую-либо «случайную» причину: престарелый автор в 1892 г. мог «забыть» или «недосмотреть» и т. д. Во всяком случае, расценивать этот «список 1892 г.» как окончательное выражение «последней авторской воли» было бы неверным.

В связи с изложенным выше для расположения материала в настоящем томе приняты следующие принципы:

1. Весь материал лирики Фета публикуется *по прижизненным сборникам*, подготовленным самим автором или при его ближайшем участии.

2. Стихи, включавшиеся автором в несколько сборников, приводятся только в составе сборника, где они появились впервые; в последующих сборниках указывается только место, в котором это стихотворение было напечатано.

3. Для стихов Фета, имеющих две редакции (не всегда возникшие по желанию автора, хотя и одобренные им), принят принцип *параллельного* печатания обеих редакций в составе основного текста. Исключение сделано только для стихотворения «Соловей и Роза», написанного в 1840-е гг. и значительно исправленного в 1880-е, и в новом варианте несущего на себе печать мировосприятия Фета позднего периода. Оно печатается дважды: в составе *Сб1850* и в составе *ВО 3* — каждый раз в соответствующей редакции. В тех случаях, когда речь идет о непринципиальной правке самого Фета, варианты приводятся в коммеитариях. Чисто стилистическая правка Фета, допускавшаяся им в разных изданиях переводов (например, переводов из Горация, издававшихся отдельным изданием в 1856 г. и включенных, в измененном и откомментированном автором виде в *Сб1863*) учитывается лишь в отдельных, значимых для Фета, случаях; в остальных — приводится авторская редакция данного сборника.

4. Тексты произведений Фета печатаются по нормам современной орфографии и пунктуации с сохранением некоторых особенностей, характерных для индивидуального стиля автора. В этом отношении составители сборника с благодарностью учли ту громадную работу по воссозданию эдиционных правил орфографии и пунктуации стихов Фета, которую проделал Б. Я. Бухштаб

за полвека своей работы по изданию его стихотворений. Отметим чрезвычайную важность и сложность вопроса об авторской пунктуации Фета, который еще предстоит решить. В комментариях используются разыскания Б. Я. Бухштаба, А. Е. Тархова, Г. Д. Аслановой и других комментаторов, отмеченные в прежних изданиях Фета; такого рода использование обычно специально не оговаривается.

Общую преамбулу к комментарию, тексты и комментарии *ЛП, Сб1850* и *Сб1856* подготовил В. А. Кошелев; *Сб1863* и «Стихотворения, не вошедшие в сборники» подготовила Н. П. Генералова; тексты поэм («Талисман», «Сабина», «Сон» и «Две липки») и комментарии к ним подготовила Г. В. Петрова.

ЛИРИЧЕСКИЙ ПАНТЕОН

Отд. изд. (выпущено под инициалами: «А. Ф.»). М.: В типографии С. Селивановского, 1840. Ценз. разр. — 20 сентября 1840 (цензор И. М. Снегирев).

Первая стихотворная книга Фета *ЛП* стала и его первым литературным выступлением. О его истории автор с некоторой иронией поведал в *РГ*. Рассказал он, между прочим, как «19-летний, от себя не зависящий и плохо учащийся студент второго курса» увлекся юной гувернанткой, «Еленой Б.», а после того, как «дело дошло до взаимного обещания принадлежать друг другу», та вручила ему небольшую сумму денег для издания его стихотворений: «Мало ли о чем мечтают 19-летние мальчики! Между прочим я был уверен, что имей я возможность напечатать первый свой стихотворный сборник, который обозвал *Лирическим Пантеоном*, то немедля приобрету громкую славу, и деньги, затраченные на издание, тотчас же вернутся сторицей. Разделяя такое убеждение, Б. при отъезде моем в Москву вручила мне из скудных сбережений своих 300 рублей ассигнациями <...> на издание, долженствовавшее, по нашему мнению, упрочить нашу независимую будущность».

Из отношений с «Еленой Б.» ничего не сложилось. Возлюбленные продолжали осенью встречаться в Москве; подруга Фета служила компаньонкой у дочерей генерала Коровкина; однажды «всё вышло наружу», и Фету пришлось искать аудиенции у генерала для решительного объяснения. Потом появился брат девушки и увез ее на Кавказ; наконец — «она вышла там замуж за чиновника, с которым конечно была гораздо счастливее, чем могла бы быть со мною». Одновременно с этими событиями, в конце ноября, как раз к своему двадцатилетию, Фет «выхлопотал из довольно неисправной типографии Селивановского свой «Лирический Пантеон»». Ожидаемых изменений в судьбе это первое литературное выступление его, однако, не принесло: *ЛП*, «появясь в свет, отчасти достиг цели. Доставив мне удовольствие увидать себя в печати, а барону Брамбеусу поскалить зубы над новичком, сборник этот заслужил одобрительный отзыв *Отечественных записок*. Конечно, небольшие деньги, потраченные на это издание, пропали безвозвратно» (*РГ*. С. 169—180).

Всё кончилось «ничем» — и на любовном, и на литературном «фронте» — и в сознании вспоминающего Фета связалось в какой-то единый узел, которому он подвел невеселый метафорический итог, навеянный к тому же позднейшим увлечением философией Шопенгауэра: «Весь этот невероятный и, по умственной беспомощности, жалкий эпизод можно понять только при убеж-

дении в главенстве воли над разумом. Сад, доведенный необычно раннею весной до полного расцвета, не станет рассуждать о том, что румянец, проступающий на его белых благоуханных цветах, совершенно несвоевременен, так как через два-три дня всё будет убито неумолимым морозом» (*РГ*. С. 170). Метафора, организующая это мемуарное признание, явно двусмысленна. Кажется, будто мемуарист «назидательно» указывает на «несвоевременность» и столь ранней любви, и столь раннего поэтического выступления. С другой стороны, образ расцветающего майского сада, оказывающийся в основе этой метафоры («Сад весь в цвету...»), — это излюбленный поэтический образ зрелого Фета, символ яркой и светлой любви — и любви к женщине, и любви к поэзии. Этот символ появился впервые именно в *ЛП* («Мой сад»), как, кстати, и другие устойчивые фетовские образы-символы: «красота», «соловей» и т. п.

Между тем, метафора «нерасцветшего сада» послужила основой для традиционной оценки первого поэтического сборника Фета как собрания стихов «незрелых, подражательных и никак не предвещавших того поэтического дара, который пришел к автору позже». По поводу позднейшего отношения самого поэта к своему юношескому сборнику (ставшему библиографической редкостью) в кругу библиофилов сложился анекдот: «Афанасий Афанасьевич Фет в зрелые свои годы немедленно уничтожал эту книгу, как только она попадалась ему на пути...» (*Смирнов-Сокольский Н. П.* Рассказы о книгах. М., 1960. С. 464. Свидетельство Д. С. Айзенштадта). Этот анекдот, однако, не подтверждается никакими данными.

Б. Я. Бухштаб в свое время обосновывал «подражательность» и литературную несостоятельность первого выступления Фета в печати: «Это типичный юношеский сборник — сборник перепевов прочитанных поэтов. Особенно ярко напечатлелся на книжке ходовой байронизм конца тридцатых годов. Преобладает тема "холодного разочарования". Характерна напряженная эротичность стихов, столь несвойственная позднейшим стихам Фета: здесь очевидно влияние Бенедиктова, вообще бросающееся в глаза в сборнике. Но наряду с "бенедиктовщиной" здесь есть отзвуки и Баратынского, и Козлова, и Жуковского, не говоря уже о Пушкине; есть и совсем архаические стихи в стиле ранних карамзинистов, с обилием мифологических имен и сплошными перифразами. Будущий Фет еще мало виден в этом сборнике» (*ПССт1937*. С. VI).

Сам Фет также весьма иронически оценивал собственное поэтическое *начало*. Он относил его к точно определенному времени — к началу 1839 г., когда поселившийся рядом с ним в московском пансионе М. П. Погодина 25-летний попович-семинарист, будущий знаменитый переводчик И. И. Введенский «неведомо с чего» попросил его написать некие «сатирические стихи». Фет, тогда только что поступивший в университет, «несколько дней мучился <...> неподсильною задачей и наконец разразился сатирой, которая, если бы сохранилась, прежде всего способна бы была пристыдить автора...» Введенский, однако, остался ею доволен — и тем самым «окрылил» молодого автора: «С этого дня, вместо того чтобы ревностно ходить на лекции, я почти ежедневно писал новые стихи...» Для записывания этих стихов создалась особая «желтая тетрадка», содержание которой не было тайной ни для приятелей, ни для преподавателей университета. Однажды Погодин дал ее для прочтения Н. В. Гоголю, а, возвратив автору, возвестил: «Гоголь сказал: это несомненное дарование» (*РГ*. С. 136, 140—141). Достоверность последнего эпизода, правда,

опять-таки не подкрепляется никакими данными: возможно, что Фет его просто-напросто выдумал задним числом — тем более, он указывает, что ко времени благожелательного отзыва Гоголя в его «желтой тетрадке» было всего «до трех десятков» вновь рожденных стихов.

Затем Фет попробовал печататься в журналах: сначала послал свои стихи в *ОЗ*, потом (через посредство того же Введенского) — в *БдЧ*. Но ни в том, ни в другом журнале стихи Фета напечатаны не были... Сохранившиеся письма Фета к И. Введенскому, датируемые концом ноября и 22 декабря 1840 г., приоткрывают изнаночную сторону издания его первого сборника. В первом письме поэт сообщает о том, что этот сборник заканчивается печатанием: «За Лирический Пантеон деньги я нынче отдал, понеже нахожусь дома, а завтра ложусь в Градскую больницу <...> я говорю, деньги отданы и экземпляры надевают у переплетчика сорочки, на следующей неделе я непременно пришлю к тебе экземпляр. Каков-то будет успех!?? и проч. Между нами будь сказано, я теперь нуждаюсь в деньгах как черт <...>. Цена моей книги самая умеренная: 1 р. серебром. Благодаря Бога теперь мечты о литературной деятельности проникли и заняли все мое существо, иначе бы мне пришло худо. Душа в разладе, потому что обстоятельства грязны до омерзения. Готов трудиться для ваших двух журналов, сколько сил хватит, но, право, нахожусь в худом положении и в долгу как в шелку. Только один Аллах, которому препоручаю твою башку, может мне помочь» (*Соч.* Т. 2. С. 185—186). Другое письмо написано уже после выхода *ЛП* из печати. Посылая сборник (вместе с каким-то не дошедшим до нас переводом стихотворения Эйленшлегера, заказанного редакцией *БдЧ*) Введенскому и ожидая соответствующей рецензии в журнале, Фет предупреждает: «Да главное дело: ни под каким видом не разбирай Лирич<еского> Пантеона как сочинения Фета, а просто А. Ф., равно как и стихи пусть переводит А. Ф., а не Фет. Слышишь, не упрямься, зачем вредить себе необдуманно. Разумеется, я жду генварской книжки как Бога. Там стихи мои, и разбор Пантеона» (*Соч.* Т. 2. С. 187). Появившись в свет, эта «генварская книжка» «Библиотеки...» рассеяла все надежды юного поэта. Ни стихов, ни даже заказанного Введенским перевода из Эйленшлегера в журнале не появилось, а рецензия на *ЛП* (принадлежавшая, судя по стилю, перу самого редактора О. И. Сенковского — Барона Брамбеуса) была откровенно издевательской.

Вторая веха «влияний» в стихах из *ЛП* связана с ранним общением Фета с Ап. Григорьевым и его кружком. В начале 1839 г. молодой студент по желанию отца переехал в дом Григорьевых на Малой Полянке в Москве и вместе с молодым хозяином этого дома увлекся перлами новейшей западной философии и поэзии: «Но, поддаваясь Байроновско-французскому романтизму Григорьева, я вносил в нашу среду не только поэта-мыслителя Шиллера, но, главное, поэта объективной правды Гете». К этим именам прибавился еще Ламартин (предмет раннего восторженного увлечения Григорьева — и автор эпиграфа к *ЛП*), потом, естественно, Гегель. Отдельно Фет сообщает о «русских» предметах для его подражаний: «книжка стихов Бенедиктова» («мы с Аполлоном с упоением завывали при ее чтении») и, как образцы «точности и поэтичности», стихи «Батюшкова, Жуковского, Баратынского и Пушкина» (*РГ.* С. 153, 171).

В названном Фетом перечне имен источников для ранних поэтических подражаний отсутствует И. И. Козлов. Между тем, в первом его поэтическом сборнике есть специальное стихотворение, Козлову посвященное — «Вечерний звон (Памяти Козлова)». Оно может помочь определить время, когда этот

сборник составлялся. В соответствии с указанием Г. П. Блока в «Летописи...» принято считать, что к лету 1839 г. *ЛП* в рукописи уже существовал и, следовательно стихи, входящие в него, написаны раньше. Это, как показывает данное стихотворение, не соответствует действительности: Козлов умер 30 января 1840 г.

Специфическая «двусмысленность» первого поэтического выступления Фета начинается уже с «громкого» заглавия сборника. Отметим, что традиция *озаглавливать* поэтические сборники в 1830—1840-е годы отнюдь не была распространенной. До сих пор можно встретить утверждения, что «Сумерки» Баратынского — едва ли не первый русский поэтический сборник, имеющий заглавие. Между тем, «Сумерки» вышли в 1842 г. — два года спустя после первых книг Фета («Лирический Пантеон») и Некрасова («Мечты и звуки»). Это отнюдь не означает, что книги Фета и Некрасова «открыли» традицию: просто они были ориентированы на поэтические искания «второго» ряда, в которых «заглавие» лирической книги встречалось и раньше. Сборник стихов А. П. Буниной вышел в 1809 г. под заглавием «Неопытная муза», а «Уединенный певец» П. А. Межакова появился, без имени автора, в 1818 г. Вообще «безымянные» стихотворные сборники (в которых имя автора либо отсутствовало вовсе, либо заменялось инициалами) чаще получали некие «смысловые» заглавия. Одно дело: «Стихотворения Василия Жуковского» или «Опыты в стихах и прозе Константина Батюшкова» — и совсем другое: «Мечты и звуки. Стихотворения Н. Н.», «Лирический Пантеон А. Ф.». «Заглавие» лирического сборника как бы замещало собой не названное и ничего читателю не «говорящее» (как в случае с Некрасовым и Фетом) авторское *имя* — и в этом отношении несло на себе дополнительную функцию, предлагая *угадать* нечто об авторе из специфики предложенного заглавия. Предполагалось, что книга будет приобретаться читателем, не знакомым с ее содержанием и не имеющим представления об авторе, исходя именно и только из *заглавия*.

Основа заглавия — понятие *Пантеон* (от греч. pantheon — храм, посвященный всем богам) — имеет двоякую символику. С одной стороны, это символ *храма* — единственного из сохранившихся в Риме величественных зданий античности. С другой стороны, семантический ореол «храма» соседствует в этом понятии с иным, тоже традиционным, ореолом *кладбища*: в пантеоне издавна было принято хоронить выдающихся деятелей. Поэтому общее значение этого слова уже в фетовские времена было весьма расплывчатым. В словаре В. И. Даля «пантеон» определяется следующим образом: «место погребения знаменитых людей; // письмовник, сборник письменных произведений всех родов, хрестоматия, цветник; // сборник жизнеописаний великих людей».

Барон Брамбеус в своей рецензии обратил внимание именно на двусмысленность названия — и все жало своей иронии сосредоточил как раз на понятии *пантеон*: «Пантеон» значит храм всех богов, «всебожница», это я знаю: но, сознаюсь в моей непроницательности, я никак не могу догадаться, что такое «*лирический* пантеон». Храм всех лирических богов? Сколько же их считается в нашей мифологии? Это пышное заглавие было бы еще кое-как понятно, если бы в предлежащей книжонке собраны были оды Пиндара, Горация, Руссо, Державина, Гете, Байрона, Гюго и других бессмертных лириков, достойных быть допущенными к дымному и голодному пиру богов, глотавших в пантеонах горький фимиам и неблагоуханные пиры жертвоприношений,

которые люди сожигали под их носом в знак своего благоговения. Но собрание стихотворений господина А. Ф., являющееся под заглавием «Лирического пантеона», лирической всебожницы, это не совсем ясно; смею даже сказать, это довольно темно» (*БдЧ*. 1841. Т. 49. Отд. VI. С. 1). Именно «лирическую всебожницу» Фет продолжал развивать и в дальнейшем: в *Сб1863* он слил воедино собственные лирические сочинения и переводы, а начиная с *ВО2* — печатал в общем корпусе как оригинальные сочинения, так и переводы.

Некоторая «темнота» заглавия, кажется, входила в поэтический замысел. Понятие «пантеон» сопровождалось эпитетом *лирический*, что усиливало смысловую неоднозначность. Как, собственно, понимать представленное сочетание? Если имеется в виду некий образ стихотворного «храма» или естественной «хрестоматии», то не рождает ли он прежде всего представления о непомерном тщеславии, амбициозности молодого поэта, решившего создать «храм» уже первыми пробами своего пера? С другой стороны, образ «кладбища стихов» создавал уже комические ассоциации. В традициях «школы гармонической точности» было рассматривать «кладбище стихов» как нечто чуждое истинному, «живому» творчеству. В пародической сатире К. Н. Батюшкова «Певец, или Певцы в Беседе славенороссов» (1813) деятели осмеиваемой «Беседы» воспевают «Кладбище милое стихов, Бумажные могилы!..» При этом лирическим стихам творцов этого «кладбища», суждено (согласно придуманной тем же Батюшковым и весьма распространенной в поэзии пушкинского времени метафоре) «погибнуть в Лете», остаться навсегда забытыми...

Столь же двусмысленным при ближайшем рассмотрении оказывался и эпиграф, вынесенный на титульный лист сборника. Шесть французских стихов в подстрочном переводе выглядят так:

> Если бы ты могла когда-нибудь, о моя лира,
> Уподобиться нежному трепету крыльев зефира
> Между ветвей.
> Или волне, что журчит, лаская свои берега,
> Или воркованию томных голубей,
> Играющих на берегу вод.
>
> *Ламартин*

Это была первая строфа стихотворения Альфонса де Ламартина «Chant d'Amour» («Песнь любви»), входившая в модный некогда его сборник «Новые поэтические размышления» (1823). Фет, по его собственному мемуарному признанию, иронически относился к увлечению Ап. Григорьева этим модным французским романтиком: «...главным в то время идолом Аполлона был Ламартин. Последнее обстоятельство было выше сил моих. Несмотря на увлечение, с которым я сам перевел "Озеро" Ламартина, я стал фактически, чтением вслух убеждать Григорьева в невозможной прозаичности бесконечных стихов Ламартина и довел Григорьева до того, что он стал бояться чтения Ламартина, как фрейлины Анны Иоанновны боялись чтения Тредьяковского» (*РГ*. С. 153). Эпиграф к *ЛП* демонстрировал читателю, с одной стороны, странного «поклонника» некогда «модного», но уже устаревшего француза, с другой — дерзкого нарушителя общепринятых поэтических устоев, демонстрировавшего таким образом (еще робко, еще «цитатно») ту генеральную эстетическую идею, которая позднее станет его авторским credo.

Подобная «двусмысленность» определяет и весь состав *ЛП*. Над этим «со-

ставом» Барон Брамбеус насмехался, приводя прямое перечисление стихов, вошедших в сборник: «Обойдем алтари этого пустынного пантеона. Посмотрим, каким богам тут молятся. Прочитаем надписи: — *Вакханке* — *Одалиске* — *Ей* — *Деве* — *Художник деве* — *На смерть юной девы* — *В альбом деве* — *Тоске* — *Хандре* — *Колоднику* — *Лешему*... Так вот лирические боги! Да это не «пантеон», а «пандемион», всечертовщина, всебесница!» (С. 2). В этом отзыве рецензент, вероятно, использовал некую дополнительную «информацию» об авторе сборника, полученную от того же Введенского: общаясь с Фетом в Москве, «нигилист» Введенский усиленно культивировал в молодом поэте настроения «безбожия» и «всебесия» — и даже сохранил по этому поводу шутливый «контракт», ставший поводом для позднейших толков о раннем «атеизме» Фета (*Соч.* Т. 2. С. 389—390). Во всяком случае, Фет порвал с Введенским все отношения как раз после появления этой рецензии.

Барон Брамбеус иронически выделил в юношеском сборнике Фета те же два существенных «недостатка», что позднее отмечали в его поэзии не принимавшие его «шестидесятники»: «во-первых, неподражаемая мелкость основной идеи и, во-вторых, колоссальная напыщенность формы» (*Писарев Д. И.* Соч.: В 4-х т. М., 1955. Т. 1. С. 195). Показательно, что в обвинениях Фету, шедших, например, от Писарева, не только идеология и критическая логика, но даже стилистика совпадала с обвинениями, за двадцать лет до того высказанными Бароном Брамбеусом. *Писарев*: «Мне кажется, что в стихах, как и в прозе, прежде всего нужна мысль; отсутствие мысли может быть замаскировано фантастическими арабесками и затушевано гладкостью и музыкальностью стихов; но то, что лишено мысли, никогда не произведет сильного впечатления» (Там же). *Барон Брамбеус*: «Арабеском в лирической мифологии, кажется, называется такой бог, который говорит всё без смыслу, но всегда к рифме. <...> Каких в пантеонах нет богов! И этому лирическому богу людн, верно, станут поклоняться более чем прозаическому богу Здравому Смыслу, — именно потому, что не поймут его» (*БдЧ.* 1841. Т. 49. Отд. VI. С. 2—3).

Писарев рассуждает так, как будто специально читал перед этим давнюю рецензию Сенковского: он так же апеллирует к «прозе» и «мысли» («здравому смыслу»), отвергая «гладкость» и «фантастические арабески»... Подобные совпадения знаменательны не только для установления генетических связей «реальной критики» 1860-х годов, но и для уяснения художественной эволюции «одинаково» разбираемого Фета. Как видим, уже в юношеском сборнике Фет вполне представил те общие установки, которые станут основой всего его последующего лирического творчества: 1) установку на «чистую» поэзию и «мелкие» темы; 2) намеренно усложненную лирическую образность, противопоставленную прозаическому «здравому смыслу»; 3) установку на единственную, только ему присущую «форму» выявления этой образности, определяющую особенную структуру его стихов; 4) создание специфически «циклического» способа лирического повествования (возможно, навеянное «циклическими» увлечениями Ап. Григорьева); 5) выделение «переводов» как особого отдела собственных поэтических увлечений и включение их «на равных» в состав сборника.

Эти творческие установки Фет сохранил и впоследствии. Поэтому, кстати, его собственное отношение к *ЛП* было совершенно иным, чем, например отношение Некрасова к своему сборнику «Мечты и звуки», вышедшему на несколько месяцев раньше, чем книга Фета. В своих автобиографических за-

метках Некрасов вспоминал о том, что рано начал писать стихи («Первые опыты — сумбур, вторые — подражательность бездумная») и привез в Петербург из провинции «тетрадку стихотворений», на которую «возлагал большие надежды». По инициативе своего «наставника» Г. Ф. Бенецкого он решился напечатать стихи из «тетрадки» и уже запродал некоторое количество «билетов» — но тут его «взяло раздумье», и он решился обратиться за профессиональным советом к В. А. Жуковскому. Тот не посоветовал выступать в печати, но было уже поздно, и Некрасов ограничился тем, что скрыл имя автора под псевдонимом. На последовавший отрицательный отзыв В. С. Межевича (среди отзывов, между тем, были и сочувственные) он (подчеркнуто: «*единственный* случай в моей жизни») ответил «глупой» заметкой («глупее самой книги»). Но из всех экземпляров книги «ни одного не продалось». И — итог: «В огорчении отобрал все экземпляры и большую часть уничтожил. Отказался писать лирические и вообще нежные произведения в стихах». «Я перестал писать серьезные стихи и стал писать эгоистические» (*Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. СПб., 1997. Т. 13. Кн. 2. С. 46—47, 56, 58).

У Фета, как кажется, все было так же: ранние «сомнения» в собственном поэтическом таланте, апелляция к «авторитету» (Гоголю), читательский неуспех первой книжки, издевательские отзывы... Но тут же — и яркие отличия. Фет не пишет о невозможности не издавать этой книжки — напротив, если учесть, что он остро нуждался в деньгах, можно было бы и не тратить на типографию триста рублей, пожертвованных на это предприятие «Еленой Б.»: поэт всерьез собирался этим сборником «упрочить будущность»! На издевательский отзыв *БдЧ* он и не подумал отвечать — хотя, наверное, ему было вдвойне обидно, ибо к этому отзыву оказался причастен его приятель Введенский, по инициативе которого он и стал писать стихи. Фет не «уничтожал» сборника — разве что пожалел, что деньги «пропали зря». И самое главное: он никогда *не отказывался* ни от него, ни тем более от писания «серьезных стихов».

Показательна и реакция на появление обоих сборников самого чуткого критика эпохи — В. Г. Белинского. Некрасовские «Мечты и звуки» Белинский решительно «обругал». Его рецензия в *ОЗ* занимала неполную журнальную страничку, и пафос ее был направлен на недопустимость «посредственности в стихах». Автор сборника «Мечты и звуки» изначально отнесен к числу «людей, не одаренных художническою фантазиею, не одаренных воображением, чувством и способностью владеть языком» и потому лишенных «положительного художественного дарования». Поэтому в этом сборнике «в стихи перешли только отвлеченные мысли, общие места, правильность, гладкость и — скука»: скучно вновь «встречать в них все знакомые и истертые чувствованьица»... Фраза: «Стихи решительно не терпят посредственности», — повторена в небольшой рецензии трижды (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. и писем: В 13 т. М., 1954. Т. 4. С. 118—119). Казалось бы, первая книга Фета должна была удостоиться такой же оценки — но нет! Сам Белинский не рецензировал ее: в последнем номере *ОЗ* на 1840 (№ 12. С. 40—42) была напечатана рецензия на *ЛП* П. Н. Кудрявцева, в целом положительно оценившего молодого автора. «Как хороша его рецензия в последнем № на "Лирический пантеон" Ф., — замечает Белинский в письме к В. П. Боткину от 26 декабря 1840 и добавляет показательную оценку, — только он уж чересчур скуп на похвалы — о строгий критик! *А г. Ф. много обещает*» (Там же. Т. 11. С. 584. Курсив наш).

Тематически и идеологически стихотворения Фета, появившиеся за полною подписью год спустя, остались Белинскому чужды; в письме к тому же Боткину от 6 февраля 1843, рассказывая о своих занятиях, он отметил в частности: «...когда случается пробежать стихи Фета или Огарева, я говорю: "Оно хорошо, но как не стыдно тратить времени и чернил на такие вздоры?"» (Там же. Т. 12. С. 129). Ничего, кроме подобных «вздоров», Белинский в раннем сборнике «г. Ф.» увидеть не мог — но изначально отделил его от раннего сборника «г. Н. Н.» именно потому, что увидел здесь поэта, «одаренного *художническою фантазиею*» — тем, что начисто отсутствовало в «Мечтах и звуках Н. Н.». Но что понимал критик в то время под *художнической фантазией*? Рецензия Кудрявцева на *ЛП* появилась в 12-м номере *ОЗ*. В предыдущем, 11-м номере была напечатана восторженная рецензия Белинского на только что вышедший сборник «Стихотворения М. Лермонтова». В ней критик разделил «собственно стихотворцев-поэтов» и «прозаиков-поэтов». «Н. Н.» в его представлении был начинающим и не очень еще умелым «прозаиком-поэтом» (об этом он прямо пишет в начале своей рецензии на «Мечты и звуки») — «много обещающий» «г. Ф.» принадлежал, несомненно, к числу «стихотворцев-поэтов», которых, по определению, «микроскопически мало» (Т. 4. С. 371—372). Состав первого сборника Фета ярко демонстрирует личность автора: невооруженным глазом видно, что перед нами *первый* сборник поэта, лишь недавно занявшегося стихотворством. Если некрасовские «Мечты и звуки» могли быть восприняты как просто «посредственный» сборник эпигонского толка, который мог быть сочинен стихотворцем любого, в принципе, возраста — то *ЛП* уже по характеру своему оказывался «начальным» уроком того поэта, который «много обещает».

Л. М. Лотман, автор единственной специальной статьи о *ЛП*, отметила, что при всей подражательности «в первом сборнике дают себя знать приметы нового, присущего Фету, поэтического стиля. Фет подражает порой известному в то время ультраромантическому поэту Бенедиктову, но стиль этих подражаний как бы прокорректирован вкусом молодого поэта, избегающего чрезмерной экспрессии и вульгарности. Неприятие «надутости», которая принималась вульгарными романтиками за высокий поэтический строй чувства, стремление к наблюдению, опора на собственное, реально пережитое чувство сближали Фета этой поры с молодыми писателями 40-х годов, искавшими новых средств изображения современного человека и окружающего его мира» (*Лотман Л. М.* А. А. Фет. Становление таланта. «Лирический Пантеон» // Література. Літературознавство. Життя. Сб. статей к 75-летию М. В. Теплинского. Ивано-Франковск, 1999. С. 118).

Понятие «пантеон» в заглавии сборника мотивировано еще и особенным тяготением Фета к антологическим мотивам. Стихотворение, открывавшее раздел «Антологические стихотворения» во всех последующих сборниках Фета — «Греция» — впервые появилось как раз в *ЛП*. В нем, между прочим, содержалось яркое сожаление об утрате «мира богов» языческой Греции — того «мира», которого так не хватает современной культуре. В этом смысле *ЛП*, в котором эти «боги» как будто бы «воскресали» из забвения, мог восприниматься и как своеобразный культурологический акт. Этим «актом» Фет, кажется, дорожил: не случайно из четырех стихотворений первого сборника, включенных им в *Сб1850*, три — «антологические». На протяжении всей жизни поэт будет обращаться к наследию античности. (См.: *Успенская А. В.* Антологическая поэзия А. А. Фета. СПб., 1997). Фетовские переводы из Горация, Гете, Шиллера и Ламартина даже в иронической рецензии Барона Брамбеуса были отмечены вполне сочувственно, как выполненные «довольно гладко и

хорошо». Заметим при этом, что сам Фет позднее, когда пробовал заниматься литературой «для денег», рассматривал именно деятельность переводчика как профессиональную.

Словом, этот, первый сборник стихов, «разочаровавший» автора разве что в финансовом отношении, оказался для Фета весьма знаменателен, ибо, в сущности, предварил всю его дальнейшую поэтическую эволюцию. Увеличилась творческая производительность поэта; значительно снизилось количество разрабатываемых им «случайных» жанров; возникли мотивы для дополнительной демонстрации «лирической дерзости» — того, в чем Фет оказался в первом своем сборнике особенно успешен. После выхода *ЛП* Фет, наконец, получил доступ в литературные журналы, где печатался уже с полным именем. А самое главное — этим сборником поэт сумел обозначить собственную творческую позицию певца «красоты». В кругу друзей-поэтов, где он оказался, был выделен его истинный поэтический талант. Позднее Фет вспоминал, что Ап. Григорьев, прочитавший его первые стихи, поначалу испытал чувство зависти («Я не поэт, о, Боже мой!» — восклицал он»), но потом стал его ревностным поклонником (*РГ*. С. 152). Как позднее свидетельствовал Фет (в предисловии к *ВО 3*), все стихотворения, вошедшие в *ЛП*, «собраны и сгруппированы рукою Аполлона Григорьева, которому принадлежат и самые заглавия отделов». Деление *ЛП* на «отделы» еще не представляет особенной изощренности составителя (как, позднее, *Сб1850*): вся книга разделена на три части: «Баллады», «Лирические стихотворения» и «Переводы»; последние 11 стихотворений из раздела «Лирические стихотворения», не имеющие заглавия, объединены в своеобразный цикл: обозначены порядковыми номерами с I до XI. Но особого заглавия этому циклу Ап. Григорьев предпочел не давать.

«Пуская в свет мои мечты...» (С. 9). «Вводное» стихотворение к своему первому сборнику Фет явно ориентирует на вступление к первой книге Пушкина «Руслан и Людмила» (Для вас, души моей царицы, / Красавицы, для вас одних...»). При этом «улыбка *красоты*» (а не «красавицы») воспринимается поэтом как символ свободного творчества, не ограниченного никакими пределами и диктуемого только внутренним ощущением прекрасного.

БАЛЛАДЫ

Похищение из гарема. («Кто в ночи при луне открывает окно?..») (С. 10). Баллада, по строфике, размеру и типу повествования, ориентирована на тип баллад В. А. Жуковского («Лесной царь», «Перчатка» и т. д.). В ней очевидны отголоски модных романтических произведений: оперы В.-А. Моцарта «Похищение из сераля» (1782), поэмы Дж.-Г. Байрона «Гяур» (1813) и т. п. По наблюдению А. Е. Тархова, за сюжетом баллады встает история Шарлотты Фёт, матери поэта (*Соч*. Т. 1. С. 14).

Удавленник («Ужин сняли. Слава Богу...») (С. 13). Фет внешне разрабатывает мотивы баллад А. С. Пушкина («Утопленник», «Похоронная песнь Иакинфа Магдановича» и др.), но за балладным сюжетом проглядывают реальные эпизоды детских впечатлений: рассказы дворовых о снятом с петли соседе П. И. Борисове (*РГ*. С. 53—55), впечатления от юношеских приездов в Новоселки и т. п.

Безумная («Ах! не плачь и не тужи...») (С. 14). Строфика стихотворения — вариация строфы баллады Жуковского «Светлана» (1812); по содержанию же стихотворение варьирует тематику и образность его же баллады «Людмила» (1808).

Две розы («Вчера златокудрявый...») (С. 15). Упоминаемые в стихотворении две девы восходят к разным литературным и бытовым традициям: *Зинаида* (из греч. «потомок Зевса») усвоена и русской православной традицией (имя занесено в святцы); *Наина* — сугубо литературное имя, отсутствующее в святцах и восходящее, вероятно, к поэме Пушкина «Руслан и Людмила».

Серенада («Плывет луна по высоте...») (С. 17). Стихотворение ориентировано на пушкинское стихотворение «Ночной зефир...», откуда заимствованы, в частности, рифмы двух последних строф: «звон — балкон» и «милой — перилы».

Признание («Простите мне невольное признанье!..») (С. 18). Подражание одноименной элегии Е. А. Баратынского.

Застольная песня («Фиял кипит янтарной Иппокреной...») (С. 19). Вошло в *Сб1850*. Иппокрена — в греческой мифологии источник на горе Геликон, где обитали музы.

Странность («В мире, где радостей нет, Эпикур говорит: наслаждайся!..») (С. 20). Эпикур (341—270 до н. э.), греческий философ, основатель знаменитой афинской школы («Сад Эпикура»), утверждавший в качестве цели и смысла жизни наслаждение.

Одалиска («Вот груди — жаркий пух, вот взоры — звезды ночи...») (С. 22). *Одалиска* — обитательница гарема, наложница. *Алла* — Аллах, высшее божество у мусульман.

Вакханка («Зачем, как газель...») (С. 26). Подражание одноименному стихотворению К. Н. Батюшкова. Вакханка — спутница бога виноделия Диониса (Вакха), участница вакханалий, мистериально-оргиастических празднеств в честь Вакха.

Тоска по невозвратном («Опять в душе минувшая тревога...») (С. 27). *Грешник-праотец* — Адам.

Греция («Там, под оливами, близ шумного каскада...») (С. 27). Стихотворение вошло в *Сб1850, Сб1856, Сб1863*; Фет традиционно открывал им раздел антологических стихотворений.

К лешему («На мшистом старом пне, скрестив кривые ноги...») (С. 28). Стихотворение вызвало насмешку Барона Брамбеуса: «Странной услуги требует господин А. Ф. от Лешего! Если Леший обдумает хорошенько, какое ремесло предлагают ему исправлять за честь иметь свой жертвенник в лирическом пантеоне, то он едва ли примет это ex voto».

Хандра («Когда на серый, мутный небосклон...») (С. 29). «*Смесь одежд и лиц*» — цитата из «Братьев разбойников» Пушкина. Это стихотворение — первое использование Фетом октавы, которая впоследствии станет любимой строфой в его поэмах. Фет сознательно ориентируется на пушкинскую октаву, представленную в поэме «Домик в Коломне» (1830): знакомство с нею доказывается тем, что к стихотворению «Сними свою одежду дорогую...» приведен (явно по памяти, с неточностями) эпиграф из «Домика в Коломне».

Арабеск («Черную урну с прахом поэта...») (С. 31). Барон Брамбеус увидел в этом названии напоминание об обруганной им в свое время книге Н. В. Гоголя «Арабески» и заметил: «Арабеском в лирической мифологии, кажется, называется такой бог, который говорит всё без смыслу, но всегда к рифме». Но по существу в стихотворении описывается не «арабеск» (причудливое украшение из узоров, цветов, листьев и т. д.), а «политипаж» (аллегорическая картинка в книжной графике, наполненная устойчивыми символами). *Папир* — бумага, папирус. *Гарпия* — крылатое чудовище в греческой мифологии. *Коцит* — одна из рек в царстве мертвых (греч. миф.)

Вечерний звон («Мечтанье было то иль сон?..») (С. 31). Перепев одноименного стихотворения И. И. Козлова, ставшего известным романсом (на музыку А. Н. Алябьева). Всё стихотворение последовательно «инструментовано» под Козлова: строфика, число строф, местоположение основных рифм и даже их совпадение. Последовательность поэтических тем тоже повторяет источник: «вечерний звон» — «пустынный дом» (у Козлова: «отчий дом») — «глубокий сон» («могильный сон») — «грусти полный стон» («напев унылый») — «я» («другой певец»). Фет несколько наивно ставит самого себя на место «другого певца».

Водопад («Там, как сраженный...») (С. 32). Вошло в *Сб1850*. Стихотворение ориентировано на известные «образцы»: оду Г. Р. Державина «Водопад», стихотворение Д. В. Веневитинова «Веточка» (1823) и т. п.

I. «Солнце потухло, плавает запах...» (С. 33). Эпиграф — из «Евгения Онегина» Пушкина (7, II, 2).

II. «Когда петух...» (С. 33). Вошло в *Сб1850*. В отклике на этот сборник Ап. Григорьев отметил «весьма важный и ощутительный недостаток»: «рабскую копировку приемов Гете» (*ОЗ*, 1850, № 2. С. 57). Сатурн в рим. миф. — отец Юпитера и других богов; чада Сатурна — боги.

III. «Ты мне простишь, мой друг, что каждый раз...» (С. 35). Перевод эпиграфа: «Ссоры любовников — обновление любви». Указание на принадлежность этого афоризма Горацию неверно: это крылатое латинское изречение (аналогичное русской пословице «Милые бранятся — только тешатся»), приведенное не вполне точно, взято из комедии Теренция «Девушка с Андроса» (в подлиннике: «Amantium irae amoris integratio est»). Алеко, Мортимер, Отелло... — персонажи поэмы Пушкина «Цыганы», трагедии Шиллера «Мария Стюарт», трагедии Шекспира «Отелло».

IV. «Сними свою одежду дорогую...» (С. 35). Эпиграф — неточная цитата из «Домика в Коломне» (октава XXV). У Пушкина: «И девушка *прельщать* умела их...» Вторая строфа напоминает образность IX строфы пушкинской поэмы: «Усядься, муза; ручки в рукава, / Под лавку ножки! Не вертись, резвушка!..»

VII. «Над морем спит косматый бор...» (С. 36). Эпиграф — неточная цитата из баллады Гете «Der Sdnger» («Певец»). В переводе: «Я пою, как поет птица, живущая в ветвях».

XI. «Уж серпы на плеча взложив, усталые жницы...» (С. 38). Эпиграф — Гораций, «Оды», II, 4, 1 (цитирован неточно). В позднейшем переводе Фета: «Ты не стыдись, что увлекся рабою...»

ПЕРЕВОДЫ

I. Из Гёте. Ранние переводы из Гёте Фет позднее не включал в дальнейшие издания.

Майская песня («Всё нежит взоры...») (С. 39). Перевод стихотворения Гете «Mailied».

Ночные думы («Как вы жалки мне, бедняжки звезды...») (С. 40). Перевод стихотворения Гете «Nachtgedanken».

Первая потеря («Кто воротит мне дни блаженные...») (С. 40). Перевод стихотворения «Erster Verlust».

Певец («Я слышу песню у ворот...») (С. 41). Перевод стихотворения «Der Sdnger».

Прекрасная ночь («Оставляю домик милой...») (С. 42). Перевод стихотворения «Die schune Nacht». В 1878 г. Фет вновь перевел это же стихотворение: «Вот с избушкой я прощаюсь...»

Утренняя жалоба («О скажи мне, милая резвушка...») (С. 42). Перевод стихотворения «Morgenklagen».

II. Из Шиллера. Переводы из Шиллера, напечатанные в *ЛП*, вошли в *Сб1863*.

Вечер («Бог лучезарный, спустись, жаждут долины...») (С. 44). Перевод стихотворения «Der Abend».

Надежда («Надеются люди, мечтают свой век...») (С. 45). Перевод стихотворения «Hoffnung».

Дифирамб («Боги всегда к нам...») (С. 45). Перевод стихотворения «Dithyrambe».

III. Из Горация. Произведения Горация Фет переводил всю жизнь, увлекшись ими еще на втором курсе Московского университета. В предисловии к одиой из публикаций он вспоминал: «Увлеченный одами Горация в изящных изустных переводах покойного Дмитрия Львовича Крюкова на русский язык, я перевел две-три оды стихами и показал их моему профессору. Первою, я помню, была XIV первой книги — "К Республике". Благосклонный отзыв знатока обоих языков придал мне охоту и любовь к занятию, плодом которого был появившийся теперь перевод» (*ОЗ*. 1856. Т. 106. Отд. 2. С. 27—28). Названная ода в *ЛП* не вошла; вошли две другие, которые Фет без изменений вставлял в позднейшие издания своих переводов, включая *Сб1863* и издание 1883 г., за которое ему была присуждена Академией Наук полная пушкинская премия.

IV. Из Ламартина. Об отношении Фета к Ламартину и причинах появления этих переводов (не включавшихся позднее ни в какие переиздания) см. выше.

Озеро («Итак, всему конец! к таинственному брегу...») (С. 47). Перевод стихотворения «Le lac».

Призывание («О ты, которая мне в душу заглянула...») (С. 49). Перевод стихотворения «Invocation».

«Стократ блажен, когда я мог стяжать...» (С. 50). Эпиграф — первый стих стихотворения В. Гюго. В переводе: «Друзья, еще одно слово!» Оригинал стихотворения не установлен.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1850

Отд. изд.: М.: В типогр. Н. Степанова, 1850. 162, 4 с. Ценз. разр. — 14 декабря 1847 (цензор В. Н. Лешков).

Обстоятельства появления этого сборника в воспоминаниях Фета представлены довольно сбивчиво. Осенью 1847 г., после двух с половиной лет безотлучного пребывания в кавалерийском полку, стоявшем в Херсонской губернии, Фет получил (от своего командира К. Ф. Бюлера) краткосрочный отпуск с поручением «принять от поставщика черные кожи для крышек на потники». Подлинной причиной этой поездки было, как указывает мемуарист, «томившее меня желание издать накопившиеся в разных журналах мои стихотворения отдельным выпуском». Об этой поездке Фет вспоминает: «Пробыв проездом в Новоселках самое короткое время, я прямо проехал в Москву к Григорьевым, у которых поместился наверху на старом месте, как будто бы ничего со времени нашей последней встречи не случилось. <...> С обычной чуткостью и симпатией принялся Аполлон <Григорьев> за редакцию стихов моих» (*РГ*. С. 487—488). Далее сообщается, что переписчиком стихов для сборника выступил бывший гимназический учитель Григорьева П. П. Хилков, а цензором выступил В. Н. Лешков, профессор Московского университета, некогда учивший Фета и «давший слово по старому знакомству не задерживать меня». Тут же Фет вспоминает анекдотический эпизод, как цензор не хотел пропускать к печати «страшные стихи» «Ночь крещенская морозна...» (в воспоминаниях оно названо: «Гаданье на зеркало») по той причине, что «может быть тут скрывается что-либо непозволительное»; только то обстоятельство, что стихотворение было уже ранее напечатано в «Москвитянине», позволило цензору пропустить их в печать (*РГ*. С. 489).

Фет уволился в отпуск 27 сентября 1847 г.; прибыл в Москву из Орла 22 ноября, а вернулся из отпуска 27 января 1848 г. Основные дела по изданию сборника он проделал еще в декабре: «Устроившись насчет печати с типографией Степанова и упросив Аполлона продержать корректуру, я принял кожи и через Новоселки и Киев вернулся в полк» (*РГ*. С. 490). Дело с изданием сборника казалось совсем улаженным: 23 декабря 1847 «Московский городской листок» (в котором в то время сотрудничали Фет и Григорьев) сообщил читателям о скором выходе в свет этого сборника («замечательное явление в словесности»).

Однако в подготовке сборника произошли какие-то задержки, связанные, вероятно, с необязательностью А. А. Григорьева, а также с тем, что он растратил деньги на издание, оставленные Фетом. Сколько можно судить по переписке Фета, он из своей херсонской глуши постоянно умоляет московских друзей заняться делами по его «грешным стихотворениям». Так, 3 марта 1849 г. он замечал в письме к И. П. Борисову: «...если б я был там, то в одну неделю все было бы в исправности; и неужели никто не может посвятить на это несколько часов, чтобы меня выручить? К Григорьевым я писывал самые убедительные письма, но все напрасно» (*Соч*. Т. 2. С. 191). Вновь приехать в Москву Фет смог только в середине декабря 1849 — и в феврале *Сб1850* вышел в свет.

Сразу после выхода *Сб1850* появились хвалебные отзывы о нем в *ОЗ* (№ 2), автором которого был Ап. Григорьев, в *Москв.* (№ 2; автор рецензии —

Л. А. Мей) и в *Совр.* (№ 3). Правда, в следующем номере *Совр.* И. И. Панаев («Новый Поэт») напечатал о стихах Фета ироническую заметку, а в *БдЧ* (№ 4) появился отрицательный отзыв. Однако они не повлияли на восприятие *Сб1850* с читательском кругу: он расходился довольно успешно и был распродан в пятилетний срок.

В 1888 г. в предисловии к *ВО 3* Фет указал, что «все написанные стихотворения, вошедшие в "Лирический Пантеон" и в издание 1850 года, собраны и сгруппированы рукою Аполлона Григорьева, которому принадлежат и самые заглавия отделов» (*Соч.* Т. 2. С. 170). Определить степень участия А. А. Григорьева в составлении *Сб1850* достаточно сложно, но необходимо констатировать, что структурирован этот сборник весьма изысканно. Он разделен на 15 разделов, причем Григорьев отделяет стихотворный цикл (таковыми в сборнике являются «Снега», «Гадания», «Вечера и ночи» и «К Офелии»), поэму или приближенное к поэме самостоятельное большое стихотворение («Талисман», «Соловей и роза» и «Саконтала») и собственно тематическое объединение разнородных стихотворений («Мелодии», «Баллады», «Сонеты», «Элегии», «Подражание восточному», «Антологические стихотворения», «Разные стихотворения» и «Из Гейне»). Для первых двух типов объединений стихов в *Сб1850* принята нумерация отдельных текстов (или частей единого текста) римскими цифрами; причем, отдельные тексты, входящие в стихотворные циклы, в содержании не расшифровываются: составитель предлагает воспринимать их как единый текст. То есть формально лирический цикл и собственно поэма в *Сб1850* не разделяются. Для собственно тематических разделов при этом принята арабская нумерация стихов внутри разделов; кроме того, каждый из текстов представлен в содержании отдельно: читательское восприятие прямо нацелено на индивидуальное прочтение его как не связанной с близстоящими миниатюры.

Такого типа расположение, сколько можно судить, было близко самому Фету и повторено им и в *Сб1856*, *Сб1863* и в *ВО 1*.

СНЕГА

Первый цикл Фета был, в сущности, первой журнальной публикацией его оригинальных стихотворений: под этим заглавием появилась первая подборка его стихов в *Москв.* 1842. № 1. С. 19—22 (в составе шести стихотворений, четвертое их них — «Щечки рдеют алым жаром...» (с. 323) — было в *Сб1850* заменено стихотворением «Ветер злой, ветр крутой...»). В этом же сборнике Фет намекнул на эту публикацию в поэме «Талисман» (октава II): «Сугробами деревню завалю, / Как некогда январский «Москвитянин»...»

I. «Я русский, я люблю молчанье дали мразной...» (С. 53). Впервые: *Москв.* 1842. № 1. С. 19. В поздней редакции — *Сб1856*. Истоки неожиданного «погребального» мотива ранней редакции, сочетающегося с «торжественностью» момента, находятся, вероятно в детских впечатлениях Фета: в *РГ* он описал, среди «первых проблесков» детских впечатлений, запомнившуюся мальчику «процессию с телом государя Александра I», которую он наблюдал во Мценске зимой 1825—1826 гг.: «Помню, что около меня часто повторялись слова "царские похороны" <...> Оставшись одни и увидав вокруг собора у ярких костров греющихся на морозе солдатиков, причем составленные в козлы ру-

жья красиво сверкали <...> отец шел в своем мундире, при сабле и с красной уланской шапкой на голове. Затем последовали сани с устроенным на них катафалком под балдахином. Катафалк везли веревками многочисленные мценские обыватели; провели и траурного коня» (*РГ*. С. 7—8).

II. «Знаю я, что ты, малютка...» (С. 53). Впервые: *Москв.* 1842. № 1. С. 20.

III. «Вот утро севера — сонливое, скупое...» (С. 54). Впервые: *Москв.* 1842. №1. С. 20. *Окно волоковое* — отверстие для выхода дыма в курной избе.

IV. Ветер злой, ветр крутой в поле...» (С. 54). Впервые в *Сб1850*. (В цикле «Снега», напечатанном в *Москв.*, на четвертом месте стояло стихотворение «Щёчки рдеют алым жаром» (см. с. 323), из *Сб1850* выкинутое). В *Остр. экз.* стихотворение было зачеркнуто Тургеневым — и Фет на полях вписал своеобразный «дублет» — стихотворение «Заревая вьюга...» (см. с. 360).

V. «Печальная берёза...» (С. 55). Впервые: *Москв.* 1842. № 1. С. 21. Фет вспоминал, что стихотворение написано под впечатлением «плакучей березы, увешанной инеем», у дома Григорьевых на Малой Полянке в Москве (*МВ*. Ч. 1. С. 357)

VI. «Кот поёт, глаза прищуря...» (С. 55). Впервые: *Москв.* 1842. № 1. С. 22. Ср. указание Фета: «Помню я, в какое восхищение приводило его (А. А. Григорьева — *ред.*) маленькое стихотворение «Кот поёт, глаза прищуря", над которым он только восклицал: "Боже мой, какой счастливец этот кот и какой несчастный мальчик!"» (*РГ*. С. 152—153).

VII. «Чудная картина...» (С. 55). Впервые: *Москв.* 1842. № 1. С. 22.

VIII. «Ночь светла, мороз сияет...» (С. 56). Впервые в *Сб1850*. Поздняя редакция (без третьей строфы) — в *Сб1856*. В *Остр. экз.* Фет дал два новых варианта, долженствовавших заменить отвергнутую Тургеневым строфу:

(*1-й вариант*) Без мечтаний, без печали
Будем по полю скакать,
Чтобы мысль твоя вуали
Не успела обогнать.

(*2-й вариант*) В вихорь пыли своевольно
Злая пара (тройка) унесет
И рука твоя невольно
Крепче руку мне сожмет.

Оба предложенных Фетом варианта были Тургеневым отвергнуты.

IX. «На двойном стекле узоры...» (С. 56). Впервые в *Сб1850*. Поздняя редакция — в *Сб1856*. В *Остр. экз.* автор дал два новых варианта последней строфы:

(*1-й вариант*) Этот мир души прекрасной
На твоем челе,
Как дыханье ночи ясной
На двойном стекле.

(*2-й вариант*) Пусть засветит мир прекрасный
На твоем челе,
Как дыханье ночи ясной
На двойном стекле.

Оба варианта были Тургеневым отвергнуты: он предпочел свое окончание.

ГАДАНИЯ

Цикл Фета впервые появился в *Москв.* 1842. № 3 С. 18—20. В неизменном составе (5 текстов) вошел в *Сб1850.*

I. «Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом...» (С. 58). Обряд «гадания на зеркало», описанный в стихотворении, передается в книге И. М. Снегирева «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (Вып. 2. М., 1838. С. 150): «В темном покое ставят на стол зеркало, а пред зеркалом зажженная свеча. Девица одна-одинехонька входит в покой, смотрит через свечу в зеркало и видит своего суженого. Когда она скажет: *чур меня*, явление исчезает. В Сибири ставят два зеркала одно против другого: перед одним девица сама ставила на стол две свечи, а другое позади себя, очертив лучинкою, коею зажжен был огонь в сочельник, и глядела в зеркало пристально. Сначала будто зеркало подергивалось туманом, потом мало-помалу прояснялось, и суженый глядел через плечо девицы. Тогда надо было зачураться, а не оглядываться». Тургенев, включив стихотворение в *Сб1856*, обессмыслил это гадание, заменив ст. 14 на: «Дух захватило в груди» (было: «Что ж?.. обернись, погляди!..», указывавшее на запретительные особенности гадания).

II. «Слушай одна ты — нам не годится...» (С. 58). Поздняя редакция — в *Сб1856.* Сущность гадания описана И. П. Сахаровым в «Сказаниях русского народа» (Ч. 1. СПб., 1836. С. 197): «Подходят к анбарам: если услышат пересыпку хлеба, то уверяют себя, что их замужняя жизнь будет достаточная. Слушают под церковным замком: если подслушают пение «со святыми упокой», то это предвещает смерть; если услышат что-нибудь свадебное, то означает, что в том же году выйдут замуж». *Сыплет орехи, деньги считает...* — орехи в народных поверьях были символом достатка.

III. «Ночь крещенская морозна...» (С. 59). В книге И. П. Сахарова «Сказания русского народа» описан способ этого «гадания на зеркало» (Ч. 1. СПб., 1836. С. 187—188): «Самое действительное гадание в зеркале совершается на дворе при лунном сиянии, во время святочных вечеров. <...> Лучшим временем для этого гадания признается полночь, при тусклом комнатном свете, при всеобщем молчанье... Наши ворожеи, сбираясь гадать в зеркале, избирают уединенную комнату, берут два зеркала, одно большое, другое поменьше. Ровно в 12 часов ночи начинается гадание. Большое зеркало ставят на столе, против него маленькое; гадающая садится пред зеркалом, обставленным свечами. Все окружающие наблюдают глубокое молчание, сидя в стороне; одна только гадающая смотрит в зеркало. В это время в большом зеркале начинают показываться одно за другим 12 зеркал. Как скоро будут *наведены зеркала*, то в последнем из них отражается загадочный предмет. Но как явление не всегда показывается, то начинают другие наводить. Верный признак наведения есть тусклость зеркала, которое протирают полотенцем. Наши ворожеи думают, что суженый, вызванный поневоле этим гаданием, приходит в гадательную комнату и смотрит в зеркало через плечо своей суженой. Суженая бодрая и смелая всегда рассматривает все черты лица, платье и другие его приметы. Когда она кончит свой обзор, тогда крикнет: "Чур сего места!" При этом чурании привидение вдруг исчезает».

V. «Перекресток, где ракитка...» (С. 61). Поздняя редакция — в *Сб1856.* В *Остр. экз.* Фет дал вариант не удовлетворившей Тургенева последней строфы:

Что-то снится, что сдается
Деве молодой?
Кто — и как-то отзовется
Он в тиши ночной?

Этот вариант редактором был отвергнут — и стихотворение появилось с «обрезанным» окончанием. Вероятно, в этом решении сказалось желание Тургенева «приблизить» Фета-лирика к пушкинской традиции. Дело в том, что в стихотворении описано распространенное «гадание на имя»: «Девушки также выходят ночью на улицу спрашивать первого встрешнего об имени, веря, что этим именем будет называться их суженый» (*Снегирев И. М.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 2. М., 1838. С 42). Этот же обряд гадания описан Пушкиным в «Евгении Онегине» (гл. 5, строфа IX); Татьяна спрашивает у «прохожего»: «Как ваше имя?». Этим же вопросом и этой недоговоренностью Тургенев предпочел завершить лирическое наблюдение Фета в данном случае.

МЕЛОДИИ

Этот раздел сборника родился из цикла напечатанного в *Москв.* 1842. № 8. С. 233—238 (первые 15 текстов). Но в том же году этот цикл «оброс» большим количеством стихотворений (печатавшихся в *ОЗ*) и, в сущности, перестал быть циклом — в *Сб1850* он превратился уже в обширный раздел разнородных текстов, объединенных только установкой на «мелодичность».

1. «Перлы восточные — зубы у ней...» (С. 62). Впервые: *Москв.* 1842. № 8. С. 233. Фет строит сравнения в описании любимой, опираясь на библейскую традицию («Песнь песней»), хотя материалом самих сравнений служат образы других культур: восточной («шелк шемаханский») и античной («Эрот»).

2. «Как ум к ней идет, как к ней чувство идет...» (С. 62). Впервые: *Москв.* 1842. № 8. С. 234.

3. «Не отходи от меня...» (С. 62). Впервые: *Москв.* 1842. № 8. С. 234. Большой популярностью пользовался романс А. Е. Варламова, написанный на слова этого стихотворения.

4. «Утром курится поляна...» (С. 63). Впервые: *Москв.* 1842. № 8. С. 234. В *Остр. экз.* Тургенев зачеркнул все стихи, кроме 9 и 10 («Утро как сон новобрачной / Полно стыда и огня»), на полях рядом с которыми написал: «Сохранить эти прекрасные два стиха для будущего стихотворения».

5. «Тихая звездиая ночь...» (С. 63). Впервые: *Москв.* 1842. № 8. С. 235. Поздняя редакция — в *Сб1856.*

6. «Я полон дум, когда закрывши вежды...» (С. 64). Впервые: *Москв.* 1842. № 8. С. 235. Поздняя редакция — в *ВО 3.* Источником этого стихотворения стало известное стихотворение Гете «Ndhe des Geliebten», в котором также наблюдается параллелизм начальных и конечных фраз каждой строфы.

7. «Буря на нéбе вечернем...» (С. 65). Впервые: *Москв.* 1842. № 8. С. 235. Ср. позднейший отзыв Н. А. Добролюбова: «Само по себе это стихотворение — пародия; его иначе никто и не примет, как за написанное на смех (если не предупредить, разумеется, что тут бездна поэтических красот)» (Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1935. С. 597). Ср. в отзыве В. Зайцева на *Сб1863*: «Видите, как

хитро: всё буря, море да думы, больше и нет ничего. Конечно, такое занятие, как выдумывать такие стихи, ничем не отличается от перебирания пальцами, которому с наслаждением отдаются многие купчихи, однако пойди, напиши такую штуку. Не написать вовек. Потому что при этом первое правило: покуда пишешь, решительно ни о чем не думать. Ну, а легко ли это?» (Избр. соч. Т. 1. М., 1934. С. 108).

8. «Давно ль под волшебные звуки...» (С. 65). Впервые: *Москв.* 1842. № 8. С. 236. В стихотворении использована мифологическая образность двойного сна. См.: *Строганов М. В.* Из комментария к стихотворению Фета «Давно ль под волшебные звуки...» // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 96—103.

9. Nocturno («Ты спишь один, забыт на месте диком...») (С. 66). Впервые: *Москв.* 1842. № 8. С. 236, под правильным заглавием: «Notturno». При последующих публикациях стихотворения итальянское заглавие печаталось с ошибкой. Стихотворение получило самую высокую оценку в рецензии А. В. Дружинина на *Сб1856.* (*БдЧ.* 1856. № 5. Отд. 5. С. 54).

10. «Когда я блестящий твой локон целую...» (С. 66). Впервые: *Москв.* 1842. № 8. С. 237.

11. «В руке с тамбурином, в глазах с упоеньем...» (С. 67). Впервые: *Москв.* 1842. № 8. С. 237.

12. «Я узна́ю тебя и твой белый вуаль...» (С. 67). Впервые: *Москв.* 1842. № 8. С. 237.

13. «Мы ехали двое... Под нею...» (С. 67). Впервые: *Москв.* 1842. № 8. С. 237.

14. «За красавицу-соседку...» (С. 68). Впервые: *Москв.* 1842. № 8. С. 238.

15. «Теплым ветром потянуло...» (С. 68). Впервые: *Москв.* 1842. № 8. С. 238. Поздняя редакция — в *Сб1856.* В *Остр. экз.* сохранился вариант ст. 13—16, не принятый Тургеневым:

Да и тот задремлет чутко
В темном шалаше,
Кто-то крикнул. Верно, утка
В сонном камыше.

16. «Между счастием вечным твоим и моим...» (С. 69). Впервые в *Сб1850.*

17. «Если зимнее небо звездами горит...» (С. 69). Впервые: *ОЗ.* 1843. № 9. С. 89, под загл. «Две мелодии» (вместе со следующим стихотворением). В *Сб1856* Тургенев сделал стилистическое изменение, заменив 4-й стих: «Словно ты из лучей создана».

18. «Полуночные образы реют...» (С. 70). Впервые: *ОЗ.* 1843. № 9. С. 89, под загл. «Две мелодии» (вместе с предыдущим стихотворением). Стихотворение получило очень высокую оценку в рецензии А. В. Дружинина на *Сб1856.*

19. «Я долго стоял неподвижно...» (С. 71). Впервые: *ОЗ.* 1843. № 6. С. 312. Ср. шутливую пародию на это стихотворение И. С. Тургенева:

Я долго стоял неподвижно
И странные строки читал,
И очень мне дики казались
Те строки, что Фет написал.

Читал... что читал я, не помню.
Какой-то таинственный вздор;
Из рук моих выпала книга,
Не трогал ее я с тех пор.

20. «Шумела полночная вьюга...» (С. 71). Впервые: *ОЗ.* 1842. № 9. С. 44.

21. «Улыбка томительной скуки...» (С. 71). Впервые: *ОЗ.* 1844. № 4. С. 360, под загл. «Мелодия». Поздняя редакция — в *Сб1856.* В *Остр. экз.* Фет представил два варианта изменения не удовлетворившего Тургенева 16-го стиха («И молит у сердца безумья»): «И в вихрь завивает безумья», «И вихрем хватает безумья».

22. Серенада («Тихо вечер погарает...») (С. 72). Впервые в *Сб1850.* Поздняя редакция — в *Сб1856.* В *Остр. экз.* Фет привел вариант замены не удовлетворившей Тургенева последней строфы:

Как струна, ручей трепещет,
Зыбь во мглу катя;
Полный месяц в окна блещет —
Спи, мое дитя!

Стихотворение является перепевом основных мотивов стихотворения немецкого поэта Л. Рельштаба «Stdndchen» («Серенада», «Leise flehen meine Lieder»), широко популярного в России как романс с музыкой Ф. Шуберта в переводе Н. П. Огарева («Песнь моя летит с мольбою...») под заглавием «Serenade» (1842). В 1850—1860-е гг. был популярен романс П. П. Булахова на «Серенаду» Фета.

23. «Тихо иочью на степи...» (С. 73). Впервые в *Сб1850.*

24. «За кормою струйки вьются...» (С. 74). Впервые: *Москв.* 1844. № 7. С. 3, под загл. «Норма» и с другими начальными стихами:

Поневоле песни льются:
Ты с гитарою в руке —

«Норма» (1831) — популярная опера В. Беллини.

25. Из Байрона. («О солнце глаз бессонных — звездный луч...»). (С. 74). Впервые: *РиП.* 1844. № 8. С. 367, под загл. «Еврейская мелодия (Из Байрона)». Перевод стихотворения «Sun of the sleepless! melancholy star!» (из цикла «Еврейские мелодии»).

26. Из Мура. («Прощай, Тереза! Печальные тучи...»). (С. 74). Впервые в *Сб1850.* Перевод стихотворения «Farewell, Theresa. (Venetian Air)».

27. «Мы одни; из сада в стёкла окон...» (С. 75). Впервые в *Сб1850;* поздняя редакция — в *Сб1856* (под загл. «Фантазия»). Рассказывая о подготовке *Сб1856,* Фет вспоминал: «Досаднее и смешнее всего была долгая переписка по поводу отмены стиха:

На суку извилистом и чудном.

Очень понятно, что высланные мною, скрепя сердце, три четыре варианта оказались непригодны и, наконец, Тургенев писал: "Не мучьтесь более над стихом «На суку извилистом и чудиом»: Дружинин растолковал нам, что фанта-стическая жар-птица и на плафоне, и в стихах может сидеть только на извилистом и чудном суку рококо. И мы согласились, что этого стиха трогать

не надо"» (*МВ.* Ч. 1. С. 105). В *Остр. экз.* сохранилась часть сочиненных Фетом вариантов; для указанного выше стиха: «На суку, ни с чем не сообразном»; для рифмующегося с ним: «Вся в огне, в сиянии алмазном». В статье о *Сб1856* А. В. Дружинин очень высоко оценил это стихотворение: «Подобной высокой, безграничной, волшебной, изумительной поэзии надо поискать и поискать во всех европейских литературах» (Собр. соч. Т. 7. СПб., 1867. С. 128).

28. «Недвижимые очи, безумные очи...» (С. 77). Впервые: *ОЗ.* 1846. № 3. С. 46.

29. «Весениее небо глядится...» (С. 77). Впервые: *ОЗ.* 1845. № 1. С. 95, с пометой: «Франкфурт на Майне». Фет посетил Франкфурт-на-Майне в июле-августе 1844 г.

30. «Как мошки зарёю...» (С. 78). Впервые: *ОЗ.* 1844. № 11. С. 108, с пометой «Франкфурт на Майне. 11 августа 1844». Поздняя редакция — в *Сб1856.* «Выстрел вечерний» в ранней редакции — отклик на стихотворение М. Ю. Лермонтова «Ты помнишь ли, как мы с тобою...», являющееся вольным переводом стихотворения Т. Мура «The evening gun». Основная смысловая константа стихотворения Т. Мура — «вечерний выстрел» (выстрел из пушки в Лондонском порту, которым оповещается об окончании дневной работы) Лермонтовым (как и Фетом) была истолкована символически и приобрела дополнительную семантическую нагрузку «загадочности».

31. «Спи — ещё зарёю...» (С. 78). Впервые в *Сб1850.* В *Сб1856* — без последней строфы, откинутой Тургеневым. В *Остр. экз.* Фет предложил вариант финала:

Ласточка лепечет,
День придет — не спросит,
И войдет без спросу
И твою разбросит
Золотую косу

32. Veille sur ce que j'aime. (С.79). Впервые в *Сб1850.* Перевод заглавия: «Бодрствуй над тем, что я люблю».

33. «Как отрок зарёю...» (С. 80). Впервые в *Сб1850.*

34. «Свеж и душист твой роскошный венок...» (С. 80). Впервые: *РиП.* 1847. № 3. С. 133. В *Сб1856* Тургенев исправил 6 стих: «Ясного взора губительна сила».

35. «Младенческой ласки доступен мне лепет...» (С. 80). Впервые в *Сб1850.*

ВЕЧЕРА И НОЧИ

Цикл оформился еще в самый начальный период творчества Фета и впервые был напечатан под этим заглавием в: *ОЗ.* 1842. № 5. С. 183—186 — с общим эпиграфом к циклу из стихотворения Гете «На озере»:

Und frische Nahrung, neues Blut
Saug'ich aus freier Welt;
Wie ist Natur so hold und gut,
Die mich am Busen hdlt.

Goethe

Позднее эти строки Фет перевел следующим образом:

И силу в грудь, и свежесть в кровь
Дыханьем вольным лью.
Как сладко, мать-природа, вновь
Упасть на грудь твою!

В первой публикации цикл включал в себя 11 текстов, которые под номерами с I по XI были включены в этот же цикл в *Сб1850*. Стихотворение XII («Каждое чувство бывает понятней мне ночью, и каждый...») впервые появилось: *Москв.* 1843 № 2. С. 359 (под заглавием «Ночь»). Последние три текста (XIII — XV) впервые были опубликованы в *Сб1850*. В дальнейшем этот цикл продолжал пополняться новыми текстами.

I. «Право, от полной души я благодарен соседу...» (С. 82). Поздняя редакция — в *Сб1856*.

V. «Долго еще прогорит Веспера скромная лампа...» (С. 84). *Веспер* — планета Венера, вечерняя звезда. *...дева, ...богиня* — Диана, которая в римской мифологии и в европейской поэтической традиции отождествлялась с луной.

IX. «Ночью как-то вольнее дышать мне...» (С. 85). Поздняя редакция — в *Сб1856*. *Вестник утра* — петух.

X. «Рад я дождю... От него тучнеет мягкое поле...» (С. 87). *Плювий* — в римской мифологии эпитет Юпитера, ниспосылающего дождь.

XI. «Слышишь ли ты, как шумит крылами угольное стадо?..» (С. 87). Поздняя ред. — в *Сб1856*. 5-й стих в *Сб 1850* был выпущен; восстановлен по *Сб 1863*. *Угольное стадо* — стая гусей, летящая «углом».

XII. «Каждое чувство бывает понятней мне ночью, и каждый...» (С. 88). Поздняя ред. — в *Сб1856*. В *Остр. экз.* Тургенев подчеркнул два последних стиха и на полях написал: «*перем<енить>*. К чорту филозофию!» Тут же Фет дал иной вариант последних двух стихов, который не был принят Тургеневым:

Если дано человеку увидеть Психею нагую,
Верю — доступней всего дева в подобную ночь.

Думы — волна за волной. — Ср. стихотворение Ф. И. Тютчева «Волна и дума», опубликованное в 1852 г. (сб. «Раут») с датой: 14 июля 1851. Сходство обоих текстов настолько близко, что трудно предположить здесь просто случайное совпадение. Вот текст Тютчева:

Дума за думой, волна за волной —
Два проявленья стихии одной:
В сердце ли тесном, в безбрежном ли море,
Здесь — в заключении, там — на просторе, —
Тот же всё вечный прибой и отбой,
Тот же всё призрак тревожно пустой.

(*Тютчев Ф. И.* Полн. собр. стихотворений.
Л., 1987. С. 179)

Возможно, что фетовский образ повлиял на позднейшее стихотворение Тютчева. *Снотворного маку* — в греческой мифологии бог сна Морфей изображался с цветами мака, приносящими сон.

XIII. «Любо мне в комнате ночью стоять у окошка в потёмках...» (С. 89). В *Сб1856* Тургенев изменил стихи 6—7, убрав «все промежутки»:

Черные группы деля, зыбким проходит лучом
Между ветвями — и вниз ее золоченые стрелы...

Луна... проникая стекло, нарисует квадраты лучами по полу — Ср. в стихотворении Г. Р. Державина «Видение мурзы» (1783—1784?):

На тёмно-голубом эфире
Златая плавала луна;
В серебряной своей порфире
Блистаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала
И палевым своим лучом
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моём.

(*Державин Г. Р.* Стихотворения. Л., 1957. С. 109).

XIV. «Летний вечер тих и ясен...» (С. 89). Поздняя ред. (без последней строфы) — в *Сб1856*.

ТАЛИСМАН

Талисман. Поэма. (С. 91). Впервые: *Москв.* 1842. № 6. С. 222—228, с подзаголов. (Отрывок в октавах), за подписью «А. Ф.». Первоначально в *октаве IX* стих 4: *«Домой приедем хоть и попозднее»*. В угловых скобках восстановлены (по журнальной публикации) заключительные строки поэмы, «выброшенные» цензурой при публикации «Талисмана» в составе *Сб1850*. Заглавие и сюжет поэмы явно ориентирует на стих. А. С. Пушкина «Талисман» и роман в стихах «Евгений Онегин». Уже первые рецензенты *Сб1850* отметили эту зависимость поэмы от предшествующих литературных образцов. Ср. в отзыве Л. А. Мея: «Талисман» — что-то вроде отрывка из повести, написанного прекрасными октавами, но жаль, что каждая из них слишком живо напоминает две вещи, и без того не забытые: «Четырехстопный ямб мне надоел...» («Домик в Коломне» А. С. Пушкина. — *Г. П.*) и местами «Сказку для детей» (М. Ю. Лермонтова. — *Г. П.)* — от чего, разумеется, произведение г. Фета много теряет» (*Москв.* 1850. № 6. С. 42). А. Григорьев в своем отзыве указал, что «поэма весьма удобно могла не войти в собрание»: «К чему давать обещания и не исполнять их? Вы ждете картины деревенской жизни, ждете образа Тани, а встречаете двух барышень, из которых одна до невероятности сентиментальна, и юношу-романтика, который еще приторнее. Барышня говорит с ним о Шиллере и Гете, вероятно, по слуху, в особенности о последнем, и в заключение спектакля дает ему какой-то чудный талисман. Хороши здесь только опять-таки строки о ночи и лунном свете» (*ОЗ.* 1850. № 1. С. 64).

Октава II. Вы знаете, деревню я люблю / И зимний быт... — восходит к строфе LV гл. 1 «Евгения Онегина». *И повестью напомню образ Танин* — имеется в виду героиня «Евгения Онегина» Татьяна Ларина. *Сугробами деревню завалю, / Как некогда январский «Москвитянин»* — в №1 за январь 1842 в *Москв.* был напечатан цикл стихотворений Фета «Снега». *Тверской бульвар* — любимое место гуляний москвичей.

Октавы III—IV. Частично восходят к строфам I, II гл. 2 «Евгения Онегина».

Октава VII. И все пройдет, — нельзя же век любить... — парафраз строк из ст-ния М. Ю. Лермонтова «И скучно, и грустно»: «А годы проходят — все лучшие годы! <...> А вечно любить невозможно».

Октава VIII. Вечерняя звезда — Венера (см. примечание к ст-нию «Долго еще прогорит Веспера скромная лампа...», с. 437). *...порский снег взвился* — резкий, хлесткий, секущий (от охотничьего термина *порскать* — резким криком или хлопаньем выгонять зверя в поле).

Октава X. Куртина — отдельная часть сада; клумба, засеянная цветами.

Октава XI. Образы героев восходят к гл. 2 «Евгения Онегина». *Бригадир* — в России военный чин между полковником и генералом, ликвидирован в 1799 г. Павлом I. *Кирасир* — военный, принадлежащий одному из четырех гвардейских полков. В России в XIX веке существовало четыре полка, в парадной форме которых сохранялись кирасы (латы): кавалергардский, конный и 2 кирасирских.

Октава XII—XIII. Описание сестер Варвары и Александры восходит к портретам сестер Лариных во 2 гл. «Евгения Онегина» (строфы XXIII — XXVIII)

Октава XV. Свора — здесь: пара борзых собак. *Борзые* — порода крупных охотничьих собак, употреблялась при охоте за быстрыми животными (зайцами, лисами).

Октава XVI—XVII. ...день святочный был то — один из дней от 7 января (Рождества Христова) до 19 января (Крещения). Здесь описан обряд «подблюдного» гадания. В книге «Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия» (М., 1880. Ч. I. С. 14) М. Забылин дает его описание: «Молодые люди обоего пола собираются на вечер, берут кольца, перстни, запонки, сережки и другие мелкие вещи и кладут их под блюдо вместе с кусочками хлеба, сверх всего накрывают чистым полотенцем, салфеткою, или ширинкою. После того, участвующие в гадании поют песню, посвященную хлебу и соли, и потом другие подблюдные песни. По окончании каждой, запустив руку и отворотясь от блюда, из-под закрытого блюда, вынимают какой-нибудь один предмет, попавший первым под руку. <...>. К этому применялось содержание песни, из которого выводится себе предвещание». Гадание в сопровождении подблюдных песен изображено также в балладе В. А. Жуковского «Светлана» и в 5 гл. «Евгения Онегина» Пушкина. *И за меня она дала кольцо.* Ср. в «Светлане» Жуковского:

Тускло светится луна
В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
Милая Светлана.
«Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко;
Слушай песни круговой;
Вынь себе колечко...

В «Евгении Онегине» (гл. 5, строфа VIII):

Татьяна любопытным взором
На воск потопленный глядит:

Он чудно-вылитым узором
Ей что-то чудное гласит;
Из блюда, полного водою,
Выходят кольца чередою;
И вынулось колечко ей
Под песенку старинных дней:
«Там мужички-то все богаты,
Гребут лопатой серебро;
Кому поем, тому добро
И слава!» Но сулит утраты
Сей песни жалостный напев;
Милей *кошурка* сердцу дев.

Но вот мое кольцо — я услыхал / В моем припеве близкую разлуку — Ср., напр.:

Сидит воробей на жердочке,
Смотрит воробей на чужую сторону

(*Шейн П.* Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1898. С. 325).

или

Во саду хожу, полотенце стелю,
А еще похожу, и еще постелю

(Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., 1911. С. 296).

Октава XIX. Мы говорили <...> О Шиллере, о музыке, о пеньи — парафраз строки из стихотворения Пушкина «19 октября» (1825): «Поговорим о бурных днях Кавказа, / О Шиллере, о славе, о любви».

Октава XXIII. Я счастлив был ребяческим обманом — скорее всего, восходит к строфе из стихотворения Пушкина «Храни меня, мой талисман» (1825):

Священный сладостный обман,
Души волшебное светило...
Оно сокрылось, изменило...
Храни меня, мой талисман.

Октава XXIV. <Тревожит луч мне язвы старых ран...> — цитата из стихотворения Лермонтова «Журналист, читатель и писатель» (1840):

Рисует память своевольно:
В очах любовь, в устах обман —
И веришь снова им невольно,
И как-то весело и больно
Тревожить язвы старых ран...

БАЛЛАДЫ

Из трех баллад, входивших в *ЛП*, в *Сб1850* не включено ни одной. Несмотря на это, Фет сохранил этот традиционный (после В. А. Жуковского) в поэтических сборниках раздел. Впоследствии, однако, поэт вообще отказался от этого жанра.

Змей («Чуть вечернею росою...») (С. 98). Впервые в *Сб1850*. Содержание баллады разъясняется из народных представлений о сверхъестественном. Ср. в «Абевеге русских суеверий» М. Д. Чулкова (М., 1786. С. 202): «*Змеи огненные.* — К некоторым женам и девицам летают ночью огненные змеи, то есть воздушные дьяволы, и имеют с ними плотское совокупление, от чего те женщины весьма худеют. Проезжающие в зимнее время ночью поля видят падающие с неба звезды, кои почитают за оных же дьяволов, и, крестяся, произносят слова: *аминь, аминь, рассыпься*». Ср. в «Новой абевеге русских суеверий» М. Власовой (СПб., 1995. С. 155—156): «...иечистая сила в виде огненной метлы аршин в шесть — посещает людей, тоскующих по покойнику. Часто змея привлекает чрезмерное горе вдов, солдаток; навещая их, он превращается в отсутствующих умерших мужей. Змей летит с неба, освещая путь в виде падающей звезды или ракеты; когда же достигает двери тоскующей вдовы, то рассыпается огненными искрами и, преображаясь в любимого человека, входит в дом. От змея женщины могут иметь детей, отличающихся от обыкновенных хвостом; такие дети, однако, умирают».

Сильфы («Ночную фиалку лобзает Зефир...»). (С. 98). Впервые в *Сб1850*. *Сильф, Сильфида* — в германской мифологии крошечные легкие существа, олицетворяющие стихию воздуха.

Вампир («Почти ребенком я была...») (С. 99). Впервые: *ОЗ*. 1843. № 1. С. 212, под заглавием «Баллада». В *Остр. экз.* Тургенев зачеркнул заглавие «Вампир» и сделал помету: «другое заглавие». Ср. вольный перевод этой же баллады А. С. Пушкиным «Воевода» (1833). Фет предложил на выбор: «Им не узнать» и «Тайна». В *Сб1856* и в *Сб1863* баллада была включена с последним заглавием.

Метель («Ночью буря разозлилась...») (С. 100). Впервые в *Сб1850*.

Дозор («Из беседки садовой воевода багровой...») (С. 101). Впервые: *ОЗ*. 1846. № 3. С. 44, под загл. «Украинская баллада» (без указания переводности). Перевод баллады А. Мицкевича «Czaty. Ballada ukrainska». Ср. вольный перевод этой же баллады А. С. Пушкиным («Воевода», 1833). Фет вспоминал, что в начале 1846 г. находился под влиянием нового начальника «нашей дивизионной юнкерской команды» поручика Быльчинского, у которого «была явная наклонность и сочувствие к изящной словесности, и мы не раз вместе читали и восхищались его национальным поэтом Мицкевичем. В то время, к полному его удовольствию, я перевел размером подлинника «Воеводу»; но некоторые подробности которого в позднейшее время показались мне до того неудачными, что я исключил этот перевод из собрания 63 года» (*РГ*. С. 344). Однако в конце жизни Фет провел небольшую стилистическую правку этой баллады и напечатал ее в *РВ*. 1892. № 3. С. 20. Эта баллада была отмечена в числе удавшихся и в рецензии А. Григорьева на *Сб1850* (*ОЗ*. 1850. № 2. С. 66), и в письме Я. П. Полонского к Фету от 11 марта 1892 г.: «Перевод очень верен, благозвучен — и местами отличается дерзостью воистину фетовской» (*ПССт1959*. С. 842).

Гера и Леандр («Бледен лик твой, бледен, дева!..») (С. 103). Впервые в *Сб1850*; под загл. «Геро и Леандр» в другой редакции была напечатана в *ВО 3*. Фет строит свою балладу «вольно» и не пересказывает фабулу известной баллады Шиллера на тот же сюжет: Геро (Гера — ошибочное именование; так звали совсем другой мифологический персонаж, супругу Зевса), жрица богини Афродиты, и ее возлюбленный Леандр (живший на другом берегу Геллеспонта) оказались в разлуке. Каждую ночь Геро зажигала на башне факел, ориентируясь на который Леандр переплывал пролив. Однажды в бурю факел погас, Леандр погиб — и Геро бросилась в море. «В «Гере и Леандре», — отмечал А. Григорьев, — замечательно то, что при совершенном отсутствии рассказа о событии — это все-таки баллада» (*ОЗ.* 1850. № 2. С. 66).

Ворот («Спать пора, свеча сгорела...») (С. 104). Впервые: *ОЗ.* 1847. № 5. С. 196, под загл. «Няня».

«На дворе не слышно вьюги...» (С. 105). Впервые в сб.: Подземные ключи. М., 1842. С. 80. Этот сборник имел целью представить творчество нового литературного поколения. В балладе, возможно, отражаются автобиографические мотивы, в частности, мотив «бездольности». В конце жизни Фет возвращался к этой балладе и перерабатывал ее в небольшое стихотворение («Бедный мальчик»), но, вероятно, эта работа не была завершена.

Легенда («Вдоль по берегу полями...») (С. 106). Впервые: *Москв.* 1843. № 6. С. 334, под загл. «Сказание». *Аргамак* — порода скаковых лошадей. *Чепрак* — подстилка под седло. *Кондаки* — части церковного молитвослова.

СОНЕТЫ

Судя по тому, что тексты этого раздела имеют римскую нумерацию (замененную в оглавлении на арабскую), Фет первоначально предполагал представить некий традиционный цикл стихов, объединенных сонетной формой. Вероятно, сложившийся раздел его не удовлетворил, и Фет предпочел исключить его уже из *Сб1856*. Следует отметить, что в ранних сонетах (за исключением перевода из Кернера) Фет следует русской традиции и соблюдает правило альтернанса (чередование мужских и женских рифм); в поздних — согласно итальянской традиции, сохраняет сплошную женскую рифму.

I. «О, для тебя я сделаюсь поэтом!..» (С. 108). Впервые в *Сб1850*.

II. «Смотреть на вас и странно мне и больно...» (С. 108). Впервые в *Сб1850*. По наблюдению А. Григорьева в рецензии на этот сборник, в этом сонете Фет подражает сонету Гейне «Im Traum sah ich Mdnnchen klein und pitzig».

III. «Рассказывал я много глупых снов...» (С. 109). Впервые: *РиП.* 1844. № 9. С. 419, под загл. «Сонет». В *Остр. экз.* Тургенев перечеркнул последние шесть стихов с пометой: «Переменить». Фет предложил вариант, который не был принят Тургеневым:

Я сам в груди ревниво затаил
От зорких глаз невольный сердца пыл,
Когда, скользя вдоль по равнине водной,
Куда-то мчал нас шумный пароход,
И, забавляя чуждый мне народ,
Плохой оркестр сыграл наш гимн народный.

IV. «Владычица Сиона, пред тобою...» (С. 109). Впервые в *Сб1850*. В *Сб1856* и в *Сб1863* вошло с незначительным изменением: «влияние» вместо «наитие» в ст. 9.

V. Мадонна («Я не ропщу на трудный путь земной...») (С. 110). Впервые: *Москв.* 1842. № 4. С. 304. *Санцио* — Рафаэль Санти, великий итальянский живописец, автор знаменитой «Сикстинской Мадонны» (см. ст-ние Фета «К Сикстинской Мадонне», 1864 (т. 3 наст. изд.)).

VI. Москва (из Кёрнера) («Как высоки церквей златые главы...») (С. 110). Впервые: *Москв.* 1843. № 3. С. 2, под загл. «Москва. Сонет из Кернера». Теодор Кернер (1791—1813) — немецкий поэт-романтик, погибший в войне против Наполеона; Фет перевел его сонет «Moskau». *Святой Георгий* — Георгий Победоносец, покровитель Москвы. В *Сб1856* и *Сб1863* вместо «рухайтесь» — «рушьтеся» по совету Тургенева (*Остр. экз.*).

СОЛОВЕЙ И РОЗА

Соловей и роза («Небес и земли повелитель...») (С. 111). Впервые: *МГЛ.* 1847. № 255 (24 ноября). В *Сб1850* — в новой, дополненной редакции. С новыми изменениями и большими сокращениями — в *ВО 3*. В предисловии к *ВО 3*, мотивируя новую публикацию этого стихотворения, Фет заметил, «что ни в одном из наших новых произведений с такою ясностью не проявляется направление, к которому постоянно порывалась наша муза». См. об этом стихотворении: *Мориц Ю. А.* Восточные мотивы в лирике Фета («Соловей и роза») // По страницам литературы. Сб. научных трудов Ташкентского ун-та. Вып. 571. Ташкент, 1978; *Тархов А. Е.* «Соловей и роза» // *Соч.* Т. 1. С. 14—22. По наблюдению Н. П. Колпаковой, четыре строфы (начинающиеся стихом «На востоке небо чисто») являются подражанием стихотворению Гейне «Auf Flugeln des Gesanges» (Поэтика. Сб. 3. Л., 1927. С. 182).

ЭЛЕГИИ

Раздел, традиционно открывавший поэтические сборники, Фет намеренно поставил в середину, демонстрируя тем самым, что этот раздел носит в его лирике «необязательный» характер.

1. «О, долго буду я в молчаньи ночи тайной...» (С. 117). Впервые: *ОЗ.* 1844. Т. 37. № 12. С 137, под загл. «Элегия». Перепечатано (с изменениями): *МГЛ.* 1847. № 177 (13 августа). Начиная со *Сб1856* открывало собрания Фета — поэтому все критики (А. А. Григорьев, А. В. Дружинин, В. П. Боткин, М. Е. Салтыков-Щедрин и т. д.) обращали на него особое внимание.

2. «Когда мои мечты за гранью прошлых дней...» (С. 117). Впервые: *ОЗ.* 1845. Т. 38. №1. С. 94, под загл. «Элегия». Перепечатано (с изменениями) *МГЛ.* 1847. № 177 (13 августа). Поздняя редакция — в *Сб1856*. *...как первый иудей...* — речь идет о Моисее, который после 40-летнего странствия в пустыне привел народ израилев к Иордану, за которым находилась данная ему Господом по обету земля («земля обетованная»). Но сам Моисей не смог вступить в землю обетованную и только с горы Нево увидел ее, после чего умер (Втор. 34: 1—5).

3. «Когда мечтательно я предан тишине...» (С. 118). Впервые в *Сб1850*. Поздняя редакция — в *Сб1856*. Принята конъектура, предложенная Ю. А.

Никольским: точки в тексте сборника заменяют слово «ангелов», выкинутое цензурой. *Аргус* — в греческой мифологии неусыпный стоокий страж; олицетворение звездного неба.

4. «Помедли... люди спят; медлительной царицей...» (С. 119). Впервые в *Сб1850*. Поздняя редакция, появившаяся в *Сб1856*, составлена в соответствии с пометой Тургенева на полях *Остр. экз.*: «Удивительно! Из этого стихотворения можно сделать прелесть, если начать тихой картиной ночи и кончить последним стихом: *Я не пойду туда*; но святость звездолюбивых дум — к чорту!»

5. «Странное чувство какое-то в несколько дней овладело...» (С. 120). Впервые в *Сб1850*.

6. «Виноват ли я, что долго месяц...» (С. 120). Впервые в *Сб1850*. Для ст. 28 принята конъектура, предложенная Б. В. Никольским: «Можно предположить, что по примеру древних Фет назвал тут Фидия "боговидцем", что показалось предосудительным "богомольному" рвению цензора» (*ПССт1901*. Т. 1. С. XXII). *Ринальто* — селение вблизи Венеции; многократно упоминается в популярном романсе «Гондольер» (на сл. Ф. А. Кони). *Фидий* — величайший древнегреческий скульптор.

7. «Я знаю, гордая, ты любишь самовластье...» (С. 121). Впервые: *МГЛ*. 1847. № 177 (13 августа), под загл. «Б.....й», с датой: «1847. Июль. Елисаветград». Поздняя редакция — в *Сб1856*. Возможно, это стихотворение Фет читал в 1853 г. Тургеневу и переработал текст в соответствии с его указаниями. Ср. в письме Тургенева к С. Т. Аксакову от 5/17 июня 1853: «Я всячески старался ему (Фету. — *Ред.*) доказать, что «ухание» так же дико для слуха, как, напр., получие (от *благополучия*)» (*Тургенев. Письма*. Т. 2. С. 164—165). По свидетельству Фета, обращено к елисаветградской помещице В. А. Безродной (в мемуарах она названа «Дородной»; подлинное имя впервые раскрыл Г. П. Блок): «Не поминая никого из поклонников Варвары Андреевны, скажу только, что я никогда не был в нее серьезно влюблен, но при каждом с нею свидании мгновенно подпадал под ее неотразимую власть. В семейной среде Бржесских она играла самую значительную роль. Нельзя было не заметить, что поэт, искренно любивший красавицу-жену, носил в груди горячую рану, нанесенную черными глазами Варвары Андреевны» (*РГ*. С. 396—397). См.: *Блок Г. П.* Фет и Бржесская // Начала. Кн. 2. Пг., 1922. С. 113. Понт — зд. море. В Остр. экз. вариант последнего стиха «И сдерживаешь смех коварного душою». Мотив «жестокой возлюбленной» отсылает к одам 5 и 8 книги I «Од» Горация», откуда заимствован образ пловца в бурном море и др. Ср. со ст-нием А. Н. Майкова «Скажи мне, чей челнок к скале сей приплывает?..», которое является переводом 5-й оды I книги Горация (см.: *Успенская А. В.* Антологическая поэзия А. А. Фета. СПб, 1997. С. 47—49).

8. «Её не знает свет — она ещё ребёнок...» (С. 122). Впервые в *Сб1850*. Поздняя редакция — в *Сб1856*. В *Остр. экз.* помета Тургенева к ст. 4: «Перем<енить> — этот стих — как червяк на розе». Ср. со ст-нием А. Шенье «Euphrozyne» и 8-й из «Римских элегий» Гете. Возможно, общим источником послужила ода 5 книги II Горация (см.: *Успенская А. В.* Антологическая поэзия А. А. Фета. СПб, 1997. С. 49—50).

9. «Эх, шутка-молодость! как новый, ранний снег...» (С. 123). Впервые в *Сб1850*. Поздняя редакция — в *Сб1856*. В *Остр. экз.* последние восемь стихов зачеркнуты и на полях написано: «Выкинуть, или, пожалуй, заменить».

10. «Лозы мои за окном разрослись живописно и даже...» (С. 124). Впервые в *Сб1850*; особенно выделена первыми рецензентами сборника Л. А. Меем и Ап. Григорьевым.

11. «Тебе в молчании я простираю руку...» (С. 124). Впервые в *Сб1850*.

САКОНТАЛА

Саконтала. («Саконтала — из всех цариц, украшавших индийский...») (С. 126). Единственный раз Фет напечатал эту вариацию на мотивы древнеиндийской поэзии в *Сб1850*, и поздиее не включал ее ни в одну из своих книг. Стилизация Фета отражает огромную популярность открытого европейцами в конце XVIII в. крупнейшего произведения древнеиндийской драматургии: драмы Калидасы (V в.) «Узнанная по кольцу Шакунтала». На немецкий перевод этой драмы Г. Фостером Гёте откликнулся знаменитым четверостишием «Sakontala» из цикла «Antiker Form sich ndhernd»; драму Калидасы частично перевел (с немецкого) Н. М. Карамзин; Ф. И. Тютчев в 1826 г. напечатал свой вольный перевод четверостишия Гёте. О «Сакунтале» писали многие журналы 1830—1840-х годов. Фет в своем стихотворении не использовал сюжет этой драмы: он опирался на некоторые мотивы «Сказания о Шакунтале» из первой книги «Махабхараты». Брамин напоминает отшельника из этого сказания, который подобрал девочку, брошенную в долине Гималаев и охранявшуюся ястребами (ср. у Фета: «Дети долины на самой границе обширной / Нашей земли, где стопы твои блуждали в то время, / Как еще первая жизни весна пред тобой улыбалась»). В целом же сюжет стихотворения Фета вполне оригинален: оно лишь стилизовано под «индийскую» традицию, как автор ее понимал. См.: *Гринцер П. А.* «Саконтала» Карамзина // POLUTROPON. К 70-летию В. Н. Топорова. М., 1998. С. 537—566.

ПОДРАЖАНИЕ ВОСТОЧНОМУ

Все четыре стихотворения этого раздела впервые опубликованы в *Сб1850*.

4. «Не дивись, что я черна...» (С. 131). Вольное подражание «Песни Песней царя Соломона». Ср. в синодальном переводе: «Не смотрите на меня, что я смугла, ибо солнце опалило меня: сыновья матери моей разгневались на меня, поставили стеречь виноградники — моего собственного виноградника я не сберегла» (I, 5); «Левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня»; «Вот зима уже прошла; дождь миновал, перестал; цветы показались на земле; время пения настало, и голос горлицы слышен, расцветая в стране нашей...» (II, 6, 11—12).

К ОФЕЛИИ

Состав этого цикла со временем постоянно изменялся. Впервые он появился в качестве второй публикации оригинальных стихотворений Фета — в *Москв.* 1842. № 2. С. 76—77. Здесь цикл носил общее заглавие «Офелии»; он открывался впоследствии исключенным из его состава стихотворением «Стихом моим, незвучным и упорным...» (см. с. 00), затем шли тексты IV, III и II того цикла, который вошел в *Сб1850*. Позднее этот цикл подвергался переработке: в *Сб1856* вошли лишь три текста (II, V, VII); они же были повторены в тексте *Сб1863*. В конце жизни, составляя список «основного собрания», Фет включил в этот цикл еще и текст VI — однако возможно, что составительская работа в отношении этого цикла не была завершена. Вообще в наследии Фета к зага-

дочной «Офелии» имеют отношение, кроме включенных в *Сб1850*, еще и стихи «Горный ключ (Офелии)», «Сонет (Офелии)», «Прости (Офелии)» (См. с. 326, 330, 345), а также, возможно, некоторые тексты, в которых имя «Офелии» не упоминается.

Очевидны два источника этого цикла у Фета. Прежде всего это «Гамлет» Шекспира в том виде, как поэт воспринял его ещё в юности: в стихах этого цикла явны влияния лексики «романтического» перевода этой трагедии, сделанного Н. А. Полевым (1839); взято даже выражение из этого перевода: «Офелия плела венки и пела». Сам Фет вспоминал в *РГ*, что «Мочалов в Гамлете» был одним из ярчайших театральных впечатлений его студенческой юности; там же он приводит свое рассуждение о том, что Мочалов был не способен «понимать Шекспира во всем его объеме» и «совершенно не понимал Гамлета, игрой которого так прославился», а сыграл самого себя, «необузданного человека»: «Он не играл роли героя, влюбленного в Офелию или в Веронику Орлову (актриса, игравшая роль Офелии в знаменитой постановке Московского театра 1839 г. — *В. К.*): он действительно был в нее безумно влюблен. <...> Он совершенно упускал из виду, что Гамлет слабое нерешительное существо, на плечи которого сверхъестественная сила взвалила неподсильное бремя, и который за постоянною рефлексией желает скрыть томящую его нерешительность; он не в состоянии рассмотреть, что иронически-холодное отношение Гамлета к Офелии явилось не вследствие какого-либо проступка со стороны последней, а единственно потому, что, со времени рокового открытия, ему не до мелочей женской любви. <...> Гамлет-Мочалов страстно любит свою Офелию и терзает ее от избытка любви» (С. 157—159). Несогласный с такой трактовкой любви Гамлета и Офелии Фет создает свою вариацию этой любви в ее лирической перспективе.

На эти театральные впечатления наложилась личная история юношеской влюбленности Фета в какую-то «Офелию». Об этой влюбленности он намеками рассказал в поэме «Студент» (1884); существенным дополнением к этому сюжету оказываются автобиографические повести А. А. Григорьева «Офелия. Одно из воспоминаний Виталина» (1846) и «Другой из многих» (1847). Последняя имеет посвящение А. Фету. Во время совместной жизни Фета и Григорьева в доме на Малой Полянке в Москве у них произошло некое «интимно-общее» событие: оба приятеля влюбились в девушку из мещанской семьи по имени Лиза («крестовую сестру» Григорьева). Подлинное имя ее не установлено; Б. Ф. Егоров высказал ряд предположений по этому поводу (См.: *Григорьев Ал.* Воспоминания / Издание подгот. Б. Ф. Егоров. Л., 1980. С. 403—404). Показательно, что в повестях Григорьева (Фет выведен в них под фамилией Виталин) Лиза («Офелия») описана в том же образном ключе, что и в цикле Фета: «Странно! сам не понимаю, что было со мною вчера, что оживило меня: думаю, влияние молодости этой девочки <...>. Но вчера, в день ее именин, она, казалось, вдруг выросла, вдруг приобрела все дары женщин — и огненный румянец, и искусство одеваться, и даже — что особенно меня поразило — грациозность манер... Давно ли мне были несносны ее претензии, ее нижегородско-французские фразы, ее ложь на каждом шагу, ее желание быть выше своего состояния... <...> Но пришла ее минута, минута жажды воздуха и жизни, та минута женщины, когда почка мгновенно раскрывается цветком, хризалида вспархивает бабочкою, — пришла эта минута, и чудно легли пышные белокурые локоны на нежный прозрачный лик ее, и жажда любви пробилась

на бледные ланиты ярким заревом румянца, и резкий, несносный, детский голос заменился тихою речью, и быстрые голубые глаза подернулись влагою, и чувство стыда, чувство сознания, чувство разделения добра и зла — сжало в границах порывы, и не могло только остановить соблазнительных колыханий груди да по временам вырывающегося звонкого, но тихого, как серебряный колокольчик, ребяческого смеха» (Там же. С. 158). Лиза мечтала об актерском поприще, о роли Офелии — для Фета шекспировская Офелия была воплощением особого типа женственности. Этот тип, приходит к выводу поэт, оказывается нежизнеспособным в современной культуре; показательно, что к такому же выводу пришел и Ап. Григорьев в финале своей повести: «Ибо что ждало ее?.. Она просила любви, и не было дано ей любви, потому, может быть, что она не могла еще любить в человеке человека. Я по-своему сознавал ее будущее: видел, как потребность любви заменялась в ней жеманным развратом, свободная грация — наглостью кокетки дурного тона, жажда наслаждений — привычкою к пустой и непорядочной суетности. Я видел ломберный стол и ее, сидящую подле франта дурного тона, обыгрываемого наверную мужем Я видел это... я не видел спасения» (Там же. С. 167). Конкретные детали этого юношеского романа Фета и Григорьева еще не прояснены; Я. П. Полонский в одном из поздних писем к Фету называл отношения обоих приятелей с Лизой «романтической и несомненно напускной любовью» (См.: *Никольский Ю. А.* История одной дружбы: Фет и Полонский // Русская мысль. 1917. № 5. С. 142).

I. «Как идёт к вам чепчик новый...» (С. 132). Впервые в *Сб1850*.

II. «Не здесь ли ты лёгкою тенью...» (С. 132). Впервые: *Москв.* 1842. № 2. С. 76. Поздняя ред. — в *Сб1856*. В стихотворении отразилось влияние классической элегии К. Н. Батюшкова «Мой гений» (1815; см.: *Кошелев В. А.* Фет и Батюшков (к проблеме литературных влияний) // Проблемы изучения жизни и творчества А. А. Фета. Сб. науч. трудов. Курск, 1992. С. 131—146).

III. «Сосна так темна, хоть и месяц...» (С. 133). Впервые: *Москв.* 1842. № 2. С. 77.

IV. «Как майский голубоокий...» (С. 133). Впервые: *Москв.* 1842. № 2. С. 77. *Зефир* — приятный легкий западный ветер. *Эолова арфа* — поздний эллинистический миф о золотой арфе, поющей от дуновения ветра, получил распространение в русской культуре после знаменитой одноименной баллады В. А. Жуковского (1814), в которой этот образ был включен в контекст несчастливой любви и вечной разлуки.

V. «Я болен, Офелия, милый мой друг!..» (С. 133). Впервые в *Сб1850*. 2-й ст. в *Сб1856* и *Сб1863*: «Ни в сердце, ни в мысли нет силы». В стихотворении сопоставляются две вставные песни из трагедий Шекспира: песня Офелии («Гамлет», д. IV, явл. 5) и песня Дездемоны («Отелло», д. IV, явл. 3).

VI. «Офелия гибла и пела...» (С. 134). Впервые: *РиП.* 1846. № 2. С. 243. Поздняя редакция — в *ЛС* 1894, по варианту, вероятно, написанному Фетом на полях (тексты этих сборников до нас не дошли). В исправленном виде в *ПССт1937*.

VII. «Как ангел неба безмятежный...» (С. 134). Впервые: *Москв.* 1843. № 10. С. 289.

АНТОЛОГИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Антологической поэзией Фет увлекался еще с ранней юности: 4 стихотворения этого раздела взяты из *ЛП*: №№ 1, 2, 10, 14. Остальные в подавляющем большинстве впервые были напечатаны в *Сб1850*. В фетовском влечении к античности угадывалась насущная душевная потребность современного человека, его тяготение к истинной красоте мира, его стремление сохранить эту красоту; по этой же причине антологическая поэзия стала неотъемлемой частью лирики его современников: А. Н. Майкова, Н. Ф. Щербины и др.

3. Вакханка («Под тенью сладостной полуденного сада...») (С. 135). Впервые: *ОЗ*. 1843. № 4. С. 228, без заглавия. В *Сб1856* и *Сб1863* в 7 ст. — «волосы» вместо «...бы власы».

4. Диана («Богини девственной округлые черты...») (С. 136). Впервые в *Сб1850*. Стихотворение было воспринято современниками как образцовый пример точности и выверенности эпитетов, строгости интонаций классического александрийского стиха. На полях *Остр. экз.* Тургенев написал: «Это стихотворение — chef d'oeuvre». В *Сб1856* исправлен 9 стих: «Но ветер на заре между листов проник». Ср. отзывы о нем В. П. Боткина (*Совр.* 1857. №1), А. В. Дружинина (*ОЗ*. 1856. № 10), Ф. М. Достоевского (Время. 1861. № 12).

5. «Влажное ложе покинувши, Феб златокудрый направил...» (С. 136). Впервые в *Сб1850*. В *Остр. экз.* Тургенев подчеркнул в конце 12-го ст. слово «каштана» и написал на полях: «Перем<енить>; в гекзаметрах нельзя рифмовать». Фет для *Сб1856* заменил предшествующий стих: «Дальше, когда порассеялись волны тумана седого». *Фаетон* (греч. миф.) — сын Феба; выпросив у отца солнечную колесницу, он поехал по небу, но не смог сдержать огненных коней и зажег небо и землю; Зевс убил его молнией. *Эос* — древнегреческая богиня утренней зари, которая предвещает восход Солнца («Феб златокудрый»), встающего из моря («влажное ложе покинувши»). *Праксителъ* — знаменитый греческий скульптор.

6. Кусок мрамора («Тщетно блуждает мой взор, измеряя твой начатый мрамор...») (С. 137). Впервые в *Сб1850*. В *Сб1856* исправлен порядок последних слов первого стиха: «Мрамор нача́тый». *Тит* (41—81) — римский император. *Фавн* — лесной бог в римской мифологии. *Змей примирителя жезл, крылья и стан быстроногий* — с жезлом в виде крылатой палки, обвитой двумя змеями и с крыльями на подошвах изображался Гермес (Меркурий), гонец и вестник богов.

7. «С корзиной, полною цветов, на голове...» (С. 137). Впервые в *Сб1850*. В *Остр. экз.* Тургенев исправил в 5-м стихе «увидишь» на «узнаешь». Стихотворение связано с античным мифом о Персефоне, девушке, собиравшей на лугу цветы и очаровавшей владыку царства мертвых Плутона. Ср. пародию на это стихотворение Н. Страннолюбского (Гудок. 1862. № 36, загл. «В антологическом роде»), в которой снята эта установка на античность:

Картину чудную сегодня видел я:
С корзиной, полною немытого белья,
Среди широкого двора она стояла
И дворника с ключом тоскливо поджидала.
Досадой искрились лазурные глаза,
И капала из них жемчужная слеза,
И был в восторге я, в окно на прачку глядя,
И думал про себя: «Как хороша ты, Надя!»

8. Подражание XVI идиллии Биона («Прекрасная звезда Венеры светлокой...») (С. 137). Впервые в *Сб1850*. Перевод стихотворения А. Шенье «Elégie XIII, imitée de la XVI Idylle de Bion». Ср. эпиграмму на это стихотворение А. П. Сниткина «Подражание XIV идиллии Биона» (Искра. 1859. № 6):

Звезда прелестная Венеры нежно-страстной!
Пока Диана лик скрывает свой прекрасный
За ближней рощею — молю тебя: свети,
Чтоб было через лес мне не темно идти.
Покинул я свой дом не для трудов опасных,
И в сердце не таю я замыслов ужасных.
Нет, мне назначила лесничего жена
Свиданье тайное в лесу Теперь она
Давно, я думаю, супруга напоила.
Так некогда и ты Вулкана проводила.

9. Нептуну («Птицей...») (С. 138) Впервые в *Сб1850*. В позднейших изданиях Фет намеревался назвать стихотворение «Нептуну Леверрье»; заглавие должно было подчеркивать, что речь идет не о боге Нептуне, а о новой планете, открытой на основании вычислений астронома У.-Ж. Леверрье (1811—1877).

11. Архилох («Здесь Архилох опочил; его в беспощадные ямбы...») (С. 139). Впервые в *Сб1850*. Перевод греческой надписи императора Адриана; Фет мог ее прочитать в кн.: Archilochum iambographorum principis reliquiae. Lipsiae, 1812. P. 14. *Архилох* — крупнейший лирический поэт Древней Греции; жил в VII в. до н. э.

12. Из Катулла («Давай любить и жить, о Лезбия, со мной!..») (С. 139). Впервые в *Сб1850*. В измененном виде вошла в кн.: Стихотворения Катулла в переводе и с объяснениями А. А. Фета. М., 1886. Перевод стихотворения Катулла под № V.

13. К юноше («Друзья, как он хорош за чашею вина...») (С. 140). Впервые в *Сб1850*.

15. «Питомец радости, покорный наслажденью...» (С. 140). Впервые в *Сб1850*.

16. «В златом сиянии лампады полусонной...» (С. 141). Впервые: *ОЗ*. 1843. № 2. С. 299. В *Остр. экз*. Тургенев зачеркнул два последних стиха; в таком виде стихотворение и было напечатано в *Сб1856*.

17. «Уснуло озеро; безмолвен чёрный лес...» (С. 141). Впервые в *Сб1850*. Поздняя редакция — в *Сб1856*. Д. Д. Минаев написал на это стихотворение пародию, переставив стихи оригинала в обратном порядке (Искра, 1863. № 44). См.: *Гаспаров М. Л.* «Уснуло озеро» Фета и палиндромон Минаева: поэтика пародии // Гаспаров М. Л. Избранные статьи. М., 1995. С. 170—177.

18. Из Анакреона («Сядь, Вафил, в тени отрадной...») (С. 142). Впервые в *Сб1850*. Перевод стихотворения Анакреона «Εἰ Βάθύλλον».

19. «Миогим богам в тишине я фимиам воскуряю...» (С. 142). Впервые в *Сб1850*. *Дионисий, Лией* (греч. миф.) — имена Вакха, культ которого отличался буйным пьянством и весельем. *Тирс* — символ Вакха: жезл, обвитый плющом и виноградными листьями, с сосновой шишкой наверху. *Калхас* — прорицатель, потребовавший принести в жертву Ифигению, дочь Агамемнона. *Клитемнестра* — мать Ифигении. *В бок упираю козла*. Козел был ритуальным животным в культе Диониса-Вакха.

20. К красавцу («Природы баловень, как счастлив ты судьбой!..») (С. 143). Впервые: *Москв.* 1841. № 12. С. 296. Перепечатано: *ЛГ.* 1847. № 15. С. 227. Поздняя редакция — в *Сб1856.* В *Остр. экз.* Тургенев подчеркнул ст. 14 («И гребню в их руках искусство придаешь») и заметил на полях: « — ? перем<енить> — разве он учит их искусству коаферов?» (коафер — парикмахер).

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1. «Эти думы, эти грёзы...» (С. 145). Впервые в *Сб1850.*

2. Хандра (С. 145). Впервые цикл Фета, как и входящие в него стихотворения, появился в качестве единого текста в *Сб1850.* Он стал своеобразным продолжением одноименного большого стихотворения в *ЛП.* (1) **«Непогода — осень — куришь...»** В *Сб1850* было напечатано в составе шести строф; поздняя редакция — в *Сб1856.* Тургенев не принял ни этого стихотворения, ни цикла вообще; между тем, возникшие в заключительных строфах образы «учения азбуке» и «крысы в рояле» — не случайны. Перипетии собственного обучения азбуке с помощью неграмотных дворовых Фет описал в воспоминаниях (*РГ.* С. 16—22); образ «крыс в рояле» связан с детским чтением Фета: он присутствует в сказке Гофмана «Щелкунчик и мышиный король». В *Остр. экз.* Фет предложил вариант последней строфы, зачеркнутой Тургеневым:

Или рыжая соседка
Безвозмездно — неизбежно
На разбитом фортопьяно
Гаммы пробует прилежно.

(2) **«Не ворчи, мой кот-мурлыка...»** В воспоминаниях Фет указал, что это стихотворение относится к поре его совместной жизни с Ап. Григорьевым в Москве в доме на Малой Полянке: «Помилуй, братец, — восклицал Аполлон, — чего стоит эта печка, этот стол с нагоревшей свечою, эти замерзлые окна! Ведь это от тоски пропасть надо!» И вот появилось мое стихотворение «Не ворчи, мой кот-мурлыка...», долго приводившее Григорьева в восторг. Чуток он был на это, как Эолова арфа» (*РГ.* С. 152). Поздняя редакция — в *Сб1856.* (3) **Друг мой! я сегодня болен...»** Это стихотворение Тургенев предпочел вовсе выбросить из *Сб1856,* чем фактически разрушил весь цикл.

3. «На водах Гвадалквивира...» (С. 148). Впервые в *Сб1850.* Гвадалквивир — река в Испании, постоянно упоминавшаяся в «испанских» стихах русских поэтов, в частности, в стихотворении «Ночной зефир...» Пушкина (отсюда и рифма: «Гвадалквивир-зефир», и характерное упоминание гитары).

4. Венеция ночью. («Всплески волн сверкают ярко...») (С. 149). Впервые в *Сб1850.* Поздняя редакция — в *ЛС1894* (Ч. 1. С. 207.) По свидетельству Ю. А. Никольского, первые два стиха были изменены по настоянию И. С. Остроухова, «так как Остроухов, отлично терпевший в живописи венецианские костюмы на библейских персонажах, потребовал вдруг реализма и говорил, что вся Венеция в стихотворении испорчена гранитом, которого там не бывает» (Русская мысль. 1922. Кн. 7. С. 306). *Лев святого Марка* — изображение крылатого льва, опирающегося на Евангелие от Марка, установленное на гранитной колонне на площади Пьяцетта в Венеции. *Царица моря*— традиционное название Венеции.

5. «Поделись живыми снами...» (С. 150). Впервые в *Сб1850.*

6. Весна («Уж верба вся пушистая...») (С. 150). Впервые: *ОЗ.* 1844. № 6. С. 147. Поздняя редакция (без заглавия и без 4-й строфы) — в *Сб1856.*

7. Посвящение к Фаусту (Г — ву). («Вы вновь ко мне, воздушные виденья!..») (С. 151). Впервые в *Сб1850.* Перевод посвящения к трагедии Гете «Фауст»; поздиее включался Фетом в *Сб1856, Сб1863* и в состав полного перевода трагедии Гете (Т. 1. М., 1882). Посвящено Аполлону Александровичу Григорьеву. В 1882 г. посвящение Ап. Григорьеву было снято и заменено стихотворным посвящением «любезному племяннику Петру Ивановичу Борисову» («Спасибо, друг, — ты упросил...»)

8. Добрый день («Вот снова ночь с своей тоской бессонной...»). (С. 152). Впервые в *Сб1850.*

9. К картине («Не говори, что счастлив я...») (С. 153). Впервые в *Сб1850.*

10. Курган («Друг веков, поверенный преданий...») (С. 153). Впервые в *Сб1850.*

11. «Полно спать: тебе две розы...» (С. 154). Впервые в *Сб1850.* Поздняя редакция — в *Сб1856.* В *Остр. экз.* Тургенев подчеркнул ст. 5 и слова «Помню я» в ст. 6. и заметил на полях: «перем. (оставив рифму угрозы)».

12. «Ты говоришь мне: прости!..» (С. 155). Впервые в *Сб1850.*

13. Тучка («Тучка-челн, небес волною...») (С. 155). Впервые в *Сб1850.*

14. Свобода и неволя («Видишь, мы теперь свободны...») (С. 156). Впервые в *Сб1850.*

15. «Сядь у моря — жди погоды...» (С. 156). Впервые в *Сб1850.* В бумагах А. А. Краевского (РНБ) сохранился корректурный лист *ОЗ,* на котором это стихотворение перечеркнуто цензорским карандашом с пометой на полях: «Стихи эти Комитетом запрещены. Цензор А. Мехелин. 21 мая» (воспроизведен на обложке кн.: *Бухштаб Б. Я.* А. А. Фет. Очерк жизни и творчества. Л., 1990). В стихотворении обыгрывается русская поговорка «ждать у моря погоды».

16. Б.....м. При получении цветов и нот («Откуда вдруг в смиренный угол мой...»). (С. 157). Впервые в *Сб1850.* Стихотворение посвящено Александре Львовне и Алексею Федоровичу Бржеским, херсонским помещикам, добрым друзьям поэта времени военной службы. Поэт вспоминал, как Бржеские в первый раз приехали к нему в Елисаветграде в гости: «На другой день я нашел у себя на столе великолепный букет из прекрасных гвоздик и ноты романса, который мне так понравился, когда Бржеские пели его в два голоса. На вопрос, откуда это? — слуга отвечал: «От А. Л. Бржеской». На любезный подарок я ответил небольшим стихотворением» (*РГ.* С. 368—369).

17. Колыбельная песня. («Сердце — незабудка!..») (С. 157). Впервые: *ОЗ.* 1844. Т. 32. № 1. С. 1. В *Сб1856* Тургенев изменил заглавие («Колыбельная песня сердцу») и первый стих («Сердце — ты, малютка!»)

18. «Я знал ее малюткою кудрявой...» (С. 158). Впервые: *МГЛ* 1847. № 210 (21 сентября), с пометой: «Москва. 1844 г.». Тургенев выключил стихотворение из *Сб1856;* Фету оно, вероятно, было дорого: в *Остр. экз.* он предлагал варианты не удовлетворивших редактора 7—8 и заключительных стихов:

И на челе высокого служенья
Таинственно покоилась печать.

19. «Ещё весна — как будто неземной...» (С. 159). Впервые в *Сб1850*. Поздняя редакция — в *Сб1856*. В *Остр. экз.* вариант 2-й строфы:

Между ветвей сквозят и там и тут,
Еще скудна одежда на дубраве,
А я иду и радуюсь, что вправе
Ходить — иду, и соловьи поют.

20. Лихорадка («Няня, что-то всё не сладко!..») (С. 160). Впервые в *Сб1850*. Несмотря на то, что первые критики восприняли это стихотворение, по выражению Л. А. Мея, как «неудачную стряпню немецкой кухни фабрики Гейне» (*Москв.* 1850. № 6. С. 52), эта баллада основана на русском народном поверье о женской сущности лихорадки. Ср. в «Абевеге русских суеверий» М. Д. Чулкова (М., 1786. С. 230—231): «...простолюдины уверяют, что сих лихорадок девять сестер; они крылаты и неприязненны человеческому роду; содержатся в земных челюстях на цепях и, когда из спускают, тогда без милости нападают на людей. Они столь вредны, что, когда им много дела, одним мечтательным поцелуем причиняют трясавицу и обитают во одержимых лихорадками». Ср. в «Новой абевеге русских суеверий» М. Н. Власовой (СПб., 1995. С. 224): «Традиционен для русских поверий и "женский облик" смерти, болезни. Связанная со стихийными природными началами, наделенная особыми силами женщина — источник жизни, но способна и прервать ее, погубить человека. Дева-лихорадка в поверьях — существо также, пожалуй, двойственное, которое можно попытаться умилостивить, расположить к себе». Б. Я. Бухштаб обратил внимание на сходство этого стихотворения со стихотворением А. А. Григорьева «Доброй ночи» (1843), в котором прослеживаются те же мотивы. Это легко объяснить биографически: в период написания обоих стихотворений Фет и Григорьев жили вместе и черпали впечатления из одних источников.

21. «О, не зови! страстей твоих так звонок...» (С. 161). Впервые в *Сб1850*. Поздняя редакция — в *Сб1856*. В *МВ* Фет передает любопытный спор, который возник вокруг этого стихотворения в кружке «Современника». Спорящие никак не могли постичь логического смысла его, связать начальное «не зови» с финальным устремлением «за тобой». Поэтому «знатоки, не справившись со стихотворением, прибегли к ампутации и отрезали у него конец». И далее Фет сам объясняет «нелинейную» логику мысли в стихотворении: «А кажется легко было понять, что человек влюбленный говорит не о своих намерениях следовать или не следовать за очаровательницей, а только о ее власти над ним. " О не зови — это излишне. Я без того, заслышав песню твою, хотя бы запетую без мысли обо мне, со слезами последую за тобой"» (*МВ*. Ч. 1. С. 128). *Я знаю край* — парафраз из Гёте («Годы учения Вильгельма Мейстера» — песенка Миньоны, которая начинается словами «Kennst du das Land, wo die Zitronen blьhn?» («Ты знаешь край лимонных рощ в цвету..?», перевод Б. Пастернака).

22. «Дитя, покорное любви...» (С. 162). Впервые в *Сб1850*.

23. А. Л. Бржеской («Я вам пророчил поклоненье...») (С. 163). Впервые в *Сб1850*. Автограф в альбоме А. Л. Бржеской (*ИРЛИ*), с датой: «1847-го года Сентября 9-го дня. Г. Елисаветград» и разночтением в ст. 5, где было: «Теперь же бедный мой умишко». Обращение «Вам» в обоих случаях написано с заглавной буквы. Об А. Л. Бржеской см. выше, прим. к с. 450—451, а также в: *Блок Г. П.* Фет и Бржеская // Начала. 1922. № 2.

24. «Под палаткою пунцовой...» (С. 163). Впервые в *Сб1850*. *Сара* — иудейское по происхождению имя, не употребляемое у мусульман. *Гурии* — девы мусульманского рая, которые должны услаждать по смерти души праведников; выражение «гурия пророка» использовал А. И. Подолинский в стихотворении «Портрет» (1828). *Азраил* — у мусульман ангел смерти.

25. Эоловы арфы («По листам пронесся шорох...») (С. 164). Впервые в *Сб1850*. Заглавие взято из оглавления (в тексте: «Эолова арфа») на том основании, что содержание стихотворения представляет собой диалог двух арф. Навеяно стихотворением Гете «Dolsharfen».

26. «После раннего ненастья...» (С. 165). Впервые в *Сб1850*.

27. «Мудрым нужно слово света...» (С. 165). Впервые в *Сб1850*.

28. «Мы с тобой не просим чуда...» (С. 166). Впервые: *ОЗ*. 1843. № 7. С. 172.

29. «Я пришел к тебе с приветом...» (С. 166). Впервые: *ОЗ*. 1843 № 7. С. 1. Автограф в альбоме А. Л. Бржеской, с разбивкой на строфы и датой: «1847-го года 10 мая С. Березовка». В *Сб1856* появилась без двух последних строф (см. преамбулу к комментарию); в *Сб1863* эти строфы были восстановлены.

30. Даль («Облаком волнистым...») (С. 167). Впервые: *Москв*. 1843. № 12. С. 285. Поздняя редакция — в *Сб1856*.

31. Моя Ундина («Она резва...») (С. 168). Впервые: *Москв*. 1842. № 5. С. 23. В этой публикации после ст. 8 следовала строфа, выпущенная в *Сб1850*:

Мала чуть-чуть,
Немножко,
Но что за грудь,
За ножка.

Ундина — героиня одноименной поэмы В. А. Жуковского (1837), сюжет которой был взят из прозаической повести немецкого писателя Ф. де ла Мотт Фуке (1777—1843).

32. Перчатка. («Перчатку эту...») (С. 168). Впервые: *Москв*. 1842. № 5. С. 23.

33. «На заре ты ее не буди...» (С. 169). Впервые: *Москв*. 1842. № 5. С. 24, под загл. «На заре». Поздняя редакция — в *Сб1856*. Романс А. Е. Варламова на эти стихи приобрел широкую популярность: уже в 1850 г. А. Григорьев назвал это стихотворение «песней, сделавшейся почти народною» (*ОЗ*. 1850. № 1. С. 71), а Л. Мей — романсом, «прославленным <...> московскими цыганами» (*Москв*. 1850. № 1. С. 50).

34. «Какая холодная осень...» (С. 170). Впервые в *Сб1850*.

35. Деревня. («Люблю я приют ваш печальный...») (С. 171). Впервые: *Москв*. 1842. № 4. С. 307.

36. «Ах дитя, к тебе привязан...» (С. 171). Впервые: *ОЗ*. 1843. № 8. С. 296.

37. «В небесах летают тучи...» (С. 172). Впервые: *ОЗ*. 1843. № 7. С. 172.

38. Узник. («Густая крапива...») (С. 172). Впервые: *ОЗ*. 1843 № 6. С. 110. В *Остр. экз.* Тургенев подчеркнул выражение «Отпетое горе» (ст. 9) и на полях написал: « — перем. Немного вычурно»). Фет предложил в *Остр. экз.*: «Тяжелое горе» — в *Сб1856* осталось «Бывалое горе».

39. «Ночь. Не слышно городского шума...» (С. 173). Впервые: *ОЗ*. 1843. № 11. С. 190. *Не слышно городского шума* — слегка измененная цитата из стихотворения Ф. Н. Глинки «Песнь узника» (1826).

40. Видение. («Не ночью, не лживо...») (С. 173). Впервые: *Москв.* 1843. № 10. С. 290. Согласно «Киево-Печерскому патерику», «великая каменная церковь» Киево-Печерской лавры была создана по образцу «видения», которое ее строители увидели в воздухе.

41. Ave Maria. («Ave Maria — лампада тиха...») (С. 174). Впервые: *Москв.* 1842. № 4. С. 304. *Ave Maria* — славься, Мария (лат.); католическая молитва, обращенная к Богоматери.

42. «Опять я затеплю лампаду...» (С. 174). Впервые в *Сб1850.*

ИЗ ГЕЙНЕ

В подражании Генриху Гейне Фета часто упрекала критика; см., напр., в рецензии Л. А. Мея на *Сб1850*: ряд стихотворений этого сборника «более принадлежат Гейне, нежели г. Фету» (*Москв.* 1850. № 6. С. 51). Вместе с тем, переводами из Гейне Фет занимался в течение 50 лет, начиная с 1841 г. В *Сб1850* он выделил специальный раздел, включавший 14 переводов из Гейне; только три из этих переводов вошли в *Сб1856.* Отзывы критики об этом разделе *Сб1850* были противоречивы. А. Григорьев, отвергавший упреки в том, что Фет подражает Гейне, отмечал, что его переводы из Гейне «все почти прекрасны. Никто лучше г. Фета не переводит Гейне и никто лучше не умеет выбирать из его стихотворений»(*ОЗ.* 1950. № 2. С. 72.). Л. А. Мей, напротив, указав, что многие оригинальные стихотворения Фета — это «неудачная стряпня немецкой кухни фабрики Гейне», невысоко оценил его переводы: «очень немного потеряла бы русская поэзия, если бы из них мы получили только половину» (*Москв.* 1850. № 6. С. 54).

Позднее Фет решил собрать все свои переводы из Гейне для помещения их в «Современнике». 13 ноября 1857 г. он писал А. В. Дружинину: «Спросите Некрасова, оставляет ли он переводы мои из Гейне, а если они не по его вкусу, то возьмите их для Библиотеки. Их всех заново пересмотренных и исправленных 29 пьес, из которых не бывших в печати 13, и за них только я назначил по 15 р.» (Письма к А. В. Дружинину. М., 1948. С. 337). Но ни «Современник», ни «Библиотека для чтения» переводов из Гейне не взяли: они появились в «Русском слове» (1859. № 5. С. 34—48). В этой подборке 28 переводов; «исправления», внесенные Фетом в ранее напечатанные тексты, носили чисто стилистический характер и были вариативны. Показательно, что, перепечатывая их в *Сб1863*, автор вновь внес некоторую правку, возвратившись в трех случаях к текстам *Сб1850.* Поэтому, в соответствии с общими принципами подачи текстов Фета в настоящем собрании (см. с. 416) мы принимаем для переводов из Гейне в качестве основного текст *Сб1850.* В *Сб1863* цикл составил 28 стихотворений.

1. «Красавица-рыбачка...» (С. 175). Впервые: *Москв.* 1841. № 12. С. 295. Перевод стихотворения «Du schones Fischermddchen...».

2. «На севере дуб одинокий...» (С. 175). Впервые: *Москв.* 1841. № 12. С. 295. Перевод стихотворения «Ein Fichtenbaum steht einsam...».

3. «Из слёз моих много родится...» (С. 175). Впервые: *Москв.* 1841. № 12. С. 296. Перевод стихотворения «Aus meinen Trdnen spriessen...»

4. «Хотел я с тобою остаться...» (С. 176). Впервые в *Сб1850.* Перевод стихотворения «Ich wollte bei dir weilen...»

5. «Твои пылают щёки...» (С. 176). Впервые в *Сб1850.* Перевод стихотворения «Es liegt der heisse Sommer...»

6. «По бульварам Саламанки...» (С. 176). Впервые в *Сб1850*. Перевод стихотворения «Auf den Wällen Salamankas...»

7. «Как цвет ты чиста и прекрасна...» (С. 177). Впервые: *ОЗ*. 1843. № 2. С. 298. Перевод стихотворения «Du bist wie eine Blume...»

8. «Ах, опять вс` те же глазки...» (С. 177). Впервые: *ЛГ*. 1847. № 15. С. 228. Перевод стихотворения «Ach, die Augen sind es wieder...»

9. «Как луна, светя во мраке...» (С. 178). Впервые в *Сб1850*. Перевод стихотворения «Wie der Mond sich leuchtend drdnget...»

10. «Ланитой к ланите моей приложись...» (С. 178). Впервые: *ОЗ*. 1842. № 6. С. 371. Перевод стихотворения «Lehn deine Wang an meine Wang...»

11. «Дитя, мои песни далёко...» (С. 179). Впервые: *ОЗ*. 1842. № 6. С. 372. Перевод стихотворения «Auf Flügeln des Gesanges...»

12. «Я плакал во сне: мне приснилось...» (С. 179). Впервые в *Сб1850*. Перевод стихотворения «Ich hab'im Traum geweinet...»

13. Горная идиллия. («На горе стоит избушка...») (С. 180). Впервые в *Сб1850*. Перевод стихотворения «Berg-Idylie». *Гослар* — город в Нижней Саксонии.

14. Посейдон. («Солнце лучами играло...») (С. 181). Впервые: *ОЗ*. 1842. № 12. С. 329. Перевод стихотворения «Poseidon».

СТИХОТВОРЕНИЯ 1856

Отд. изд.: СПб.: В типогр. Эдуарда Праца. 1856. 211, 2 с. Ценз. разр. — 11 февраля 1856 (цензор В. Бекетов).

О причинах, побудивших приняться за издание *Сб1856*, Фет вспоминал: «В последнее время (в начале 1855 г. — *Ред.*) Тургенев стал настаивать на новом собрании моих стихотворений, так как издание пятидесятого года почти все разошлось. Он сам брался за редакцию, приглашая к себе в сотрудники весь литературный ареопаг (кружок «Современника». — *Ред.*). Конечно, мне оставалось только благодарить» (*МВ*. Ч. 1. С. 40). Далее Фет приводит письмо к нему Тургенева, относящееся к зиме — началу весны 1855 г.: «Некрасов, Панаев, Дружинин, Анненков, Гончаров — словом, весь наш дружеский кружок вам усердно кланяется. А так как вы пишете о значительном улучшении ваших финансов, чему я сердечно радуюсь, то мы предлагаем поручить нам новое издание ваших стихотворений, которые заслуживают самой ревностной очистки и красивого издания, для того, чтобы им лежать на столике всякой прелестной женщины. Что вы мне пишете о Гейне? Вы выше Гейне, потому что шире и свободнее его» (*МВ*. Ч. 1. С. 104). Работа над «ревностной очисткой» проходила уже во второй половине года. Тургенев собирался шире привлечь к ней перечисленный «дружеский кружок» и 9 июля 1855 г. писал, например, В. П. Боткину: «Еще просьба: сделай одолжение, возьми книгу «Стихотворений» Фета, отметь карандашом все неудачные стихи и места — и пришли мне ее с этими заметками. Я прибавлю свои — и пошлю всё это Фету для исправления и переделки — я это ему обещал» (*Тургенев. Письма*. Т. 2. С. 291). Боткин, однако, вежливо отказался от поручения и 10 июля отвечал: «Ты навалил на меня нелегкую работу отмечать дурные стихи Фета. Но ты в этом лучший судья, чем я. Напиши мне, есть ли у тебя экземпляр стихотворений Фета — если нет, я вышлю к тебе» (В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная

переписка. М.; Л., 1930. С. 63). Подобные вежливые отказы Тургенев, вероятно, получил и от остальных членов «ареопага», и редактуру *Сб1856* ему, по всей видимости, пришлось осуществлять единолично. Кроме того, не все из названных литературных приятелей были солидарны с Тургеневым. Так, А. Я. Панаева вспоминала о «частых спорах», которые происходили по этому поводу у Некрасова и Тургенева: «Некрасов находил ненужным выбрасывать некоторые стихотворения, а Тургенев настаивал» (*Панаева А. Я.* Воспоминания. М., 1986. С. 203).

Тургенев был в то время одним из активных сторонников «пушкинского направления» в поэзии, борцом за поэзию «типическую» и «объективную». В соответствии с этим он выдвигал прежде всего фетовские элегии (ими, вместо прежних «Снегов», открывается *Сб1856*) и антологические стихотворения. Стремление Фета к передаче подсознательного и иррационального, мелодическая организация поэтических интонаций, «музыкальных» элементов речи — всё это оказывается Тургеневу чуждо. О текстологической проблеме, встающей с тургеневской «правкой», представленной в *Сб1856*, см. выше.

На последнем этапе, в январе 1856 г., Тургенев работал уже лично с Фетом, заставляя автора вносить необходимые изменения, и 8 февраля не без гордости сообщал Боткину: «Фет уехал. Стихотворения его все приведены в порядок и уже поступили в цензуру. На днях начнется печатание» (Письма. Т.2. С. 338). Тогда же Тургенев написал и предисловие к новому изданию, в котором подчеркнул, что *Сб1856* составился «вследствие строгого выбора между произведениями» и, указав на «поправки и сокращения», выразил надежду на то, что «в теперешнем своем виде» он будет для Фета «образцовым».

Решая проблему «улучшения» конкретных поэтических текстов, Тургенев не ставил задачи выработки композиции сборника. Все стихотворения, отобранные им из *Сб1850*, оказались распределены по тем разделам, которые придумал когда-то Ап. Григорьев — Тургенев лишь ликвидировал два раздела: «Сонеты» и «Из Гейне». Он абсолютно не учел проблему циклизации и фактически разрушил прежние фетовские циклы, которые, с одной стороны, были значительно сокращены, с другой — не отделялись от собственно разделов сборника: стихи в них расшифровывались в оглавлении и шли под единой (римской) нумерацией. Кроме того, Тургенев присоединил одно стихотворение к циклу «Вечера и ночи», два стихотворения включил в раздел «Элегии» и четыре присоединил к «Антологическим стихотворениям». Все же остальные новые стихи (41 текст) были механически включены Тургеневым в раздел «Разные стихотворения» (несмотря на то, что некоторые из них ранее печатались в журналах под заглавием «Мелодия»). *Сб1856* по композиции внешне напоминал *Сб1850* с большим и мало понятным «довеском» в конце.

Появление *Сб1856* вызвало ряд критических откликов в журналах; из них более всего выделилась рецензия А. В. Дружинина (*БдЧ.* 1856. № 5. Отд. V. С. 1—19) и статья В. П. Боткина (*Совр.* 1857. № 1. Отд. III. С. 1—42). Наиболее чуткий к поэтическому творчеству Фета из его приятелей, Ап. Григорьев оказался весьма недоволен «тургеневской» правкой и композицией *Сб1856*. В письме к Фету из Флоренции от 4 (16) января 1858 он много рассуждает о позиции поэта «в отношении к своим стихам» и предупреждает: «Вообще верь только *критикам* в этом деле, а не поэтам, т. е. ни Тургеневу, ни Толстому, ни даже Островскому, по той простой причине, что они всегда смотрят сквозь свою призму. Наилучшее доказательство — несчастное издание второе, тургеневское» (*Григорьев Ап.* Письма. М., 1999. С. 175).

ЭЛЕГИИ

X. «Не говори, мой друг: "Она меня забудет..."» (С. 186). Впервые: *ОЗ.* 1854. № 8 С. 337—338, под загл. «Элегия». *Дриад жестоких.* В поздней греческой мифологии дриады — прекрасные нимфы, покровительницы деревьев; в более древних мифах — спутницы Артемиды, жестокой девственной богини охоты, каравшей тех, кто нарушал обет целомудрия.

XI. «Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?..» (С. 187). Впервые: *ОЗ.* 1854. № 8. С. 339. Автограф в *Т 1*, где вместо «И яркий» — «И резкий».

ВЕЧЕРА И НОЧИ

XIV. «Шёпот, робкое дыханье...» (С. 198). Ранняя редакция: *Москв.* 1850. № 2. С 186. Автограф поздней редакции в альбоме О. П. Козловой (*ИРЛИ*), с разночтением в ст. 5: «Мрак ночной» вместо «Свет ночной» и датой: «1889 года 23 января». Это стихотворение Фета стало своеобразным манифестом его поэзии, которым искренне восхищались и который активно отвергали. См. пародии на это стихотворение Н. А. Добролюбова («Первая любовь»), Д. Д. Минаева «Топот, радостное ржанье...», «Холод, грязные селенья...», П. В. Шумахера («Голубой цвет»), Н. А. Вормса («Звуки музыки и трели...»): Русская стихотворная пародия (XVIII — начало XX в.). Л., 1960. С. 507, 510, 514—515, 785. Анализ этого стихотворения см.: *Гаспаров М. Л.* Фет безглагольный // Новобасманная, 19. М., 1990. С. 515—529.

АНТОЛОГИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

XIII. Сон и Пазифая («Ярко блестящая пряжка над белою полною грудью...») (С. 202). Впервые: *Москв.* 1851. № 13. С. 7. *Пазифая* (Пасифея) — в греческой мифологии самая младшая и прекрасная из харит, обещанная Герой в жены богу Сну.

XIV. Спор («Где Нимфа резвая, покинув горный ток...») (С. 203). Впервые: *Совр.* 1856. № 3. С. 69. Стихотворение дает вариацию греческого мифа о «яблоке раздора»: на лесной вершине *прохладной Иды* Парис, сын троянского царя Приама, выращенный пастухом, вручил богине любви Афродите золотое яблоко, на которое претендовали также Афина и Гера. *Уранидьі* — букв. «дети Урана»; потомки древнейшего из богов.

XV. Амимона («Это у вас на Севере всё нипочем. Посмотри-ка...») (С. 204). Впервые: *ОЗ.* 1855. № 3. С. 191. *Амимона* — одна из пятидесяти дочерей героя древнегреческого мифа Даная; членам его рода приписывалось основание некоторых греческих городов.

XVI. На смерть попугая (Из Овидия). («Попка, восточный индеец, всему подражатель крылатый...») (С. 205). Впервые в *Сб1856.* Перевод элегии Овидия: Amores. Кн. II, элегия 6. В письме к Н. А. Некрасову от 25 декабря 1855 Фет сообщил о переводе этой элегии: «Новые стихи и, между прочим — милую элегию Овидия "На смерть попугая" перешлю на рецензию к Тургеневу. Но мне, наконец, совестно обременять его. Я его и так замучил возней с моими стихами. Недаром стихи и грехи — рифма. Трудно предвидеть, сколько крови могут человеку испортить стихи» (Переписка Н. А. Некрасова: В 2-х т. М., 1987. Т. 1. С. 522—523).

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

XIX. Из Гейне. 3. «Желтеет древесная зелень...» (С. 211). Впервые в *Сб1856*. Перевод стихотворения «Das gelbe Laub erzittert...».

XX. «Люди спят; мой друг, пойдем в тенистый сад...» (С. 211). Впервые: *Совр.* 1854. № 1. С. 10. На стихи Фета написан известный романс С. И. Танеева.

XXI. «Растут, растут причудливые тени...» (С. 212). Впервые: *Совр.* 1854. № 1. С. 140.

XXII. На Днепре в половодье. А. Я. П — вой. («Светало. — Ветер гнул упругое стекло...») (С. 212). Впервые: *Совр.* 1854. № 1. С. 137. Ранняя редакция — в автографе из альбома Н. В. Гербеля (РНБ) с датой записи (рукой Гербеля) «1853 года, СПб.». Семь стихов в финале стихотворения были, возможно, изъяты из опубликованного текста по цензурным причинам. Стихотворение посвящено Авдотье Яковлевне Панаевой (1820—1893), писательнице, гражданской жене Н. А. Некрасова, принимавшей активное участие в редактировании «Современника». Впечатления, вызвавшие стихотворение, относятся к армейской молодости Фета. Ср. в *РГ*: «У нас из Крылова в Кременчуг летом было самое дешевое и приятное сообщение по Тясьмину и по Днепру. Стоило только улучить минуту отправления рыбачьей лодки в Кременчуг, и за двугривенный можно было под парусом совершать один из тех переездов, которые я описал в стихотворении "Днепр в половодье"» (*РГ*. С. 319). В *МВ* Фет также вспоминает это стихотворение, когда описывает свое вхождение в круг *Совр.*: «Потому ли, что я стал окружен литературной атмосферой, или уж очень скучал в моем одиноком номере гостиницы, — заехавший ко мне Иван Сергеевич <Тургенев> застал меня с карандашом в руке. Я только что окончил стихотворение "Днепр в половодье". Прослушавши стихи, он сказал: "Я боялся, что талант ваш иссяк, но его жила еще могуче бьет в вас. Пишите и пишите!"» (Ч. 1. С. 36).

XXIII. «Ещё весны душистой нега...» (С. 215). Впервые: *Совр.* 1854. № 5. С. 6. Автограф в *Т 1*. К. С. Аксаков в «Обозрении современной литературы» (Русская Беседа. 1857. № 1. Обозр. С. 21) привел последние два стиха и указал, что в них «искусственная верность доходит до крайности».

XXIV. «Ночь весенней негой дышит...» (С. 215). Впервые: *Совр.* 1854. № 6. С. 222. Автограф в *Т 1* с вар. ст. 4. Стихотворение написано во время пребывания в Эстляндии на берегу Балтийского моря: «Ежедневная близость моря меня победила окончательно, чему свидетельством служат все мои приморские стихотворения, принятые в тогдашнее время тургеневским литературным кругом так сочувственно» (*МВ*. Ч. 1. С. 59).

XXV. «Жди ясного на завтра дня...» (С. 216). Впервые: *Совр.* 1854. № 9. С. 12. Автограф в *Т 1* с вар. ст. 10. Об этом стихотворении Фет сообщал в письме к Н. А. Некрасову от 27 июня 1854 из Ревеля: «Авдотье Яковлевне <Панаевой> я послал стихотворение, о котором, как и о всех других, написанных на берегу морском, не знаю без Тургенева, хороши они или из рук вон» (Переписка Н. А. Некрасова: В 2-х т. М., 1987. Т. 1. С. 520). Ср. отзыв Б. Н. Алмазова: «Стихотворение г. Фета "Жди ясного назавтра дня" представляет как бы собрание всех самых характеристических недостатков произведений г. Фета <...> Неопределенность содержания в нем доведена до последней крайности» (*Москв.* 1854. № 21. С. 41).

XXVI. «Как здесь свежо под липою густою!..» (С. 216). Впервые: *Совр.* 1854. № 11. С. 8, под загл. «Под липой».

XXVII. «Над озером лебедь в тростник потянул...» (С. 216). Впервые: *Совр.* 1855. № 1. С. 5, под загл. «На озере».

XXVIII. Осень («Ласточки пропали...») (С. 217). Впервые: *Совр.* 1855. № 1. С. 6. Автограф в *Т 1*.

XXIX. Сосны («Средь клёнов девственных и плачущих берёз...») (С. 218). Впервые: *Совр.* 1855. № 1. С. 28.

XXX. Больной («Его томил недуг. Тяжёлый зной печей...») (С. 218). Впервые: *Совр.* 1855. № 4. С. 316.

XXXI. В саду («Приветствую тебя, мой добрый, старый сад...») (С. 219). Впервые: *Совр.* 1855. № 2. С. 306. Автограф в *Т 1*, где вместо ст. 7—8, вписанных карандашом против текста на обороте предыдущего листа:

И всё мне кажется: переросла трава
И будет там в лесу мне нестерпимо грустно

Перед ст. 7—8 начало еще одной строки: «Мой замедляет шаг», оставшейся неучтенной. В ст. 11 вместо «станут» — «будут»; в ст. 15 вместо «молодых» — «зелени».

XXXII. Памяти Дмитрия Львовича Крюкова («Когда светильником пред нашими очами...») (С. 220). Впервые: *Совр.* 1855. № 7. С. 12. *Д. Л. Крюков* (1809—1845) был профессором латинского языка и римской словесности в Московском университете; под его руководством Фет начал переводить оды Горация (см. комментарии к *ЛП*). 5 марта 1855 г. исполнялось десятилетие смерти Крюкова. *Громодержавный орел* — в греческой мифологии спутник Зевса-громовержца.

XXXIII. «В долгие ночи, как вежды на сон не сомкнуты...» (С. 220). Впервые: *Совр.* 1852. № 3. С. 110, с датой: «1851 года». Сохранился автограф этого стихотворения в письме к другу и родственнику Фета И. П. Борисову от 9 декабря 1851 (РГБ) под загл. «Не оправдание». Показательна оценка этого стихотворения А. В. Дружининым: «Стихотворение г. Фета своей отчаянной запутанностью и темнотой превосходит всё когда-либо написанное в таком роде на российском диалекте!» (Собр. соч. Т. 6. С. 634).

XXXIV. Морской залив («Третью уж ночь вот на этом холме за оврагом...») (С. 221). Впервые: *Совр.* 1856. № 1. С. 70. Входит в серию «приморских» стихотворений Фета.

XXXV. Не спрашивай, над чем задумываюсь я... (С. 221). Впервые: *Совр.* 1854. № 2. С. 141. Автограф в *Т 1*, с разбивкой на строфы и разночтением в ст. 4: вместо «минувшнх лет» — «забытых лет».

XXXVI. Первая борозда («Со степи зелёно-серой...») (С. 222). Впервые: *Совр.* 1854. № 2. С. 142. Автограф в *Т 1* с вар. ст. 9. Н. А. Добролюбов в статье «Стихотворения Ивана Никитина» (1860) упрекал это стихотворение за аллегоричность содержания: «Смотрит поэт, как мужик пашет, и тотчас представляет нам "Как Юпитера встречает / Лоно Геи молодой"». Между тем, эти стихи являются простой метафорой ожидающей дождя земли: *Гея* — земля, богиня земли; *Юпитер* — бог неба, грозы. А. К. Толстой использовал ритмику и образность этого стихотворения в ироническом перепеве «Мудрость жизни».

XXXVII. «Ты расточительна на милые слова...» (С. 222). Впервые: *Совр.* 1854. № 2. С. 143. Автограф в *Т 1* с вар. ст. 10.

XXXVIII. Лес («Куда ни обращаю взор...») (С. 223). Впервые: *Совр.* 1854. № 2. С. 144.

XXXIX. «Какое счастие: и ночь и мы одни!..» (С. 223). Впервые: *Совр.* 1854. № 2. С. 145.

XL. Степь вечером (*«Клубятся тучи, млея в блеске алом...»*) (С. 224). Впервые: *Совр.* 1854. № 2. С. 146. Автограф в *Т 1*.

XLI. Пчёлы («Пропаду от тоски я и лени...») (С. 225). Впервые: *Совр.* 1854. № 2. С. 147. Б. Н. Алмазов в отклике на публикацию стихотворения объявил его «по недоконченности выражения доведенным до крайней степени» (*Москв.* 1854. № 9. С. 28).

XLII. «Что за ночь! Прозрачный воздух скован...» (С. 225). Впервые: *Совр.* 1854. № 2. С. 148.

XLIII. Старый парк («Сбирались умирать последние цветы...») (С. 226). Впервые: *Совр.* 1854. № 2. С. 149. Автограф в *Т 1*, где вместо последней строфы, вписанной позднее (в конце л. 9 об., с пометой: «варьянт») было:

Как чайка парус там белеет. Мнится мне
Последний мой порыв он, потонув, погубит.
И всё мне кажется, что в дальней стороне
Никто понять тебя не может и не любит.

В ст. 23 вместо «за соснами» было: «над соснами»; в ст. 26 «потопает» было исправлено на «утопает». Осенью 1853 г. для лечения простуды Фет «отправился в Лопухинку, в тамошнюю военную водолечебницу»: «А так как в число приемов лечения входила прогулка и питье воды из местных ключей, то я поневоле ознакомился с прекрасно содержимым парком и всею северною красотой ближайших окрестностей, начиная с прудов, каких мне до той поры видеть не приходилось. Взойду, бывало, на высокий берег в берестовую беседку, всю исписанную карандашом, и любуюсь распростертою у ног моих зеркальною влагою вод. Глубина этой прозрачной влаги, по-видимому, превышала десять сажен, но все водяные поросли на дне были отчетливо видны, словно зеленый лес, растущий в глубокой долине, а крупные форели, неподвижно стоящие с распущенными плавниками, казались птицами, парящими над этой долиной» (*МВ.* Ч. 1. С. 26—27).

XLIV. Весенние мысли («Снова птицы летят издалёка...») (С. 227). Впервые: *Москв.* 1852. № 6. С. 95, без заглавия, рядом со стихотворением «Мне грустно...» (см. стих-е «Напрасно!..» в 3 т. наст. изд.) под общим заглавием «Две мелодии». Новая редакция (та же, что в *Сб1856*): *Совр.* 1854. № 2. С. 150.

XLV. Весна на дворе («Как дышит грудь свежо и ёмко...») (С. 227). Впервые: *ОЗ.* 1855. № 5. С. 2.

XLVI. Вечер («Прозвучало над ясной рекою...») (С. 227). Впервые: *ОЗ.* 1855. № 5. С. 2.

XLVII. Муза («Не в сумрачный чертог Наяды говорливой...») (С. 228). Впервые: *ОЗ.* 1854. № 6. С. 375. Автограф в *Т 1*, где в ст. 4 вместо «героях и конях» было зачеркнуто: «о сломанных мечах»; в ст. 22 вместо «с поцелуем» (возможно, опечатка, сохранившаяся и в *Сб 1863*) было: «поцелуем». Стихотворение ориентировано на стихотворения Пушкина «Муза» («В младенчестве своем она меня любила...», 1821) и Некрасова «Муза» («Нет, Музы ласково поющей и прекрасной...», 1852). *Наяда* — нимфа водоемов. *Цитара* — музыкальный инструмент. *Пиериды* — музы.

XLVIII. «Тёплый ветер тихо веет...» (С. 229). Ранняя редакция: *ОЗ.* 1845. № 6. С. 282.

XLIX. «Последний звук умолк в лесу глухом...» (С. 230). Впервые: *ОЗ.* 1855. № 1. С. 196, под загл. «Nocturno» и без второй строфы, выпущенной, возможно, по цензурным причинам.

L. «В пору любви, мечты, свободы...» (С. 230). Впервые в *Сб1856. Эдема старая змея* — Змий, в образе которого Сатана искусил Еву отведать плодов от райского древа познания добра и зла.

LI. Ива («Сядем здесь, у этой ивы...») (С. 231). Впервые: *ОЗ.* 1854. № 4. С. 349, без 3-й строфы.

LII. «О друг! Не мучь меня жестоким приговором!..» (С. 231). Впервые в *Сб1856.*

LIII. Приметы («И тихо и светло — до сумерек далеко...») (С. 232). Впервые в *Сб1856.*

LIV. «Какие-то носятся звуки...» (С. 232). Ранняя редакция: *Москв.* 1853. № 14. С. 75, под загл. «Мелодия». По признанию самого Фета, это стихотворение посвящено той музыкальной фразе, которую вписал в альбом «Елены Лариной» побывавший в Елисаветграде Ференц Лист: «Перед отъездом он написал ей в альбом прощальную музыкальную фразу необыкновенной задушевной красоты. Сколько раз просил я Елену повторить для меня на рояли эту удивительную фразу. Под влиянием последней я написал стихотворение «Какие-то носятся звуки...»» (*РГ.* С. 432).

LV. Ревель (После представления Фрейшица) («Театр во мгле затих. Агата...») (С. 234). Впервые: *ОЗ.* 1856. № 2. С. 529, без подзаголовка. Фрейшиц («Freischütz» — «Волшебный стрелок») — популярная опера К.-М. Вебера (1819), которую еще Пушкин представил как идеал звуковой гармонии. *Агата* — героиня оперы. Стихотворение было восторженно оценено А. В. Дружининым.

LVI. Первый ландыш («О первый ландыш! Из-под снега...») (С. 235). Впервые: *ОЗ.* 1854. № 8. С. 339, где, как и в автографе (в *Т 1*), содержится другая редакция ст. 10—12:

О чем, не ведая ещё,
И в первый раз благоухает
Ея блестящее плечо.

LVII. Пароход («Злой дельфин, ты просишь ходу...) (С. 235). Впервые: *ОЗ.* 1854. № 4. С. 350.

LVIII. Знакомке с Юга («На Север грустный с пламенного Юга...») (С. 235). Впервые: *ОЗ.* 1854. № 8. С. 339. Автограф в *Т 1.*

LIX. «Вчера, увенчана душистыми цветами...» (С. 236). Впервые в *Сб1856.*

СТИХОТВОРЕНИЯ 1863

Отд. изд.: 2 части. Изд. К. Солдатенкова. М.: В типогр. Грачева и К°. 1863. 261, 8 и 386, 7 с. Ценз. разр.: 1-я ч. — 19 января 1863; 2-я ч. — 21 февраля 1863.

Сб1863 явился для Фета своеобразной вехой как творческой, так и житейской биографии. Судьба этого сборника, вышедшего в самое «неподходящее» для поэзии время, оказалась печальной: тираж (2400 экз.) так и не разошелся при жизни автора. Много лет спустя, в 1879 г. Фет выслал в Петербург своему новому знакомому Н. Н. Страхову часть оставшегося тиража в надежде его

распродать, однако и почти 20 лет спустя спрос на эти два тома был невелик. Только в начале 1880-х годов поэзия вернула себе утраченные права, и Муза поэта заговорила в полный голос, подарив читающей публике первый выпуск «Вечерних огней». Но в начале 1860-х гг. до той поры было слишком далеко. Недаром в своей рецензии на *Сб1863* М. Е. Салтыков-Щедрин повторил уже давно присвоенное Фету Н. А. Некрасовым звание «второстепенного поэта», хотя и отвел ему в этой «семье» одно из видных мест. Ни «самая искренняя свежесть», которой «дышит большая половина его стихотворений», ни то, что «романсы его распевает чуть ли не вся Россия», не смягчили сурового приговора критика: «мир, поэтическому воспроизведению которого посвятил себя г. Фет, довольно тесен, однообразен и ограничен», а «слабое присутствие сознания составляет отличительный признак этого полудетского миросозерцания» (*Совр.* 1863. Т. 98. № 9. Отд. II. С. 83). Еще более нелицеприятными были отклики других демократических изданий (Искра. 1863. №№ 23 и 24; *РСл.* 1863. № 6. Отд. II. С. 62—67 и др.).

Решение поэта уйти из литературы, принятое в начале 1860-х годов, обычно связывают с отрицательной рецензией Д. Л. Михаловского (псевд. М. Лавренский) на перевод Фетом шекспировского «Юлия Цезаря» (*Совр.* 1859. № 6). Однако это не совсем верно. Недолговременный взлет интереса к поэзии и к вопросам эстетическим, что было связано в середине — второй половине 1850-х гг., в частности, с выходом в свет поэтических сборников Ф. И. Тютчева (1854) и Фета (1856) и широким обсуждением их в критике, продлился не более пяти—шести лет, то есть до начала 1860-х годов, вошедших в историю литературы прежде всего прозой — И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова, А. Ф. Писемского, Ф. М. Достоевского, и именами ведущих критиков «Современника» — Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, а также расцветом гражданской лирики Н. А. Некрасова.

Наступала эпоха, когда литература, по выражению чутко отзывавшегося на веяния времени И. С. Тургенева, не могла «быть только *художеством*», и писатель, ближе других стоявший к сторонникам «чистого искусства», вынужден был признать, что «есть интересы высшие поэтических интересов» (письмо Тургенева к В. П. Боткину от 17 (29) июня 1855 г.). Для Фета вопрос стоял иначе: либо литература как «художество», либо — уход из литературы. После «мрачного семилетия» николаевской реакции, общество, а вместе с ним и литература были возбуждены ожиданием скорых реформ, прежде всего отмены крепостного права, и поначалу казалось, что в этом едином порыве объединились все мыслящие люди: западники и славянофилы, представители гражданской лирики и лирики «чистой». Одним словом, Некрасову и Фету еще не было тесно в одном кругу. Они могли общаться и творчески и дружески, как это было, например, в Риме поздней осенью 1856 года, где в одно время оказались Фет с сестрой Надеждой, только что пережившей трагическую любовную историю, и Н. А. Некрасов с А. Я. Панаевой. Подобная ситуация стала невозможной буквально несколько лет спустя, когда выяснилось, что перед русским обществом встала альтернатива: либо Некрасов — либо Фет.

Вокруг журнала «Современник», в недрах которого долгое время сосуществовали поэты, критики и писатели разных ориентаций, начинает группироваться ядро, которое позже будет названо революционно-демократическим направлением. Из журнала уйдут А. В. Дружинин и В. П. Боткин, затем Л. Н. Толстой, даже И. С. Тургенев, более других связанный дружественными узами с редакцией журнала и стоявший у истоков его создания (вернее, возобновле-

ния в 1846 г.). После неудачной попытки договориться о создании чисто литературного журнала в конце 1850-х годов (Фет, Л. Толстой, В. П. Боткин, И. С. Тургенев), Фет начинает активно печататься в дружининской «Библиотеке для чтения», журнале «Русское слово», издаваемом гр. Г. А. Кушелевым-Безбородко, «Репертуаре и Пантеоне», «Русском вестнике» и др. периодических изданиях. Вторая половина 1850-х гг. — время творческого взлета Музы Фета, ободренного поддержкой ведущих критиков — В. П. Боткина и А. В. Дружинина, горячим участием в его судьбе И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова и других известных литераторов. К этому времени относится и начало многолетней и плодотворной дружбы поэта с Л. Н. Толстым. В личной судьбе Фета тоже происходят коренные изменения: в 1857 г. он покидает военную службу, думая посвятить себя целиком литературному творчеству, и в августе того же года женится на М. П. Боткиной, с которой ему будет суждено прожить долгую и счастливую жизнь.

Что касается «чистой поэзии», к которой справедливо причисляли Фета, то ситуация для нее сложилась исключительно неблагоприятная. Почти каждое новое произведение становилось объектом для пародий и насмешек. Д. Д. Минаев, В. С. Курочкин, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев и прочие представители радикального лагеря буквально изничтожали «бессмысленную», лишенную общественного содержания поэзию Фета. В этой ситуации поэт принял решение покинуть арену литературных баталий. Сборник 1863 г. в 2-х частях был его «прощальным» жестом в сторону публики, избравшей других кумиров.

Наиболее открыто ситуация, в которой оказался Фет, осознававший, с одной стороны, свое одиночество в современном литературном мире, и, с другой, — свою родовую связь с предшествующими ему традициями русской и мировой лирики, сформулирована им в стихотворении «Кричат перепела, трещат коростели...»:

Иль век смолкающий в наследство передал
Свои бесплодные мне муки,
И в одиночестве мне допивать фиал,
Из рук переходивший в руки.

Проходят юноши с улыбкой предо мной
И слышу я их шепот внятный:
Чего он ищет здесь, средь жизни молодой
С своей тоскою непонятной?

В этом же стихотворении, опубликованном впервые в «Современнике» (1859, № 6), содержится пророчество, которому отчасти будет суждено сбыться лишь 20 с лишним лет спустя:

Спешите, юноши, и верить и любить,
Вкушать и труд и наслажденье.
Придет моя пора, — и скоро, может быть,
Мое наступит возрожденье.

Приснится мне опять весенний, светлый сон
На лоне божески едином,

И мира юного, покоен, примирен,
Я стану вечным гражданином.

В Предисловии к *Сб1863* Фет сам подчеркивал итоговый характер своего первого *полного* собрания сочинений в 2-х томах («предпринимаю новое полное собрание»: это не Sammlung — сборник, а Versammlung — собрание сочинений), причем весь второй том он посвящает переводам, закрепляя таким образом за собой право на звание «профессионального» переводчика. Правда, многие из его переводов впоследствии редко перепечатывались, да и в целом его многообразная и плодотворная деятельность на этом поприще, встреченная, как и его оригинальная поэзия, градом насмешек, не была оценена по достоинству.

Сб1863, в сущности, не имел редактора, подобно предыдущим и последующим поэтическим сборникам, и, как верно писал Б. Я. Бухштаб, был единственным, «предпринятым книгоиздателем, а не самим Фетом» (*Бухштаб Б. Я.* Судьба литературного наследства А. А. Фета // Литературное наследство Т. 22—24. М., 1935. С. 563.). Сохранился авторизованный список добавлений к *Сб1856*, с правкой рукой Фета (*ИРЛИ*) и экземпляр *Сб1856*, в оглавлении которого Фет «разметил перегруппировку некоторых отделов» Этот экземпляр попал в библиотеку Н. Н. Страхова, которая частично перешла в библиотеку Петербургского университета (Там же).

Таким образом, «прощаясь» с литературой, Фет заявлял о своей самостоятельности и поэтической зрелости. Об этом свидетельствует, вопреки заявлению в Предисловии к сборнику, восстановление двух строф в программном стихотворении «Я пришел к тебе с приветом...». Вряд ли следует согласиться с Б. Я. Бухштабом в том, что в данном случае Фет последовал совету В. П. Боткина, выразившего «косвенное неодобрение исключению последних строф ст-ния» (*СиП1986*. С. 667). Последние строки стихотворения («...не знаю сам, что буду / Петь — но только песня зреет») содержали, по существу, поэтическую декларацию Фета, отстаивавшего свои эстетические принципы. Именно эти строки вызвали негодующую реакцию со стороны рецензентов. И все же Фет в основном сохранил «тургеневскую» правку *Сб1856*, не включив ряд стихотворений, отвергнутых Тургеневым при подготовке предыдущего сборника, как, например, «Ave Maria» или стихотворение из цикла «Снега» («Ветер злой, ветр крутой в поле...»). Вот почему в решении проблемы восстановления текстов *Сб1850* Б. Я. Бухштаб, опубликовавший в *ПССт1837* их «дотургеневские» варианты, в конце концов пришел к однозначному выводу: «Последняя авторская воля формально за изданием 1863 г.» (Там же. С. 574).

Известно, какую роль сыграл в подготовке предыдущего *Сб1856* И. С. Тургенев (см. выше), однако и в дальнейшем писатель принимал участие в редактировании новых стихотворений Фета. Внимательно читая все присылаемые Фетом новые стихотворения, Тургенев еще в ноябре 1857 г. планировал издать в «будущем», то есть 1858 году новый сборник. По-видимому, себя он предназначал в редакторы этого сборника, но на деле вышло иначе. Все чаще и чаще между Тургеневым и Фетом возникали «бесконечные споры», постепенно отдалявшие их друг от друга. Неслучайно диалог с Тургеневым (два поэтических послания, «Под небом Франции...» и др.) становится одной из тем нового поэтического сборника. И все же, несмотря на усиливавшиеся разногласия, авторитет Тургенева оставался для Фета незыблемым, о чем свидетель-

ствуют строки из письма его к А. В. Дружинину от 31 августа 1859 г.: «Жду с каждым днем Тургенева, чтобы у него зажечь свою лампадку» (Письма к А. В. Дружинину // Летописи Гослитмузея. М., 1848. С. 339).

Еще одной темой *Сб1863* становится рассеянный по разным разделам цикл любовных стихотворений, обращенных сначала к невесте, а затем к жене поэта — Марии Петровне Боткиной, свадьба с которой состоялась в Париже 16 августа по ст. ст. 1857 г., на которой Тургенев был шафером. В письме к М. П. Боткиной от 16 (28) мая 1857 г., когда она находилась с сестрой за границей, Фет писал: «Написал еще хорошее стихотворение. Люди хвалят, а не подразумевают, отчего оно хорошо. В Диепп привезу Вам все стихотворения, написанные под Вашим влиянием. Я уверен, что это будут мои лучшие стихотворения» (см.: *Письма к невесте*. С. 40.). Публикатор писем Фета к невесте Г. Д. Асланова относит к таким стихотворениям «Еще майская ночь», «Цветы», «Был чудный майский день в Москве...», «Расстались мы, ты странствуешь далече...», «Если ты любишь, как я, бесконечно...», «Я целый день изнемогаю...», «Anruf an die Geliebte (Бетховена)», «Нет, не жди ты песни страстной...», «Какая ночь! Как воздух чист...», «Новая любовь — новая жизнь», «Музе» («Надолго ли опять мой угол посетила...») и др. «Я так счастлив, — писал Фет Боткину 18 (30) мая 1857 г., — что готов дома ломать, в груди 16 лет, и каждый день стихотворение. Если б жизнь могла длиться при таких условиях, я молил бы у неба бессмертия» (Там же. С. 42), а 14 (26) июня того же года признавался ему же: «Я писал Вам и прозой, и стихами, написал стихотворений 15, и это одна из самых ярких эпох моей пиитической деятельности, по словам Григорьева» (Там же. С. 45. Речь идет об Ап. А. Григорьеве — *Н. Г.*).

Составляя новый сборник, Фет в целом сохраняет, как и раньше, деление на циклы, предложенные еще Ап. Григорьевым: *Элегии, Подражания восточному, К Офелии, Снега, Гадания, Мелодии, Вечера и ночи, Баллады, Антологические стихотворения, Разные стихотворения*, хотя порядок расположения циклов в *Сб1863* изменен, что свидетельствует о возрастающем ощущении необязательности принятой циклизации. В сборник добавляются циклы *Море* и *Весна*. Как писал Б. Я. Бухштаб, в этом сборнике Фет «к распределению стихов, накопившихся с предыдущего издания, отнесся более тщательно, чем Тургенев. Он пополнил ряд отделов, выделил переводы, создал два новых отдела — "Море" и "Весна", включив туда и часть прежних стихов из "Разных стихотворений", но более всего опять-таки пополнил последний отдел, включающий в этом издании больше трети оригинальных стихотворений» (*Бухштаб Б. Я.* Судьба литературного наследства А. А. Фета // Литературное наследство. Т. 22—24. М., 1935. С. 582). Следует, правда, отметить, что некоторые разделы существовали уже в «Лирической Пантеоне» (напр., «Баллады»). Выделены были и переводы.

Главным же отличием *Сб1863* от предыдущих поэтических сборников стало выделение в отдельный том (часть) переводов из античных и современных европейских авторов и цикл переводов «Из Гафиза», представлявший, наряду с единственным переводом «С китайского», Восток. Включил в *Сб1863* Фет и уже опубликованные в 1856 г. отдельным выпуском, с помощью и при ближайшем участии Тургенева, четыре книги од Горация. При этом переводу од Горация предшествовало прозаическое предисловие и подробные подстрочные комментарии, частью воспроизводящие общеизвестные комментарии известных латинистов, частью включившие собственные размышления поэта.

Прозаическое предисловие предваряло и переводы из Гафиза, высоко оцененные Тургеневым.

Собрав свои переводы в отдельный том, Фет не только заявлял о себе как о профессиональном переводчике, но имел и более серьезную цель — представить своеобразный «лирический пантеон» близких ему авторов, ориентируясь в определенной мере на «Западно-восточный диван» Гете. Эта перекличка была вполне осознанной, что подтверждается эпиграфом из «Западно-восточного дивана» к циклу «Из Гафиза» и даже сочетанием прозаических и поэтических текстов, как это было у Гете. Скрытой отсылкой к Гете можно считать и восстановление в известном стихотворении «Я пришел к тебе с приветом...» заключительной строфы, вычеркнутой ранее Тургеневым. Характерно, что свой перевод гетевского «Певца» («Der Sänger»), опубликованный впервые еще в *ЛП*, где содержится аналогичная декларация:

А я пою, как соловей
На ветке винограда,
И песня от души моей
Сама себе награда,

Фет не включил в подборку переводов из Гете. Не включил он в *Сб1863* и стихотворение «Над морем спит косматый бор...» (тоже опубликованное в *ЛП*) с эпиграфом из гетевского «Певца» («Ich singe wie ein Vogel singt, / Der in den Zweigen wohnet»), однако восстановление осмеянных приятелями и неприятелями строк в стихотворении «Я пришел к тебе с приветом...», было со стороны Фета, без сомнения, вполне обдуманным и почти декларативным.

В дальнейшем, при составлении второго выпуска «Вечерних огней», Фет откажется от деления на циклы и будет включать переводы в общий корпус, наряду с лирическими стихотворениями и даже стихотворениями «на случай». В *Сб1863* он еще не решается на это, но, собранные вместе, его переводы из Горация, Катулла, Гете, Шиллера, Гейне, Гафиза и др. давали яркую картину поэтической атмосферы, в которой жила муза Фета. В момент «прощания» спутники поэта должны были поддержать и укрепить его позицию, позицию певца любви и красоты. Без фетовских переводов его оригинальное творчество лишилось бы той оркестровки, в которой оно только и могло существовать.

<ПРЕДИСЛОВИЕ>

Ссылка на друзей поэтов, которым Фет выражает благодарность за помощь, обращена прежде всего к И. С. Тургеневу, принявшему исключительное участие в редактировании предыдущего сборника 1856 г. и новых ст-ний. Забытое друзьями стихотворение, на которое указывает Фет, — «Давно ль под волшебные звуки...», опубликованное впервые в «Москвитянине» (1842. № 8) и включенное затем в *Сб1850* в цикл «Мелодии». В Остр. экз. стихотворение было зачеркнуто Тургеневым.

В целом, этот раздел повторял аналогичный раздел *Сб1856*, хотя некоторая правка свидетельствует, что поэт не механически перенес его из предыдущего сборника.

XII. «Под небом Франции среди столицы света...» (С. 241). Впервые: *Совр.* 1857. № 1. С. 6. В *Т 1* содержатся зачеркнутая заключительная строфа:

Твоим наитием пронесся голос ныне,
Как бы из-за моря встающая заря,
В двойном сиянии и в тройственной святыне
Всех, всех на родину зовущего Царя.

В ст. 12 «жгучий» вписано вместо зачеркнутого: «черный». В ст. 4 вместо «мечта» было начато и зачеркнуто: «д<уша>».

В *Т 1* расположено после ст-ний «Горное ущелье» («За лесом лес и за горами горы...»), датированного: «Париж, октябрь 1856», и «Венера Милосская» («И целомудренно и смело...»), перед ст-нием «Все вокруг и пестро так и шумно...», с пометой «Париж». Все три ст-ния связаны с пребыванием Фета во Франции в августе—октябре 1856 г. и относятся, очевидно, к последнему периоду, т. е. к октябрю 1856 г. В *Т1* содержится зачеркнутая заключительная строфа:

Твоим наитием пронесся голос ныне,
Как бы из-за моря встающая заря,
В двойном сиянии и в тройственной святыне
Всех, всех на родину зовущего царя.

Смысл исключенной строфы объясняется, как отметил Б. Я. Бухштаб, обнародованием 26 августа 1856 г. коронационного манифеста Александра II, статья 33 которого призывала вернуться «отлучившихся без узаконенных видов от жилищ своих или и вовсе из пределов отечества, когда ими не учинено никакого другого преступления». Известный революционный демократ Варфоломей Зайцев в рецензии на *Сб1863* «раскрыл» смысл стихотворения Фета как страх перед грядущей крестьянской революцией (*Зайцев В. А.* Избр. соч. Т. 1. М., 1934. С. 107), с чем, по существу, согласился Б. Я. Бухштаб (*ПССт1937*. С. 683). Справедливо отвергнув такую трактовку, Л. М. Лотман связала это стихотворение с именем И. С. Тургенева и спорами, которые велись в имении П. и Л. Виардо Куртавнеле, где Фет навестил Тургенева (*Лотман Л. М.* Тургенев и Фет // Тургенев и его современники. Л., 1977. С. 37—38). Правда, Лотман, хотя и определила лирическое содержание ст-ния как «ужас перед существующей <...> возможностью разлуки с родиной», как «чувство любви к ней, особенно острое на чужбине», однако сопоставила реальное содержание ст-ния прежде всего со спорами о незаконнорожденной дочери Тургенева Полинетте и с ложным положением самого Фета, что представляется малоубедительным. Под изгнанниками, участь которых страшит поэта, Фет мог иметь в виду А. И. Герцена и др. эмигрантов, которым царь давал возможность вернуться на родину. Он мог иметь в виду и возможное невозвращение в Россию самого Тургенева, чья судьба была Фету небезразлична (Ср. стихотворные послания Фета Тургеневу: «Прошла зима, затихла вьюга...», «Поэт! ты хочешь знать, за

что такой любовью...»). Под изменчивой *«народной волной»* имеются в виду французские революции 1789, 1830, 1848 гг. Общее впечатление от Парижа Фет оставил в своих мемуарах: «...от улицы Риволи до Гипподрома, от последнего винтика в экипаже до первых бриллиантовых серег за стеклом магазина, от художественной выставки до Большой Оперы, — все гладко, ловко, блистательно (bien fait), а целое прозаично, мишурно и бессочно, как нарядный венский пирог, простоявший месяц за окном кондитерской» (*МВ.* Ч. 1. С. 163). *Так древле дикий скиф средь праздничного Рима / Со вздохом вспоминал свой северный Дунай* — возможно, реминисценция из ст-ния М. Ю. Лермонтова «Умирающий гладиатор» (1836), опубликованного впервые без двух последних строф в 1842 г. в «Отечественных записках»: «Ликует древний Рим... торжественно гремит / Рукоплесканьями широкая арена: / А он — пронзенный в грудь — безмолвно он лежит, / Во прахе и крови скользят его колена ... <...> И кровь его течет — последние мгновенья / Мелькают, близок час... вот луч воображенья / Сверкнул в его душе... пред ним шумит Дунай.../ И родина цветет... свободной жизни край; / Он видит круг семьи, оставленный для брани...» и проч. (*Лермонтов М. Ю.* Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1979. Т. 1. С. 363). В свою очередь, первые 2 строфы ст-ния Лермонтова являются свободным переложением строф 139—141 песни IV поэмы Байрона «Чайльд-Гарольд» (Там же. С. 589).

XIII. Смерти («Когда измучен жаждой счастья...»). (С. 241). Впервые: *РВ.* 1857. Т. 9. Июнь. Кн. 2. С. 601. С пометой: «Рим». Датируется временем пребывания Фета в Риме, куда он приехал из Парижа вместе с сестрой Надеждой в конце окт. 1856 и прожил до нач. янв. 1857 г. Автограф в *Т 1*, где на об. предыдущего листа содержится зачеркнутая правка ст. 3—5, а также окончательный вариант ст. 14 (в первоначальном тексте: «В тебе посланницу нам рая») и ст. 22 (в тексте: «К тому безмолвно подойди»). В ст. 23 вместо «Повея» было: «Повеяв»; в заключит. ст. вместо «вежды опусти» было: «очи заведи».

XIV. «Целый заставила день меня промечтать ты сегодня...» (С. 242). Впервые: *РВ.* 1857. Т. 11. Октябрь. Кн. 1. С. 652. Автограф в *Т 1*, где в ст. 15 вместо «опала» было: «агата»: в ст. 16 вместо «слегка-золотой» было: «темно-золотой». *Кудрявый упрямец* — бог любви Эрот, сын *Афродиты*, богини любви и красоты (греч. миф.); *белый порхал мотылек* — зд. намек на изображение в греч. миф. души (Психеи) в виде бабочки или мотылька; *образ Амура и нежной Психеи* — имеется в виду миф об Амуре и Психее, наиболее известный в изложении Апулея («Метаморфозы»), согласно которому Психея, возлюбленная Амура, нарушила запрет и, зажегши свечу, увидела своего возлюбленного, который тотчас исчез. Афродита жестоко преследовала влюбленных, однако страдания Психеи и Амура смягчили Зевса, и влюбленные воссоединились. Возможно, здесь отсылка к знаменитой скульптурной группе А. Кановы (1757—1822) «Амур и Психея» (известна в двух вариантах), которую Фет видел в Лувре во время пребывания в Париже в августе—октябре 1856 г.

XV. Одинокий дуб («Смотри! синея, друг за другом...»). (С. 242). Впервые: *Совр.* 1856. Т. 57. № 5. С. 142, где напечатана ранняя редакция (с изменениями в ст. 4—12):

Один лишь ты, старик упорной,
От зноя тенью благотворной
Хранишь межу родной земли.

Вотще веков минувших сила
Твою вершину обнажила:
Ты непреклонен до конца, —
И долго, долго будут годы
Рукой суровой непогоды
Рвать зелень пышного венца.

Автограф поздней редакции в *Т 1* записан чернилами, где в ст. 13 «Иль» исправлено на «И». На об. предыдущего листа карандашом первая редакция ст. 4—12:

Лишь ты один — старик упорной
Кидаешь тенью благотворной
По тем же рубежам земли.

Веков губительная сила
Твою вершину обнажила
[Но свеж] Ты непреклонен до конца
И долго будут тщетно годы
Рукой <суровой непогоды>
Касаться пышного венца.

Этот текст содержит большую правку, представляющую редакцию, напечатанную в *Совр.* Под ним — вариант ст. 6: «Хранишь межи родной земли».

О возможном воздействии этого ст-ния на размышления князя Андрея Болконского о старом дубе в романе «Война и мир», а также вообще о влиянии лирики Фета на формирование психологического метода Л. Н. Толстого см.: *Эйхенбаум Б.* Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., 1960. (См. также: *Соч.* Т. 2. С. 502—503).

XVI. Италия («Италия, ты сердцу солгала...»). (С. 243). Впервые: *РСл.* 1859. Т. 1. С. 81—82. Автограф в *Т 1*, где вместо обращения в ст. 1 «Италия» было зачеркнуто: «Авзония» — одно из греческих названий Италии, по имени народа, населявшего часть древней Кампаньи (авзоны). Стихотворение навеяно, несомненно, впечатлениями от Италии, где Фет с сестрой Надеждой пробыл несколько месяцев с осени 1856 г. В январе 1857 г. они через Париж, а затем Дрезден уехали в Россию. В *ПССт1937* предположительно датируется этим временем (с. 683). В воспоминаниях Фет писал: «...в грустной и безмолвной Ниобее-Италии, окруженной грязными и жадными нищими, я не признал красавицы-царицы, гордой своими прекрасными детьми, царицы, о которой мне натвердили поэты» (*МВ.* Ч. 1. С. 170). *Сивилла* — сибилла, в греч. миф. прорицательница, чаще всего, грядущих бед. *Страстного кумира* — имеется в виду какая-то римская статуя, возможно, Эрота или Афродиты (Венеры).

XVII. На развалинах Цезарских палат («Над грудой мусора, где плющ тоскливо вьётся...»). (С. 244). Впервые: *РВ.* 1858. Т. 13. Февраль. Кн. 1. С. 512. Автограф в *Т 1*, где ст-ние первоначально называлось «Развалины Цезарских палат». В ст. 22 после «Ты смысла» было начато и зачеркнуто: «их не р<азгадал>». По содержанию ст-ние перекликается с предыдущим (см. № XVI). Аналогично следует, очевидно, решать и вопрос о датировке. В *СиП1986* датируется по письму Фета к В. П. Боткину от 17 янв. ст. ст. 1858 г., в котором содержится автограф ст-ния с заголовком: «На развалинах цезарских палат в

Риме» (С. 636—637) *Цезарь* Гай Юлий (100—44 до н. э.), — рим. полководец, оратор, историк, трибун. Затем диктатор, член триумвирата (с Помпеем и Крассом), с 45 г. — единоличный правитель. Убит заговорщиками-республиканцами в 44 г. до н. э. *Квирит* — римский гражданин, зд. Рим. *Камены* — первонач. в рим. миф. нимфы ручья в посвященной им в Риме роще у Капенских ворот, затем — музы.

XVIII. «Пойду навстречу к ним знакомою тропою...» (С. 245). Впервые: *РСл.* 1859. Т. 3. С. 173. Автограф в *Т 1*, где в ст. 4 вместо «выгнулся» было: «убежал», вместо «померкший» — «дрожащий»; вместо ст. 17—19 было:

Нет, не завидую. — Есть в этой мгле росистой
Какой-то аромат живительный и чистый
Нет, нет... Но издали доходит до меня

XIX. Старые письма. («Давно забытые, под легким слоем пыли...»). (С. 246). Автограф в *Т 1*, где в ст. 5 было: «читают» вместо «встречают»; в ст. 12 вместо «ужасный» — «железный», вместо «прощались» — «расстались». Впервые включено в *Сб1863*. Датируется предположительно 1859 г., по упоминанию в письме Фета к А. В. Дружинину от 27 нояб. ст. ст. 1859 г., где поэт спрашивал, почему ст-ние не напечатано в *БдЧ* (Письма к А. В. Дружинину. М. 1848. С. 345), однако, возможна более ранняя датировка по сопоставлению со стих. XX. По предположению Б. Я. Бухштаба, связано с воспоминаниями о М. К. Лазич.

XX. «О нет, не стану звать утраченную радость...» (С. 247). Впервые: *БдЧ.* 1857. Т. 143. № 5. С. 4—5. В автографе (*Т 1*) в ст. 10 вместо «тоскливой» — «тревожной»: ст. 17 первоначально читался так: «Быть может... О везде я раб мечты непрочной», а ст. 19 — «С сердцами чистыми, как месяц полуночный». Исправленные ст. 17 и 19 вписаны на об. предыдущего листа против текста. Датируется 1857 г. Очевидно, написано до сближения с М. П. Боткиной (февраль—март 1857 г.). *Где с дикой яблонью убором спорит слива / И вечером, жужжа, к улью летит пчела* — рифмы и строение строфы восходят к ст-нию М. Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...» (1837).

ПОДРАЖАНИЯ ВОСТОЧНОМУ

Четыре стихотворения этого раздела впервые опубликованы в *Сб1850*. Заглавие раздела в *Сб1850* и *Сб1856* выглядело несколько иначе: «Подражание восточному» (возможно, в *Сб1863* опечатка, т. к. в «Оглавлении» цикл называется аналогично *Сб1850*). Как в *Сб1856*, в *Сб1863* Фет исключил из цикла стихотворение «Соловей и роза», впервые опубликованное в 1847 г. в *МГЛ* и вошедшее в *Сб1850* со значительными сокращениями и изменениями. К новой редакции этого ст.-ния Фет обратился лишь при подготовке *ВОЗ*. В *Сб1863* раздел переместился в начало сборника (ср. *Сб1850* и *Сб1856*).

К ОФЕЛИИ

В *Сб1863* Фет повторил состав цикла из 3-х стихотворений, опубликованный в *Сб1856* (см. с. 188).

СНЕГА

В состав цикла, по сравнению со *Сб1856*, вошло стихотворение «Скрип шагов вдоль улиц белых...» (№ IX). Стихотворение «Ветер злой, ветр крутой в поле...», вычеркнутое Тургеневым в *Остр. экз.*, в состав цикла, как и в *Сб1856*, не включено.

IX. «Скрип шагов вдоль улиц белых...» (С. 251). В *Сб1863* включено впервые. Автограф в *Т* 1, где содержится ранняя редакция с правкой: в ст. 7 вместо «холодный» — «морозный»: в ст. 10 вместо «Только бы» — «Всё спешит»; в ст. 11 вместо «Ясный» — «Словно»; вместо ст. 9—12 было:

И в безмолвии таится
[Трепет роковой][Страх поры ночной]
Словно [ветер] воздух сам боится
[Стужи ледяной]

Виизу карандашом вписаны варианты ст. 10 и12:

Сдержанная злость
По снегам полозть.

Окончательная редакция записана на об. предыдущего листа.

МЕЛОДИИ

По сравнению с *Сб1850*, в цикл не вошли ст-ния, по-видимому, исключенные из *Сб1856* по настоянию И. С. Тургенева («Тихо ночью на степи...» и др.). В *Сб1863* цикл расширился за счет стихотворений, написанных во время пребывания Фета за границей в 1856—1857 гг.

XIX. «Снился берег мне скалистый...» (С. 256). Впервые: *Совр.* 1857. № 3. Т. 62. С. 80, под заглавием «Сон» с местом написания: «Рим». Автограф в *Т 1* с вар. ст. 5. Датируется пребыванием Фета в Риме (окт. 1856 — янв. 1857).

XX. Туманное утро («Как первый золотистый луч...»). (С. 256). Впервые: *Совр.* 1857. № 3. Т. 62. С. 56, с пометой «Рим». Датируется по аналогии с № XIX. Автограф в *Т 1*, с разбивкой на две строфы. В ст. 11 вместо «палящих» было начато: «горя<щих>»; в последнем ст. приписка варианта, не учтенного впоследствии: вместо «Пусть» — «Да». Ст. 3 в *Сб 1863* читается: «Скользит уступами *с* вершин». Отсутствие «с» в автографе, очевидно, позволило Б. В. Никольскому расценить вариант *Сб 1863* как опечатку и внести исправление (см.: *ПССт1912.* Т. 1. С. 95), которого не было в первом посмертном издании, подготовленном Н. Н. Страховым и К. Р. (см.: *Фет А.* Лирические стихотворения. В 2-х частях. Ч. I. СПб. 1894. С. 144). Это исправление было принято и

Б. Я. Бухштабом, начиная с *СССт1937*. По смыслу, однако, вариант *Сб 1863* представляется более приемлемым и, возможно, был предложен самим поэтом. В *Т 1*, на л. 35, после ст-ния «Сон» содержится карандашная запись: «Капля скатившаясь <sic!> с листа такая утрен<няя> песнь». Это, очевидно, фиксация первого замысла ст-ния «Туманное утро» (см.: *Бухштаб Б. Я.* Творческий труд Фета // *Бухштаб Б. Я.* Фет и другие. Избр. работы. Сост., вступит. статья, подготовка текста М. Д. Эльзона при участии А. Е. Барзаха. СПб., 2000. С. 202—205).

XXI. Римский праздник («Не напевай тоскливой муки...»). (С. 000). Впервые: *Совр.* 1857. № 3. Т. 62. С. 55, без заглавия, с пометой «Рим». Автограф в *Т 1*, также без заглавия с вар. ст. 12 и 16. Датируется по аналогии с №№ XIX—XX. Очевидно, написано под впечатлением римского карнавала.

XXII. Цветы («С полей несется голос стада...»). (С. 257). Впервые: *РВ.* 1858. Т. 14. № 4. Кн. 1. С. 608. Автограф в *Т 1* и в письме к В. П. Боткину от 16 (28) мая 1857, в котором Фет сообщал, что сделал «формальное предложение» сестре Боткина Марье Петровне. Датируется 15 мая 1857, по упоминанию, что ст-ние написано «вчера». По предположению Г. Д. Аслановой, обращено к М. П. Боткиной (*Письма к невесте*. С. 42). Положено на музыку А. С. Аренским.

XXIII. «Вчера я шёл по зале освещённой...» (С. 258). Впервые: *РВ.* 1858. Т. 15. № 5. Кн. 1. С. 180. Автографы в *Т1* и в письме к В. П. Боткину от 4 (16) ноября 1857. В *Т 1* имеются разночтения: в ст. 5 «неясного» исправлено на «тревожного»; в ст. 9 вместо «Знакомыми» было: «Заветными».

XXIV. «Всё вокруг и пестро так и шумно...» (С. 258). Впервые: *РВ.* 1857. Т. 10. № 8. Кн. 1. С. 581, с местом написания: «Париж». Автограф в *Т 1*. В *ПССт1937*, *ПССт1959* и *СиП1986* датируется 1856-м г. со ссылкой на пребывание Фета в Париже в авг. —окт. 1856, однако по содержанию и по местоположению в *Сб1863*, после ст-ний, обращенных к М. П. Боткиной, более вероятным следует считать время написания концом июля — началом авг. 1857, когда поэт прибыл в Париж, не нашел там невесты и отправился за нею в Дьепп (См.: *РГ.* С. 197—199).

XXV. Певице («Уноси мое сердце в звенящую даль...»). (С. 259). Впервые: *РВ.* 1857. Т. 11. № 10. Кн. 2. С. 916. Автограф в *Т 1*, где в ст. 7 «я звончатым» исправлено на: «серебристым»; ст. 15—16 первоначально были записаны так:

> И всё выше и выше звончатым путём
> Уплыву я, как тень за крылом.

Вариант для ст. 15 — «помчусь серебристым» — записан карандашом под ст-нием. Положено на музыку П. И. Чайковским, который писал 26 авг. 1888 г. к К. Р.: «Это не просто поэт, а скорее *поэт-музыкант*, как бы избегающий даже таких тем, которые легко поддаются выражению словом. От этого также его часто не понимают, а есть даже и такие господа, которые смеются над ним или находят, что стихотворение вроде:

> Уноси мое сердце в звенящую даль и т. д.

есть бессмыслица. Для человека ограниченного и, в особенности, немузыкального, пожалуй, это и бессмыслица, — но ведь недаром же Фет, несмотря на свою для меня несомненную гениальность, вовсе не популярен, тогда как Некрасов с его ползающей по земле поэзией — идол огромного большинства читающей

публики» (*К. Р.* Избранная переписка / Сост. Л. И. Кузьмина. СПб., 1999. С. 52).

XXVI. Бал («Когда трепещут эти звуки...»). (С. 259). Впервые: *РВ*. 1857. Т. 12. № 12. С. 814. Автограф в *Т 1*, в ст. 4 «ответный» исправлено на «забытый». Вариант второй строфы в автографе:

И как зари румянец дальный
Иль страстный лепет в полусне,
Под ропот струн и говор бальный
Минутный блеск отраден мне.

XXVII. Anruf an die Geliebte (Бетховена) («Пойми хоть раз тоскливое признанье...»). (С. 260). Впервые: *РВ*. 1857. Т. 10. № 7. Кн. 1. С. 174. Автограф в *Т 1*, где в заглавии отсутствуют скобки, а в ст. 7 «И я блажен» исправлено на: «И без тебя». Ст-ние, очевидно, обращено к М. П. Боткиной, которая 16 (28) мая 1857 г. уехала со своей сестрой за границу, ответив согласием на предложение Фета. Заглавие ст-ния («Призыв к возлюбленной») отсылает к романсу Л. ван Бетховена «An die Geliebte» («К возлюбленной, 1812) или циклу его романсов «An die ferne Geliebte» («К далекой возлюбленной», 1816), хотя и не связано со словами романсов Бетховена. Ст-ние следует, очевидно, датировать маем 1857 г. Положено на музыку П. И. Чайковским.

XXVIII. «Ярким солнцем в лесу пламенеет костер...» (С. 260). Впервые: *РВ*. 1859. Т. XIX. № 2. Кн. 2. С. 737. Автограф в *Т 1*, где первоначально ст-ние было без 4-й строфы, вписанной позднее на об. предыдущего листа. Вариант ст. 5: «Но и думать забыл я про тёмную ночь»; ст. 8 — «Как звездящийся дым улетело»; в ст. 14 «покажет» исправлено на: «укажет».

XXIX. «Свеча нагорела. Портреты в тени...» (С. 261). Впервые: *Сб1863*. С. 81. Автограф в *Т 1* с зачеркнутой 4-й строфой:

Схитрит пред старушкой: «Нельзя вот назвать
Прекрасной дочь, — а хорошенькой» —
И как мне теперь через сад пробежать
В тени, одной-одинешенькой!

19 дек. 1887 г. Фет писал К. Р.: «Я нисколько не против поэтических поисков в области новых размеров, но это чрезвычайно трудно и никогда мне не удавалось, а если удавалось, то в самой слабой, едва приметной степени, как, напр., в стихотворении "Свеча нагорела. Портреты в тени"». По словам Н. В. Досекина, переданным Г. П. Блоком Б. Я. Бухштабу, это ст-ние было одним из наиболее любимых Фетом. Рецензент *Сб1863* В. Зайцев, в свою очередь, своеобразно отметил новаторство Фета: «Это стихотворение — лучшее, потому что по нем уже решительно хоть шаром покати: нет ни мысли, ни даже рифм и размера. Разве где-нибудь зацепишься за кочковатый стих» (*Зайцев В.* Избранные соч. Т. 1. М., 1934. С. 108).

XXX. «Нет, не жди ты песни страстной...» (С. 261). Впервые: *БдЧ*. 1858. Т. 148. № 3. С. 54. Автограф в *Т 1*, где первоначально ст-ние состояло из 1-й и 3-й строф. 2-я строфа вписана позднее, под текстом. Очевидно, это одно из 4-х ст-ний, присланных А. В. Дружинину 13 (25) ноября 1857 г. (см.: Письма к А. В. Дружинину. М., 1948. С. 37). Первые две строфы ст-ния воспроизводят темы и образы «Цыганской венгерки» (цикл «Борьба», № 14; 1857) Ап. Григорьева.

ВЕЧЕРА И НОЧИ

Опубликованный впервые в *ОЗ* (1842, № 5) цикл, в основном, не претерпевал значительных изменений в *Сб1850* и *Сб1856*, исключая опущенный эпиграф из ст-ния Гете «На озере» (см. с. 436) и добавления вновь написанных ст-ний. Как в *Сб1856*, в *Сб1863* отсутствуют ст-ния «Долго еще прогорит Веспера скромная лампа...» и «Что за вечер! А ручей...». К циклу в *Сб1863* добавились ст-ния «На стоге сена ночью южной...», «Заря прощается с землею...» и «Колокольчик».

XV. «На стоге сена, ночью южной...» (С. 265). Впервые: *РВ*. 1857. Т. XII. № 11. Кн. 2. С. 444. Автограф в *Т 1*. П. И. Чайковский в письме к К. Р. от 21 сент. ст. ст. 1888 г. отнес это ст-ние к «гениальным», к «самым высшим, что только есть высокого в искусстве», и высказал намерение (очевидно, оставшееся неосуществленным) когда-нибудь «иллюстрировать» его музыкально (*К. Р.* Избранная переписка. СПб., 1999. С. 57—58). Благодаря К. Р., Фет оказался вовлеченным в обсуждение особенностей русского стихосложения (предпочитающего тонику силлабике, в отличие от более вольного, немецкого) и его, с точки зрения Чайковского, излишней «равномерности в повторении ритмического мотива», симметричности и однообразия (Там же. С. 51). Опровергая эту точку зрения, Фет в письме к К. Р. от 22 авг. 1888 г. привел ст-ние Ф. И. Тютчева «О, как на склоне наших лет...», заставив Чайковского признать свое суждение несправедливым, а самого Фета — поэтом, стоящим «еще выше» «заслуживающего бессмертия» Тютчева. Фет, по мнению Чайковского, «в лучшие свои минуты, выходит из пределов, указанных поэзии, и смело делает шаг в *нашу область*. Поэтому часто Фет напоминает мне Бетховена, и никогда Пушкина, Гете, или Байрона, или Мюссе» (письмо к К. Р. от 26 авг. 1888 г. // Там же. С. 52). В то же время сам Фет считал, что после того, как «гениальный Ломоносов прорвал раз навсегда наше общеславянское силлабическое стихосложение и после того, как Пушкин дал нам свои чистейшие алмазы», вряд ли возможно «для русского уха» снова тянуться к «силлабическому хаосу» (Там же. С. 299).

XVI. «Заря прощается с землёю...» (С. 266). Впервые: *РВ*. 1858. Т. XVIII. № 12. Кн. 2. С. 699. Автограф в *Т1*.

XVII. Колокольчик («Ночь нема, как дух бесплотный...»). (С. 266). Впервые: *Сб1863*. С. 102. Датируется Б. Я. Бухштабом 1859 г. по месту в *Т 1*, где записана др. редакция ст. 9—12:

Или этот белоснежный
С голубым, глубоким дном,
Что висит на змейке нежной
У тычинки под окном.

Ст-ние было послано А. В. Дружинину при письме от 16 янв. 1860 г. для помещения в *БдЧ* (Письма к А. В. Дружинину. М., 1848. С. 350), но, очевидно, не было принято, так как в журнале не появилось. М. Е. Салтыков-Щедрин писал об этом ст-нии: «Прочитывая это воплощенное противоречие грамматике, читатель недоумевает, уж не загадка ли какая перед ним, не "Иллюстрация" ли это шутки шутит, помещая на своих столбцах стихотворные ребусы без картинок? Нет, читатель, это не загадка, а продолжение той же самой поэтической деятельности, которая уже исчерпала скудное свое содержание,

но не хочет сознаться в этом» (*Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. Т. 5. М., 1966. С. 386).

БАЛЛАДЫ

Состав этого цикла в *Сб1863* повторил *Сб1856*, включив в него всего четыре баллады: I. «Тайна» («Почти ребенком я была...»), II. «Ворот» (Спать пора, свеча сгорела...»), III. «На дворе не слышно вьюги...» и IV. «Легенда» («Вдоль по берегу полями...»).

АНТОЛОГИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Традиционный для Фета раздел пополнился в *Сб1863* несколькими новыми стихотворениями: «Диана, Эндимион и Сатир (Картина Брюлова)», «Золотой век», «Даки», «Телемак у Калипсы», «Венера Милосская», «Нимфа и молодой сатир (Группа Ставассера)» и «Сон и смерть». Столь значительное расширение антологического цикла было в определенной степени связано с переводами из Горация, которыми Фет усиленно занимался в 1855—1856 гг., а также с пребыванием его в Италии и Франции, где он ознакомился с античными памятниками.

XV. Диана, Эндимион и Сатир (Картина Брюлова) («У звучного ключа как сладок первый сон!..»). (С.271). Впервые: *ОЗ*. 1856. Т. 108. № 10. С. 312, под загл. «Диана, Индимион и Сатир». Автограф в альбоме Г. П. Данилевского (*РНБ*), без подзаголовка, с датой записи: «28 января 1856-го. Санктпетербург». 25 дек. 1855 г. Фет писал Н. А. Некрасову: «...что же касается до "Дианы, Эндимиона и Сатира", то попрошу Вас прежде справиться через Тургенева, не была ли она напечатана в «Отечественных записках» или, по крайней мере, отдана в ту редакцию? Что-то подобное мне мерещится. Можно сделать ералаш — нисколько того не желая. Если же я ошибаюсь, то с удовольствием вышлю ее» (Переписка Н. А. Некрасова: В 2 т. Т. 1. М., 1987. С. 522). Из письма следует, что ст-ние было одобрено и передано в *ОЗ* Тургеневым, очевидно, по договоренности с А. Краевским, где и было напечатано. Ст-ние воспроизводит сюжет картины К. П. Брюллова «Диана, Эндимион и сатир» (1849), хранящейся в Гос. Третьяковской галерее. *Эндимион* (греч. миф.) — прекрасный юноша, взятый Зевсом на небо, но низверженный оттуда за попытку овладеть Герой, за что Зевс обрек его на вечный сон. *Диана* (рим. миф., в греч. ей соответствует Селена — олицетворение луны) влюбилась в Эндимиона и посещала его ночью в пещере горы Латмос. По др. варианту мифа, влюбленная Селена уговорила Зевса усыпить Эндимиона, чтобы сохранить ему вечную молодость.

XVI. Золотой век («Я посещал тот край обетованной...»). (С. 271). Впервые: *Совр.* 1857. Т. 61. № 1. С. 7—8. Автограф в *Т 1*, где вместо ст. 2 было: «Где между скал златой пронесся век». Эта же строка выписана сначала после основного текста и, в свою очередь, имеет варианты: «светил», затем «сиял» вместо «блистал». В ст. 16 «Как будто бы» исправлено на: «И чудится». Последний ст. также содержит значительную правку: вместо «приподняла» было сначала: «подставила», затем — «Разбив [Пролив] струю она поднятым».

Эпиграф из ст-ния Шиллера «Resignation» («Отречение», 1784). *Аркадия* —

область в Греции (на Пелопонесе), нарицательное название сказочной страны, где живут счастливые люди. *Золотой век* — общий для многих народов миф о существовании в доисторические времена блаженной жизни, в которой царили равенство, изобилие и свобода (в греч. литературе изложен Гесиодом в поэме «Труды и дни», в рим. — у Овидия в «Метаморфозах»). В рим. миф. с золотым веком связывали имя *Сатурна*, научившего людей земледелию, виноградарству и цивилизованной жизни. *Волны эгейские* — волны Эгейского моря у берегов Пелопоннеса. *Менады* — вакханки; *Лией* — Вакх, атрибутом которого был тигр; *Ариадна* — спасшая Тезея на о. Крите от Минотавра, была им покинута (по одному из вариантов мифа) и стала супругой Вакха (Диониса), похитившего ее на о. Наксосе. *Тимпан* — ударный инструмент, атрибут вакханок. 7 (19) мая 1856 г. Фет писал Дружинину: «Я, помня свое обещание, уже приготовил для Вас (т. е. для *БдЧ. — Н. Г.*) стихотворение под названием "Золотой век", которое нынче посылаю на суд к Тургеневу» (Письма к А. В. Дружинину. М., 1948. С. 336). Очевидно, Тургенев решил передать ст-ние Н. А. Некрасову, которому писал 4 (16) июня 1856 г.: «...стихи, которые он прислал мне, очень милы».

XVII. Даки («Вблизи семи холмов, где так невыразимо...»). (С. 273). Впервые: *Совр.* 1857. Т. 61. № 2. С. 7—8, с датой: «Рим, 1 декабря 1856». Автограф (в *Т 1*, л. 55—55 об., 56) содержит 4 слоя авторской правки, из которой наиболее значительная часть относится к ст. 27—38. Кроме того, в ст. 4 «Близ» было исправлено на: «У»; ст. 6: «Из-под руки, стальным резцом вооруженной» был зачеркнут; в ст. 45 вместо «ярой» было: «сильной»; в заключительной строке вместо «цепенеют» было: «умирают». Первоначальный вариант ст. 27—34:

Зачем развратников с коварною душой
Злодеев ты почтил иль дружбой иль враждой?
Рукоплескать твоим усилиям и мукам
Они передадут как дар законный внукам.

Вместо ст. 37—38 было:

Протянет руки к ним могучие свои
И у спасенного попросит рукожатья.

Над последней строкой вписано: «У победителя прося рукопожатья». 2-я редакция ст. 27—28 внесена на л. 56—56 об. карандашом после основного текста:

Для этих суетных безжалостных гуляк
Ты всё не человек, а только дикий Дак.

Вариант ст. 29—30, не вошедших в окончательный текст:

Они рукоплескать [вписано: <рукоплеск>ание] твоим тяжелым мукам
Как дар завещают [вписано: <за>конный] [передадут] внукам.

Вариант ст. 31—32:

Когда в развалинах замолкнет Колизей
Как гробовая тень, — в глазах иных судей.

Против основного текста на л. 56 карандашом вариант ст. 31—38:

Когда в развалинах умолкнет Колизей
Чрез длинный ряд веков в глазах иных судей
Куда бы в бой его ни бросила судьбина
Безмолвно умирать вот [участь] доля Славянина
Напрасно в простоте младенческой своей
Спасать ты двинешься народы иль царей
Мечи изменятся, изменится арена,
Но всюду ждет бойца жестокость и измена.

Вернувшись на л. 53 об., Фет переписывает с л. 56 чернилами последнюю редакцию, куда также вносит правку. Ст. 27—30 звучали так:

По мненью суетных безжалостных гуляк
В потешные бойцы лишь годен дикий Дак
И чуждые для них поддерживая троны
Славяне составлять лишь годны легионы.

В ст. 28 вместо окончательного варианта было: «В бойцы потешные родится дикий Дак»; в начале ст. 31 было зачеркнуто: «Когда», затем — «Хотя б».

Даки — сев.-фракийские племена, жившие к северу от Дуная на территории нынешней Румынии. Во время написания ст-ния даков считали славянами. См. также примеч. к ст-нию «Под небом Франции среди столицы света...» (с. 466—467). В ст-нии отразились размышления Фета о Крымской войне 1853—1856 гг., завершившейся падением Севастополя и поражением России, решающая роль в котором принадлежала европейским союзникам Турции — Англии, Франции и Сардинскому королевству. *Апеннины* — горная цепь в центре Итальянского полуострова. *Ватикан* — резиденция Папы в Риме, расположенная близ собора св. Петра. В одном из залов Ватикана сохранился пол из античных мозаик с черно-белым изображением морского божества *Тритона* (в греч. миф. сын Посейдона), окруженного морскими чудовищами. *Нептун* — в рим. миф. отождествлялся с Посейдоном, владыкой моря, братом Зевса. *Химера* — огнедышащее трехголовое чудовище. *Колизей* — цирк в Риме, где происходили бои гладиаторов и другие зрелища.

XVIII. Телемак у Калипсы («Солнце низко. Легкой мглою...»). (С. 274). Впервые: *Совр.* 1857. Т. 62. № 3. С. 79—80. Автограф в *Т 1. Телемак* (Телемах) — в греч. миф. сын *Одиссея* и Пенелопы, оставшийся во время странствований отца на попечении матери и друга отца — *Ментора*. Отбиваясь от многочисленных женихов Пенелопы, считающих Одиссея погибшим, Телемак отправил на поиски отца, который много лет был в плену у нимфы *Калипсо*, но не смог забыть родину и в конце концов вернулся на Итаку. *Лией* — одно из имен Вакха-Диониса, зд.: вино. *Аврора* — богиня зари, заря.

XIX. Венера Милосская («И целомудренно и смело...»). (С. 275). Впервые: *Совр.* 1857. Т. 65. № 10. С. 310, с заменой, очевидно по цензурным причинам, эпитета «божественное тело» на «смеющееся» (обоснование версии ценз. вмешательства см.: *ПССт1837* — с. 709, *СиП1986* — с. 661—662). Автограф в *Т 1*, где слово «божественный» зачеркнуто и сверху вписано: «смеющееся», первоначально было др. заглавие: «Милосская Киприда». На восстановлении эпитета «божественное» в новом издании настаивал В. П. Боткин (см.: Публичная

библиотека СССР им. В. И. Ленина. Сб. 2. М., 1928. С. 74). По местоположению в автографе Б. Я. Бухштаб датировал ст-ние временем пребывания Фета в Париже: авг.—окт. 1856 г., где он имел возможность увидеть в Лувре знаменитую статую Венеры Милосской, впечатление от которой выразил в очерке «Из-за границы» (*Совр.* 1857. Т. 61. № 2. С. 265—266). *Пафосская страсть* — любовная; в честь богини любви и красоты Афродиты (в рим. миф. Венеры) на о. Кипре в городе Пафосе был воздвигнут храм.

XX. Нимфа и молодой Сатир (Группа Ставассера) («Постой хотя на миг! о камень, или пень...»). (С. 275). Впервые: *Совр.* 1859. Т. 73. № 1. С. 312. Корректура (*ИРЛИ*). Автограф в *Т 1*. В Автографе подзаголовок отсутствует; вариант ст. 1: «Постой хотя на миг! О скрытый сук иль пень»; вариант ст. 4: «Одну ты из своих [оставила] обронишь здесь сандалий»; в ст. 10 вместо «Глядит он на тебя» было: «Он смотрит на тебя»; в ст. 14 вместо «крепкое» — «свежее»; вариант ст. 16: «Твоя улыбка так насмешливо-надменна». Скульптурная группа П. А. Ставассера «Фавн, разувающий нимфу» (1849) находится в Русском музее.

XXI. Сон и Смерть («Богом света покинута дочь Громовержца немая...») (С. 276). Впервые: *Сб1863*. Ч. I. С. 138. Автограф в *Т 1*, где содержится ранняя редакция первых трех ст.:

> Богом покинута дня, дочь громовержца немая
> Ночь, Гелиасу вослед водит возлюбленных чад.
> Ликом смутлая мать, а творческим духом родитель.

Под ст. 3 вписан вариант: «Смутлоликий как мать, но бодрый, как пылкий родитель». Окончательный вариант ст. 3 вписан карандашом под текстом, ст. 4 — там же, чернилами. Огласовка «Гелиас» (вместо привычного «Гелиос») сохранилась в *Сб 1863*. В греч. миф. *Гелиос* — бог солнца, брат Селены и Эос, отец Гелиадов, рожденных от разных нимф. *Сон* — Гипнос, сын Никты (*Ночи*) и брат Танатоса (*Смерти*). Ночь (Никта) породила от Хаоса (а не от Гелиоса, как у Фета) Гипноса (Сон), Танатоса (Смерть) и др. силы, скрывающие в себе тайны жизни и смерти. *Бог света* — Гелиос, по словам Гесиода, никогда не взирает на Сон и Смерть, детей Ночи.

МОРЕ

Цикл, впервые включенный в состав *Сб1863*, возник, по-видимому, из цикла «Приморских стихотворений» в *Т 1*, куда вошли под номерами I, II, III ст-ния «Вечер у взморья», «Жди ясного на завтра дня...» и «Ночь весенней негой дышит...». Два из них были напечатаны в *Сб1856* в разделе «Разные стихотворения». «Приморские стихотворения» написаны были, очевидно, во время пребывания Фета в Эстляндии и Лифляндии с февраля 1854 по март 1856 гг. с кирасирским полком, стоявшим на охране Балтийского побережья во время Крымской войны. Этот период подробно описан Фетом в *МВ*. Ч. 1. О впечатлениях лета 1854 г. Фет писал: «За целое лето у меня было достаточно времени присмотреться к морю во всех его бесконечно разнообразных видах. <...> Тут и красота моря и море красоты! Ежедневная близость моря меня победила окончательно, чему свидетельством служат все мои приморские стихотворе-

ния, принятые в тогдашнее время Тургеневским литературным кругом так сочувственно» (см.: *МВ.* Ч. 1. С. 59). Во время службы Фет неоднократно бывал в Петербурге и общался с кругом «Современника», регулярно посылая И. С. Тургеневу, А. В. Дружинину, Н. А. Некрасову свои новые стихотворения. В дальнейшем к циклу добавились ст-ния, написанные во время пребывания во Франции и Италии в окт. 1856 — янв. 1857 гг., навеянные впечатлениями от Средиземного моря. Впоследствии, готовя *ВО 1*, Фет сохранил название цикла, поместив в нем не опубликованное в свое время Некрасовым в *Совр.* ст-ние «Буря» («Свежеет ветер — меркнет ночь...»), которое было послано в письме от 27 июня ст. ст. 1854 г. и было помечено тем же днем, а также добавил еще три стихотворения, написанных в указанный промежуток времени.

IV. Вечер у взморья. («Засверкал огонь зарницы...»). (С. 277). Впервые: *Совр.* 1856. Т. 60. № 11. С. 153. Автограф в *Т 1*, под номером I в цикле «Приморские стихотворения» и содержит следующую концовку (ст. 7—12):

Посинели неба своды,
Успокоилися воды,
Встали тени-великаны,
Закурилися поляны.
[Мать готовит скромный ужин,
Детям сон прохладный нужен.]
[Пастухи готовят ужин.
Утомленным отдых нужен.]

Окончательная редакция 2-й строфы записана на об. предыдущего листа с пометой «2».
Положено на музыку С. И. Танеевым.

V. «Как хорош чуть мерцающим утром...» (С. 278). Впервые: *БдЧ.* 1857. Т. 145. № 9. С. 96. Автограф в *Т 1* под загл. «Морской берег». Б. Я. Бухштаб датирует его предположительно 1857 г.

VI. «Морская даль во мгле туманной...» (С. 278). Впервые: *БдЧ.* 1857. Т. 145. № 9. С. 96. Автограф в *Т 1*. Здесь содержится ранняя редакция ст. 1—2:

Синеет понт в дали туманной
И парус прячется в дыму.

Над ст. 1 вписан вариант: «Край моря скрыт в дали». Внизу страницы еще раз выписаны два начальных стиха с правкой в ст. 2: «В ней» вместо «И», затем исправлено на: «Там». Окончательный вариант 1-й строфы выписан внизу страницы. Датируется по аналогии с предыдущим.

VII. Прибой («Утёсы, зной и сон в пустыне...»). (С. 279). Автограф в *Т 1*, где первоначально в ст. 1 было:

Скалы. Безмолвно как в пустыне

Затем над строкой вписан окончательный вариант, с иной пунктуацией: «Утесы. Зной и сон в пустыне»; в ст. 6 вместо «красных» было: «гордых». По положению в тетради и по содержанию относится к периоду пребывания Фета во Франции и Италии в окт. 1856 — янв. 1857 гг.

VIII. На корабле («Летим! туманною чертою...») (С. 279). Автограф в *Т 1* и на отд. листке (*ИРЛИ*). По положению в тетради и по содержанию относится к периоду пребывания Фета во Франции и Италии в окт. 1856 — янв. 1857 гг

ВЕСНА

Цикл оформился впервые в *Сб1863*, хотя в него вошли известные ранее 8 ст-ний, напечатанные в *Сб1856* в разделе «Разные стихотворения». Кроме них, раздел пополнили 3 ст-ния, написанные после 1856 г. Впоследствии Фет сохранил этот цикл в *ВО1*, поместив в него новые ст-ния.

IX. Ещё майская ночь. («Какая ночь! на всем какая нега!..»). (С. 282). Впервые: *РВ*. 1857. Т. 12. № 11. Кн. 2. С 443. Автограф в *Т 1* с небольшими изменениями (вместо ст. 4: «Как твой идет и свеж и ясен май!» и вместо ст. 14: «Твой зов, о ночь, не мог меня томить!») и в письме к В. П. Боткину от 18 мая 1857 г., где содержится обоснование точной датировки («написано третьего дня», т. е. 15 мая). Из содержания письма следует, что ст-ние обращено к невесте Фета — М. П. Боткиной (см.: *Письма к невесте*. С. 42. Здесь же опубликовано указ. письмо к Боткину). Л. Н. Толстой, которому Боткин отослал новое ст-ние Фета, писал 9 (21) июля 1857: «Стихотворение Фета прелестно. Не прочтя вашего замечания о неловких 2-х стихах, я сделал то же. Досадно. Зато: "И в воздухе за песнью соловьиной разносится тревога и любовь!" Прелестно! И откуда у этого добродушного толстого офицера берется такая непонятная лирическая дерзость, свойство великих поэтов» (*Л. Н. Толстой*. Переписка с русскими писателями: В 2-х т. Т. 1. М., 1978. С. 221).

X. «Опять незримые усилья...» (С. 283). Впервые: *РСл*. 1860. № 1. С. 259, под загл. «Весна». Автограф в *Т 1* с небольшими разночтениями (вместо ст. 6: «В лесу деревья обошло»; вместо ст. 22: «И к ней приток на середину»). Датируется предположительно (Б. Бухштаб) 1858 или 1859 гг. по местоположению в *Т 1*.

XI. Весенний дождь («Ещё светло, — перед окном...»). (С. 284). Впервые: *РСл*. 1859. № 4. С. 147—148. Автограф в *Т 1*, где ст. 1 был в иной редакции: «Перед окном еще светло», над строкой цифрами указан новый порядок слов; в ст. 4 вместо «песке» было: «пыли». Датируется предположительно (Б. Я. Бухштаб) 1857 г. по местоположению автографа в тетради.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

XLVI. «В темноте, на треножнике ярком...» (С. 294). Впервые: *Совр*. 1856. Т. 55. № 2. С. 224. Автограф в тетради *РГБ*.

XLVII. Ивы и берёзы («Берёзы Севера мне милы...»). (С. 294). Впервые: *ОЗ*. 1843. Т. 31. № 11. С. 52, под загл. «Ива» в составе 6-ти строф, из кот. лишь первые две соответствуют окончат. редакции. Вместо строф 3—4:

Я слышал песню Дездемоны,
Любил Офелии конец —

И помню роковые стоны,
И помню ивовый венец.

С равнины Юга отдаленной
Я видел странником одним
Листочек ивы занесенный,
У сердца бережно храним.

Но ива та не дочь Востока,
Хоть солнцем Юга рождена,
А издалека, издалёка
На Север в дар принесена.

Над ней весь день пылает пламень.
Над ней, решеткой обнесён,
Лежит плитой горючий камень —
На нём черты: Наполеон.

В *Совр.* (1856. Т. 59. № 9. С. 90) ст-ние опубликовано в нов. редакции, автограф которой с вар. содержится в *Т 1*:

После ст. 8:
Любовник горя и кручины,
Знать, тайну грусти разгадал:
Деревья те не без причины
Народ плакучими прозвал.

После ст. 16:
Зато под оскудевшим солнцем
Осенней, позднею порой
Их каждый лист блестит червонцем
Над серебристою корой.

Та же редакция в сб. «Для легкого чтения» (Т. 6. СПб., 1857. С. 161—162). Автограф более поздн. редакции в *Т 1* и на отдельном листке (*ИРЛИ*, архив Г. П. Блока). Датируется периодом до 22 июля 1843 г., по письму В. П. Боткина А. А. Краевскому: «Посылаю два стих. Фета. Довольно посредственные, да на безрыбьи и рак рыба. Куда-нибудь ткнете их... Впрочем, начало "Ивы" очень недурно» (Бумаги А. А. Краевского. СПб., 1893. С. 72).

XLVIII. Ответ Тургеневу («Поэт! ты хочешь знать, за что такой любовью...») (С. 294). Впервые: *Совр.* 1860. Т. 60. № 11, С. 68, под заглавием «Ответ И. С. Тургеневу». Автограф в *Т 1* где в ст. 21 первоначально было: «И ум не постигал, а взоры различали», затем было начато и зачеркнуто: «Заныла грудь моя», после чего вписан окончательный вариант. В переписке современников ст-ние называлось «Петербургская ночь». 11 июня 1856 г. Тургенев, цитируя две заключительные строфы, писал В. П. Боткину: «Фет прислал мне <...> стихотворение «Петербургская ночь», где следующие 10 стихов, особенно последние, меня приводят в восхищение...» (*Тургенев. Письма.* Т. 3. С. 108). Боткин сообщал А. В. Дружинину 24 июня ст. ст. 1857: «Вы видели уже Фета и, верно, знаете его стихи "Петербургская ночь". Особенно окончание удивительно! Я здесь упивался им до сладострастия» (Письма к А. В. Дружинину. М., 1948. С. 47). В ст-нии отразились принципы описания белых ночей Петербурга в

поэме А. С. Пушкина «Медный всадник». В свою очередь, возможно, в повести «Призраки» (гл. XXII) Тургенев откликнулся на это ст-ние, дав свою картину «северной, бледной ночи». Десятилетием раньше летнюю петербургскую ночь сравнил с ясновидящей Ап. Григорьев (в «Первой главе из романа "Отпетая"»):

Спит ночь сама, но спит она над нами
Сном ясновидящей с открытыми очами.

(*Григорьев Ап.* Избр. произведения. Л., 1959. С. 333).

XLIX. Е. П. К—У («Напрасно жизнь зовешь ты жалкою ошибкой...»). (С. 296). Впервые: *БдЧ.* 1856. Т. 139. № 10. С. 207., под загл. «В альбом (Е. П. К—у)». Автограф в *Т 1* под заглавием «Егору Петровичу Ковалевскому», которое зачеркнуто и карандашом вписано окончат. заглавие. В ст. 4 вместо «свой» было: «твой»; после ст. 10:

Скитальцев напоит живительной струёю
Из камня брызнувший ручей.

Далее было зачеркнуто начало новой строфы: «Поить усталого». Обращено к Егору Петровичу Ковалевскому (1809—1868), известному ученому, путешественнику, писателю и обществ. деятелю, с которым Фет познакомился, очевидно, в конце января — нач. февр. 1856 г. в Петербурге (см.: *Черногубов Н. Н.* К хронологии стихов Фета // Северные Цветы на 1902 г. М., 1902. С. 217).

L. У камина («Тускнеют угли. В полумраке...»). (С. 296). Впервые: *Совр.* 1857. 1857. Т. 61. № 2. С. 312, с пометой «Рим». Автограф в *Т 1*, где в ст. 9 вместо «ласкательно» было: «уклончиво»; вместо последнего ст. было: «Всех тех, кого так больно жаль». Окончательный вариант вписан в нижней части листа дважды — карандашом и чернилами. Другой автограф — в альбоме М. П. Боткиной-Фет (*ИРЛИ*), где в ст. 9 вместо «Встает» — «Встают», что позволяет считать вариант *Сб 1863* недосмотром и внести конъектурную правку в текст. Ст-ние послано из Рима Тургеневу Н. А. Некрасовым 25 ноября (7 дек.) 1856 г.: «На закуску вот тебе прелестнейшее стихотворение Фета, какими и он не часто обмолвливается» (*Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 14. Кн. II. СПб., 1999. С. 40). Тургенев переписал ст-ние в письмо к А. В. Дружинину от 5 (17) дек. 1856 г. (*Тургенев. Письма.* Т. 3. С. 159). Возможно, в ст-нии отразились впечатления от встреч с Тургеневым и знакомстве с П. Виардо в августе 1856 г. в Париже и Куртавнеле (см.: *МВ.* Ч. 1. С. 155—158). Датируется, очевидно, ноябрем 1856 г.

LI. Сестра («Милой меня называл он вчера ...»). (С. 297). Впервые: *Совр.* 1857. Т. 110. № 2. С. 649. Автографы в *Т 1* и в альбоме М. П. Боткиной-Фет (*ИРЛИ*).

LII. Горное ущелье («За лесом лес и за горами горы...») (С. 297). Впервые: *Совр.* 1857. Т. 61. № 1. С. 12, с датой «Париж, октябрь 1856». Автограф в *Т 1*.

LIII. Музе («Надолго ли опять мой угол посетила...») (С. 298). Впервые: *Совр.* 1858. Т. 68. № 4. С. 540. Автограф в *Т 1*, с разночтением в 4 ст:

Чьим ликом, чьей душой успела подкупить?

В письме к Фету от 18 дек. ст. ст. 1857 г. Некрасов сообщал, что ст-ние набрано (*Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 14. Кн. II. СПб.,

1999. С. 100). По предположению Г. Д. Аслановой, обращено к М. П. Боткиной (см.: *Письма к невесте.* С. 42).

LIV. Рыбка (*Тепло на солнышке. Весна...*») (С. 298). Впервые: *Совр.* 1858. Т. 71. № 9. С. 268. Автограф в *Т1. Бурмитское зерно* — крупный жемчуг.

LV. «Был чудный майский день в Москве...» (С. 299). Впервые: *РВ.* 1857. Т. 10. № 8. Кн. 2. С. 769. Автограф в *Т1*, где содержатся варианты строфы 4:

И шёл и рос поющий хор.
Какая стройность, сила!
В нём слышен неба светлый лик
И тёмная могила.

и строфы 8:

Парила, чистый серафим,
Влетая в жизнь иную,
Покинув грустную в слезах
Семью свою земную.

LVI. «В леса безлюдной стороны...» (С. 300). Впервые: *БдЧ.* 1858. Т. 147. № 1. С. 145. То же: *РВ.* 1859. Т. 19. С. 738. Автограф в *Т 1*, с дополнительной строфой после ст. 8:

Светла! — и все равно когда
Блаженства луч тебя отметит;
Так полуночная звезда
Незамечаемая светит.

Местоположение в *Т 1* — среди итальянских стихов — дает некоторое основание датировать ст-ние 1856 г.

LVII. На лодке («Ты скажешь, брося взор по голубой равнине...») (С. 300). Впервые: *БдЧ.* 1856. Т. 139. № 10. С. 207—208. Автограф в *Т1.*

LVIII. «Только станет смеркаться немножко...» (С. 301). Впервые: *БдЧ.* 1857. Т. 143. № 5. С. 4. Автограф в *Т 1* и в альбоме М. П. Боткиной-Фет с датой записи: «8-го мая 1857-го года». В *БдЧ* и *Т 1* вариант 2-й строфы:

Потушу перед зеркалом свечи,
Я камин растоплю добела,
Стану слушать веселые речи,
Без которых мне жизнь не мила.

Место в *Т 1* (между парижскими и римскими ст-ниями) дает некоторое основание датировать ст-ние 1856 г. Положено на музыку Павлом П. Булаховым (романс «Крошка»). *До зари осторожной рукою / Вновь платок твой узлом завяжу* — реминисценция из ст-ния Я. П. Полонского «Песня цыганки» («Мой костёр в тумане светит...»), датированного самим Полонским 1853 г., что противоречит воспоминаниям Фета, согласно которым ст-ние датируется первой половиной 1840-х гг. (см.: *Полонский Я. П.* Соч.: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 434). Ср.: «Что касается меня, то едва ли я был не один из первых, почуявших несомненный и оригинальный талант Полонского. <...> Помню, в каком восторге я был, услыхав в первый раз:

Мой костёр в тумане светит,
Искры гаснут на лету...»

(*РГ*. С. 155).

LIX. «Расстались мы, ты странствуешь далече...» (С. 302). Впервые: *БдЧ*. 1858. Т. 147. № 1. С. 137; то же: *РСл*. 1859. Т. 4. С. 147. Автограф в *Т 1* и в письме к М. П. Боткиной, датируемым Г. Д. Аслановой между 8 и 14 июня ст. ст. 1857 г., где Фет писал: «На днях душевные волнения прервали поток искреннего вдохновения, бывший все это время горячей струей. Вот одно из последних стихотворений...» В *БдЧ*, *РСл*. и автографе разночтения в 9 ст.:

И вечером, когда в аллее южной

и в ст. 11:

Знай, тополи и звезды негой дружной

Ст-ние обращено к М. П. Боткиной — невесте Фета, которая в это время находилась за границей.

LX. «Я был опять в саду твоём...» (С. 302). Впервые: *БдЧ*. 1859. Т. 153. № 1. С. 52. Автографы в *Т 1* и в письме от 8 (20) июня 1857 г. к невесте — М. П. Боткиной (к которой ст-ние обращено), находившейся в это время за границей: «Третьего дня был в саду на Маросейке и вот что случилось...» (см.: *Письма к невесте*. С. 43—44). *В саду твоем* — сад в городской усадьбе Боткиных на Маросейке (ныне Петроверигский пер., д. 4). В автографе в *Т 1* разночтение в ст. 6:

В приют уединенной сени

и др. редакция заключит. строфы:

Но отчего у той скамьи,
Где ты в последний раз сидела,
Все силы дрогнули мои
И птичка сладостно запела?

LXI. Дождливое лето («Ни тучки нет на небосклоне...») (С. 303). Впервые: *Сб1863*. Ч. 1. С. 232. Автограф в *Т 1*, без загл. Датируется предположительно по месту в *Т 1* 1857—1858 гг. Корректура *Совр*. под загл. «Ненастье» (*ИРЛИ*).

LXII. Псовая охота («Последний сноп свезён с нагих полей...») (С. 303). Впервые: *РВ*. 1858. Т. 13. № 2. Кн. 1. С. 567. Автографы в *Т 1* и в письме к В. П. Боткину от 4 ноября 1857 г. *Остров* — небольшой отдельно стоящий лес, где возможна «островная» охота с борзыми и гончими. *Русак* — заяц.

LXIII. Грёзы («Мне снился сон, что сплю я непробудно...») (С. 304). Впервые: *Совр*. 1859. Т. 73. № 2. С. 440. Автограф в *Т 1*, где содержится 1-я редакция 2-х первых строф:

Мне снился сон. Лежу я бездыханен,
И чуткий мрак стоит вокруг меня.

Но то не ночь, а день — и как-то странен
Безмолвный сон таинственного дня.

Как будто всё уснуло во вселенной,
Лишь колокол, раздувшись в вышине,
Поёт один, и в гроб уединенный
За звуком звук доносится ко мне.

Автограф 2-й редакции в письме к В. П. Боткину от 28 ноября 1857 г. с указанием, что ст-ние написано «с разрешения Толстого с его слов». Датировать следует, очевидно, поздией осенью 1857 г., когда Фет и Л. Н. Толстой часто встречались на Малой Полянке на «четвергах», которые устраивали супруги Фет.

LXIV. Тургеневу («Прошла зима, затихла вьюга...») (С. 305). Впервые: *БдЧ.* 1859. Т. 153. № 1. С. 51. Автограф в *Т 1*, где в ст. 17 вместо «несут» было: «влекут». На присланное ему ст-ние Тургенев откликнулся 26 февр. 1858 г.: «Присланные Вами стихи очень лестны для меня и очень милы. Один лишь стих: "И верно чуя, что просторней" — не лезет в горло. Зимой, при издании Ваших новых стихотворений, большая будет перепашка» (*Тургенев. Письма.* Т. 3. С. 303). Замечание Тургенева, однако, не было учтено Фетом. *Антики* — памятники античного искусства. *Пинна* (пиния) — хвойное дерево зонтикообразной формы.

LXV. Мотылёк мальчику («Цветы кивают мне, головки наклоня...»). (С. 306). Впервые: *РСл.* 1860. № 2. С. 236. Автограф в *Т 1*, с вар. ст. 11: «И в этот страшный час я упаду в ручей».

LXVI. «Молчали листья, звёзды рдели...» (С. 306). Впервые: *РВ.* 1860. Т. 25. № 1. Кн. 1/2. Автограф в *Т 2* с датой «Ноя<бря> 14», т. е. 14 нояб. 1859 г., т. к. это вторая запись в тетради, подаренной Фету И. П. Борисовым 14 нояб. 1859, с вар. ст. 8 «Чему-нибудь». Положено на музыку Петром П. Булаховым.

LXVII. На железной дороге («Мороз и ночь над далью снежной...») (С. 307). Впервые: *РВ.* 1860. Т. 25. № 2. С. 630. Автограф в *Т 2.*

LXVIII. «Зреет рожь над жаркой нивой...» (С. 308). Впервые: *РВ.* 1860. Т. 25. № 1. Кн. 1/2. С. 392. Автограф в *Т 1*, где содержится ранняя редакция 2-й строфы, позднее вычеркнутой:

В полном блеске дня — над югом
Серп серебряный заметен.
Разбежавшись полукругом
Долго запад разноцветен.

LXIX. «Кричат перепела, трещат коростели...» (С. 308). Впервые: *Совр.* 1859. Т. 75. № 6. С. 630. Автограф в *Т 1.*

LXX. Георгины («Вчера, уж солнце рдело низко...»). (С. 309). Впервые: *РВ.* 1859. Т. 19. № 2. Кн. 2. С. 554. Автограф в *Т 1*, где третья строфа в иной редакции:

Казалось, счастьем безупрёчным
Они навек одарены, —
А ныне холодом полночным
Они стоят опалены.

Здесь же находятся 2 варианта заключительной строфы:

I

Но вея гордою свободой,
Как бы лепечут их листы:
«Живи, враждуя с непогодой,
А мы погибнем как цветы!»

II

Но и утратя блеск волшебный,
Как бы лепечут их листы:
«Живи под бурею враждебной,
А мы погибнем, как цветы!»

LXXI. «Если ты любишь, как я, бескоиечио...» (С. 310). Впервые: Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя А. Ф. Смирдина. Т. VI. СПб., 1859. С. 97. Автограф в *Т 1*, где имеются разночтения в ст. 1:

Если ты любишь, как я, не на шутку,

Ст. 3:

Руку на грудь положи мне малютку:

Ст. 5—6:

О, не считай их с улыбкой враждебной:
Все они страстью полны и тобою.

Обращено, по-видимому, к М. П. Боткиной-Фет.

LXXII. «Еще акация одна...» (С. 310). Впервые: *БдЧ.* 1859. Т. 155. № 5. С. 74. Автограф в *Т 1*, где в первоначальной редакции в ст. 4 был вариант: «Душистый свод не закругляла»; в ст. 5 — «Весенний веял ветерок»; в ст. 8 — «Ложился день блестящим кругом»; ст. 25—26 были вписаны вместо зачеркнутых:

Как будто бы боялась грудь
[Стесниться] Спознаться с первою утратой.

Окончательный вариант ст. 25—26 был вписан между строк 6-й строфы, строки которой пришлось пронумеровать. Обращено, по-видимому, к М. П. Боткиной-Фет.

LXXIII. «Тихонько движется мой конь...» (С. 311). Впервые: *РВ.* 1863. Т. 43. № 1. С. 585, с посвящением С. В. Энгельгардт. Автограф в *Т 2*. Датируется по местоположению в *Т 2* 1862 годом. Софья Владимировна Энгельгардт, рожд. Новосильцева (псевд. «Ольга N.», 1828—1894), писательница и переводчица, друг Фета и его многолетняя корреспондентка. 29 апреля 1863 г. она писала Фету: «Я вас даже не поблагодарила за прекрасное стихотворение, которое вы мне посвятили в "Р<усском> в<естнике>". Скажите, что такое "по вешним заводям"? Это местное выражение, и никто не мог мне его объяснить» (Письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету. Часть 1 (1858—1873) / Публ.

Н. П. Генераловой // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1994 год. СПб., 1998. С. 91).

LXXIV. «Чем тоске, и не знаю, помочь...» (С. 311). Впервые: *РВ.* 1863. Т. 43. № 2. С. 586. Автограф в *Т 2.* По месту в тетради датируется 1862 г. Т. А. Кузминская вспоминала, что в 1862 г. на Рождество Фет «медлительно промычав что-то про себя, как он всегда это делал перед тем, как начать какой-либо рассказ или стнхи, продекламировал недавно написанное им стихотворение "Бессонница". "Чем тоске и не знаю помочь... <...>" Фета заставили продекламировать все полностью. Мне же особенно нравилось начало, и я запомнила его» (*Кузминская Т. А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. 3 изд. Тула. 1959. С. 153).

LXXV. «Прежние звуки, с былым обаяньем...» (С. 312. Впервые: *РВ.* 1863. Т. 43. № 1. С. 204, под загл. «Романс». Автограф в *Т2.* По месту в тетради датируется концом 1862 г. Позднее, включая ст-ние в *ВО1,* Фет поместил его в раздел «Мелодии».

Сабина. (С. 313). Впервые· *РСл.* 1859. № 1. С. 168—173. Сюжет поэмы заимствован из книги римского историка Иосифа Флавия «Иудейские древности» (кн. 18, гл. 3, § 4). История, изложенная Флавием, сводилась к следующему: «...в самом Риме, во храме Исиды произошло весьма срамное и постыдное приключение. <...> В Риме была одна женщина, именем Павлина, не менее знатная породою, как и своим добронравием, притом богатая, доброличная, юная и сверх того весьма целомудренная. Она отдана была в супружество Сатурнину, мужу, не уступавшему ей нимало во всех похвальных ее качествах. В сию Павлину влюбился Деций Мунд, один из самых знатных всадников Римских. И как он не имел ни малыя надежды обольстить подарками ее целомудрие, потому что Павлина самые великие присылаемые ей от него дары с презрением отвергала, то Мунд тем сильнейшею воспламенился к ней любовью: так что за показанное ею однажды снисхождение его страсти обещал ей 200 тысяч Аттических драхм. Но как Павлина и тогда пребыла непреклонна, то он не в силах будучи долее снести насилие любви, вознамерился окончить гладом мучительную жизнь свою...». Однако вольноотпущенная рабыня Ида, проживающая в доме Мунда, с помощью обмана и подкупа жрецов, помогла влюбленному юноше овладеть Павлиною. Один из жрецов, назвав себя посланником Анубиса, повелел Павлине придти ночью в храм Исиды, куда в облике бога явился Мунд и овладел Павлиною. На третий день Мунд открылся Павлине, разоблачив свое коварство. «Сатурнин не умедлил донести о сем императору Тиверию, который, по строгом исследовании сего дела, повелел виноватых жрецов повесить на крестах вместе с Идою, как виновницею их пагубы и изобретательницы коварного сего вымысла. Потом приказал срыть до основания и самый храм, и кумир Исидин погрузить в реке Тибре. Мунда же удоволился наказать единою ссылкой, ведая, что жестокость страсти поступить его таким образом принудила. Сие получило конец коварство жрецов осквернивших храм Исиды» (цит. по *Иосиф Флавий.* Древности иудейские. С латинского на Российский язык преложенные придворным священником Михаилом Самуйловым. В 3-х чч. Ч. 3. СПб., 1783. С. 201—203). Фет достаточно точно следует эпизоду, переданному Флавием, но хронологически неточен. История, рассказанная Флавием, произошла в годы правления императора Тиберия (14—37 гг. н. э.), у Фета же она отнесена ко временам правления Нерона (54—68 гг. н. э.). Подобное нарушение вряд ли можно назвать созна-

тельным и имеющим принципиальное художественное значение, поскольку и сам поэт в *РГ* признавался в своих крайне скромных «исторических» способностях (см.: *РГ*. С. 233). Возможно, правда, что здесь сказалась литературная традиция, согласно которой Нерон рассматривался как знаковая фигура «злодея-императора». Более значимо оказывается то, что Фет, сохраняя имена основных действующих лиц: влюбленного Мунда, Сатурнина, изменяет имя героини. У Флавия она называлась Павлиною (Паулиною), Фет же именует ее Сабиной, что кажется далеко не случайным. Во-первых, таким образом история героини поэмы Фета оказывается соотнесена и с другой трагической судьбой из римской истории, судьбой императрицы Сабины, жены императора Адриана (с 117 по 138 гг. н э), который в 108 г. был консулом и наместником в Сирии. Сабина отличалась не только красотой, но и тонким умом и строгостью нравов (не случайно она была провозглашена «священной»), но брак её был очень несчастлив: муж относился к ней как к рабыне и умирая принудил ее лишить себя жизни. Но Сабина — это еще и горная страна в юго-западной части Апеннин, где располагалось имение Горация, с прославлением и идеализацией которой Фет не раз мог сталкиваться, переводя сочинения Горация. Таким образом, заглавие поэмы оказывается многозначно, с одной стороны, оно указывает на героиню поэмы, с другой — имеет символическое значение.

Нерон (37—68 гг. н. э.) — римский император, прославившийся как жестокий и развращенный тиран, а также тем, что выступал перед народом в качестве певца, актера и состязателя. *Народ шумит. Давно привык / Он к торжеству своей гордыни, / Он всем народам шлет владык / И в Рим увозит их святыни.* Ср. рассуждения Фета в его письме к И. С. Тургеневу от 18 января 1853: «...Греция, куда они [римляне] сами ездят учиться, растоптана, а они со всех концов света бичами и палками сгоняют золото и мраморы для нелепых подражаний грекам и строят круглый пантеон, к которому пришлепнули четырехугольный ящик!» (*Соч.* Т. 2. С. 201). *И рядом стали алтари / И Озириса и Еговы. Осирис* — один из главных богов в Египетской мифологии: бог производительных сил природы и загробного мира. *Егова* — или Яхве, в иудаизме непроизносимое имя единого бога. В поэме Фет достаточно точно воспроизводит сложную ситуацию, сложившуюся в Риме во времена царствования Нерона, когда в пределах Рима было сконцентрировано множество религий и культов, в том числе и восточных, египетских. *Когда у статуи Помпея Брут окровавил свой кинжал.* — Герой древнего Рима Марк Юний *Брут* (85 — 42 до н. э.) был одним из 60 сенаторов, участвовавших в заговоре против великого римского полководца и «вечного диктатора» Юлия Цезаря (см. примеч. к стих. «На развалинах цезарских палат», с. 224), приведшего к убийству последнего у подножия *статуи Помпея* в 44 г. до н. э. *Апеннины* — главная горная цепь в Италии. *Тибур* — римский город на берегах реки Анио, невдалеке от Рима, для жителей которого служил дачным местом. В поэме *«кипучий Анио»* — водопад. *Оры* — в греческой мифологии богини времен года. *«Элизий полный находил!»* — Элизиум: легендарная, простирающаяся на западном краю земли страна блаженных, райские поля с вечной весной или небольшая область в подземном мире, где живут герои, праведники и благочестивые люди. *Гера* — см. примеч. к стихотворению «Гера и Леандр» (с. 441). *Феб золотолукой* — в греческой мифологии одно из наименований Аполлона как бога солнца. *Анубис* — в египетской мифологии бог-покровитель умерших, почитался в образе человека с головой шакала или дикой собаки. *Изида* (Исида) — в

египетской мифологии богиня плодородия, воды и ветра, символ женственности и семейной верности, во времена Фета стала символом тайн природы. *Семела* — в греческой мифологии возлюбленная Зевса, которая по совету ревнивой и коварной жены Зевса Геры потребовала от него, чтобы он явился к ней в божественном облике. Связанный обещанием исполнить любое желание Семелы, Зевс предстал перед ней среди молний и грома и испепелил Семелу. *Сирийский нард* — ароматическое вещество, используемое египетскими жрецами при богослужении, обладает очень сильным запахом и одурманивающими свойствами. *Эсквилин* — один из семи холмов, на котором раскинулся Рим.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИКИ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Раздел состоит из ст-ний, по тем или иным причинам не публиковавшимся при жизни Фета, и из стихотворений «на случай», часто не предназначенных для печати. Некоторые ст-ния (эпиграммы на А. Григорьева, «На смерть Бражникова» и др.) были восстановлены поэтом по памяти и опубликованы им самим в мемуарах. В ряде случаев, для большего удобства в нахождении адресатов, ст-ния, ранее обозначавшиеся только по первой строке, печатаются с подзаголовком в ломаных скобках, указывающим на адресат послания или эпиграммы (А. Григорьеву, И. С. Тургеневу, А. Л. Бржеской, и др.). Обычно такого рода подзаголовки даются в случае бесспорного установления адресата не печатавшегося при жизни поэта ст-ния, которое, как правило, Фет прилагал к письму или включал в него. Раздел «Коллективное» вводится на основании того, что помещенное в нем стихотворение было опубликовано в *ПССт 1959* и в *СиП1986* как целиком принадлежащее Фету.

«...Нет, сколько козней ты ни крой...» <К А. М. Погодиной> (С. 321) Впервые: *РГ*. С. 125. Строфа из сатирического ст-ния, посвященного Аграфене Михайловне, матери М. П. Погодина, отличавшейся, по выражению Фета, «крайней бережливостью» и заведовавшей хозяйством погодинского «пансиона», в котором поэт жил, готовясь к поступлению в университет и учась на 1-м курсе. Пансионеров завтраком не кормили, поэтому они «посылали в лавку <...> за незатейливыми съестными припасами: калачами, дешевой паюсной икрой, колбасою и медом» (*РГ*. С. 125) Датируется 1838 г.

«Грнгорьев, музамн водим...» <Эпиграмма на А. А. Григорьева>. (С. 321). Впервые: *РГ*. С. 152. Эпиграмма на Ап. Григорьева, написавшего и «с величайшим одушевлением» декламировавшего драму в стихах «Вадим Нижегородский» (не сохр.). Приведя запомнившийся ему отрывок из драмы, Фет писал: «Конечно, в то время я еще не был в силах видеть все неуклюжее пустозвонство этих мертворожденных фраз; но что это не ладно, я тотчас почувствовал и старался внушить это и Григорьеву. Так родилась эпиграмма...» (*РГ*. С. 151—152). Возможно, в словах «мой Вадим» содержится намек на трагедию Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский» (1789), сожженную по приказу Екатерины II. Датируется приблизительно 1839 г., временем, когда Фет, по желанию отца,

переселился из пансиона М. П. Погодина в дом Григорьевых на Малой Полянке.

Дифирамб на Новый Год («Тише — полночный час скоро пробьет...») (С. 322). Впервые: *Блок Г.* Рождение поэта: Повесть о молодости Фета. По неопубликованным материалам. Л., 1924. С. 65—66, в письме Фета к И. И. Введенскому от 28 ноября 1840 (хранится в ИРЛИ). Анализируя ст-ние, Г. Блок невысоко оценивал его поэтические достоинства («неряшлив и натянут»), обнаружив влияние Шиллера, в частности, оды «К радости» («An die Freude»), в ее масонском истолковании Ап. Григорьевым, и влияние латинских авторов, в частности, Горация. «Шиллер дал форму, он же, должно быть, подсказал и название: незадолго перед тем Фет перевел шиллеровский «Дифирамб» («Nimmer, das Glaubt mir, erscheinen die Gutter, nimmer allein»), построенный на тех же хоровых началах и с теми же сменами ритма». Перевод «Дифирамба» Шиллера вошел в *ЛП*. В четвертой строфе Блок усмотрел влияние водевиля сороковых годов (Там же. С. 67—68). Части слов, заключенные в тексте в ломаные скобки, восстановлены предположительно: в автографе в этих местах чернильные пятна. Слово «заздравие» в автографе подчеркнуто и на полях сделана заметка для возможного переписчика, что это одно слово, а не два. Судя по письму к Введенскому, Фет хотел поместить ст-ние в «Сыне Отечества». Датируется условно временем до 1840 г., по упоминанию в письме к Введенскому.

«Щёчки рдеют алым жаром ...» (С. 323). *Москв* 1842. № 1. С. 21 как четвертое ст-ние цикла «Снега». В *Сб1850* вместо него помещено ст-ние «Ветер злой, ветр крутой...

<Эпиграмма на А. А. Григорьева(?)> («Он в идее вечно жаден...») (С. 323). Впервые: День. 1913, 9 дек., прил., с. 2, в составе публикации Т. Глаголевой «Новые данные о творчестве А. А. Фета» (запись Б. Я. Бухштаба на личном экземпляре *ПССт1959*; собрание М. Д. Эльзона). Список в бумагах С. П. Шевырева (*РНБ*), на одном листке со списком ст-ния «Мадонна» («Я не ропщу на трудный путь земной...» с общей подписью «А. Ф.». Список озаглавлен «Эпиграмма» и зачеркнут другими чернилами. По предположению Б. Я. Бухштаба (*ПССт1937*, *ПССт1959*), объект эпиграммы — Ап. Григорьев. По предположению М. Д. Эльзона, возможный адресат — И. И. Введенский. Написано не позднее 1842 г. *В конкрете* — калька с лат.: in concreto (в действительности, на самом деле), в противоположность in abstracto — отвлеченно, зд. *в идее*.

«Стихом моим незвучным и упорным...» (С. 323). Впервые: *Москв.* 1842. Ч. I. № 2, отдел «Смесь». С. 76, вместе со ст-нием «Не здесь ли ты легкою тенью...» и др. под общим загл. «Офелии».

Звезды («Отчего все звезды стали...») (С. 324). Впервые: *Москв.* 1842. Ч. I. № 2, отдел «Смесь». С. 78.

К жавороику («Днем ли, или вечером...») (С. 324). Впервые: *Москв.* 1842. Ч. I. № 2, отдел «Смесь». С. 78.

Ручка («Прозрачную канву цветами убирая...») (С. 324). Впервые: *Москв.* 1842. Ч. I. № 2, отдел «Смесь». С. 78.

Весенняя песнь («Уснули метели...») (С. 325). Впервые: *Москв.* 1842. Ч. II. № 4. С. 308. *Крылатый Лель* — Лель — бог любви в псевдославянской мифологии; крылатым он назван по аналогии с Амуром.

Вечериий сад («Не бойся вечернего сада...») (С. 326). Впервые: *Москв.* 1842. Ч. IV. № 7. С. 5.

Горный ключ (Офелии) («С камня на камень висящий...») (С. 326). Впервые: Молодик на 1843 г. Украинский литературный сборник, издаваемый Н. Бецким. Харьков, 1843. С. 116—117 (ценз. разр. от 10 сент. 1842 г.). Под ст-нием помета: «Москва». *Шипок* — бутон.

«Безмолвные поля оделись темнотою...» (С. 327). Впервые: сб. «Подземные ключи». М., 1842. С. 16 (ценз. разреш. от 1 окт.); *Москв.* 1842. Ч. V. № 10. С. 285 (ценз. разреш. от 26 окт.), вместе со ст-ниями «К Морфею», «Когда не свищет вихрь в истерзанных снастях...» и «Бюст», под общим загл. «Антологические стихотворения» и с усеченной концовкой (последняя строка: «Все сном упоено...»), для придания ст-нию «антологического» характера. *Певец любви* — соловей, *скромная самка* — соловьиха, отличающаяся невзрачным серым оперением.

«Когда кичливый ум, измученный борьбою...» (С. 328). Впервые: сб. «Подземные ключи». М., 1842. С. 73. *Как сына блудного влечет опять к Отцу!* — отсылка к притче о блудном сыне (Лк 15, 11—32).

К Морфею («На ложе, свежими цветами испещренном...») (С. 328). Впервые: *Москв.* 1842. Ч. V. № 10. С. 285. Вместе со ст-ниями «Безмолвные поля оделись темнотою...», «Когда не свищет вихрь в истерзанных снастях...» и «Бюст» под общим загл. «Антологические стихотворения». *Морфей* — в греч. миф. крылатое божество, один из сыновей Гипноса (сна), принимающее различн. человеческие формы и являющееся во сне.

«Когда не свищет вихрь в истерзанных снастях...» (С. 329). Впервые: *Москв.* 1842. Ч. V. № 10. С. 285. Вместе со ст-ииями «Безмолвные поля оделись темнотою...», «К Морфею» и «Бюст» под общим загл. «Антологические стихотворения». *Явор* — дерево семейства кленовых. *Киприда* — Венера (Афродита), рожденная, согласно мифу, из морской пены.

Бюст («Когда — из мрамора иль гипса — предо мною...») (С. 329). Впервые: *Москв* 1842. Ч. V. № 10. С. 285. Вместе со ст-ниями «Безмолвные поля оделись темнотою...», «К Морфею» и «Когда не свищет вихрь в истерзанных снастях...» под общим загл. «Антологические стихотворения». Ст-ние обращено к бюсту А. С. Пушкина, возможно, работы скульптора И. П. Витали (1837).

«Как на черте полночной дали...» (С. 329). Впервые: *ПССт1901.* Список на отдельном листе, подписанный Фетом («А. Ф.»), в архиве С. П. Шевырева (*РНБ*). Предположительно датируется 1842 г.

Элегия («Мечту младенчества в меня вдохнула ты...») (С. 330). Впервые: *ПССт1901.* Список на отдельном листе, подписанный Фетом («А. Ф.»), в архиве С. П. Шевырева (*РНБ*). Предположительно датируется 1842 г. Загл. вписано рукой Фета.

Сонет (Офелии) («С тех пор, как Бог в тебе осуществил...») (С. 330). Впервые: *ПССт1901.* Список на отдельном листе, подписанный Фетом («А. Ф.»), в архиве С. П. Шевырева (*РНБ*). Предположительно датируется 1842 г.

Хронос («Я тоскую и беспечен...») (С. 331). Впервые: *ПССт1959.* Авторизованный список, куда вошли также ст-ния «Странная уверенность», «Возвращение», «Ее окно», «Сорвался мой конь со стойла...», «Как много, Боже мой, за то б я отдал дней...» и «Ave Maria», с подписью Фета («А. Ф.») и с общим загл. «Мгновения» в *РГБ* (фонд И. Е. Бецкого). Указанные ст-ния пронумерованы цифрами от IV до X; перед ними, после общего загл., дано перечисление 3-х ст-ний: «I. Перчатка. II. Трубка. III. Перед камином» с общим указанием:

«У Степана Петровича», т. е. у Шевырева. «Перчатка» («Перчатку эту...») и «Ave Maria» были напечатаны в *Москв.* в 1842 г., что делает несомненным предположение, что цикл предназначался для печатанья в журнале. Ст-ние «Перед камином» — это, возможно, «Непогода — осень — куришь...», ст-ние «Трубка» неизвестно. Подпись «А. Ф.» позволяет датировать ст-ния до 1842 г., так как позже Фет подписывался полным именем. В списке ст-ние перечеркнуто. *Хронос* (Кронос) — в греч. миф. один из титанов, пожиравший своих детей, боясь предсказанной своей от них смерти, отец Зевса, который возглавил борьбу с титанами и победил их. В нар. этимологии Кронос отождествлялся с наименованием времени — Хроносом (Сатурном у римлян) и обозначал неумолимое время. *Аид* — властитель подземного царства мертвых.

Странная уверенность («Скорей, молись, затягивай кушак!..») (С. 331). Впервые: *ПССт1959.* См. примеч. к ст-нию «Хронос». В списке ст-ние перечеркнуто.

Возвращение («Вот застава — скоро к дому...») (С. 331). Впервые: *ПССт1959.* См. примеч. к ст-нию «Хронос».

Ее окно (*Как здесь темно...*) (С. 332). Впервые: *ПССт1959.* См. примеч. к ст-нию «Хронос».

«Сорвался́ мой конь со стойла...» (С. 332). Впервые: *ПССт1959.* См. примеч. к ст-нию «Хронос».

«Как много, Боже мой, за то б я отдал дней...» (С. 333). Впервые: *РиП.* 1850. № 5. В авторизованном списке (см. примеч. к ст-нию «Хронос») ст-ние имеет загл. «Желание». В рукописи на левом поле против ст-ния надпись рукой Фета: «Я ошибся, выставив эту пьесу, это элегия по всем правам».

Утес («Моря не было там, а уж я тут стоял...»). (С. 333). Впервые: *ПССт1959.* Авторизованный текст на отд. листе в *РГБ* (фонд И. Е. Бецкого). Датируется на тех же основаниях, что и предыдущие ст-ния.

«Поверьте мне: с надеждой тайной...» (С. 334). Впервые: *ПССт1937.* Автограф с подписью «А. Фёт» в *РГАЛИ.* Так Фет подписывался в первые студенческие годы. «От этой транскрипции Фет отказался, по-видимому, после появления под полной фамилией в печати» (*Блок Г.* Рождение поэта: Повесть о молодости Фета. По неопубликованным материалам. Л., 1924. С. 97—98).

«Ночь тиха. По тверди зыбкой...» (С. 334). Впервые: *ПССт1901.* Автограф в письме к С. П. Шевыреву от 25 дек. 1842 или 1843 г. (*РНБ*): «Благодетельный Степан Петрович! Едва только вы откроете глаза, как уже прекрасный обычай стоит у дверей Ваших с поздравлениями. Русские не оставляют карточек, а просто христославят. Вот и я крещусь на все стороны и начинаю...». В Рождество Фет поздравил своего покровителя Рождественским ст-нием, в основе которого евангельский рассказ о появлении на свет Иисуса Христа и о принесших ему дары («золото, ладан и смирну» — Мф. 2: 11) волхвах. *Смирна* — пахучая смола для курений, *ливан* — ладан.

Блудница («Но Он на крик не отвечал...») (С. 335). Впервые: Бумаги А. А. Краевского. Опись их собрания. Сост. И. А. Бычковым. СПб., 1893. С. 124 (в письме В. П. Боткина к А. А. Краевскому от 11 марта 1843 г.). В основе стихотворения евангельский сюжет о Христе и грешнице (Ин. 8: 3—11).

Горы (Ода) («Стою у каменной стремнины...») (С. 335). Впервые: *Москв.* 1843. Ч. III. № 5. С. 23. В ст-нии использован образный строй ст-ния А. С. Пушкина «Кавказ» (1829). *Гулливые* — гулкие. *Зачем Он горы выбирал, / Когда являлся Моисею* — по Библии, Бог являлся Моисею на горах Синай и Хорив.

«Смотри, красавица, — на матовом фарфоре...» (С. 336). Впервые: *Москв.* 1843. Ч. VI. № 12. С. 285.

Цыганке («Молода и черноока...») (С. 337). Впервые: *ОЗ.* 1844. Т. 32. № 2. С. 196.

В альбом («Я вас рассматривал украдкой...») (С. 337). Впервые: *РиП.* 1844. Т. 8. Кн. 11. С. 271.

«Я говорил при расставаньи...» (С. 338). Впервые: *ОЗ.* 1844. Т. 37. № 11. С. 3, с пометой «Франкфурт на Майне», позволяющей датировать ст-ние августом 1844 г., когда Фет посетил этот город. Положено на музыку А. Л. Гурилевым.

Песнь пажа (Из времен рыцарства) («Говорят, мой голос звонок...») (С. 338). Впервые: *ОЗ.* 1845. Т. 42. № 10. С. 386.

«Вижу, снова небо тмится...» (С. 339). Впервые: *ОЗ. 1845. Т. 43. № 12. С. 194. Звезда любви* — Венера.

«Я вдаль иду моей дорогой...» (С. 340). Впервые: *ОЗ.* 1845. Т. 40. № 5. С. 172, с указанием места написания. *Новая Прага* — посад Александрийского уезда Херсонской губ. Ст-ние датируется сопоставлением времени публикации с началом службы Фета в Александрийском уезде в звании унтер-офицера в составе Орденского кирасирского полка.

На смерть Бражникова («Взвод вперед, справа по три, не плачь!..») (С. 340). Впервые: *РГ.* С. 298—299, с датой «2 июня 1845 г.». Авторизованный текст в письме к К. Р. от 21 июня ст. ст. 1891 г. (*ИРЛИ*), в котором Фет писал: «дошедши в моих воспоминаниях до вступления в кирасиры Военного Ордена, я должен был рассказать о внезапной кончине красавца корнета и вспомнил наизусть написанное 46 лет тому назад стихотворение на его погребение. Если бы я не рылся в моих воспоминаниях, то никогда не вспомнил бы о нигде не появлявшемся стихотворении. На мои глаза, стихотворение это тоже вроде блестящего и мало ценного камешка, которым я поиграл полвека тому назад...» 30 июня 1891 г. К. Р. писал Фету: «Как вы хорошо сделали, что поделились со мной 46 лет назад написанными стихами на смерть Бражникова. Они прелестны, и их непременно нужно поместить в пятом выпуске "Вечерних огней"» (*К. Р.* Избранная переписка. СПб., 1999. С. 361). Ст-ние было подготовлено для V выпуска «Вечерних огней», который не вышел в свет, однако К. Р. опубликовал его в *ЛС1894* уже после смерти поэта. Фет описал смерть Александра Бражникова в *РГ* (С. 297—298), однако ошибся в дате: на самом деле Бражников умер 27 июля 1845 г. (*Григорович А.* История 13-го Драгунского Военного Ордена ген.-фельдмаршала гр. Миниха полка. Т. II. СПб., 1912. С. 156). Б. Садовской (Ледоход. Пг., 1916. С. 94) указал, что в не дошедшей до нас тетради это ст-ние датировано двумя датами: 2 июня 1845 и 14 июля 1891 (даты написания ст-ния и его восстановления по памяти), однако, как отметил Б. Бухштаб, «обе даты неверны <...> Очевидно, первую дату Фет неверно восстановил по памяти, а вторую Садовской неверно прочел» (*ПССт1937.* С. 725).

«В звериниец мой раскрыты двери...» (С. 341). Впервые: *РГ.* С. 295—296, где Фет писал: «Однажды мне пришло в голову набросать стихами шуточную характеристику всех младших офицеров, так как касаться старших было бы бестактно. Прочел я свою характеристику сначала Борисову <И. П. > и еще двум-трем, никак не предполагая, чтобы этот домашний сор вылетел из избы и имел известный успех <...>. Передаю куплеты стихотворения, насколько они сохранились в моей памяти...» (С. 295). С портретами упоминаемых лиц пе-

репечатано в кн. А. Григоровича «История 13-го Драгунского Военного Ордена ген.-фельдмаршала гр. Миниха полка» (Т. II. СПб., 1912. С. 156—157). Датируется 1845 годом.

«Поднялася пыль степная...» (С. 342). Впервые: *РГ*. С. 328. Первый куплет кантаты по случаю царского смотра, заказанной Фету корпусным командиром. Музыка была написана корпусным капельмейстером Пейреком. Кантата, писал Фет, «была напечатана в корпусной типографии и разучена кантонистским хором, но, кажется, не удостоилась быть выслушанной государем. За давностью времени помню только первый куплет...» (*РГ*. С. 328). Датируется августом 1845 г.

«При свете лампады, над черным сукном...» (С. 343). Впервые: *РиП*. 1846. Т. 13. Кн. 3. С. 649.

Воздушный город («Вон там по заре растянулся...») (С. 343). Впервые: *РиП*. 1846. Т. 14. Кн. 4. С. 3.

«Стихом простым, стихом случайным...» (<В альбом А. Я. Марченко>) (С. 344). Впервые: *ЛС1894*. А. Я. Марченко (1830—1880) — беллетристка 1850-х гг., сотрудница *ОЗ* и др. журналов. Ст. 8—14 дают основання думать, что стние написано по случаю переселения А. Я. Марченко из Украины на юг, к морю. Если это так, ст-ние должно быть датировано 1846 г., когда А. Я. Марченко со своей семьей переселилась из киевского имения своего отца в Одессу (см.: *Некрасова Е.* А. Я. Марченко // Киевская старина. 1889. Т. 27. С. 392—422; и рукописную автобиографию А. Я. Марченко в *РНБ*).

Художнику («Не слушай их, когда с улыбкой злою...») (С. 344). Впервые: *РиП*. 1846. Т. 14. Кн. 5. С. 228. В ст. 9 исправлена журнальная опечатка: было «мольбой». *Ты им прости: не ведят, что творят* — реминисценция из Евангелия.

Прости (Офелии) («Прости, — я помню то мгновенье...») (С. 345). Впервые: *РиП*. 1846. № 10. С. 7. 12 ноября 1846 г. А. Ф. Бржеский писал Фету: «В Репертуаре за октябрь прочел я ваше прощание с Офелией: бедная...». Список (без первой строфы) с небольшими разночтениями, подписью: «Фет» и датой: «1845—47» в арх. акад. М. И. Сухомлинова (ПФА РАН. Сообщено М. Д. Эльзоном).

Весна на Юге («Ночью месяц, полон блеска...») (С. 345). Впервые: *РиП*. 1847. № 3. С. 132.

«Прекрасная, она стояла тихо...» (С. 346). Впервые: *ПССт1937*. С. 339—340, по списку в архиве редактора ЛГ В. Р. Зотова (*ИРЛИ*, собрание П. Я. Дашкова), где оно сохранилось среди др. ст-ний на вырванных из тетради листах; каждое из которых имеет номер (XX. «Кенкеты и мрамор и бронза...», XXI. «Я знал, что нам близкое горе грозило...», XLVI. «К Цирцее», LX. «Мой Ангел», XLVII. «К красавцу», LXI. «Последнее слово» и XVIII. «Ах, опять все те же глазки...»). Судя по пометам на списках, они являлись оригиналом, с которого набирались для печати в *ЛГ*, однако, ввиду многочисленных опечаток, все они печатаются в наст. изд. по копиям из арх. Зотова. Ст-ние имеет в списке № XIX и, в отличие от остальных, напечатано в *ЛГ* не было. В ст. 9—12, возможно, содержится аллюзия на Мефистофеля (*допотопный / И умный франт*), в таком случае лирический герой может ассоциироваться с Фаустом, а героиня — с Гретхен. Б. Я. Бухштаб, ввиду «смысловой неясности ст-ния», предположил неисправность в списке (*СиП1986*. С. 690).

«Кенкеты, и мрамор, и бронза...» (С. 346). Впервые: *ЛГ*. 1847. № 15. С. 227, по списку из архива редактора ЛГ В. Р. Зотова (*ИРЛИ*, собрание П. Я. Дашкова) — см. примеч. к ст-нию «Прекрасная, она стояла тихо...». Ст-ние имеет в списке № XX. *Кенкет* — старинная комнатная лампа с масляной горелкой. *В vis-a-vis* — зд.: партнер в кадрили, танцующий напротив (франц.).

«Я знал, что нам близкое горе грозило...» (С. 347). Впервые: *ЛГ*. 1847. № 15. С. 227, по списку в архиве редактора *ЛГ* В. Р. Зотова (см. примеч. к ст-нию «Прекрасная, она стояла тихо...»). Ст-ние имеет в списке № XXI.

К Цирцее («Блажен, о Цирцея, кто в черные волны забвенья...») (С. 348). Впервые: *ЛГ*. 1847. № 15. С. 227, по списку в архиве редактора *ЛГ* В. Р. Зотова (см. примеч. к ст-нию «Прекрасная, она стояла тихо...»). Ст-ние имеет в списке № XLVI. Оно созвучно по содержанию и поэтике одам Горация, переводами которых Фет занимался в это время. *И волны забвенья кольцо возвратят Поликрату* — в греч. миф. рекой забвения является Лета; согласно Геродоту («История», кн. III), боги из зависти не приняли добровольной жертвы правителя Самоса Поликрата, бросившего свой любимый перстень в море, обрекая его тем самым на мучительную смерть. *Эрот* — в греч. миф. бог любви.

Мой Ангел («Как он прекрасен...») (С. 348). Впервые: *ЛГ* 1847. № 15. С. 228, по списку в архиве редактора *ЛГ* В. Р. Зотова (см. примеч. к ст-нию «Прекрасная, она стояла тихо...»). Ст-ние имеет в списке № LX. *Страдалец Голгофы* — Иисус Христос.

Последнее слово («Я громом их в отчаяньи застигну...») (С. 349). Впервые: *ЛГ*. 1847. № 15. С. 228, под загл. «Гнев Зевеса»; *Совр.* 1856. Т. 59. № 10. С. 282, с изм., под загл. «Последнее слово». Автограф в *Т 1*, первоначально под загл. «Пророку», со вступит. строфой, не напечатанной, возможно, по цензурным причинам:

Восстань, пророк, и препояшься снова,
Иди ты в путь, которым раньше шел,
Последнее мое поведай слово
[И возвести последний мой глагол]
И грозный мой им возвести глагол.

Заглавие «Гнев Зевеса» дано, очевидно, редакцией *ЛГ* в цензурных целях, так как в списке, с которого ст-ние печаталось (архив В. Р. Зотова, *ИРЛИ*; см. примеч. к ст-нию «Прекрасная, она стояла тихо...»), оно называлось «Гнев Бога», причем «Бога» было зачеркнуто карандашом и рядом написано: «Зевеса». На полях чернилами (не теми, которыми написан текст) сделана надпись: «Не было пропущено, но авось у нас пропустят».

«Мы нравимся уездам и столицам...» (<В альбом А. Л. Бржеской>) (С. 349). Впервые: Новое время. 1903. № 9898, 24 сент. (со снимком автографа). Автограф в альбоме А. Л. Бржеской (*ИРЛИ*), к которой и обращено ст-ние, с датой и местом написания. *Березовка* — имение А. Ф. и А. Л. Бржеских в Херсонской губ.

«Весенних чувств не должно вспоминать...» (<В альбом А. Л. Бржеской>). (С. 350). Впервые: Новое время. 1903. № 9933, 29 окт. (со снимком автографа). Автограф в альбоме А. Л. Бржеской (*ИРЛИ*) с датой и местом написания. *Соловей и роза* — важнейшие для Фета образы его поэтического миросозерцания. В Предисловии к *ВО 3* Фет, помещая новую редакцию ст-ния «Соловей и роза» (*Сб1850*), заметил, «что ни в одном из наших новых произведений с такою ясностью не проявляется направление, к которому постоянно

порывалась наша муза» (*Фет А. А.* Вечерние огни. М., 1981. Изд. 2-е. С. 242). Ст-ние обращено к А. Л. Бржеской.

«Я в моих тебя вижу всё снах...» (<В альбом А. Л. Бржеской>) (С. 350). Впервые: Новое время. 1903. № 9821, 9 июля (со снимком автографа). Автограф в альбоме А. Л. Бржеской (*ИРЛИ*), с датой и местом написания.

«Пусть критика и злобна, и зубаста!..» <В альбом А. В. Сливицкой> (С. 351). Впервые: *ПССт 1959*. С. 509. Автограф в *РГАЛИ*, на отдельном листе с датой: «Апреля 22-го дня», и припиской чужой рукой: «При отъезде в Орд<енский> полк. Вследствие нападений В. М. Бакунина на стихи Фета в альбоме А. Л. Бржеской». Приведено с вар. ст. 3: «Пегасу я сказав на время — баста!» в рукописи внука А. В. Сливицкой В. И. Анненского-Кривича, который в очерке «Над выцветшими липами...» (1918—1925) (*РГАЛИ*. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 37. Сообщено Г. В. Петровой) дал описание альбома 40-х годов, принадлежавшего его бабке, «молодой, далеко не красивой, но чрезвычайно любезной», как вспоминал позднее Фет, жене «состоящего по кавалерии полковника Сливицкого» (*РГ*. С. 352). А. В. Сливицкой принадлежит сделанный в 1846 г. акварельный портрет Фета (см.: *ПССт1959*, между с. 176 и 177). Анненский-Кривич определил год написания экспромта, помеченного «22 апреля», как 1848-й и место — г. Елисаветград. В альбоме (местонахождение неизвестно) содержался резкий отзыв в стихах некоего В. М. Бакунина по поводу стихотворений Фета, написанных в альбом А. Л. Бржеской, а также обсуждение в стихах возникшей полемики. Излагая историю четверостишия Фета, проливающую свет на положение его во время воинской службы в Херсонской губернии, автор упоминает и о том, что поэт давал уроки чистописания его матери.

«Отвергнув гордое сомненье...» (<В альбом С. А. Рачинскому>) (С. 351). Впервые: Татевский сборник С. А. Рачинского. СПб., 1899. С. 142, с датой и местом записи. Автограф в альбоме С. А. Рачинского (*РГАЛИ*). Эпиграф из стния Е. А. Баратынского «В альбом» приводится в редакции «Стихотворений» Баратынского 1835 г.

«Мой друг, я верую, надеюсь и люблю...» (С. 351). Впервые: *ПССт1937*. С. 365. Автограф в письме Фета к Я. П. Полонскому от 30 июля 1848 г. (*ИРЛИ*). *...верую, надеюсь и люблю* — три основные христианские добродетели.

«Когда опять по ка́мням заиграет...» (С. 352). Впервые: Фет в переписке с И. П. Борисовым // Литературная мысль. 1923. Кн. I. С. 212. Публ. Е. Покровской. Автограф в письме Фета к И. П. Борисову от 22 апр. 1849 г. (*ИРЛИ*). «Не каркаю тебе ничего, — писал Фет. — Разве прокаркать песенку, пропетую мною весне».

«Где Север — я знаю!..» (С. 352). Впервые: *Москв.* 1853. Ч. IV. № 15. С. 113, под загл. «Мелодия». Автограф в письме Фета к М. П. Погодину от 16 дек. 1849 г. (*РГБ*).

«Среди несметных звезд полночи...» (С. 352). Впервые: *ПССт1901*. Автограф в письме Фета к М. П. Погодину от 16 дек. 1849 г. (*РГБ*).

«Как гений ты, нежданный, стройный...» (С. 353). Впервые: *Москв.* 1850. Ч. 1. № 2. С. 186.

«Перекладывают тройки...» (<И. П. Борисову>) (С. 353). Впервые: Северные цветы на 1902 год. М., 1902. С. 100—101. Автограф в письме Фета к И. П. Борисову от 3 февр. ст. ст. 1850 (*РГБ*). «Совершенно хладнокровно и механически переписываю тебе одно стихотворение, потому что оно твоя собственность и ты, верно, узнаешь местность, — писал Фет. — Думай об этом

стихотворении, что хочешь, но ради Аллы <Аллаха>, прими к точному руководству последний стих». Последняя фраза указывает, что ст-ние обращено к И. П. Борисову, который был посвящен в историю отношений Фета и М. К. Лазич. Здесь описана обстановка в семье «отца <М. Лазич>, отставного кавалерийского генерала сербского происхождения, сподвижника Суворова и Багратиона («утрюмый про Суворова рассказчик»), участника почти всех войн, какие вела Россия с 1892 по 1828 год...» (*Блок Г. П.* Летопись жизни А. А. Фета / Публ. Б. Я. Бухштаба // А. А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества. Курск. 1994. С. 295).

«Напрасно, дивная, смешавшися с толпою...» (С. 355). Впервые: *РиП.* 1850. Т. 3. Кн. 5 С. 71. Под загл. «Четыре элегии», вместе со ст-ниями «Слеза слезу с ланиты жаркой гонит...», «Следить твои шаги, молиться и любить...» и «Как много, Боже мой, за то б я отдал дней...» Обращено, по предположению Б. Я. Бухштаба, к М. Лазич. *Ты раз явилась мне как дивное виденье* — реминисценция из ст-ния А. С. Пушкина «К ***» («Я помню чудное мгновенье...»); см. также последнюю строфу.

«Слеза слезу с ланиты жаркой гонит...» (С. 355). Впервые: *РиП.* 1850. Т. 3. Кн. 5. С. 71 (см. примеч. к ст-нию «Прекрасная, она стояла тихо...», с. 494). Обращено, по предположению Б. Я. Бухштаба, к М. Лазич. *Крылатый сон опережает брата* — в греч. миф. Ночь (Никта) породила от Хаоса Гипноса (Сон) и Танатоса (Смерть). Ср. ст-ние «Сон и Смерть».

«Следить твои шаги, молиться и любить...» (С. 356). Впервые: *РиП.* 1850. Т. 3. Кн. 5. С. 72 (см. примеч. к ст-нию «Прекрасная, она стояла тихо...», с. 489). Обращено, по предположению Б. Я. Бухштаба, к М. Лазич.

«Я жертву приносил обильную Приапу...» (<В альбом Г. П. Данилевскому>) (С. 356). Впервые: Камена. Ежемесячник. Кн. I. Харьков. 1918. С. 18. Публ. И. Я. Айзенштока. Автограф в альбоме писателя Г. П. Данилевского (1829—1890), с подзаголовком «Г. П. Данилевскому» и датой записи: «Января 4-го дня 1852 года. Петербург». *Приап* (Приап) — в античн. миф. фаллическое божество производительных сил природы; *Эскулап* — в рим. миф. бог врачевания; *Вулкан* — в рим. миф. бог разрушительного и очистительного пламени. *Меркурий* — в рим. миф. бог торговли.

Вчера и сегодня («Вчера, при блеске свеч, в двенадцатом часу...») (С. 357). Впервые: *ПССт1901.* Автограф в *Т 1.* Записано в начале тетради, на переплете которой вытеснена дата: «4 января 1854».

Отъезд («Какая горькая обида...») (С. 357). Впервые: *ПССт1901.* Автограф в *Т 1.* Записано в начале тетради, на переплете которой вытеснена дата: «4 января 1854». *Аид* — в греч. миф. владыка царства мертвых; *пафосское вино* — любовная страсть.

Шарманщик («К окну я в потёмках приник...») (С. 358). Впервые: *ОЗ.* 1854. Т. 93. № 3. С. 173.

«Дай руку мне, дай руку, пери злая...» (С. 358). Впервые: *ОЗ.* 1854. Т. 94. № 6. С. 375—376. Автограф в *Т 1* с вар. ст. 12 «За поцелуй отдам я все стихи».

«Люди нисколько ни в чем предо мной не виновны, я знаю...» (С. 359). Впервые: *ОЗ.* 1854. Т. 95. № 8. С. 337. *Икар* — согласно греч. мифу, сын искусного мастера Дедала, соорудившего крылья и поднявшегося с сыном на воздух, однако Икар погиб, поскольку слишком приблизился к солнцу, которое растопило слепленные воском перья.

Хижина в лесу («На лес насунулися тучи...») (С. 359). Впервые: *Совр.* 1855. Т. 53. № 8. С. 142.

«Заревая вьюга...» (С. 360). Впервые с ошибками в прочтении в ст.: *Никольский Ю. А.* Материалы по Фету. I. Исправления Тургеневым фетовских «Стихотворений» 1850 г. // Русская мысль. 1921. Кн. 1—11. С. 258. Подлинный текст впервые: *Бухштаб Б.* Судьба литературного наследства А. А. Фета // Литературное наследство. Т. 22—24. М., 1935. С. 593. Карандашный автограф в *Остр. экз.*, на полях зачеркнутого Тургеневым ст-ния «Ветер злой, ветр крутой в поле...» (с. 5). Тургенев не принял замены, и ст-ние не было напечатано в *Сб1856*. Датируется временем работы над *Сб1856*, т. е. осенью — зимой 1855 г.

Неотразимый образ («В уединении забудусь ли порою...») (С. 361). Впервые: *ПССт1901*. Автограф в *Т1*, под ст-нием рукой Фета написано: «переделать». Датируется предположительно 1856 г. (Б. Я. Бухштаб).

«Когда у райских врат изгнанник...» (С. 361). Впервые: *ПССт1901*. Автограф в *Т 1*. В 1-м четверостишии воспроизведен библейский рассказ об изгнании из рая Адама. *Эдем* — рай; *Егова* (Иегова, Яхве) — в иудаизме непроизносимое имя бога.

<Экспромт на обеде в честь И. С. Тургенева> («Поднять бокал в честь дружного союза...») (С. 362). Впервые: *МВ*. Ч. 1. С. 135, где Фет описал обед в янв. 1856 г., данный друзьями «по подписке в честь Тургенева», возможно, по случаю выхода в свет в *Совр.* романа «Рудин» (1856, № 1). В 1856 г. исполнилось 10 лет сотрудничеству Тургенева в обновленном «Современнике», а также вышел в свет *Сб1856*. «Собеседники не скупились на краткие приветствия, выставлявшие талант и литературные заслуги Тургенева, — писал Фет. — <...> Мне стало совестно, что я ничего не приготовил, и, вытащивши записную книжку, я на коленях написал и затем громко прочел следующее четверостишие...» (*МВ*. Ч. 1. С. 134—135). В ответ на приветствия Тургенев прочел ставшее благодаря воспоминаниям Фета известным четверостишие: «Все эти похвалы едва ль ко мне придутся, / Но вы одно за мной признать должны: / Я Тютчева заставил расстегнуться / И Фету вычистил штаны» (Там же. С. 135), имея в виду подготовленные при его ближайшем участии сборники ст-ний Ф. И. Тютчева (1854) и Фета (1856).

Рододендрон («Рододендрон! Рододендрон!..») (С. 362). Впервые: Северные цветы на 1901 г. М., 1901. С. 70. Б. Н. Чичерин вспоминал: «Оба приятеля <Тургенев и Анненков> восторгались недавно вышедшими стихотворениями Фета. Стихи читались вслух, отмечались их поэтические красоты, а иногда смеялись над прорывавшимися в них бессмыслицами. Тургенев знал наизусть два стихотворения, одно под заглавием «Мщение трубадура», а другое, с повторяющимся в конце каждой строфы стихом: «Рододендрон, Рододендрон!» В обоих с первой строфы до последней не было ни малейшего смысла и ничего нельзя было понять» (*Чичерин Б. Н.* Воспоминания: Москва 40-х годов. М., 1929. С. 145). Для А. И. Герцена ст-ние стало примером полнейшей бессмыслицы. В рассказе «Скуки ради» Герцен писал: «Я всегда завидовал поэтам, особенно "антологическим": напишет контурчики, чтоб было плавно, выпукло, округло, звучно, без малейшего смысла: "Рододендрон — Рододендрон" — и хорошо» (*Герцен А. И.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 20. М., 1960. С. 457—458). В дек. 1859 г. А. В. Дружинин писал Толстому о том, что Фет «не слушает никаких увещаний, сбывает по темным редакциям самые бракованные из своих стихотворений, и есть надежда, что, наконец, "Трубадур" и "Рододендрон" будут напечатаны» (Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. В 2-х т. Т. 1. М., 1978. С. 294). Осужденное и осмеянное литературными советчиками Фета, ст-ние, очевидно, было исключено из состава готовящегося *Сб1856* и

увидело свет лишь после смерти поэта. Возможно, главная роль в судьбе этого ст-ния (как и не сохранившегося «Трубадура») принадлежала Тургеневу. Несмотря на кажущуюся «бессмысленность» содержания, в ст-нии присутствует ряд конкретных реалий 1856 года. *Большие томы / И поэзии и прозы* — указывают на вышедшие в 1856 г. тома ст-ний Н. А. Некрасова и Кольцова, а также на сб. «Военных рассказов» Л. Толстого, «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» С. Т. Аксакова, не говоря о «Повестях и рассказах» Тургенева в 3-х т. и *Сб1856* самого Фета. Под «*нападками на поэтов*» Фет, конечно, разумел не только критику «чистой» поэзии представителями «прогрессивного» лагеря, но и дружеские обсуждения его стихотворений, которые он описал в своих воспоминаниях (*МВ*. Ч. 1. С. 126—128). Что касается «*объявлений*», то, возможно, здесь подразумевалась история с объявлением в «Московских ведомостях» (1856, № 138 от 17 ноября), где Тургенев обвинялся в напечатании в *Совр.* рассказа «Фауст», который был обещан *РВ* под названием «Призраки». По поводу этого казуса писателю пришлось делать письменное заявление и объясняться с М. Н. Катковым (*Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 155 и 508). Еще одна «история» была связана с помещением в октябрьской книжке «Современника» за 1856 г. знаменитого «*объявления*» об «исключительном и постоянном участии» в журнале группы писателей, среди которых были Фет, Л. Н. Толстой и И. С. Тургенев. *Рододендрон* — вид альпийской розы, азалия.

Ошибка («Не ведал жизни он и не растратил сил...») (С. 363). Впервые: *ОЗ*. 1857. Т. 110. № 2. С. 650. Возможно, посвящено другу Фета И. П. Борисову (1824—1871), влюбленному в сестру поэта Надежду. Борисов сватался к ней еще в 1850 г., но получил отказ. В том же году он перевелся на Кавказ (*В горах, в развале битв, / Который год уже война его стихия...*) и участвовал в военных действиях против Шамиля и Хаджи-Мурата. После возвращения из-за границы (Италия), где Фет с сестрой провели несколько месяцев с октября 1856 по январь 1857 г., они встретились в Новоселках. Вскоре по приезде Надежда психически заболела. В 1858 г. Борисов вторично сделал предложение Н. А. Шеншиной, которое было принято.

Сонет («Угрюм и празден часто я брожу...») (С. 364). Впервые: *БдЧ*. 1857. Т. 141. № 2. С. 17. Автограф в *Т 1*. Обращено, по-видимому, к М. П. Боткиной.

В альбом в первый день Пасхи. («Победа! Безоружна злоба...»). (С. 364). Впервые: *ЛС1894*, под загл. «В альбом Марье Петровне Боткиной. Светлое Воскресенье» с датой: «8 апр. 1857 г.». Автографы в альбоме М. П. Боткиной, без загл. (*ИРЛИ*), и в *Т 1*, под загл., принятым в настоящем издании. В авторизованном списке (*РГБ*) под загл. «Светлое Воскресенье». Обращено к М. П. Боткиной.

Шиллеру («Орёл могучих, светлых песен!..) (С. 365). Впервые: *БдЧ*. 1857. Т. 143. № 5. С. 5—6. Автограф в *Т1*. Написано, возможно, в связи с предложением Н. В. Гербеля дать переводы из Шиллера для задуманного им 7-ми томного издания «Лирические стихотворения Шиллера в переводах русских поэтов» (1857—1861), приуроченного к 100-летней годовщине со дня рождения немецкого поэта. Ст-нием Фета открывался 2-й том издания Гербеля (С. 251—252). *Светлый идеал* — отсылка к ст-нию Шиллера «Идеал и жизнь» (1795).

Другу («Когда в груди твоей страданье...») (С. 365). Впервые: *ПССт1901*. Автограф с датой «1857 года. 15 мая. Москва» в письме от 8 (20) июня 1857 к М. П. Боткиной, к которой ст-ние обращено.

«Весь переезд забавою...» (<В альбом Крюгеру>) (С. 366). Впервые: *МВ.* Ч. 1. С. 197. Экспромт, написанный на пароходе во время трехдневного переезда между Петербургом и Любеком (когда Фет отправился за границу для встречи с невестой в конце июля — нач. августа 1857 г.) по просьбе капитана парохода Крюгера, который, «принесши большую книгу, заявил, что его пассажиры никогда не отказывались оставить в этой книге свои автографы на память». Пассажиры тоже попросили поэта написать стихи. «Хотя я и враг всяческих стихов на заданную тему, — писал Фет, — тем не менее пришлось исполнить всеобщее желание, и я написал в книгу...» (*МВ.* Ч. 1. С. 197). *Травою до Любека дойдем* — Траве — река в Голштинии, впадающая в Балтийское море при г. Травемюнде и доступная для больших судов только до Любека.

Аполлон Бельведерский («Упрямый лук, с прицела чуть склонён...») (С. 366). Впервые: *ПССт1901.* Автограф в *Т 1.* В ранней редакции 4-я строфа располагалась перед 3-й, обе имели правку и впоследствии были переписаны на об. предыдущего листа. В ст. 2 вместо «дрожит» было: «звенит». Первый вариант:

Твой юный лик торжествен и могуч.
Он весь в огне живительном и резком.
Так солнца диск, раздвинув сумрак туч,
Блестит в глаза невыносимым блеском.

Стреле вослед ещё наклонено
Амврозией воспитанное тело.
Оно сквозит и светится — оно
Веселием победным просветлело.

Далее была начато: «Смущает взор».

Другой автограф в письме к В. П. Боткину от 21 окт. ст. ст. 1857 без 2-й строфы. 7 (19) нояб. 1857 г. Тургенев писал Фету из Рима: «Стихотворение Ваше "Аполлон" — мне не очень нравится. Слишком старательно, мелко-подробно и общего впечатления не передает. Ему так же далеко до стихотворения "Милосская Венера", как самому Аполлону (я говорю о статуе) — до Луврской богини. Но пишите, пишите стихотворений как можно больше: у Вас из 10 всегда одно превосходно — а это — огромный процент. А бог даст, в будущем году издадим еще книжечку» (*Тургенев. Письма.* Т. 3. С. 271). Отзыв Тургенева, видимо, повлиял на решение Фета не включать ст-ние в *Сб1863.* Статуя *Аполлона Бельведерского*, найденная в XV в., находится в Ватикане. Она является римской копией с работы современника Праксителя Леохара, однако, по-видимому, была значительно дополнена копиистом (в частности, левая рука и часть правой руки, верх ствола, возможно, хламида, спокойные складки которой не гармонируют с динамикой тела). В описании статуи Фет опирался на известное ст-ние Г. Р. Державина «Любителю художеств» (1791), цитированное в статье К. Н. Батюшкова «Прогулка в Академию Художеств». *В струях кастальских* — имеется в виду источник на Парнасе, близ храма Аполлона в Дельфах, откуда, по преданию, брали воду для окропления святилища. Кастальский ключ — в перен. смысле источник вдохновения. Касталия — в греч. миф. нимфа, прыгнувшая в ручей на Парнасе, спасаясь от преследований Аполлона; по др. версии, кастальский ключ был подарен нимфе богом реки Кефисом.

«Какая ночь! Как воздух чист...» . (С. 367). Впервые: *ПССт1901*. Автограф в *Т 1*. 18 дек. 1857 г. Некрасов известил Фета о том, что ст-ние набрано (*Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч.: В 15-ти т. Т. 14. Кн. 2. СПб., 1999. С. 100), однако в *Совр.* оно напечатано не было.

«Весна и ночь покрыли дол...» (С. 367). Впервые: *ПССт1901*. Автографы в *Т1* и в письме к В. П. Боткину от 28 нояб. 1857, по которому датируется.

Ответ старого поэта на 37 году отроду <Д. В. Григоровичу> («Не поноси Замоскворечья...»). (С. 368). Впервые: *Колпакова Н. П.* Неизданный Фет // Поэтика. Сб ст. I. Л., 1926. С. 130. Автограф в альбоме М. П. Боткиной-Фет (*ИРЛИ*). По сообщению Б. Н. Капелюш, заглавие — рукой Григоровича (запись Б. Я. Бухштаба в личном экземпляре *ПССт1959*; собрание М. Д. Эльзона). Ответ на шутливое четверостишие Д. В. Григоровича на той же странице альбома, озаглавленное: *«Первый стихотворный опыт молодого поэта на 35 году своего рождения.*

Замоскворечье — о пустыня!
Москвы достойный уголок.
Но ты хотя и мерзостыня —
Наш Фет с женой не одинок!

Д. Григорович

Середа, 11 декабря 1857».

«Лесом мы шли по тропинке единственной...» (С. 368). Впервые: *РВ*. 1858. Т. 13. № 2. С. 397. Автограф в *Т 1*, где вместо 3-й строфы, вписанной поздиее карандашом внизу страницы, была другая:

Арфа, ты арфа моя тихострунная,
Ветер и бурю терпи!
Светит ли день или ночь полнолунная,
Спи.

Нельзя («Заря. Сияет край Востока...») (С. 368). Впервые: *БдЧ*. 1858. Т. 148. № 3. С. 53. Автограф в *Т 1*, с др. 1-й строфой:

Проснулся день. Светло, широко
На землю луч его летит,
И всё, что только видит око,
Земного путника манит.

Вместо ст. 11:

Нельзя с улыбкой богомольной

Это одно из 4-х ст-ний, посланных Фетом А. В. Дружинину 13 нояб. 1857 г. (Письма к А. В. Дружинину. Летописи Гослитмузея. М., 1948. С. 337). В письме от 28 янв. 1858 Фет, предлагая новую редакцию 1-й строфы, писал: «В новом стихотворении, посланном к Вам, я переделал новый куплет так: <...> Это образней и живей, и если напечатаете стихотворение, то в этом виде» (Там же. С. 338).

«Возвестил народу...» (<Я. П. Полонскому>) (С. 369). Впервые: *Колпакова Н. П.* Неизданный Фет // Поэтика. Сб ст. I. Л., 1926. С. 130. Автограф в письме к Я. П. Полонскому от 22 окт. ст. ст. 1858 г. *Бэда проповедник* —

имеется в виду известный ученый раннего средневековья Беда Достопочтенный (672 или 673 — 735), англосаксонский летописец, монах, автор истории англов, поэт. В ст-нии содержится намек на ст-ние Полонского «Бэда-проповедник» (1841). *Мадам Полонская* — первая жена Я. П. Полонского, Елена Васильевна (р. Устюжская, ум. в 1860 г.), в 1859 г. у Полонских родился сын Андрей, умерший в младенчестве.

«Как эта ночь, ты радостно светла...» (С. 370). Впервые: *ПССт1901*. Автограф в *Т1*. Первоначально ст. 2:

И дышится при вас свежей и шире

и ст. 4:

Всё кроткое напоминаешь в мире.

Ст-ние обращено, возможно, к М. П. Боткиной-Фет.

«Влачась в бездействии ленивом...» (С. 370). Впервые: *ПССт1901*. Автограф в *Т 1*.

Превращения («Давно, в поре ребяческой твоей...») (С. 370). Впервые: *РСл*. 1859. С. 4. Автограф в *Т1*. Датируется предположительно по местоположению в *Т 1*.

«Как ярко полная луна...» (С. 371). Впервые: *ПССт1901*. Автограф в *Т 1*. Датируется предположительно по местоположению в *Т 1*.

«По ветви нижние леса...» (С. 371). Впервые: *ПССт1901*. Автограф в *Т 1*, где первоначально ст-ние состояло из начальной и конечной строф. 2-я строфа приписана сбоку. 22 июля (3 августа) 1859 г. Тургенев писал Фету из Виши: «Стихотворение, присланное Вами, очень мило и безукоризненно. Жаль, что находится два и: "И негой"... "И всеобъемлющий". Но это мелочная придирка d'un blasй <пресыщенного человека — *франц.* >» (*Тургенев. Письма.* Т. 4. С. 71). Ст-ние было послано 16 янв. 1860 г. А. В. Дружинину (с небольшими изменениями: тире после «нижние» в 1-й строке, а также с исправленной в 4-й строке «темнозеленой» на «светлозеленой»), вместе со ст-нием «Колокольчик», для помещения в *БдЧ*, однако напечатано там не было.

«Я целый день изнемогаю...» (С. 372). Впервые: *ПССт1901* среди переводов из Гейне. Автограф в *Т1* без указания на то, что это перевод. Не обнаружив среди ст-ний Гейне источника ст-ния, Б. Я. Бухштаб поместил его в раздел оригинальных ст-ний Фета (*ПССт1937*). Датируется по местоположению в *Т 1*.

«Твоя старушка-мать могла...» (С. 372). Впервые: *ПССт1901*. Автограф в *Т 1*. Датируется на том основании, что в *Т 1* записи делались до 1859 г. В Хронологическом указателе (*ПССт1901*) датируется 1857 г., очевидно, по содержанию, которое отнесено к периоду сватовства Фета к М. П. Боткиной.

«Поэт, пророк, орловский знатный барин...» (**<Эпиграмма на И. С. Тургенева>**) (С. 373). Впервые: *ПССт1901*. Автограф в *Т1*, что позволяет датировать ст-ние периодом до 1859 г. Обращено, по предположению Б. Я. Бухштаба, к И. С. Тургеневу. Ср. упрек Тургенева в письме к Фету от 23 янв. 1870 г.: «Повторяю: впечатление, производимое Вашей постоянной руготней, неприятно вяжется в моей голове с Вашим именем <...> Полно швырять (или *швыряться*, как хотите) грязью! А то ведь эдак, пожалуй, соскользнешь в Каткова... в Булгарина упадешь!» (*Тургенев. Письма.* Т. 10. С. 138). В ст-нии отрази-

лась эпиграмма А. С. Пушкина на И. Е. Великопольского «Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций!..»

«Ты прав: мы старимся. Зима недалека...» (<И. С. Тургеневу>) (С. 373). Впервые: *ПССт1901*. Автограф в *Т 2*, где в ст. 9 после «мы» было «ещё»; в ст. 10 вместо «Вздыхать» — «Лицом», а после ст. 16 была строфа, впоследствии исключенная и содержащая правку:

От ложа нашего не отреклась любовь
С [волшебным сном] роями грёз и вдохновень[ем]я
[Душа ещё таит на дикий крик]
Сердца ещё полны при хохоте глупцов
Великодушно[е]го презрень[е]я.

Адресат стихотворного послания установлен Б. Я. Бухштабом. Это ответ на письмо Тургенева к Фету от 16 июля 1860 г.: «Молодость прошла — а старость еще не пришла — вот отчего приходится у́злом к гу́зну. Я сам переживаю эту трудную, сумеречную эпоху, эпоху порывов, тем более сильных, что они уже ничем не оправданы — эпоху покоя без отдыха, надежд, похожих на сожаления, и сожалений, похожих на надежды. Потерпим маленько, потерпим еще, милейший Афанасий Афанасьевич, и мы въедем наконец в тихую пристань старости, и явится тогда и возможность старческой деятельности и даже старческих радостей, о которых так красноречиво говорит Марк Туллий Цицерон в своем трактате: "De senectute" <"О старости" — *лат.*>. Еще несколько седин в бороду, еще зубочек или два изо рту вон, еще маленький ревматизмец в поясницу или в ноги — и всё пойдет как по маслу!» (*Тургенев. Письма*. Т. 4. С. 221). Возможно, ст-ние было включено в не дошедшее до нас письмо Фета. *Чертою белою отметить* — у римлян был обычай отмечать в календаре благополучные дни мелом, а неблагополучные — углем. *Парка* в рим. миф. (позднее их стало три) — богиня судьбы, прядущая и обрезающая нить жизни. *Геба* — в греч. миф. богиня юности, выполнявшая на пирах богов на Олимпе обязанности виночерпия. *В ней есть искусство для искусства* — Фет обыгрывает эстетический тезис, выдвинутый в противовес эстетике натуральной школы. Датируется на основании письма Тургенева и по местоположению в *Т2*.

К молодому дубу («Вчера земле доверил я...») (С. 374). Впервые: *БдЧ*. 1865. № 2. С. 142. Автограф в *Т 2*. Датируется по местоположению в *Т 2*.

На пятидесятилетний юбилей П. И. и Н. А. Постниковых 4 февраля 1862 года. («Ведут два бога за собою...») (С. 374). Впервые: А. А. Фет. Традиции и проблемы изучения. Сб. научн. трудов. Курск, 1985. С. 127 (публикация А. Фрумкиной). Список неизв. рукой в альбоме И. П. Постникова (Гос. музей А. С. Пушкина, Москва). Под текстом помета: «А. А. Фет читал на юбилее». По предположению публикатора, обращено к родителям И. П. Постникова, врача, сопровождавшего поэта Н. М. Языкова в заграничном путешествии. *Два бога* — в греч. миф. *Гименей* — божество брака и *Эрот* — бог любви.

Эпиталама графу Л. Н. Толстому («Кометой огненно-эфирной...») (С. 375). Впервые: *ПССт1901*. Автографы в *Т2* и в письме к Толстому от 19 (31) окт. 1862 г. 9 окт. 1862 г. Л. Н. Толстой сообщил Фету о своей женитьбе на С. А. Берс. Откликнувшись на это известие поздравительным письмом, посланным из «железной лавки» в Орле, Фет через несколько дней послал еще одно, в кото-

ром писал: «Радости моей показалось неудовлетворительным, дорогой Лев Николаевич, поздравление из железной лавки, и она излилась далее в астрономическую эпиталаму. Вот, что пропел я Вам...» (Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. Т. 1. М., 1978. С. 356). *Эпиталама* — свадебная песнь.

9 марта 1863 года («Какой восторг! уж прилетели...») (С. 375). Впервые: *ПССт1901.* Автографы в *Т2* и в письме к Л. Н. Толстому от 14 марта 1863 г. *9 марта* — день сорока мучеников Севастийских. К этому дню обычно прилетали жаворонки, а в народном обычае бытовало выпекание «жаворонков» из теста.

«Нетленностью божественной одеты...» (<Ф. И. Тютчеву>) (С. 376). Впервые: *ПССт1901.* Автографы в *Т2* и в *РГБ* на обороте списка ст-ния Ф. И. Тютчева «Гуманный внук воинственного деда...», что позволяет определить дату и адресат ст-ния. Ст-ние Тютчева («Его светлости князю А. А. Суворову») было обращено к петербургскому генерал-губернатору, внуку знаменитого полководца, отказавшемуся подписать приветственный адрес генерал-губернатору Северо-Западного края М. Н. Муравьеву — руководителю жестокого подавления польского восстания 1863 г., за что он получил в либеральных кругах прозвище «Вешатель». Тютчев, считавший, что Муравьев «отстоял и спас России целость», бросил упрек «гуманному» внуку «великого» А. В. Суворова, который, по мнению поэта, «скрепил бы подписью своей» приветственный адрес. Ст-ние Тютчева, разошедшееся во многих списках, датируется 12 ноября 1863 г. Фет разделял взгляд Тютчева на польский вопрос. Есть основания предполагать, что он, получив список ст-ния, вскоре, то есть в ноябре—декабре 1863 г., откликнулся на него, сравнив деятельность Муравьева с подвигами Геркулеса (Геракла). Ст-ние Тютчева Фет расценил как «подвиг» поэта, протянувшего «отважно руку» тому, кто «гидру задушил», т. е. М. Н. Муравьеву. В автографе в *Т2* последняя строфа имеет другую редакцию:

В годину смут, мечей внимая звуку,
Я на тебя смотрю.
Поэт-мудрец, ты смело подал руку
Герою и Царю.

См.: *Бухштаб Б. Я.* Творческий труд Фета // *Бухштаб Б. Я.* Фет и другие. С. 209—210. *Элизий* (Элизиум) — в греч. миф. загробный мир для праведников, то же, что Елисейские поля, *Аид* — подземное царство мертвых, *Олимп* — гора, на которой обитают боги, *Юпитер* — в рим. миф. царь богов. *Убил и змей, и стойла Авгиаса / Очистил Геркулес* — согласно греч. миф., Геракл (Геркулес) должен был совершить 12 подвигов, среди которых были убийство лернейской гидры, очистка от навоза скотного двора царя Авгия и др.

ПОЭМЫ

Творческая история поэм Фета до сих пор не изучена и мало освещена в исследовательской литературе. Наиболее устойчивая в своей изначальной противоречивости точка зрения на поэмы Фета высказана Ю. В. Лебедевым, который признавая, что «анализ фетовских поэм приводит к интересным выводам

относительно эволюции этого жанра», что «здесь искусство Фета делает значительный шаг вперед, готовя не только толстовский метод «диалектики души», но и поэтическое многоголосие лирики Н. А. Некрасова», в целом рассматривает поэмы Фета как явление, отмеченное «жанровым эклектизмом» и «беспомощностью» (*Лебедев Ю.* Н. А. Некрасов и русская поэма 1840—1880 годов. Ярославль, 1971. С. 18—20).

Во многом подобный взгляд на поэмы Фета обусловлен тем, что сам поэт не оставил достаточного материала для прояснения творческой истории их создания. Более того, в так называемый первый период своего творчества (1840 — 1860-е гг.) Фет создает несколько поэм, но при этом только одну из них он сам определяет как поэму и включает ее в состав *Сб1863* (Ч. 1. С. 253—261). Этим произведением является поэма «Сабина», которая, по традиции составления сборников стихотворений, опубликована завершающим разделом первой части *Сб1863*, представляющей оригинальное творчество поэта. Поэмы же, увидевшие свет ранее («Талисман», «Сон», «Две липки») в состав *Сб1863* Фет не включил, что является достаточно показательным примером противоречивого авторского отношения к ним. В разрабатываемый Фетом «план 1892 года» ранние поэмы также не вошли. Все это спровоцировало исследователей на несколько пренебрежительное отношение к этой части творческого наследия Фета, отношение как к явлению проходящему в его творческой биографии.

На первый взгляд, подобная исследовательская оценка подтверждается известным признанием самого Фета в *МВ*. Описывая эпизод прочтения И. С. Тургеневу своего раннего поэтического опыта в драматическом роде, Фет писал: «Когда я кончил, Тургенев дружелюбно посмотрел мне в глаза и сказал:

— Не пишите ничего драматического. В вас этой жилки совершенно нет.

Сколько раз после этого приходилось мне вспоминать это верное замечание Тургенева, и ныне, положа руку на сердце, я готов прибавить: ни драматической, ни эпической» (*МВ*. Ч. 1. С. 7). Кроме того, на исследователей, бесспорно, действовал и гипноз резко отрицательных отзывов современников Фета на его поэмы. А. Григорьев признал «Талисман» «одним из самых слабых отделов» *СБ1850* и писал: «Об этой повести сказать много нечего; она слаба и плоха, за исключением двух-трех строк» (*ОЗ*. Т. 68. №1—2. С. 57, 64). В поэме «Сон» современники не увидели «мысли», о чем свидетельствует знаменитая запись от 28 апреля 1856 года в дневнике А. В. Никитенко: «Вчера вечером читал у меня Фет свою фантастическую повесть в стихах. Стихи хороши: есть картины, образы, но мысли никакой. Эти поэты думают, что можно писать без всякой определенной идеи, что отыскать или привить эту идею есть дело читателя, а не автора. Я высказал последнему то, что думал, а также и догадку, какую можно иметь о том, что автор хотел сказать. Он удивился, что тут ищут мысли. И. И. Панаев был одного мнения со мной» (*Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. Л., 1955. С. 437—438). Еще более резкой критике со стороны Н. А. Некрасова и Н. Г. Чернышевского подверглась поэма «Две липки». Так, Некрасов в письме к Тургеневу от 24 мая 1856 года отмечал: «Он [Фет] написал поэму «Липки», по-моему плохую до значительной степени. Я за ней не погнался. Нет, поэмы — не его дело» (*Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 14. Кн. 2. СПб., 1999. С. 17). В свою очередь Чернышевский в неопубликованной части «Заметок о журналах» за январь 1857 года, откликаясь на публикацию поэмы «Две липки» (*ОЗ*. 1857 № 1), писал: «Мы откровенно выскажем

г. Фету, что нам кажется — поэмы в подобном роде кажутся нам чуждыми собственной сфере его прекрасного лирического таланта» (*Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15-ти тт. Т. 4. М., 1948. С. 960). В начале XX века, когда интерес к творчеству Фета значительно возрос, появляется целый ряд исследовательских публикаций (Н. Н. Черногубова, Б. А. Садовского, Н. В. Недоброво, В. С. Федины), в которых затрагивались вопросы, связанные с историей создания фетовских поэм. Б. Садовской в сборнике статей и заметок «Ледоход» в разделе «FOETHIANA» дает почти полное описание рукописи поэмы «Сон», с «комментарием» к ее тексту, сделанным А. В. Дружининым (*Садовской Б.* Ледоход. Статьи и заметки. Пг., 1916. С. 185), а Н. Черногубов делает целый ряд ценных замечаний, проясняющих проблему датировки поэм «Сон» и «Две липки» (*Черногубов Н.* К хронологии стихов Фета // Северные цветы на 1902 г. М., 1902. С. 218, 223). Но на этом этапе изучения фетовских поэм возникали и своего рода казусы. Так, Д. Дарский в своем исследовании лирики Фета назвал поэму «Талисман» «ранней» и «неоконченной», видимо ориентируясь на «усеченное» цензором В. Н. Лешковым издание поэмы в составе *СБ1850* (*Дарский Д.* «Радость земли». Исследование лирики Фета. М., 1915. С. 94). Б. В. Никольский при издании *ПСС1901* в раздел «Поэмы» включает все «сюжетные» произведения Фета, таким образом, поэмой, по его мнению, оказывается и крупное стихотворение «Саконтала», и идиллия «Лизиас и Вакхида». Подобная «ошибка» вкрадывается и в рассуждения В. С. Федины (*Федина В. С.* А. А. Фет (Шеншин). Материалы к характеристике. Пг., 1915. С. 108) и, видимо, исходным пунктом имеет рецензию Ап. Григорьева на *СБ1850*, в которой поэмой назван не только «Талисман», но и «Саконтала» (*ОЗ.* 1850. № 2. С. 57). Само расположение раздела «Поэмы» в *ПСС1901* (Т. 2) с явным нарушением хронологического принципа не выдерживает критики и слишком произвольно. Б. Никольский представил «поэмы» в следующем порядке: «Сабина», «Талисман», «Сон поручика Лосева», «Две липки», «Студент», «Лизиас и Вакхида», «Саконтала», явно не считаясь с тем, что поэма «Сабина» написана только через 14 лет после первой публикации поэмы «Талисман», а «Студент» — последний опыт Фета в жанре поэмы, и каждое из этих произведений отражает разные этапы развития творческой мысли поэта. С критикой издания *ПСС1901*, осуществленного под редакцией Б. Никольского, выступил еще в 1935 г. Б. Я. Бухштаб, который, в частности, отметил: «Нельзя понять, почему, скажем, поэма, названная в печати «Сон», у Никольского названа по рукописи «Сон поручика Лосева»...» (*Бухштаб Б.* Судьба литературного наследства А. А. Фета // Литературное наследство. Т. 22—24. М., 1935. С. 587). При этом сам Б. Я. Бухштаб, при подготовке изданий поэтического наследия Фета в «Библиотеке поэта», во всех трех случаях (1937, 1959, 1986) в раздел поэм включал только пять произведений: «Талисман», «Сон», «Две липки», «Сабина» и «Студент». На формирование этого раздела Бухштабом, по всей видимости, повлиял тот факт, что все указанные произведения, несмотря на то, что три из них («Талисман», «Сабина» и «Студент») были включены самим Фетом в прижизненные сборники соответственно в *СБ1850, СБ1863* и *ВО2*, пережили период журнальных публикаций, и тем самым могут рассматриваться как произведения, воплощающие самостоятельный творческий замысел. Эта позиция Бухштаба нам представляется наиболее авторитетной, но поскольку в настоящем издании действует общий принцип расположения материала по прижизненным сборникам, то в раздел «Поэмы» нами включены два произведения «Сон»

и «Две липки», которые самим Фетом были опубликованы только в журналах и в состав прижизненных сборников не включались. В свою очередь, поэмы «Талисман» и «Сабина» опубликованы в составе *Сб1850* и *Сб1863*.

Поэмы Фета в сравнении с его лирическим творчеством — это очень небольшая группа произведений. Само обращение Фета к жанру поэмы вполне органично для литературной эпохи 1840—1850-х годов. В период, когда традиционная лирическая жанровая система начинает разрушаться, поэма, обогащенная пушкинским опытом поэм 1830-х годов, открывающим новые перспективы развития жанра, оказалась одним из самых устойчивых жанровых образований и потому пользовалась огромной популярностью среди поэтов. При этом Ю. В. Лебедев, выделяя основную тенденцию развития жанра поэмы в середине XIX века, утверждает, что если в начале 1840-х гг. еще довольно четко различаются две жанровые разновидности и жанр романтической поэмы соседствует с «повестью в стихах»», то «во второй половине 40-х гг. <...> обнаруживается условность и схематизм такого разграничения. Жанровые контуры поэм оказываются подвижными, "размагниченными", происходит слияние романтического и реалистического начал в рамках одного произведения» (*Лебедев Ю.* Н. А. Некрасов и русская поэма... С. 3.). По-своему этот процесс нашел свое выражение и в творчестве Фета, поэмы которого и в сознании самого поэта, и в критических отзывах его современников получали очень различные жанровые обозначения. Так, при публикации «Талисмана», «Сна» и «Двух липок» Фет не использует жанрового определения поэмы. «Талисман» в журнале «Москвитянин» в 1842 году появляется с подзаголовком «Октавы в отрывках», а в самом тексте «Талисмана» автор обозначил его жанр как повесть, выполненную в стихотворной форме октавы: «Октавами и повесть, признаюсь! / И, полноте, ну что я за писатель?» Позже, при включении «Талисмана» в состав *Сб1850*, Фет никак жанрово не выделил его на фоне общей организации сборника; более того, он поместил «Талисман» не в конец, как это было принято для поэм, а в середину художественного пространства сборника, и таким образом, «повесть в октавах» оказалась органической составляющей циклического построения *Сб1850*, несшей на себе структурный отпечаток целого. Характерно, что и в критике «Талисман» получил самые разные жанровые обозначения. Так, А. Григорьев в начале своей рецензии на *Сб1850* года пишет о «Талисмане» как о поэме, а в заключении «Талисман» называет повестью, о которой и «сказать много нечего» (*ОЗ*. 1850. № 1. С. 64). Чем-то «вроде отрывка из повести» «Талисман» назван и в отзыве Л. А. Мея (*Москв*. 1850. № 2. С. 42). Подобная же ситуация разворачивается и с поэмой «Сон», которую сам Фет в письме к Дружинину от 7 мая 1856 называет «рассказом», а в отзывах современников «Сон» получает определение «фантастической повести в стихах» (*Никитенко А. В.* Дневник. С. 437—438). Пожалуй, только «Две липки» вошли в сознание современников как поэма и в качестве таковой была оценена критикой (*Некрасов Н. А.* Т. 14. Кн. 2. С. 17; *Чернышевский Н. Г.* Т. 4. С. 960.).

Но думается, что исходя из проблемы жанра вряд ли можно определить специфику поэм Фета и их значимость в его творческой судьбе. Жанровые поиски, как правило, охватывают весь творческий путь художника и не могут быть ограничены небольшой группой художественных произведений. При этом невозможно сбросить со счетов и замечание, сделанное Н. П. Кашиной о том, что «...время создания поэм [для Фета] было отмечено какими-то важными

событиями либо в личной жизни, либо в литературной судьбе» поэта (*Кашина Н. П.* Поэмы А. А. Фета в контексте эпических традиций Н. А. Некрасова и русской поэзии XIX — начала XX века. // Н. А. Некрасов и русская литература XIX — начала XX веков. Вып. 71. Ярославль, 1984. С. 34). А. Е. Тархов в комментарии к *Соч.* утверждает, что «Талисман», «Сон», «Две липки» и «Студент» «образуют своеобразное единство»: «Во-первых, они написаны октавами, а во-вторых, все они — явно автобиографического содержания...» (*Соч.* С. 529). В целом А. Е. Тархов приходит к выводу о том, что в целом поэмы Фета «составляют как бы «автобиографическую повесть в октавах» (*Соч.* С. 529). Безусловно, написание поэм у Фета так или иначе связано с событиями его личной жизни: поэма «Талисман» посвящена первому серьезному любовному увлечению Фета в 1839—1840 гг. гувернанткой (в мемуарах именуемой «Еленой Б.»), «Сон» — с пребыванием в январе 1855 г. в Дерпте по служебной надобности, «Сабина» — с посещением осенью 1856 года вместе с сестрой Н. А. Шеншиной Италии, «Две липки» — с близким общением в середине 1850-х гг. с И. С. Тургеневым, которому поэма собственно и посвящена. Но при этом нельзя не отметить, что сама сюжетная основа поэм непосредственно не связана с событиями биографии Фета. Более того, у Фета, как правило, реальная жизненная ситуация оказывается противоположной самому пафосу поэм и ничего не объясняющей в их художественной структуре. Достаточно ярким свидетельством тому может выступить история поэмы «Сабина». Так, В. С. Федина, исследуя пейзажную основу поэтического наследия Фета, отмечал одну любопытную деталь: «Благодарная тема — описать лично виденные пейзажи, такие живописные и разнообразные в Апеннинах, совершенно не использована Фетом. Любопытно, что исключение сделано только для водопада, того самого водопада Анио, которым Фет упорно не хотел любоваться, несмотря на восхищение им своей сестры, во время совместного с ней путешествия по Италии» (*Федина В. С.* А. А. Фет. С. 124). Более подробно об этом у самого Фета сказано в *МВ* (Ч. 1. С. 169—172).

Вообще к поэмам Фета нельзя подходить с традиционной точки зрения, как это делали его первые рецензенты: искать в них изображения глубоких душевных личностных движений в соотношении с социально-историческим моментом, т. е. изображения и раскрытия типичных для эпохи ситуаций и переживаний человека. Именно попытка оценить поэмы Фета с этой точки зрения привела Григорьева, Мея, Чернышевского к мысли о подражательной их сущности и заставила рассмотреть их как авторскую неудачу. Л. Мей писал: «...мы не можем не заметить г. Фету, что во многих своих произведениях он, вопреки совету любимого своего поэта Горация, сделался «рабским» подражателем» (*Москв.* 1850. № 6. С. 38.). Он же первый отметил и чему, собственно, «подражает» Фет: поэме Пушкина «Домик в Коломне» и лермонтовской «Сказке для детей» (*Москв.* 1850. № 8. С. 42.). Созвучную мысль, только относительно поэмы «Две липки», выскажет Н. Г. Чернышевский: «Поэма г. Фета написана октавами, вроде «Домика в Коломне» Пушкина или, если угодно, «Сказки для детей» Лермонтова. <...> Быть Фетом гораздо лучше, нежели быть подражателем Пушкина или Лермонтова» (*Чернышевский Н. Г.* Т. 4. С. 960). Но вспомним, что Фет и сам обыгрывает категорию «подражатель» в октаве I поэмы «Талисман», как бы заранее предугадывая обвинения критики: «У нас беда — и, право, я боюсь, / Так, ни за что, услышишь: подражатель!» И здесь нельзя не отметить, что, видимо, замысел Фета все же не сводился к

стремлению подражать Пушкину и Лермонтову, а связан с другой творческой задачей. Дело оказывается в том, что так или иначе в поэмах Фет на свой лад обыгрывает различные литературные сюжеты и ситуации. Этот момент оказался непонятым критиками, которые почувствовали себя «обманутыми». А. Григорьев писал по поводу «Талисмана»: «Во-первых, г. Фету как-то нейдет говорить о самом себе; право, у него так много предметов, о которых говорит он гораздо изящнее; во-вторых, к чему давать обещания и не исполнять их? Вы ждете картин деревенской жизни, ждете образа Тани, а встречаете двух барышень, из которых одна до невероятности сентиментальна, и юношу-романтика, который еще ее приторнее. Барышня говорит с ним о Шиллере и Гете, вероятно по слуху, в особенности о последнем, и в заключение спектакля дает ему какой-то чудный талисман. Хороши здесь только опять-таки строки о ночи и лунном свете. Все же поэма весьма удобно могла не войти в собрание. Что нам за дело до личного воспоминания автора, когда в этом воспоминании не отзываются общие нам воспоминания? Что нам за дело до этого героя, который был «романтиков образчик», по выражению автора? Мы имеем уже право быть нелюбителями романтиков, да и сам поэт не очень жалует романтизм, как это видно из *классических* стихотворений» (*ОЗ.* 1850. Т. 68. С. 64). Подобное недоумение вызвала и сюжетная основа поэмы «Две липки» у Чернышевского, который отмечал: «Наташа, осьмнадцатилетняя девушка, влюбилась в сорокапятилетнего Русова... Каким образом осьмнадцатилетняя девушка могла влюбиться в пожилого человека, объясняющего соседям значение капусты, г. Фет не объясняет нам. Мало-помалу Наташа стала скучать все сильнее и сильнее и наконец зачахла от тоски — развязка очень натуральна, но завязка кажется нам неправдоподобной. [Форма поэм, которым вздумал подражать г. Фет, требует шутливости, но шутка редко удается г. Фету]» (*Чернышевский Н. Г.* Т. 4. С. 960).

Требования «правдоподобности» поэмы Фета действительно не выдерживают, но подходить к ним с такого рода требованием и не нужно. И здесь нельзя не обратить внимания на саму специфику «сюжетности» его поэм, которые ориентированы не столько на социально-историческую действительность, сколько на очень широкий литературный контекст середины XIX века, они, условно говоря, «литературоцентричны». Не случайно Н. П. Кашина замечает: «Цитирование характерно для многих, если не всех поэм Фета». Развивая эту мысль, исследовательница приходит к выводу, что, в частности, вся поэма «Сон» — «не просто сон, а сон «литературный», где герои либо находятся в литературной ситуации, либо говорят словами литературных героев» (*Кашина Н. П.* Поэмы А. А. Фета... С. 34). Именно под этим углом зрения и необходимо, на наш взгляд, рассматривать поэмы Фета. В этом случае они окажутся оригинальным фактом скрытой литературной полемики Фета со своей поэтической эпохой и — шире — традицией. Но в данном случае выражение «литературная полемика» необходимо понимать более широко, чем просто спор или выражение несогласия. Для Фета это скорее всего попытка своего оригинального осмысления некоторых литературных тенденций. Так, в поэме «Талисман» оригинально преломляется образный строй и некоторые элементы сюжета сразу нескольких произведений Пушкина (стихотворения «Талисман» и особенно романа в стихах «Евгений Онегин»). Таким образом, поэма становится в чем-то откликом Фета на полемику вокруг имени Пушкина, которая разворачивается в 40—50-е гг. XIX века в России. Кроме того, эта первая

поэма Фета так или иначе органично вписывается в целый ряд произведений его современников с аналогичной парадигмой устойчивых романтических мотивов: волшебства ночи, луны, любви и творчества (А. Григорьева «Е. С. Р.», Я. П. Полонского «Пришли и стали тени ночи...», «Лунный свет» и т. д.), о которых сам Фет писал: «Избирая предметом песни вековечные явления мира внутреннего или внешнего: *"луну, мечту, деву"*, художник не рискует тем, что их не узнают в его произведении» (*СтПрП.* С. 297). Поэма «Сон» ориентирована также на широко распространенную и популярную в романтической литературе поэтическую форму «сна», которую некоторые исследователи даже склонны рассматривать как специфическое жанровое образование, формирующееся в романтической системе (см. «Сон» М. Ю. Лермонтова, «Сны» Я. П. Полонского и др.). В художественной структуре поэмы Фета преломились многие традиционные для романтической литературы мотивы: искушения нечистой силой, вызывания тени почившей возлюбленной, бала мертвецов. (См.: «Бал» А. Одоевского, «Первая любовь» М. Ю. Лермонтова, «Видения» А. Григорьева и др.). В свою очередь, поэма «Две липки», явно корреспондируя с тургеневской поэмой «Параша», становится у Фета своеобразной попыткой осмысления драмы помещичьего образа жизни, которая, видимо, не раз являлась предметом дискуссий у писателей круга Тургенева.

Избранная же автором форма «пушкинской» октавы с ее изначальным «ироническим» отношением к предмету изображения как нельзя лучше соответствовала «скрытому», в чем-то «пародийному», замыслу Фета. Причем отметим, что ирония, которая придает поэмам Фета полемический характер, пронизывает образный строй всех поэм. Хотя одна из них — «Сабина» — написана не октавами, думается, нет достаточных оснований отделять ее от прочих. Правда, в «Сабине» «полемика» Фета крайне специфична. Здесь Фет использует не литературный, а исторический сюжет, но при этом «Сабину» вряд ли можно отнести к разряду исторических поэм. Для Фета историческая тема никогда не была актуальна настолько, чтобы становиться предметом творческого переживания. Здесь можно вспомнить и признания самого поэта: «Не одаренный исторической памятью, я никогда не любил историю, в которой, по неправильному отношению первоначального моего преподавания, эпохи, события и действующие лица представляли для меня мешок живых раков, которые и по тщательному подбору и ранжиру их немедля приходили в прежнее хаотическое состояние, как только я отнимал от них усталую руку» (*РГ.* С. 233). Интересное толкование поэмы «Сабина» находим у А. Е. Тархова, который пишет: «Свою героиню поэт [Фет] называет «новой Семелой»: вероятно, эту поэму Фет осмыслял как «травестию» древнего мифологического сюжета» (*Соч.* С. 529). Подобное толкование, на наш взгляд, весьма уязвимо, т. к. Фет одновременно сравнивает свою героиню не только с Семелой, но и с «Герой недоступной», поэтому здесь невозможно говорить о следовании поэта мифологическому сюжету. При этом в поэме получает ироническую интерпретацию тот «культ Италии» с неизбежной героизацией ее истории, который был свойственен литературе середины XIX века и наиболее рельефно выразился в поэме А. Н. Майкова «Две судьбы», где драматическая ситуация любви Нины к Владимиру разыгрывается на фоне «воздуха» Фраскатских гор и небес «безоблачной Сабины». И сам Фет не избежал влияния этого культивируемого эпохой «пафоса Италии», как свидетельствуют и его ранние стихотворения, и увлечение творчеством Горация. Поэтому поэма «Сабина» для по-

эта — это еще и полемика с самим собой. Развенчание идеализации римской истории и культуры в сознании Фета приходится как раз на середину 1850-х гг. и находит свое отражение в стихотворении «На развалинах цезарских палат», по поводу которого он писал Тургеневу 18 января 1853 г.: «Боткину я послал 2 стихотворения и трепещу. Потому что во втором разругал древний Рим, т. е. римлян. Какие бессердечные, жестокие, необразованные, мучители тогдашнего мира — что ни эпизод, то гадость. Самая virtus их такая казарменная, их любовь к отечеству такая узкая. Сципионы, Катоны при молодцеватости ужасные звери, а первый даже замотавший казенные деньги губернатор. Грубые обжоры, а между тем несчастный Югурта пропадает как собака, великий, величайший Аннибал гибнет. Иерусалим горит...» (*Соч.* Т. 2. С. 200). И хотя в письме Фета напрямую не идет речи о поэме «Сабина» и ее героях, тем не менее вступление к поэме оказывается очень созвучно рассуждениям поэта в цитируемом выше письме к Тургеневу, а эпизод, описанный в поэме, один из череды «гадостей» развращенных, забывших «вещий страх» римлян.

Наконец, отметим, что творческая полемика Фета практически охватывает все основные направления развития жанра поэмы в середине XIX века: собственно романтическую поэму с принципиальной идеализацией предмета изображения, историческую поэму, основанную на принципе героизации изображаемого, и социально-исторически ориентированную «повесть в стихах». Таким образом, высвечивается еще один аспект поэм Фета. Дело в том, что ирония у него связана не только с полемическим характером поэм. Тем более невозможно свести их и к простой «шутке», которой «требовал» от Фета Чернышевский. «Шутливость», действительно, мало «удается» поэту, но только потому, что далеко «нешуточной» казалась ему трагедия отчужденности человека от идеала, трагедия, которая мыслилась Фетом не сводимой к нравственно-психологической и социально-исторической проблематике, свойственной поэме, трагедия, полноценное обнаружение которой для Фета возможно только в лирике. Здесь, на наш взгляд, и лежат истоки «полемичности» и «пародийности» поэм Фета.

Сон (С. 377). Впервые: *03.* 1856. Т. 108. № 9—10. С. 2—7. Эпиграф — цитата из 4 сцены II действия «Манфреда» Байрона, слова Немезиды; ср. в переводе Д. Н. Цертелева: «Молчит! Она принадлежит не нам — Другим подвластна силам». Эпиграф дан к поэме по указанию А. В. Дружинина. Автограф находится в составе *T1*, где поэма значится под заглавием «Сон поручика Лосева». В автографе отсутствуют *октавы VII, XXIII и эпиграф.* Поэма была вынесена Фетом на суд слушателя 27 апреля 1856 года (по свидетельству записи от 28 апреля 1856 г. в дневнике А. В. Никитенко). Закончив работу над ней, Фет выслал тетрадь с ее записью А. В. Дружинину, который на полях тетради и частью на отдельной странице вписал свои рекомендации и указания. Фет отредактировал поэму и 7 мая 1856 г. вновь выслал ее Дружинину, сопроводив следующей запиской: «Из прилагаемого листа Вы убедитесь, что «Сон» переправлен по заметкам Вашим — и, кажется, уже не заслуживает тех справедливых упреков, которые Вы выставили на полях этого рассказа. Я попрошу Вас прочесть его со вниманием в новом виде, и если он Вам понравится — подпишите: *Хорошо — Дружинин* и передайте Краевскому, с которым я уже об нем условился. Если же найдете снова что-нибудь *невозможное*, отметьте на полях и отдайте Давыдову книгопродавцу — для немедленного доставления ко мне. Я его, т. е. «Сон», снова переправлю по Вашему указанию. Но, по крайнему моему пониманию, теперь все в нем есть: и поэтическая правда, и ясность

хода, и самый механизм стиха. А впрочем, кто его знает» (Письма к А. В. Дружинину. М., 1948. С. 335).

Октава I. Ср.:

Затворены душные ставни
Один я лежу без огня

(Я. Полонский. «Сны. I.»)

И снова ночь, но эта ночь темна.
И снова дом — но мрачен старый дом
Со ставнями у окон: тишина
Уже давным-давно легла на нем.
Лишь комната печальная одна
Лампадою едва озарена...

(А. Григорьев. «Видения. 4»)

Октавы II—III. Видимо, здесь нашли отражения реальные впечатления, вынесенные Фетом из поездки в Дерпт 12 января 1855 года по служебной надобности (*Блок Г. П.* Летопись жизни А. А. Фета / Публ. Б. Я. Бухштаба // А. А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества. Курск. 1994. С. 157)

Октава IV. Я был один. Мне было душно, жарко — вероятно, восходит к стих. А. Григорьева «Две судьбы»:

А все казалось, что порой
Ей было душно, было жарко...

Октава V. «*Gaudeamus igitur*» (так будем же радоваться — *лат.*) — первые слова традиционного студенческого гимна.

Октава VII. Ср. с описанием бала в стих. А. И. Одоевского «Бал»:

Я оглянулся,
Мороз по телу пробежал.
Свет меркнул... Весь огромный зал
Был полон остовов... Четами
Сплетясь, толпясь, друг друга мча,
Обнявшись желтыми костями,
Кружася, по полу стуча,
Они зал быстро облетали.
Лиц прелесть, станов красота —
С костей их все покровы спали;
Одно осталось: их уста,
Как прежде, все еще смеялись;
Но одинаков был у всех
Широких уст безгласный смех.

В автографе *октавы VII—IX* сопровождаются комментарием Дружинина: «Надобно придать явлению призраков более картинности и фантастической жизни. Одна строфа, если ее прибавить, не будет лишнею».

Октава XVII в автографе представлена в следующей редакции:

О, дай мне руку, друг моей души!
И мне она, поднявши перст лилейный:
«Теперь волненья сердца утиши», —
Сказала кротко речью тиховейной.
И я умолк — и в глубь моей души
Стал проникать восторг благоговейный.
Уста ль ее слова произносили
Иль мне глаза их в душу доносили?

К *октавам XVI—XVII* в автографе замечание Дружинина: «Больше, больше страсти! Прочтите в Манфреде ту сцену, когда перед Манфредом вызывают тень Астарты. Стихи:

Твою улыбку, нежное созданье,
Хранит такой мое воспоминанье

вялы и прозаичны»;

В *октаве XVII* Дружининым подчеркнуты слова: «перст лилейный» и «тиховейной», затем полностью исключенные Фетом.

Октава XVIII сопровождена рассуждениями Дружинина: «Общий тон ее речи очень хорош, но есть путаница в рассказе. Лучше упростить его и зарю изгнать. Вообще при фантастическом разговоре не надо многословия». *Мой путь окончен. Ты еще живешь — Ср.* «Ты отстрадала, я еще страдаю...», ст-ние Фета 1878 г.

Октава XIX. Ср. со «Стансами к Д.» М. Ю. Лермонтова:

8

Ты помнишь вечер и луну,
Когда в беседке одинокой
Сидел я с думою глубокой,
Взирая на тебя одну...
Как мне мила тех дней беспечность!
За вечер тот я б не взял вечность.

Подобная ситуация объяснения в любви посредством чтения описана и в повести И. С. Тургенева «Фауст», увидевшей свет, так же, как и поэма Фета, в 1856 году.

Октава XX. «А счастье было, — говорил поэт, — / Возможно так и близко». Перефразированная цитата из «Евгения Онегина» (гл. 8, строфа 47), стих 8 *«Что страшно больше и просить у Бога»* в автографе сопровождает запись, сделанная Дружининым: «Великолепный стих»;

Вместо *октавы XXI* в автографе находятся 2 строфы:

Но дальше — дальше темный сон унес
Блаженство. В час невыносимой муки
Я Варю обняла. Она, от слез
Едва дыша, мне целовала руки.
«Не умирай! Среди житейских гроз
Не покидай меня», — молили звуки.
«Лишь он один — кем сердце втайне дышит,
Но он меня не знает и не слышит.

Теперь ты понял все. Не омрачи
Последнего свиданья малодушно.
Она страдает. Каждый год врачи
Ее шлют на воды. Она послушно
Стакан свой топит в шумные ключи.
Но ты ее спасешь великодушно.
Ее ты в жизни скоро, скоро встретишь
И в этот раз, поверь, уже заметишь.

Дружинин отметил по их поводу: «Темно и длинно», Фет сократил текст до 1 октавы, изменив и ее образный строй. «Сокращенные» строфы содержали и еще один перифраз из «Евгения Онегина» Пушкина. Ср: *...темный сон унес / Блаженство* — «Блаженство темное зовешь» («Евгений Онегин», гл. 3. строфа XV).

Октава XXIV. Дружинину эта октава понравилась. Он писал: «Эта строфа хороша, но вы можете сделать ее во сто раз лучше. Уловите особенности горячечного бреда и передайте их рельефнее». Далее в автографе подписано: «Общее впечатление всей вещи истинно поэтично, понятно, законно, правильно. Недостатки подробностей затемняют значение целого, и потому всякая исправленная строка подействует вполне — и сама по себе, и по своему отношению к целой сцене. *А. Др.*»

Две липки (С. 384). Впервые: *03.* 1857. Т. 110. Январь. С. 4—16. Перепечатано в альманахе: Для легкого чтения. Т. 8. СПб., 1858. С. 252—268. Датировать написание поэмы возможно лишь приблизительно по письму Некрасова к Тургеневу от 24 мая 1856 г., в котором упоминается поэма «Липки». Б. Я. Бухштаб, ссылаясь на воспоминания Черногубова, называет и более точную дату: январь—февраль 1856 г. На наш взгляд, подобного рода ссылка ошибочна. Черногубов действительно вспоминал: «Говоря об авторском самообольщении только что оконченной вещи, гр. Л. Н. Толстой рассказал мне в июне 1901 г., что, застав А. Фета только что окончившим «Две липки» он заметил: «Теперь вам это, вероятно, кажется лучшим, что вы написали». Между тем знакомство с гр. Л. Н. Толстым у А. Фета завязалось не ранее 1856 года. А в Воробьевке видел я и автограф «Двух липок», помеченный зимою 1856 в Италии» (*Черногубов.* К хронологии... С. 223). Дело в том, что в январе—феврале 1856 г. Фет никак не мог находиться в Италии: с 25 января по 7 февраля он находится в отпуске в Петербурге, а во второй половине февраля отъезжает к полку, находившемуся в походе к Балтийскому морю. Знакомство же Фета и Толстого приходится на период от 27 апреля по 15 мая. (См.: *Блок Г. П.* Летопись... С. 157—158, *МВ.* Ч. 1. С. 106). В поэме «Две липки» получает своеобразное сюжетное развитие и переосмысление история любви и замужества Параши и помещика Виктора Алексеевича из поэмы Тургенева «Параша».

Октава III. ...ротмистра дождался. Ротмистр — старший обер-офицерский чин в кавалерии, командир эскадрона.

Октава XV. Строки *«Так Русов, насмехаясь над женой, / Давал понять, что ты-де вот поэтка»* содержат намек на признания Тургенева в поэме «Параша»:

Я не люблю восторженных девиц...
По деревням встречаешь их не редко;

Я не люблю их толстых, бледных лиц,
Иная же — помилуй бог — поэтка.

Октава XXIV. «Когда у нас Святая-то придется?» — Святая, т. е Пасхальная неделя.

Октава XXVII. ...то он не Ротшильд. Род Ротшильдов — знаменитая фамилия богатых банкиров. Здесь в переносном значении: очень богатый человек.

ЛИБРЕТТО

Днепровские русалки («Спеши! К нам, подруга, на голос приветный...») (С. 398). Либретто. Впервые: Русская литература. 1989. № 1. С. 164—165. Публ. М. Д. Эльзона. Список с указанием «Слова Фета» хранится в Музее А. А. Бахрушина (ЦГТМ. Ф. 572. № 146153) в специальном собрании произведений этого жанра. Текст сопровожден режиссерской разработкой «Замечания насчет постановки на сцену драматического музыкального произведения». Сведений о реализации замысла обнаружить не удалось. Несмотря на отсутствие инициалов, представляется справедливым мнение публикатора об авторстве Фета, ввиду редкости фамилии, а также дошедших до нас сведений об опытах молодого поэта в драматическом роде (в частности, о водевиле для бенефиса М. С. Щепкина в январе 1841 г.). Авторство и дата написания подтверждаются упоминанием в одном и том же письме Фета к И. И. Введенскому от 22 декабря 1840 г. водевиля для бенефиса Щепкина и неизвестного произведения, условно называемого «Нимфами» (*Блок Г. П.* Рождение поэта: Повесть о молодости Фета. По неопубликованным материалам. Л. 1924. С. 70. Замечено М. Д. Эльзоном). *Нимфы* (греч. миф.) — обобщенное название разных видов божественных обитателей рек, морей, и лесов. Из указанного письма Фета к Введенскому следует, что поэт считал «Русалок» «одним из лучших <своих> произведений», и что оно было уже давно у Иринарха, который предпринимал в отношения него какие-то шаги. На основании письма сочинение Фета можно, скорее всего, условно датировать 1839-м годом, т. е. до отъезда в январе 1840 г. И. Введенского в Петербург. Наличие текста в Бахрушинском музее свидетельствует о том, что Введенский действительно передал произведение Фета по назначению. Несмотря на распространенность жанра и явную ориентацию Фета на уже известные образцы, либретто представляет интерес с точки зрения многообразия жанровых форм, в которых пробовал свои силы поэт, а также ввиду явно выраженной склонности к музыкальному оформлению поэтического текста (см. также комментарий Г. П. Блока к стихотворению «Дифирамб на Новый Год», с. 486 наст. изд.). *Наяды, ундины, русалки* — у разных народов обитательницы и духи водной стихии, завлекавшие путников вглубь и губившие их. Героиня «страшной повести» одного из охотников — *Людмила* — очевидная аллюзия на одноименную, ориентированную на немецкую традицию балладу В. А. Жуковского (1808), с которой «Днепровские русалки» имеют прямое родство, хотя и не повторяют в точности ее сюжетных ходов (ср. у Жуковского слова, обращенные к Людмиле, просящей о смерти: «Кратко жизни сей страданье; / Рай — смиренным воздаянье, / Ад — бунтующим сердцам; / Будь послушна небесам»). Заметим, что пушкинская Русалка — тоже обитательница Днепра.

КОЛЛЕКТИВНОЕ

Автору стихов «Безыменному критику» (М. Дмитриеву, который поместил их в «Москвитянине») («Как тебе достало духу...»). (С. 403). Впервые: 6-я строфа в отрывке из письма Я. П. Полонского к Фету от 14 (26) авг. 1889 г. // Ап. Александр. Григорьев. Материалы для биографии / Под ред. Влад. Княжнина. Пг., 1917. С. 339: «...мне вообразилось, что в твоих воспоминаниях, прежде всего, я увижу — домик у Спаса в Наливках, то гнездо, где... жили старик со старухой, где было милое детище Аполлон. Какой он был — Шиллер в то время, <...> как мы читали друг другу наши стихи, и каким тогда был ты либералом, когда писал:

Православья где примеры...».

В *ПССт1937* эта строфа включена в раздел «Стихотворения на случай, послания, посвящения, эпиграммы, отрывки». В 1940 г. ст-ние опубликовано В. Е. Евгеньевым-Максимовым (Новонайденное стихотворение Фета // Ленинград. 1940. № 21/22) по списку, сделанному П. П. Пекарским и находившемуся в собр. публикатора (в наст. время — в Музее-квартире Н. А. Некрасова). В *ПССт1959* включено, без двух строф, текст которых частью испорчен, частью непристоен, в раздел «Стихотворения на случай...», с. 505—506. *СиП1986* включено в раздел «Стихотворения 1840—1892». В списке Пекарского ст-ние подписано: «В. Белинский». К этой подписи Пекарским сделано примечание: «Кавелин рассказывал, что это сочинил не Белинский, а два студента Московского университета, которые, прочитав стихи Михаила Дмитриева, тотчас же скропали ему ответ и послали его Белинскому. Один из студентов был Фет, известный ныне стихотворец». Ст-ние является ответом на памфлет М. А. Дмитриева против Белинского (*Москв.* 1842, № 10), в частности, против его статьи «Русская литература в 1841 году» (*ОЗ.* 1842. Т. XX. № 1), в которой содержались критические оценки поэзии М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева и др. В письме к М. П. Погодину от 31 марта ст. ст. 1842 г. Дмитриев сообщал, что его памфлет вызван статьей Белинского «Педант», направленной против С. П. Шевырева и Погодина (Литературное наследство. Т. 56. С. 166). Белинский, в ответ на памфлет М. Дмитриева, намекнул на доносительский характер его ст-ния, отнеся его к приближающимся «к роду юридических сочинений» (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 6. М., 1955. С. 506—507). Ст-ние, пересланное Белинскому В. П. Боткиным (Там же. Т. 12. С. 124) частично перефразирует памфлет М. Дмитриева. Приписывать ст-ние целиком А. А. Фету нет оснований, несмотря на то, что его ст-ния, нередко печатавшиеся в то время в *Москв.* при посредничестве С. П. Шевырева, именно в 1842 г. В. П. Боткин горячо рекомендовал Белинскому для публикации в *ОЗ.* В статье «Замечательное десятилетие» П. В. Анненков привел по памяти строфу из ст-ния с указанием на его петербургское происхождение: «В Москве писались пасквили и эпиграммы на Белинского, и притом людьми в житейском отношении несомненно чистого нравственного характера, а из Петербурга им отвечали ругательной песенкой, содержавшей, между прочим, такую строфу: Да, Россия — властью вашей...» (*Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М., 1983. С. 230). Свидетельства Полонского и Кавелина указывают на частичное авторство Фета.

Комментатор письма Белинского к Боткину, в котором первый благодарил за присылку «стихов на Дмитриева», К. П. Богаевская, очевидно, располагая какими-то дополнительными сведениями, назвала среди авторов Фета, Я. П. Полонского и А. А. Григорьева (Там же. С. 512. Примеч. 4). Известны эпиграммы М. А. Дмитриева на А. А. Григорьева, которые, возможно, в определенной степени являлись продолжением возникшей в 1842 г. полемики (см.: Русская эпиграмма (XVIII—начало XX века) / Изд. подг. М. И. Гиллельсон и К. А. Кумпан. Л., 1988. (Библиотека поэта. БС), С. 297—298). Приведенное выше письмо Полонского к Фету тоже прежде всего свидетельствует о близости в то время обоих к Ап. Григорьеву, так что можно с большой долей вероятности предположить, что ст-ние явилось плодом коллективного творчества. См. об этом ст-нии: *Кошелев В. А.* «Ругательная песенка» Афанасия Фета: о границах понятия «потаенная литература» // Потаенная литература. Исследования и материалы. Вып. 2. Иваново, 2000. С. 40—47.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ*

Амимона («"Это у вас на Севере всё нипочём. Посмотри-ка..."») 204, *270*
Аполлон Бельведерский («Упрямый лук, с прицела чуть склонён...») 366
Арабеск («Чёрную урну с прахом поэта...») 31
Архилох («Здесь Архилох опочил; его в беспощадные ямбы...») 139
«Ах, дитя, к тебе привязан...» 171, *210, 287*
«Ах! не плачь и не тужи...» (Безумная) 14
«Ах, опять всё те же глазки...» 177

Б.....м. (При получении цветов и нот) («Откуда вдруг в смиренный угол мой...») 157, *209, 286*
Бал («Когда трепещут эти звуки...») 259
«Бди над тем, что сердцу мило...» (Veille sur ce que j'aime) 79
«Безмолвные поля оделись темнотою...» 327
Безумная («Ах! не плачь и не тужи...») 14
«Берёзы Севера мне милы...» (Ивы и берёзы) 294
«Блажен, о Цирцея, кто в чёрные волны забвенья...» (К Цирцее) 348
«Бледен лик твой, бледен, дева!..» (Гера и Леандр) 103
«Близ рощи, на пригорке серый дом...» (Две липки (И. С. Тургеневу). *Поэма*) 384
Блудница («Но Он на крик не отвечал...») 335
«Бог лучезарный, спустись, жаждут долины...» (Вечер (*Из Шиллера*)) 44
«Боги всегда к нам...» (Дифирамб (*Из Шиллера*)) 45
«Богини девственной округлые черты...» (Диана) 136, *200, 268*
«Богом света покинута, дочь Громовержца немая...» (Сон и Смерть) 276
Больной («Его томил недуг. Тяжёлый зной печей...») 218, *289*
<И. П. Борисову> («Перекладывают тройки...») 353
А. Л. Бржеской («Я вам пророчил поклоненье...») 163
«Буря на нéбе вечернем...» 65, *193, 253*
«Был чудный майский день в Москве...» 299
«Быть может, всё оставило поэта...» (Вздох) 28
Бюст («Когда — из мрамора иль гипса — предо мною...») 329

В альбом («Пусть гений прошлого с улыбкой...») 23
В альбом («Я вас рассматривал украдкой...») 337

---

* Звездочкой отмечены стихотворения после которых или перед которыми печатается их ранняя или поздняя редакция. Курсивом даны номера страниц, на которых зафиксировано вхождение данного стихотворения в состав последующих сборников. В алфавитный указатель не включено стихотворение «Автору стихов «Безыменному критику»...» из раздела «Коллективное».

<В альбом А. Л. Бржеской> («Весенних чувств не до́лжно
вспоминать...») 350
<В альбом А. Л. Бржеской> («Мы нравимся уездам и столицам...») 349
<В альбом А. Л. Бржеской> («Я в моих тебя вижу всé снах...») 350
В альбом в первый день Пасхи («Победа! Безоружна злоба...») 364
<В альбом Г. П. Данилевскому> («Я жертву приносил обильную
Прияпу...») 356
<В альбом Крюгеру> («Весь переезд забавою...») 366
<В альбом А. Я. Марченко> («Стихом простым, стихом случайным...») 344
<В альбом С. А. Рачинского> («Отвергнув гордое сомненье...») 351
«В долгие ночи, как вежды на сон не сомкнуты...» 220, *289*
«В зверинец мой раскрыты двери...» 341
«В златом сиянии лампады полусонной...» 141, *202, 269*
«В леса безлюдной стороны...» 300
«В мире, где радостей нет, Эпикур говорит: наслаждайся!..» (Странность) 21
«В моём саду, в тени густых аллей...» (Мой сад) 17
«В небесах летают тучи...» 172
«В обширном саду, испещренном живыми цветами...»
(На смерть юной девы) 24
«В пору любви, мечты, свободы...» 230, *292*
«В руке с тамбурином, в глазах с упоеньем ...» 67
В саду («Приветствую тебя, мой добрый, старый сад...») 219, *289*
«В темноте, на треножнике ярком...» 294
«В уединении забудусь ли порою...» (Неотразимый образ) 361
Вакханка («Зачем как газель...») 26
Вакханка («Под тенью сладостной полуденного сада...») 135, *200, 268*
Вакхическая песня («Побольше влаги светлой мне...») 23
Вампир («Почти ребёнком я была...») 99
«Вблизи семи холмов, где так невыразимо...» (Даки) 273
«Вдали огонёк за рекою...» 83, *196, 263*
«Вдоль по берегу полями...» (Легенда) 106, *199, 267*
«Ведут два бога за собою...» (На пятидесятилетний юбилей
П. И. и Н. А. Постниковых 4 февраля 1862 года) 374
Венера Милосская («И целомудренно и смело...») 275
Венеция ночью («Всплески волн сверкают ярко...») 149*, *208, 285*
Венеция ночью («Лунный свет сверкает ярко...») 149*
«Весеннее небо глядится...» 77
Весенние мысли («Снова птицы летят издалёка...») 227, *282*
Весенний дождь («Ещё светло, перед окном...») 284
«Весенних чувств не до́лжно вспоминать...»
(<В альбом А. Л. Бржеской>) 350
Весенняя песнь («Уснули метели...») 325
Весна («Уж верба вся пушистая...») 150*
«Весна и ночь покрыли дол...» 367
Весна на дворе («Как дышит грудь свежо и ёмко...») 227, *282*
Весна на Юге («Ночью месяц, полон блеска...») 345
«Весь переезд забавою...» (<В альбом Крюгеру>) 366
«Ветер злой, ветр крутой в поле...» 54
Вечер (*Из Шиллера*) («Бог лучезарный, спустись, жаждут долины...») 44
Вечер («Прозвучало над ясной рекою...») 227, *291*
Вечер у взморья («Засверкал огонь зарницы...») 277

Вечерний звон (Памяти Козлова) («Мечтанье было то иль сон?..») 31
Вечерний сад («Не бойся вечернего сада...») 326
«Взвод вперед, справа по три, не плачь!..» (На смерть Бражникова) 340
Вздох («Быть может, всё оставило поэта...») 28
«Вижу, снова небо тмится...» 339
«Виноват ли я, что долго месяц...» 120
Видение («Не ночью, не лживо...») 173
«Видишь, мы теперь свободны...» (Свобода и неволя) 156
«Владычица Сиона, пред тобою...» 109, *207, 285*
«Влажное ложе покинувши, Феб златокудрый направил...» 136, *200, 268*
«Влачась в бездействии ленивом...» 370
Водопад («Там, как сраженный...») 32, *139*
«Возвестил народу...» (<Я. П. Полонскому>) 369
Возвращение («Вот застава — скоро к дому...») 331
Воздушный город («Вон там по заре растянулся...») 343
Ворот («Спать пора, свеча сгорела...») 104, *199, 267*
«Вот груди — жаркий пух, вот взоры — звезды ночи...» (Одалиска) 22
«Вот застава — скоро к дому...» (Возвращение) 331
«Вот снова ночь с своей тоской бессонной...» (Добрый день) 152
«Вот утро севера — сонливое, скупое...» *54, 190, 250*
«Всё вокруг и пестро так и шумно...» 258
«Всё нежит взоры...» (Майская песня (*Из Гёте*)) 39
«Всплески волн сверкают ярко...» (Венеция ночью) 149*, *208, 285*
«Вспорхнул твой ветреник, уж нет его с тобою!..» (Утешение) 21
«Вчера земле доверил я...» (К молодому дубу) 374
«Вчера златокудрявый...» (Две розы) 15
Вчера и сегодня («Вчера, при блеске свеч, в двенадцатом часу...») 357
«Вчера, при блеске свеч, в двенадцатом часу...» (Вчера и сегодня) 357
«Вчера, увенчана душистыми цветами...» 236, *294*
«Вчера, уж солнце рдело низко...» (Георгины) 309
«Вчера я шёл по зале освещённой...» 258
«Вы вновь ко мне, воздушные виденья!..»
(Посвящение к Фаусту (Г—ву)) 151, *208*

«Где Нимфа резвая, покинув горный ток...» (Спор) 203
«Где Север — я знаю!..» 352
Георгины («Вчера, уж солнце рдело низко...») 309
Гера и Леандр («Бледен лик твой, бледен, дева!..» 103
«Говорят, мой голос звонок...» (Песнь пажа (Из времен рыцарства)) 338
Горная идиллия («На горе стоит избушка...») 180
Горное ущелье («За лесом лес и за горами горы...») 297
Горный ключ (Офелии) («С камня на камень висящий...») 326
Горы (Ода) («Стою у каменной стремнины...») 335
Грёзы («Мне снился сон, что сплю я непробудно...») 304
Греция («Там, под оливами, близ шумного каскада...») 27, *135, 200, 268*
«Григорьев, музами водим...» (<Эпиграмма на А. А. Григорьева>) 321
«Густая крапива...» (Узник) 172, *210*

«Давай любить и жить, о Лезбия, со мной!..» (Из Катулла) 139
«Давно, в поре ребяческой твоей...» (Превращение) 370
«Давно забытые, под лёгким слоем пыли...» (Старые письма) 246

«Давно ль под волшебные звуки...» 256
«Дай руку мне, дай руку, пери злая...» 358
Даки («Вблизи семи холмов, где так невыразимо...») 273
Даль («Облаком волнистым...») 167*
Две липки (И. С. Тургеневу). *Поэма* («Близ рощи, на пригорке серый дом...») 384
Две розы (Вчера златокудрявый...») 15
«Дева! не спрашивай...» (Художник к деве) 25
9 марта 1863 года («Какой восторг! уж прилетели...») 375
Деревня («Люблю я приют ваш печальный...») 171, *210, 287*
Диана («Богиии девственной округлые черты...») 136, *200, 268*
Диана, Эндимион и Сатир (Картина Брюлова) («У звучного ключа как сладок первый сон!..») 271
«Дитя! мои песни далёко...» 179, *211*
«Дитя, покорное любви...» 162
Дифирамб (Из Шиллера) («Боги всегда к нам...») 45
Дифирамб на Новый год («Тише — полночный час скоро пробьёт...») 322
«Днём ли, или вечером...» (К жаворонку) 324
Днепровские русалки. *Либретто* («Спеши! К нам, подруга, на голос приветный...») 398
Добрый день («Вот снова ночь с своей тоской бессонной...») 152
«Доволен я на дне моей души...» 36
Дождливое лето («Ни тучки иет на иебосклоне...») 303
Дозор («Из беседки садовой воевода багровой...») 101
«Долго ещё прогорит Веспера скромная лампа...» 84
«Друг веков, поверенный преданий...» (Курган) 153
«Друг мой, бессильны слова, — одни поцелуи всесильны...» 85, *197, 264*
«Друг мой! я сегодня болен...» (Хандра, 3) 147
«Друг — о чем ты всё тоскуешь?..» (Невозвратное) 28
Другу («Когда в груди твоей страданье...») 365
«Друзья, как он хорош за чашею вина...» (К юноше) 140, *201, 269*

Е. П. К—у («Напрасно жизнь зовешь ты жалкою ошибкой...») 296
«Его томил недуг. Тяжёлый зной печей...» (Больной) 218, *289*
«Её не знает свет — она ещё ребёнок...» 122*, *186, 240*
Её окно («Как здесь темно...») 332
«Если зимнее небо звездами горит...» 69, *194, 254*
«Если ты любишь, как я, бесконечно...» 310
«Ещё акация одна...» 310
«Ещё весна — как будто неземной...» 159*, *209, 281*
«Ещё весны душистой нега...» 215, *281*
Еще майская ночь («Какая ночь! на всём какая нега...») 282
«Ещё светло, перед окном...» (Весенний дождь) 284

«Жди ясного назавтра дня...» 216, *277*
«Желтеет древесная зелень...» (Из Гейне, 3) 211

«За кормою струйки вьются...» 74, *194, 255*
«За красавицу соседку...» 68
«За лесом лес и за горами горы...» (Горное ущелье) 297
Замок Рауфенбах («На гранит ступает твёрдо...») 11

«Заревая вьюга...» 360
«Заря прощается с землёю...» 266
«Заря. Сияет край Востока...» (Нельзя) 368
«Засверкал огонь зарницы...» (Вечер у взморья) 277
Застольная песня («Фиял кипит янтарной Иппокреной...») 19, *140*
«Зачем как газель...» (Вакханка) 26
Звезды («Отчего все звезды стали...») 324
«Здесь Архилох опочил; его в беспощадные ямбы...» (Архилох) 139
«Здравствуй! тысячу раз мой привет тебе ночь!..» 85, *197, 264*
«Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом...» 58, *192, 252*
«Злой дельфин, ты просишь ходу...» (Пароход) 235, *293*
Змей («Чуть вечернею росою...») 98
Знакомке с Юга («На Север грустный с пламенного Юга...») 235, *293*
«Знаю я, что ты, малютка...» 53, *190, 250*
Золотой век («Я посещал тот край обетованной...») 271
«Зреет рожь над жаркой нивой...» 308

«И тихо и светло — до сумерек далёко...» (Приметы) 232, *293*
«И целомудренно и смело...» (Венера Милосская) 275
Ива («Сядем здесь, у этой ивы...») 231, *292*
Ивы и берёзы («Берёзы Севера мне милы...») 294
Из Анакреона («Сядь, Вафил, в тени отрадной...») 142
Из Байрона («О солнце глаз бессонных — звездный луч...») 74, *195*
«Из беседки садовой воевода багровой...» (Дозор) 101
Из Гейне 210
Из Катулла («Давай любить и жить, о Лезбия, со мной!..») 139
Из Мура («Прощай, Тереза! Печальные тучи...») 74
Из Саади («Обременённый славой мира...») 130
«Из слёз моих много родится...» 175
«Итак, всему конец! к таинственному брегу...» (Озеро (Из Ламартина)) 47
Италия («Италия, ты сердцу солгала...») 243
«Италия, ты сердцу солгала...» (Италия) 243

К жаворонку («Днём ли, или вечером...») 324
К картине («Не говори, что счастлив я...») 153, *202*
К красавцу («Природы баловень, как счастлив ты судьбой!..») 143*, *270*
К лешему («На мшистом старом пне, скрестив кривые ноги...») 28
К Лидии. Ode XXV. Lib. I (Из Горация) («Юноши буйные в ставни закрытые...») 47
К молодому дубу («Вчера земле доверил я...») 374
К Морфею («На ложе, свежими цветами испещренном...») 328
«К окну я в потёмках приник...» (Шарманщик) 358
К Пирре. Ode V. Lib. I (Из Горация) («Кто этот красавец — скажи мне, о Пирра...») 46
<К А. М. Погодиной> («<...> Нет, сколько козней ты ни крой...») 321
К Цирцее («Блажен, о Цирцея, кто в чёрные волны забвенья...») 348
К юноше («Друзья, как он хорош за чашею вина...») 140, *201, 269*
Е. П. К—у («Напрасно жизнь зовешь ты жалкою ошибкой...») 296
«Каждое чувство бывает понятней мне ночью, и каждый...» 88*, *197, 264*
«Как ангел неба безмятежный...» 134, *190, 249*
«Как вы жалки мне, бедняжки звезды...» (Ночные думы (Из Гете)) 40

«Как высоки церквей златые главы...» (Москва (Из Кёрнера)) 110, *207*
«Как гений ты, нежданный, стройный...» 353
«Как дышит грудь свежо и ёмко...» (Весна на дворе) 227, *282*
«Как здесь свежо под липою густою!..» 216, *288*
«Как здесь темно...» (Её окно) 332
«Как идёт к вам чепчик новой...» 132
«Как луна, светя во мраке...» 178
«Как майский голубоокий...» 133
«Как много, Боже мой, за то б я отдал дней...» 333
«Как мошки зарёю...» 78*, *195, 255*
«Как на черте полночной дали...» 329
«Как он прекрасен...» (Мой Ангел) 348
«Как отрок зарёю...» 80
«Как первый золотистый луч...» (Туманное утро) 256
«Как ум к ней идёт, как к ней чувство идёт...» 62
«Как хорош чуть мерцающим утром...» 278
«Как цвет ты чиста и прекрасна...» 177
«Как эта ночь, ты радостна светла...» 369
«Как ярко полная луна...» 371
«Какая горькая обида...» (Отъезд) 357
«Какая ночь! Как воздух чист...» 367
«Какая ночь! на всём какая нега...» (Ещё майская ночь) 282
«Какая холодная осень!..» 170
«Какие-то носятся звуки...» 232*
«Какие-то носятся звуки...» (Мелодия) 233*, *293*
«Какое счастие: и ночь, и мы одни!..» 223, *290*
«Какой восторг! уж прилетели...» (9 марта 1863 года) 375
«Кенкеты, и мрамор, и бронза...» 346
«Клубятся тучи, млея в блеске алом...» (Степь вечером) 224, *291*
«Когда в грудн твоей страданье...» (Другу) 365
«Когда — из мрамора иль гипса — предо мною...» (Бюст) 329
«Когда, измучен жаждой счастья...» (Смерти) 241
«Когда кичливый ум, измученный борьбою...» 328
«Когда мечтательно я предан тишине...» 118*, *185, 239*
«Когда мои мечты за гранью прошлых дней...» 117*, *185, 239*
«Когда на серый, мутный небосклон...» (Хандра) 29
«Когда не свищет вихрь в истерзанных снастях...» 329
«Когда опять по ка́мням заиграет...» 352
«Когда петух...» 33, *135*
«Когда светильником пред нашими очами...» (Памяти Дмитрия Львовича Крюкова) 220, *289*
«Когда трепещут эти звуки...» (Бал) 259
«Когда у райских врат изгнанник...» 361
«Когда я блестящий твой локон целую...» 66
Колодник («С каждым шагом тяжкие оковы...») 26
Колокольчик («Ночь нема, как дух бесплотный...») 266
Кольцо («Скажи, кольцо, как друг иль как злодей...») 20
Колыбельная песня («Сердце — незабудка!..») 157*
Колыбельная песня сердцу («Сердце — ты, малютка...») 157*, *209, 286*
«Кометой огненно-эфирной...» (Эпиталама графу Л. Н. Толстому) 375
«Кот поёт, глаза прищуря...» *55, 190, 250*

«Красавица-рыбачка...» 175
«Кричат перепела, трещат коростели...» 308
«Кто в ночи при луне открывает окно?..» (Похищение из гарема) 10
«Кто воротит мне дни блаженные...» (Первая потеря. (Из Гете)) 40
«Кто этот красавец — скажи мне, о Пирра...» (К Пирре. Ode V. Lib. I (*Из Горация*)) 46
«Куда ни обращаю взор...» (Лес) 223, *290*
Курган («Друг веков, поверенный преданий...») 153
Кусок мрамора («Тщетно блуждает мой взор, измеряя твой начатый мрамор...») 137, *201, 269*

«Ланитой к ланите моей приложись...» 178, *210*
Ласточка («Я люблю посмотреть...») 23
Легенда («Вдоль по берегу полями...») 106, *199, 267*
Лес («Куда ни обращаю взор...») 223, *290*
«Лесом мы шли по тропинке единственной...» 368
«Летим! туманною чертою...» (На корабле) 279
«Летний вечер тих и ясен...» 89*, *198, 265*
Лихорадка («Няня, что-то всё не сладко!..») 160
«Лозы мои за окном разрослись живописно и даже...» 124, *186, 240*
«Лунный свет сверкает ярко...» (Венеция ночью) 149*
«Любил он песням дев задумчиво внимать...» (Эпитафия) 30
«Люблю я приют ваш печальный...» (Деревня) 171, *210, 287*
«Любо мне в комнате иочью стоять у окошка в потёмках...» 89, *198, 265*
«Люди нисколько ни в чем предо мной не виновны, я знаю...» 359
«Люди спят; мой друг, пойдём в тенистый сад...» 211, *287*

Мадонна («Я не ропщу на трудный путь земной...») 110, *207, 285*
Майская песня (*Из Гёте*) («Всё нежит взоры...») 39
«Между счастием вечиым твоим и моим...» 69
Мелодия («Какие-то носятся звуки...») 233*, 293
Метель («Ночью буря разозлилась...») 100
«Мечтанье было то иль сон?..» (Вечерний звон (Памяти Козлова)) 31
«Мечту младенчества в меня вдохнула ты...» (Элегия) 330
«Мила мне ночь, когда в неверной тьме...» (Ночь и день) 30
«Милой меня называл он вчера...» (Сестра) 297
«Младенческой ласки доступен мне лепет...» 80
«Мие не спалось. Томителен и жгуч...» (Сои. *Поэма*) 377
«Мие снился сон, что сплю я непробудно...» (Грёзы) 304
«Многим богам в тишине я фимиам воскуряю...» 142
Мой Ангел («Как он прекрасен...») 348
«Мой друг, я верую, надеюсь и люблю...» 351
«Мой пучок блестит росой...» (Язык цветов) 131
Мой сад («В моём саду, в тени густых аллей...») 17
«Молода и черноока...» (Цыгаике) 337
«Молчали листья, звезды рдели...» 306
«Мороз и ночь над далью снежной...» (На железной дороге) 307
«Морская даль во мгле туманной...» 278
Морской залив («Третью уж ночь вот на этом холме за оврагом...») 221, *277*
«Моря не было там, а уж я тут стоял...» (Утёс) 333
Москва (Из Кёрнера) («Как высоки церквей златые главы...») 110, *207*

Мотылёк мальчику («Цветы кивают мне, головки наклоня...») 306
Моя Ундина («Она резва...») 168
«Мудрым нужно слово света...» 165
Муза («Не в сумрачный чертог Наяды говорливой...») 228, *291*
Музе («Надолго ли опять мой угол посетила...») 298
«Мы ехали двое... Под нею...» 67
«Мы нравимся уездам и столицам...» (<В альбом А. Л. Бржеской>) 349
«Мы одни; из сада в стёкла окон...» *75**
«Мы одни; из сада в стёкла окон...» (Фантазия) 76*
«Мы с тобой не просим чуда...» 166

«На балконе золочёном...» 37
«На водах Гвадалквивира...» 148
«На горе стоит избушка...» (Горная идиллия) 180
«На гранит ступает твёрдо...» (Замок Рауфенбах) 11
«На двойном стекле узоры...» *56**, *191, 251*
«На дворе не слышно вьюги...» 105, *199, 267*
На Днепре в половодье (А. Я. П—вой) («Светало. — Ветер гнул упругое стекло...») 212*, 288
На железной дороге («Мороз и ночь над далью снежной...») 307
«На заре ты её не буди...» 169*, 210, 281
На корабле («Летим! туманною чертою...») 279
«На лес насунулися тучи...» (Хижина в лесу) 359
На лодке («Ты скажешь, брося взор по голубой равнине...») 300
«На ложе, свежими цветами испещренном...» (К Морфею) 328
«На мшистом старом пне, скрестив кривые ноги...» (К лешему) 28
«На пажитях немых люблю в мороз трескучий...» *53, 190, 250*
На пятидесятилетний юбилей П. И. и Н. А. Постниковых 4 февраля 1862 года («Ведут два бога за собою...») 374
На развалинах Цезарских палат («Над грудой мусора, где плющ тоскливо вьётся...») 244
«На Север грустный с пламенного Юга...» (Знакомке с Юга) 235, *293*
«На севере дуб одинокий...» 175
На смерть Бражникова («Взвод вперед, справа по три, не плачь!..») 340
На смерть попугая (Из Овидия) («Попка, восточный индеец, всему подражатель крылатый...») 205
На смерть юной девы («В обширном саду, испещренном живыми цветами...») 24
«На стоге сена, ночью южной...» 265
«Над грудой мусора, где плющ тоскливо вьётся...»(На развалинах Цезарских палат) 244
«Над миром царствовал Нерон...» (Сабина. *Поэма*) 313
«Над морем спит косматый бор...» 36
«Над озером лебедь в тростник протянул...» 216, *288*
Надежда (*Из Шиллера*) («Надеются люди, мечтают свой век...») 45
«Надеются люди, мечтают свой век...» (Надежда (*Из Шиллера*)) 45
«Надолго ли опять мой угол посетила...» (Музе) 298
«Напрасно, дивная, смешавшися с толпою...» 355
«Напрасно жизнь зовешь ты жалкою ошибкой...» (Е. П. К—у) 296
«Не бойся вечернего сада...» (Вечерний сад) 326
«Не в сумрачный чертог Наяды говорливой...» (Муза) 228

«Не ведал жизни он и не растратил сил...» (Ошибка) 363
«Не ворчи, мой кот мурлыка...» (Хандра, 2) 146*, *208, 285*
«Не говори, мой друг: «Она меня забудет...» 186, *240*
«Не говори, что счастлив я...» (К картине) 153, *202*
«Не дивись, что я черна...» 131, *188, 248*
«Не здесь ли ты лёгкою тенью...» 132*, *189, 249*
«Не напевай тоскливой муки...» (Римский праздник) 257
«Не ночью, не лживо...» (Видение) 173
«Не отходи от меня...» 62, *193, 253*
«Не плачь, моя душа! ведь сердцу не легко...» 36
«Не поноси Замоскворечья...» (Ответ старого поэта на 37 году от роду <Д. В. Григоровичу>) 368
«Не силен жар ланит твоих младых...» (Откровенность) 21
«Не слушай их, когда с улыбкой злою...» (Художнику) 344
«Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?..» 187, *240*
«Не спрашивай, над чем задумываюсь я...» 221, *290*
«Небес и земли повелитель...» (Соловей и роза) 111
Невозвратное («Друг — о чем ты всё тоскуешь?..») 28
«Недвижные очи, безумные очи...» *77, 195, 255*
Нельзя («Заря. Сияет край Востока...») 368
Неотразимый образ («В уединении забудусь ли порою...») 361
«Непогода — осень — куришь...» (Хандра, 1) 145*, *207, 285*
Нептуну («Птицей...») 138
«Нет, не жди ты песни страстной...» 261
«<...> Нет, сколько козней ты ни крой...» (<К А. М. Погодиной>) 321
«Нетленностью божественной одеты...» (<Ф. И. Тютчеву>) 376
«Ни тучки нет на небосклоне...» (Дождливое лето) 303
Нимфа и молодой Сатир (Группа Ставассера) («Постой хотя на миг! о камень, или пень...») 275
«Но Он на крик не отвечал...» (Блудница) 335
«Ночную фиалку лобзает Зефир...» (Сильфы) 98
Ночные думы (*Из Гёте*) (Как вы жалки мне, бедняжки звезды...») 40
«Ночь весенней негой дышит...» 215, *277*
Ночь и день («Мила мне ночь, когда в неверной тьме...») 30
«Ночь крещенская морозна...» 59
«Ночь. Не слышно городского шума...» 173
«Ночь нема, как дух бесплотный...» (Колокольчик) 266
«Ночь светла, мороз сияет...» 56*, *191, 251*
«Ночь тиха. По тверди зыбкой...» 334
«Ночью буря разозлилась...» (Метель) 100
«Ночью как-то вольнее дышать мне...» 85*, *197, 264*
«Ночью месяц, полон блеска...» (Весна на Юге) 345
«Няня, что-то всё не сладко!..» (Лихорадка) 160

«О, для тебя я сделаюсь поэтом!..» 108
«О, долго буду я в молчаньи ночи тайной...» 117, *185, 239*
«О друг! Не мучь меня жестоким приговором...») 231, *292*
«О, не зови! страстей твоих так звонок...» 161*, *209, 286*
«О нет, не стану звать утраченную радость...» 247
«О первый ландыш! Из-под снега...» (Первый ландыш) 234, *282*
«О скажи мне, милая резвушка...» (Утренняя жалоба (Из Гете)) 42

«О солнце глаз бессонных — звездный луч...» (Из Байрона) 74, *195*
«О ты, которая мне в душу заглянула...» (Призывание (*Из Ламартина*)) 49
«Облаком волнистым...» (Даль) 167*, *209, 286*
«Обременённый славой мира...» (Из Саади) 130
Одалиска («Вот груди — жаркий пух, вот взоры — звезды ночи...») 22
Одинокий дуб («Смотри! синея, друг за другом...») 242
Озеро (*Из Ламартина*) («Итак, всему конец! к таинственному брегу...») 47
«Октавами и повесть, признаюсь!..» (Талисман. *Поэма*)) 91
«Он в идее вечно жаден...» (<Эпиграмма на А. А. Григорьева (?)>) 323
«Она легка, как тонкий пар...» 38
«Она резва...» (Моя Ундина) 168
«Опять в душе минувшая тревога...» (Тоска по невозвратном) 27
«Опять незримые усилья...» 283
«Опять я затеплю лампаду...» 174
«Орёл могучих, светлых песен!..» (Шиллеру) 365
Осень («Ласточки пропали...») 217, *288*
«Оставляю домик милой...» (Прекрасная ночь (*Из Гете*)) 42
«Отвергнув гордое сомненье...» (<В альбом С. А. Рачинского>) 351
Ответ старого поэта на 37 году от роду <Д. В. Григоровичу> («Не поноси Замосковоречья...») 368
Ответ Тургеневу («Поэт! ты хочешь знать, за что такой любовью...») 295
Откровенность («Не силен жар ланит твоих младых...») 21
«Откуда вдруг в смиренный угол мой...» (Б.....м. (При получении цветов и нот)) 157, *209, 286*
«Отчего все звезды стали...» (Звезды) 324
Отъезд («Какая горькая обида...») 357
«Офелия гибла и пела...» 134*
Ошибка («Не ведал жизни он и не растратил сил...») 363

Памяти Дмитрия Львовича Крюкова («Когда светильником пред нашими очами...») 220, *289*
Пароход («Злой дельфин, ты просишь ходу...») 235, *293*
Певец (*Из Гёте*) («Я слышу песню у ворот...») 41
Певице («Уноси моё сердце в звенящую даль...») 259
Первая борозда («Со степи зелёно-серой...») 222, *290*
Первая потеря («Кто воротит мне дни блаженные...») 40
Первый ландыш («О первый ландыш! Из-под снега...») 234, *282*
«Перекладывают тройки...» (<И. П. Борисову>) 353
«Перекрёсток, где ракитка...» 61*, *192, 252*
«Перлы восточные — зубы у ней...» 62
Перчатка («Перчатку эту...») 168
«Перчатку эту...» (Перчатка) 168
Песнь пажа (Из времен рыцарства) («Говорят, мой голос звонок...») 338
«Печальная берёза...» *54, 190, 250*
«Питомец радости, покорный наслажденью...» 140, *201, 270*
«Плывёт луна по высоте...» (Серенада) 17
«По бульварам Саламанки...» 176
«По ветви нижние леса...» 371
«По листам пронёсся шорох...» (Эоловы арфы) 164
«Победа! Безоружна злоба...» (В альбом в первый день Пасхи) 364
«Побольше влаги светлой мне...» (Вакхическая песня) 23

«Поверьте мне: с надеждой тайной...» 334
«Под небом Франции, среди столицы света...» 241
«Под палаткою пунцовой...» 163
«Под тенью сладостной полуденного сада...» (Вакханка) 135, *200, 268*
«Поделись живыми снами...» 150
«Поднялася пыль степная...» 342
«Поднять бокал в честь дружного союза...» (<Экспромт на обеде в честь И. С. Тургенева>) 362
Подражание XVI идиллии Биона («Прекрасная звезда Венеры светлоокой...») 137, *201, 269*
«Пойду навстречу к ним знакомою тропою...» 245
«Пойми хоть раз тоскливое признанье...» (Anruf an die Geliebte (Бетховена)) 260
«Полно смеяться! что это с вами?..» 59, *192, 252*
«Полно спать: тебе две розы...» 154*, *208, 286*
<Я. П. Полонскому> («Возвестил народу...») 369
«Полуночные образы реют...» 70*, *194, 254*
«Помедли... люди спят; медлительной царицей...» 119*
«Помню я: старушка няня...» 60, *192, 252*
«Попка, восточный индеец, всему подражатель крылатый...» (На смерть попугая (Из Овидия)) 205
Посвящение к Фаусту (Г — ву) («Вы вновь ко мне, воздушные виденья!..») 151, *208*
Посейдон («Солнце лучами играло...») 181, *211*
«После раннего ненастья...» 165
Последнее слово («Я громом их в отчаяньи застигну...») 349
«Последний звук умолк в лесу глухом...» 230, *292*
«Последний сноп свезён с нагих полей...» (Псовая охота) 303
«Посмотри, наш боец зашатался, упал...» 37
«Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой...» 119, *185, 239*
«Постой хотя на миг! о камень, или пень...» (Нимфа и молодой Сатир (Группа Ставассера)) 275
Похищение из гарема («Кто в ночи при луне открывает окно?..») 10
«Почти ребёнком я была...» (Вампир) 99
«Почти ребёнком я была...» (Тайна) 99, *199, 267*
«Поэт, пророк, орловский знатный барин...» (Эпиграмма на И. С. Тургенева) 373
«Поэт! ты хочешь знать, за что такой любовью...» (Ответ Тургеневу) 295
«Право, от полной души я благодарен соседу...» 82*, *196, 263*
Превращения («Давно, в поре ребяческой твоей...») 370
«Прежние звуки, с былым обаяньем...» 312
«Прекрасная звезда Венеры светлоокой...» (Подражание XVI идиллии Биона) 137, *201, 269*
Прекрасная ночь (Из Гете) («Оставляю домик милой...») 42
«Прекрасная, она стояла тихо...» 346
«При свете лампады, над чёрным сукном...» 343
Прибой («Утёсы, зной и сон в пустыне...») 279
«Приветствую тебя, мой добрый, старый сад...» (В саду) 219, *289*
Признание («Простите мне невольное признанье!..») 18
Призывание (*Из Ламартина*) («О ты, которая мне в душу заглянула...») 49
Приметы («И тихо и светло — до сумерек далёко...») 232, *293*

«Прозвучало над ясной рекою...» (Вечер) 227, *291*
«Пропаду от тоски я и лени...» (Пчёлы) 225, *281*
«Прозрачную канву цветами убирая...» (Ручка) 324
Прости (Офелии) («Прости, — я помню то мгновенье...») 345
«Прости, — я помню то мгновенье...» (Прости (Офелии)) 345
«Простите мне невольное признанье!..» (Признание) 18
«Прошла зима, затихла вьюга...» (Тургеневу) 305
«Прощай, Тереза! Печальные тучи...» (Из Мура) 74
Псовая охота («Последний сноп свезён с нагих полей...») 303
«Птицей...» (Нептуну) 138
«Пуская в свет мои мечты...» 9
«Пусть гений прошлого с улыбкой...» (В альбом) 23
Пчёлы («Пропаду от тоски я и лени...») 225, *281*

«Рад я дождю... От него тучнеет мягкое поле...» 87, *197, 264*
«Рассказывал я много глупых снов...» 109
«Расстались мы, ты странствуешь далече...» 302
«Растут, растут причудливые тени...» 212, *288*
Ревель (После представления Фрейшица) («Театр во мгле затих. Агата...») 234, *293*
Римский праздник («Не напевай тоскливой муки...») 257
Рододендрон («Рододендрон! Рододендрон!..») 362
«Рододендрон! Рододендрон!..» (Рододендрон) 362
Ручка («Прозрачную канву цветами убирая...») 324
Рыбка («Тепло на солнышке. Весна...») 298

«С каждым шагом тяжкие оковы...» (Колодник) 26
«С камня на камень висящий...» (Горный ключ (Офелии)) 326
«С корзиной, полною цветов, на голове...» 137, *201, 269*
«С полей несётся голос стада...» (Цветы) 257
«С тех пор, как Бог в тебе осуществил...» (Сонет (Офелии)) 330
Сабина. *Поэма* («Над миром царствовал Нерон...») 313
Саконтала («Саконтала — из всех цариц, украшавших индийский...») 126
«Саконтала — из всех цариц, украшавших индийский...» (Саконтала) 126
«Сбирались умирать последние цветы ..» (Старый парк) 226
«Светало. — Ветер гнул упругое стекло...» (На Днепре в половодье (А. Я. П—вой)) 212*, *288*
«Свеж и душист твой роскошный венок...» 80, *195, 255*
«Свеча нагорела. Портреты в тени...» 261
Свобода и неволя («Видишь, мы теперь свободны...» 156
«Сердце — незабудка!..» (Колыбельная песня) 157*
«Сердце — ты, малютка...» (Колыбельная песня сердцу) 157*, *209, 286*
Серенада («Плывёт луна по высоте...») 17
Серенада («Тихо вечер погарает...») 72*, *194, 254*
Сестра («Милой меня называл он вчера...») 297
Сильфы («Ночную фиалку лобзает Зефир...») 98
«Скажи, кольцо, как друг иль как злодей...» (Кольцо) 20
«Скорей, молись, затягивай кушак!..» (Странная уверенность) 331
«Скрип шагов вдоль улиц белых...» 251
«Скучно мне вечно болтать о том, что высоко, прекрасно...» 84, *196, 263*
«Следить твои шаги, молиться и любить...» 356

«Слеза слезу с ланиты жаркой гонит...» 355
«Слушай одна ты — нам не годится...» 58*
«Слышишь ли ты, как шумит вверху угловатое стадо?..» 87*, *197, 264*
«Слышишь ли ты, как шумит крылами угольное стадо?..» 87*
Смерти («Когда, измучен жаждой счастья...») 241
«Смотреть на вас и странно мне и больно...» 108
«Смотри, красавица, — на матовом фарфоре...» 336
«Смотри! синея, друг за другом...» (Одинокий дуб) 242
«Снился берег мне скалистый...» 256
«Сними твою одежду дорогую...» 35
«Снова птицы летят издалёка...» (Весенние мысли) 227, *282*
«Со степи зелёно-серой...» (Первая борозда) 222, *290*
«Солнце низко. Лёгкой мглою...» (Телемак у Калипсы) 274
«Солнце потухло, плавает запах...» 33
«Солнце лучами играло...» (Посейдон) 181, *211*
Соловей и роза («Небес и земли повелитель...») 111
Сон. *Поэма* («Мне не спалось. Томителен и жгуч...») 377
Сон и Пазифая («Ярко блестящая пряжка над белою полною грудью...») 202, *270*
Сон и Смерть («Богом света покинута, дочь Громовержца немая...») 276
Сонет («Угрюм и празден часто я брожу...») 364
Сонет (Офелии) («С тех пор, как Бог в тебе осуществил...») 330
«Сорвался мой конь со стойла...» 332
«Сосна так темна, хоть и месяц...» 133
Сосны (Средь клёнов девственных и плачущих берёз...») 218, *289*
«Спать пора, свеча сгорела...» (Ворот) 104, *199, 267*
«Спешн! К нам, подруга, на голос приветный...» (Днепровские русалки. *Либретто*) 398
«Спи — ещё зарёю...» 78*, *195, 255*
Спор («Где Нимфа резвая, покинув горный ток...») 203
«Среди несметных звезд полночи...» 352
Средь клёнов девственных и плачущих берёз...» (Сосны) 218
Старые письма («Давно забытые, под лёгким слоем пыли...») 246
Старый парк («Сбирались умирать последние цветы...») 226, *291*
Степь вечером («Клубятся тучи, млея в блеске алом...») 224, *291*
«Стихом моим незвучным и упорным...» 323
«Стихом простым, стихом случайным...» (<В альбом А. Я. Марченко>) 344
«Стократ блажен, когда я мог стяжать...» 50
«Стою у каменной стремнины...» (Горы (Ода)) 335
Странная уверенность («Скорей, молись, затягивай кушак!..») 331
«Странное чувство какое-то в несколько дней овладело...» 120, *185, 239*
Странность («В мире, где радостей нет, Эпикур говорит: наслаждайся!..») 21
Сядем здесь, у этой ивы...» (Ива) 231, *292*
«Сядь, Вафил, в тени отрадной...» (Из Анакреона) 142
«Сядь у моря — жди погоды...» 156

Тайна («Почти ребёнком я была...») 99, *199, 267*
Талисман. *Поэма* («Октавами и повесть, признаюсь!..») 91
«Там, как сраженный...» (Водопад) 32
«Там, под оливами, близ шумного каскада...» (Греция) 27, *135, 200, 268*
«Твои пылают щёки...» 176

«Твоя старушка-мать могла...» 372
«Театр во мгле затих. Агата...» (Ревель (После представления Фрейшица)) 234, *293*
«Тебе в молчании я простираю руку...» 124
Телемак у Калипсы («Солнце низко. Лёгкой мглою...») 274
«Тепло на солнышке. Весна...» (Рыбка) 298
«Тёплый ветер тихо веет...» 229*, *292*
«Тёплым ветром потянуло...» 68*, *193, 254*
«Тихая, звездная ночь...» 63*, *193, 253*
«Тихо вечер погарает...» (Серенада) 72*
«Тихо вечер догорает...» 73*
«Тихо ночью на степи...» 73
«Тихонько движется мой конь...» 311
«Тише — полночный час скоро пробьёт...» (Дифирамб на Новый год) 322
«Только станет смеркаться немножко...» 301
Тоска по невозвратном («Опять в душе минувшая тревога...») 27
«Третью уж ночь вот на этом холме за оврагом...» (Морской залив) 221, *277*
Туманное утро («Как первый золотистый луч...») 256
Тургеневу («Прошла зима, затихла вьюга...») 305
<И. С. Тургеневу> («Ты прав: мы старимся. Зима недалека...») 373
«Тускнеют угли. В полумраке...» (У камина) 296
Тучка («Тучка-чёлн, небес волною...») 155
«Тучка-чёлн, небес волною...» (Тучка) 155
«Тщетно блуждает мой взор, измеряя твой начатый мрамор...» (Кусок мрамора) 137, *201, 269*
«Ты говоришь мне: прости!..» 155
«Ты мне простишь, мой друг, что каждый раз...» 35
«Ты прав: мы старимся. Зима недалека...» (<И. С. Тургеневу>) 373
«Ты расточительна на милые слова...» 222, *290*
«Ты скажешь, брося взор по голубой равнине...» (На лодке) 300
«Ты спишь один, забыт на месте диком...» (Nocturno) 66, *193, 253*
<Ф. И. Тютчеву> («Нетленностью божественной одеты...») 376

«У звучного ключа как сладок первый сон!..» (Диана, Эндимион и Сатир (Картина Брюлова)) 271
У камина («Тускнеют угли. В полумраке...») 296
«Угрюм и празден часто я брожу...» (Сонет) 364
Удавленник («Ужин сняли. Слава Богу...») 13
«Уж верба вся пушистая...» (Весна) 150*, *208, 281*
«Уж верба вся пушистая...» 150*, *208, 281*
«Уж серпы на плеча взложив, усталые жницы...» 38
«Ужин сняли. Слава Богу...» (Удавленник) 13
Узник («Густая крапива...») 172, *210, 287*
«Улыбка томительной скуки...» 71*, *194, 254*
«Уснули метели...» (Весенняя песнь) 325
«Уноси моё сердце в звенящую даль...» (Певице) 259
«Упрямый лук, с прицела чуть склонён...» (Аполлон Бельведерский) 366
«Уснуло озеро; безмолвен чёрный лес...» 141*, *202, 270*
Утёс («Моря не было там, а уж я тут стоял...») 333
«Утёсы, зной и сон в пустыне...» (Прибой) 279
Утешение («Вспорхнул твой ветреник, уж нет его с тобою!..») 21

Утренняя жалоба (*Из Гёте*) («О скажи мне, милая резвушка...») 42
«Утром курится поляна...» 63

Фантазия («Мы одни; из сада в стёкла окон...») 76*, *195, 255*

Хандра (1—3) 145
Хандра («Когда на серый, мутный небосклон») 29
Хижина в лесу («На лес насунулися тучи...») 359
«Хотел я с тобою остаться...» 176
Хронос («Я тоскую и беспечен...») 331
Художник к деве («Дева! не спрашивай...») 25
Художнику («Не слушай их, когда с улыбкой злою...») 344

Цветы («С полей несётся голос стада...») 257
«Цветы кивают мне, головки наклоня...» (Мотылёк мальчику) 306
«Целый заставила день меня промечтать ты сегодня...» 242
Цыганке («Молода и черноока...») 337

«Чем тоске, и не знаю, помочь...» 311
«Чёрную урну с прахом поэта...» (Арабеск) 31
«Что за вечер, а ручей...» 90
«Что за ночь! прозрачный воздух скован...» 225, *291*
«Чудная картина...» *55, 191, 251*
«Чуть вечернею росою...» (Змей) 98

Шарманщик («К окну я в потёмках приник...») 358
Шиллеру («Орёл могучих, светлых песен!..») 365
«Шёпот, робкое дыханье...» 198*, *265*
«Шёпот сердца, уст дыханье...» 198*
«Шумела полночная вьюга...» 71, *194, 254*

«Щёчки рдеют алым жаром...» 323

<Экспромт на обеде в честь И. С. Тургенева> («Поднять бокал в честь дружного союза...») 362
Элегия («Мечту младенчества в меня вдохнула ты...») 330
Эоловы арфы («По листам пронёсся шорох...») 164
<Эпиграмма на А. А. Григорьева> («Григорьев, музами водим...») 321
<Эпиграмма на А. А. Григорьева (?)> («Он в идее вечно жаден...») 323
<Эпиграмма на И. С. Тургенева> («Поэт, пророк, орловский знатный барин...») 373
Эпиталама графу Л. Н. Толстому («Кометой огненно-эфирной...») 375
Эпитафия («Любил он песням дев задумчиво внимать...») 30
«Эти думы, эти грёзы...» 145
««Это у вас на Севере всё нипочём. Посмотри-ка...»» (Амимона) 204, *270*
«Эх, шутка-молодость! как новый, ранний снег...» 123*, *186, 240*

«Юноши буйные в ставни закрытые...» (К Лидии. Od. XXV. Lib. I (*Из Горация*)) 47

«Я болен, Офелия, милый мой друг...» 133, *189, 249*

«Я был опять в саду твоём...» 302
«Я в моих тебя вижу всё снах...» (<В альбом А. Л. Бржеской>) 350
«Я вам пророчил поклоненье...» (А. Л. Бржеской) 163
«Я вас рассматривал украдкой...» (В альбом) 337
«Я вдаль иду моей дорогой...» 340
«Я говорил при расставаньи...» 338
«Я громом их в отчаяньи застигну...» (Последнее слово) 349
«Я долго стоял неподвижно...» 71, *194, 254*
«Я жду... Соловьиное эхо...» 84, *196, 263*
«Я жертву приносил обильную Приапу...» (<В альбом Г. П. Данилевскому>) 356
«Я знал её малюткою кудрявой...» 158
«Я знал, что нам близкое горе грозило...» 347
«Я знаю, гордая, ты любишь самовластье...» 121*, *186, 240*
«Я люблю его жарко: он тигром в бою...» 130, *188, 248*
«Я люблю многое, близкое сердцу...» 83, *196, 263*
«Я люблю посмотреть...» (Ласточка) 23
«Я не ропщу на трудный путь земной...» (Мадонна) 110, *207, 285*
«Я плакал во сне: мне приснилось...» 179
«Я полон дум, когда, закрывши вежды...» 64
«Я посещал тот край обетованной...» (Золотой век) 271
«Я пришёл к тебе с приветом...» 166, *209, 287*
«Я русский, я люблю молчанье дали мразной...» 53*
«Я слышу песню у ворот...» (Певец (*Из Гёте*)) 41
«Я тоскую и беспечен...» (Хронос) 331
«Я узнаю тебя и твой белый вуаль...» 67
«Я целый день изнемогаю...» 372
Язык цветов («Мой пучок блестит росой...») 131
«Ярким солнцем в лесу пламенеет костёр...» 260
«Ярко блестящая пряжка над белою полною грудью...» (Сон и Пазифая) 202, *270*

Anruf an die Geliebte (Бетховена) («Пойми хоть раз тоскливое признанье...») 260
Ave Maria («Ave Maria — лампада тиха...») 174
Nocturno («Ты спишь один, забыт на месте диком...») 66, *193, 253*
Veille sur ce que j'aime («Бди над тем, что сердцу мило...») 79

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 5

ЛИРИЧЕСКИЙ ПАНТЕОН

«Пуская в свет мои мечты...» 9

БАЛЛАДЫ

Похищение из гарема 10
Замок Рауфенбах 11
Удавленник 13

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Безумная 14
Две розы 15
Серенада («Плывет луна по васоте») 17
Мой сад 17
Признание 18
Застольная песня 19
Кольцо 20
Утешение 21
Странность 21
Откровенность 21
Одалиска 22
Ласточка 23
В альбом («Пусть гений прошлого с улыбкой») 23
Вакхическая песня 23
На смерть юной девы 24
Художник к деве 25
Вакханка («Зачем как газель...») 26
Колодник 26
Тоска по невозвратном 27
Греция 27
Невозвратное 28
Вздох 28
К лешему 28
Хандра («Когда на серый мутный небосклон») 29
Ночь и день 30
Эпитафия 30
Арабеск 31
Вечерний звон (Памяти Козлова) 31
Водопад 32
I. «Солнце потухло, плавает запах...» 33
II. «Когда петух...» 33
III. «Ты мне простишь, мой друг, что каждый раз...» 35

IV. «Сними твою одежду дорогую...» 35
V. «Не плачь, моя душа! ведь сердцу не легко...» 36
VI. «Доволен я на дне моей души...» 36
VII. Над морем спит косматый бор...» 36
VIII. «На балконе золоченом...» 37
IX. «Посмотри, наш боец зашатался, упал...» 37
X. «Она легка, как тонкий пар...» 38
XI. «Уж серпы на плеча взложив, усталые жницы...» 38

ПЕРЕВОДЫ

I. Из Гёте

Майская песня 39
Ночные думы 40
Первая потеря 40
Певец 41
Прекрасная ночь 42
Утренняя жалоба 42

II. Из Шиллера

Вечер 44
Надежда 45
Дифирамб 45

III. Из Горация

К Пирре (Ode V. Lib.I) 46
К Лидии (Ode XXV. Lib.I) 47

IV. Из Ламартина

Озеро 47
Призывание 49

«Стократ блажен, когда я мог стяжать...» 50

СТИХОТВОРЕНИЯ (1850)

СНЕГА

I. «Я русский, я люблю молчанье дали мразной...» ..... 53*[1]
II. «Знаю я, что ты, малютка...» 53

[1] Звездочкой отмечены стихотворения, после которых печатается их ранняя или поздняя редакции.

III. «Вот утро севера, сонливое, скупое...» 54
IV. «Ветер злой, ветр крутой в поле...» 54
V. «Печальная берёза...» 54
VI. «Кот поёт, глаза прищуря...» 55
VII. «Чудная картина...» 55
VIII. «Ночь светла, мороз сияет...» 56*
IX. «На двойном стекле узоры...» 56*

ГАДАНИЯ

I. «Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом...» 58
II. «Слушай одна ты — нам не годится...» 58*
III. «Ночь крещенская морозна...» 59
IV. «Помню я: старушка-няня...» 60
V. «Перекресток, где ракитка...» 61*

МЕЛОДИИ

1. «Перлы восточные — зубы у ней...» 62
2. «Как ум к ней идёт, как к ней чувство идёт...» 62
3. «Не отходи от меня...» 62
4. «Утром курится поляна...» 63
5. «Тихая звездная ночь...» 63*
6. «Я полон дум, когда, закрывши вежды...» 64
7. «Буря на небе вечернем...» 65
8. «Давно ль под волшебные звуки...» 65
9. Nocturno («Ты спишь один, забыт на месте диком...») 66
10. «Когда я блестящий твой локон целую...» 66
11. «В руке с тамбурином, в глазах с упоеньем...» 67
12. «Я узнаю тебя и твой белый вуаль...» 67
13. «Мы ехали двое... Под нею...» 67
14. «За красавицу-соседку...» 68
15. «Тёплым ветром потянуло...» 68*
16. «Между счастием вечным твоим и моим...» 69
17. «Если зимнее небо звездами горит...» 69
18. «Полуночные образы реют...» 70*
19. «Я долго стоял неподвижно...» 71
20. «Шумела полночная вьюга...» 71
21. «Улыбка томительной скуки...» 71*
22. Серенада («Тихо вечер погарает...») 72*
23. «Тихо ночью на степи...» 73
24. «За кормою струйки вьются...» 74
25. Из Байрона («О солнце глаз бессонных — звездный луч...») 74
26. Из Мура («Прощай, Тереза! Печальные тучи...») 74
27. «Мы одни; из сада в стёкла окон...» 75*
28. «Недвижные очи, безумные очи...» 77
29. «Весеннее небо глядится...» 77
30. «Как мошки зарёю...» 78*
31. «Спи — еще зарёю...» 78*

32. Veille sur ce que j'aime 79
33. «Как отрок зарёю...» 80
34. «Свеж и душист твой роскошный венок...» 80
35. «Младенческой ласки доступен мне лепет...» 80

ВЕЧЕРА И НОЧИ

I. «Право, от полной души я благодарен соседу...» 82*
II. «Вдали огонёк за рекою...» 83
III. «Я люблю многое, близкое сердцу...» 83
IV. «Скучно мне вечно болтать о том, что высоко, прекрасно...» 84
V. «Долго ещё прогорит Веспера скромная лампа...» 84
VI. «Я жду... Соловьиное эхо...» 84
VII. «Здравствуй! тысячу раз мой привет тебе, ночь!..» 85
VIII. «Друг мой, бессильны слова, — одни поцелуи всесильны...» 85
IX. «Ночью как-то вольнее дышать мне...» 85*
X. «Рад я дождю... От него тучнеет мягкое поле...» 87
XI. «Слышишь ли ты, как шумит крылами угольное стадо?..» 87*
XII. «Каждое чувство бывает понятней мне ночью, и каждый...» 88*
XIII. «Любо мне в комнате ночью стоять у окошка в потёмках...» 89
XIV. «Летний вечер тих и ясен...» 89*
XV. «Что за вечер, а ручей...» 90

ТАЛИСМАН

Талисман. *Поэма* 91

БАЛЛАДЫ

Змей 98
Сильфы 98
Вампир 99
Метель 100
Дозор 101
Гера и Леандр 103
Ворот 104
«На дворе не слышно вьюги...» 105
Легенда 106

СОНЕТЫ

I. «О, для тебя я сделаюсь поэтом!..» 108
II. «Смотреть на вас и странно мне, и больно...» 108
III. «Рассказывал я много глупых снов...» 109
IV. «Владычица Сиона, пред тобою...» 109
V. Мадонна 110
VI. Москва (из Кёрнера) 110

Соловей и роза
Соловей и роза 111

ЭЛЕГИИ

1. «О, долго буду я в молчаньи ночи тайной...» 117
2. «Когда мои мечты за гранью прошлых дней...» 117*
3. «Когда мечтательно я предан тишине...» 118*
4. «Помедли... люди спят; медлительной царицей...» 119*
5. «Странное чувство какое-то в несколько дней овладело...» 120
6. «Виноват ли я, что долго месяц...» 120
7. «Я знаю, гордая, ты любишь самовластье...» 121*
8. «Её не знает свет — она ещё ребенок...» 122*
9. «Эх, шутка-молодость! как новый, ранний снег...» 123*
10. «Лозы мои за окном разрослись живописно и даже...» 124
11. «Тебе в молчанин я простираю руку...» 124

САКОНТАЛА

Саконтала 126

ПОДРАЖАНИЕ ВОСТОЧНОМУ

1. «Я люблю его жарко: он тигром в бою...» 130
2. Из Саади («Обремененный славой мира...») 130
3. Язык цветов 131
4. «Не дивись, что я черна...» 131

К ОФЕЛИИ

I. «Как идёт к вам чепчик новый...» 132
II. «Не здесь ли ты легкою тенью...» 132*
III. «Сосна так темна, хоть и месяц...» 133
IV. «Как майский голубоокий...» 133
V. «Я болен, Офелия, милый мой друг!..» 133
VI. «Офелия гибла и пела...» 134*
VII. «Как ангел неба безмятежный...» 134

АНТОЛОГИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1. *Греция** 135 27
2. *«Когда петух...»* 135 33

---

* Курсивом отмечаются те стихотворения, вошедшие в сборник, полный текст которых приведен выше, в составе одного из предыдущих сборников. Номер страницы во втором столбике указывает то место настоящего издания, где этот текст напечатан.

3. Вакханка («Под тенью сладостной полуденного сада...») 135
4. Диана 136
5. «Влажное ложе покинувши, Феб златокудрый направил...» 136
6. Кусок мрамора 137
7. «С корзиной, полною цветов, на голове...» 137
8. Подражание XVI идиллии Биона 137
9. Нептуну 138
10. Bogonag 139 32
11. Архилох 139
12. Из Катулла («Давай любить и жить, о Лезбия, со мной!..») 139
13. К юноше 140
14. Застольная песня 140 19
15. «Питомец радости, покорный наслажденью...» 140
16. «В златом сиянии лампады полусонной...» 141
17. «Уснуло озеро; безмолвен чёрный лес...» 141*
18. Из Анакреона («Сядь, Вафил, в тени отрадной...») 142
19. «Многим богам в тишине я фимиам воскуряю...» 142
20. К красавцу 143*

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1. «Эти думы, эти грёзы...» 145
2. Хандра
(1) «Непогода — осень — куришь...» 145*
(2) «Не ворчи, мой кот-мурлыка...» 146*
(3) «Друг мой! я сегодня болен...» 147
3. «На водах Гвадалквивира...» 148
4. Венеция ночью 149*
5. «Поделись живыми снами...» 150
6. Весна («Уж верба вся пушистая...») 150*
7. Посвящение к Фаусту (Г — ву) 151
8. Добрый день 152
9. К картине 153
10. Курган 153
11. «Полно спать: тебе две розы...» 154*
12. «Ты говоришь мне: прости!..» 155
13. Тучка 155
14. Свобода и неволя 156
15. «Сядь у моря — жди погоды...» 156
16. Б.....м. При получении цветов и нот 157
17. Колыбельная песня 157*
18. «Я знал её малюткою кудрявой...» 158
19. «Ещё весна — как будто неземной...» 159*
20. Лихорадка 160
21. «О, не зови! страстей твоих так звонок...» 161*
22. «Дитя, покорное любви...» 162
23. А. Л. Бржеской («Я вам пророчил поклоненье...») 163
24. «Под палаткою пунцовой...» 163
25. Эоловы арфы 164
26. «После раннего ненастья...» 165
27. «Мудрым нужно слово света...» 165
28. «Мы с тобой не просим чуда...» 166

29. «Я пришел к тебе с приветом...» ... 166
30. Даль («Облаком волнистым...») ... 167*
31. Моя Ундина ... 168
32. Перчатка ... 168
33. «На заре ты её не буди...» ... 169*
34. «Какая холодная осень...» ... 170
35. Деревня ... 171
36. «Ах, дитя, к тебе привязан...» ... 171
37. «В небесах летают тучи...» ... 172
38. Узник ... 172
39. «Ночь. Не слышно городского шума...» ... 173
40. Видение («Не ночью, не лживо...») ... 173
41. Ave Maria ... 174
42. «Опять я затеплю лампаду...» ... 174

ИЗ ГЕЙНЕ

1. «Красавица-рыбачка...» ... 175
2. «На севере дуб одинокий...» ... 175
3. «Из слёз моих много родится...» ... 175
4. «Хотел я с тобою остаться...» ... 176
5. «Твои пылают щёки...» ... 176
6. «По бульварам Саламанки...» ... 176
7. «Как цвет ты чиста и прекрасна...» ... 177
8. «Ах, опять всё те же глазки...» ... 177
9. «Как луна, светя во мраке...» ... 178
10. «Ланитой к ланите моей приложись...» ... 178
11. «Дитя! мои песни далёко...» ... 179
12. «Я плакал во сне: мне приснилось...» ... 179
13. Горная идиллия ... 180
14. Посейдон ... 181

СТИХОТВОРЕНИЯ (1856)

<Предисловие> ... 184

ЭЛЕГИИ

I. «О, долго буду я в молчаньи ночи тайной...» ... 185 117
II. «Когда мои мечты за гранью прошлых дней...» ... 185 117
III. «Когда мечтательно я предан тишине...» ... 185 118
IV. «Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой...» ... 185 119
V. «Странное чувство какое-то в несколько дней овладело...» ... 185 120
VI. «Я знаю, гордая, ты любишь самовластье...» ... 186 122
VII. «Её не знает свет — она еще ребенок...» ... 186 123
VIII. «Эх, шутка-молодость! как новый ранний снег...» ... 186 124
IX. «Лозы мои за окном разрослись живописно и даже...» ... 186 124
X. «Не говори, мой друг: «Она меня забудет...» ... 186
XI. «Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?..» ... 187

ПОДРАЖАНИЯ ВОСТОЧНОМУ

I. «Я люблю его жарко: он тигром в бою...» 188 130
II. «Не дивись, что я черна...» 188 131

К ОФЕЛИИ

I. «Не здесь ли ты лёгкою тенью...» 189 132
II. «Я болен, Офелия, милый мой друг!..» 189 133
III. «Как Ангел неба безмятежный...» 189 134

СНЕГА

I. «На пажитях немых люблю в мороз трескучий...» 190 53
II. «Знаю я, что ты, малютка...» 190 53
III. «Вот утро севера — сонливое, скупое...» 190 54
IV. «Печальная берёза...» 190 54
V. «Кот поёт, глаза прищуря...» 190 55
VI. «Чудная картина...» 191 55
VII. «Ночь светла, мороз сияет...» 191 56
VIII. «На двойном стекле узоры...» 191 57

ГАДАНИЯ

I. «Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом...» 192 58
II. «Полно смеяться! что это с вами?..» 192 59
III. «Помню я: старушка-няня...» 192 60
IV. «Перекресток, где ракитка...» 192 61

МЕЛОДИИ

I. «Не отходи от меня...» 193 62
II. «Тихая звёздная ночь...» 193 64
III. «Буря на небе вечернем...» 193 65
IV. Nocturno («Ты спишь один, забыт на месте диком...») 193 66
V. «Тёплым ветром потянуло...» 193 69
VI. «Если зимнее небо звездами горит...» 194 69
VII. «Полуночные образы реют...» 194 70
VIII. «Я долго стоял неподвижно...» 194 71
IX. «Шумела полночная вьюга...» 194 71
X. «Улыбка томительной скуки...» 194 71
XI. Серенада («Тихо вечер догорает...») 194 73
XII. «За кормою струйки вьются...» 194 74
XIII. Из Байрона («О солнце глаз бессонных! Звездный луч...») 195 74
XIV. Фантазия («Мы одни; из сада в стёкла окон...») 195 76
XV. «Недвижные очи, безумные очи...» 195 77
XVI. «Как мошки зарёю...» 195 78
XVII. «Спи — ещё зарёю...» 195 79
XVIII. «Свеж и душист твой роскошный венок...» 195 80

ВЕЧЕРА И НОЧИ

I. «Право, от полной души я благодарен соседу...» ... 196 82
II. «Вдали огонёк за рекою...» ... 196 83
III. «Я люблю многое, близкое сердцу...» ... 196 83
IV. «Скучно мне вечно болтать о том, что высоко, прекрасно...» ... 196 84
V. «Я жду... Соловьиное эхо...» ... 196 84
VI. «Здравствуй! тысячу раз мой привет тебе, ночь!..» ... 197 85
VII. «Друг мой, бессильны слова — одни поцелуи всесильны...» ... 197 85
VIII. «Ночью как-то вольнее дышать мне...» ... 197 86
IX. «Рад я дождю... От него тучнеет мягкое поле...» ... 197 87
X. «Слышишь ли ты, как шумит вверху угловатое стадо?..» ... 197 87
XI. «Каждое чувство бывает понятней мне ночью, и каждый...» ... 197 88
XII. «Летний вечер тих и ясен...» ... 198 90
XIII. «Любо мне в комнате ночью стоять у окошка в потемках...» . 198 89
XIV. «Шёпот, робкое дыханье...» ... 198*

БАЛЛАДЫ

I. Тайна («Почти ребенком я была...») ... 199 99
II. Ворот ... 199 104
III. «На дворе не слышно вьюги...» ... 199 105
IV. Легенда ... 199 106

АНТОЛОГИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

I. Греция («Там, под оливами, близ шумного каскада...») ... 200 27
II. Вакханка («Под тенью сладостной полуденного сада...») ... 200 135
III. Диана ... 200 136
IV. «Влажное ложе покинувши, Феб златокудрый направил...» ... 200 136
V. Кусок мрамора ... 201 137
VI. «С корзиной, полною цветов на голове...» ... 201 137
VII. Подражание XVI идиллии Биона ... 201 137
VIII. К юноше ... 201 140
IX. «Питомец радости, покорный наслажденью...» ... 201 140
X. «В златом сиянии лампады полусонной...» ... 202 141
XI. «Уснуло озеро, безмолвен черный лес...» ... 202 141
XII. К красавцу ... 202 143
XIII. Сон и Пазифая ... 202
XIV. Спор ... 203
XV. Амимона ... 204
XVI. На смерть попугая (Из Овидия) ... 205

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

I. «Владычица Сиона, пред тобою...» ... 207 109
II. Мадонна («Я не ропщу на трудный путь земной...») ... 207 110
III. Москва (Из Кёрнера) ... 207 110
IV. Хандра

1. «Непогода — осень — куришь...» 207 146
2. «Не ворчи, мой кот-мурлыка...» 208 147
V. Венеция ночью («Всплески волн сверкают ярко...») 208 149
VI. «Уж верба вся пушистая...» 208 150
VII. Посвящение к Фаусту (Г — ву) 208 151
VIII. «Полно спать: тебе две розы...» 208 154
IX. Б.....м. (При получении стихов и нот) 209 157
X. Колыбельная песня сердцу («Сердце — ты, малютка...») 209 157
XI. «Ещё весна — как будто неземной...» 209 159
XII. «О не зови! страстей твоих так звонок...» 209 162
XIII. «Я пришел к тебе с приветом...» 209 166
XIV. «Облаком волнистым...» 209 167
XV. «На заре ты её не буди...» 210 170
XVI. Деревня («Люблю я приют ваш печальный...») 210 171
XVII. «Ах дитя, к тебе привязан...» 210 171
XVIII. Узник («Густая крапива...») 210 172
XIX. Из Гейне
1. «Ланитой к ланите моей приложись...» 210 178
2. «Дитя! мои песни далёко...» 211 179
3. «Желтеет древесная зелень...» 211
4. Посейдон («Солнце лучами играло...») 211 181
XX. «Люди спят; мой друг, пойдем в тенистый сад...» 211
XXI. «Растут, растут причудливые тени...» 212
XXII. На Днепре в половодье (А. Я. П — вой) 212
XXIII. «Ещё весны душистой нега...» 215
XXIV. «Ночь весенней негой дышит...» 215
XXV. «Жди ясного назавтра дня...» 216
XXVI. «Как здесь свежо под липою густою!..» 216
XXVII. «Над озером лебедь в тростник протянул...» 216
XXVIII. Осень («Ласточки пропали...») 217
XXIX. Сосны («Средь клёнов девственных и плачущих берёз...») 218
XXX. Больной 218
XXXI. В саду («Приветствую тебя, мой добрый, старый сад...») 219
XXXII. Памяти Дмитрия Львовича Крюкова 220
XXXIII. «В долгие ночи, как вежды на сон не сомкнуты...» 220
XXXIV. Морской залив 221
XXXV. «Не спрашивай, над чем задумываюсь я...» 221
XXXVI. Первая борозда 222
XXXVII. «Ты расточительна на милые слова...» 222
XXXVIII. Лес («Куда ни обращаю взор...») 223
XXXIX. «Какое счастие: и ночь, и мы одни!..» 223
XL. Степь вечером 224
XLI. Пчёлы («Пропаду от тоски я и лени...») 225
XLII. «Что за ночь! Прозрачный воздух скован...» 225
XLIII. Старый парк 226
XLIV. Весенние мысли 227
XLV. Весна на дворе («Как дышит грудь свежо и ёмко...») 227
XLVI. Вечер («Прозвучало над ясной рекою...») 227
XLVII. Муза («Не в сумрачный чертог наяды говорливой...») 228
XLVIII. «Тёплый ветер тихо веет...» 229
XLIX. «Последний звук умолк в лесу глухом...» 230
L. «В пору любви, мечты, свободы...» 230
LI. Ива («Сядем здесь, у этой ивы...») 231
LII. «О друг! Не мучь меня жестоким приговором!..» 231

LIII. Приметы («И тихо и светло — до сумерек далёко...») 232
LIV. «Какие-то носятся звуки...» 232
LV. Ревель (После представления Фрейшица) 234
LVI. Первый ландыш 234
LVII. Пароход 235
LVIII. Знакомке с Юга 235
LIX. «Вчера, увенчана душистыми цветами...» 236

СТИХОТВОРЕНИЯ (1863)
ЧАСТЬ I

<Предисловие> 238

ЭЛЕГИИ

I. «О долго буду я в молчаньи ночи тайной...» 239 117
II. «Когда мои мечты за гранью прошлых дней...» 239 117
III. «Когда мечтательно я предан тишине...» 239 118
IV. «Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой...» 239 119
V. «Странное чувство какое-то в несколько дней овладело...» 239 120
VI. «Я знаю, гордая, ты любишь самовластье...» 240 122
VII. «Её не знает свет — она ещё ребёнок...» 240 123
VIII. «Эх, шутка-молодость! Как новый, ранний снег...» 240 124
IX. «Лозы мои за окном разрослись живописно и даже...» 240 124
X. «Не говори, мой друг: «Она меня забудет...»» 240 186
XI. «Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?..» 240 187
XII. «Под небом Франции, среди столицы света...» 241
XIII. Смерти («Когда измучен жаждой счастья...») 241
XIV. «Целый заставила день меня промечтать ты сегодня...» 242
XV. Одинокий дуб 242
XVI. Италия 243
XVII. На развалинах Цезарских палат 244
XVIII. «Пойду навстречу к ним знакомою тропою...» 245
XIX Старые письма 246
XX. «О нет, не стану звать утраченную радость...» 247

ПОДРАЖАНИЯ ВОСТОЧНОМУ

I. «Я люблю его жарко: он тигром в бою...» 248 130
II. «Не дивись, что я черна...» 248 131

К ОФЕЛИИ

I. «Не здесь ли ты лёгкою тенью...» 249 132
II. «Я болен, Офелия, милый мой друг...» 249 133
III. «Как ангел неба безмятежный...» 249 134

СНЕГА

I. «На пажитях немых люблю в мороз трескучий...» 250 53
II. «Знаю я, что ты, малютка...» 250 53
III. «Вот утро севера — сонливое, скупое...» 250 54
IV. «Печальная берёза...» 250 55
V. «Кот поёт, глаза прищуря...» 250 55
VI. «Чудная картина...» 251 55
VII. «Ночь светла, мороз сият...» 251 56
VIII. «На двойном стекле узоры...» 251 57
IX. «Скрип шагов вдоль улиц белых...» 251

ГАДАНИЯ

I. «Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом...» 252 58
II. «Полно смеяться! что это с вами...» 252 59
III. «Помню я: — старушка няня...» 252 60
IV. «Перекрёсток, где ракитка...» 252 61

МЕЛОДИИ

I. «Не отходи от меня...» 253 62
II. «Тихая звёздная ночь...» 253 64
III. «Буря на небе вечернем...» 253 65
IV. Nocturno («Ты спишь один, забыт на месте диком...») 253 66
V. «Тёплым ветром потянуло...» 254 69
VI. «Если зимнее небо звездами горит...» 254 69
VII. «Полуночные образы реют...» 254 70
VIII. «Я долго стоял неподвижно...» 254 71
IX. «Шумела полночная вьюга...» 254 71
X. «Улыбка томительной скуки...» 254 71
XI. Серенада («Тихо вечер догорает...») 254 73
XII. «За кормою струйки вьются...» 255 74
XIII. Фантазия («Мы одни; из сада в стёкла окон...») 255 76
XIV. «Недвижные очи, безумные очи...» 255 77
XV. «Как мошки зарёю...» 255 78
XVI. «Спи — ещё зарёю...» 255 79
XVII. «Свеж и душист твой роскошный венок...» 255 80
XVIII. «Давно ль под волшебные звуки...» 256 65
XIX. «Снился берег мне скалистый...» 256
XX. Туманное утро 256
XXI. Римский праздник 257
XXII. Цветы 257
XXIII. «Вчера я шёл по зале освещённой...» 258
XXIV. «Всё вокруг и пестро так и шумно...» 258
XXV. Певице 259
XXVI. Бал 259
XXVII. Anruf an die Geliebte (Бетховена) 260

XXVIII. «Ярким солнцем в лесу пламенеет костёр...» 260
XXIX. «Свеча нагорела. Портреты в тени...» 261
XXX. «Нет, не жди ты песни страстной...» 261

ВЕЧЕРА И НОЧИ

I. «Право, от полной души я благодарен соседу...» 263 82
II. «Вдали огонёк за рекою...» 263 83
III. «Я люблю многое, близкое сердцу...» 263 83
IV. «Скучно мне вечно болтать о том, что высоко, прекрасно...» .. 263 84
V. «Я жду... Соловьиное эхо...» 263 84
VI. «Здравствуй! тысячу раз мой привет тебе, ночь!..» 264 85
VII. «Друг мой, бессильны слова, — одни поцелуи всесильны...» 264 85
VIII. «Ночью как-то вольнее дышать мне... ..... 264 85
IX. «Рад я дождю... От него тучнеет мягкое поле...» 264 87
X. «Слышишь ли ты, как шумит крылами угловатое стадо?..» 264 87
XI. «Каждое чувство бывает понятней мне ночью, и каждый...» ... 264 88
XII. «Летний вечер тих и ясен...» 265 90
XIII. «Любо мне ночью стоять у окошка в потемках...» 265 89
XIV. «Шёпот, робкое дыханье...» *265* *198*
XV. «На стоге сена, ночью южной...» 265
XVI. «Заря прощается с землёю...» 266
XVII. Колокольчик 266

БАЛЛАДЫ

V. Тайна («Почти ребенком я была...») 267 99
VI. Ворот 267 104
VII. «На дворе не слышно вьюги...» 267 105
VIII. Легенда 267 106

АНТОЛОГИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

I. Греция («Там, под оливами, близ шумного каскада...») 268 27
II. Вакханка («Под тенью сладостной полуденного сада...») 268 135
III. Диана 268 136
IV. «Влажное ложе покинувши, Феб златокудрый направил...» 268 136
V. Кусок мрамора 269 137
VI. К юноше 269 140
VII. «С корзиной, полною цветов, на голове...» 269 137
VIII. «В златом сиянии лампады полусонной...» 269 141
IX. Подражание XVI идиллии Биона 269 137
X. «Питомец радости, покорный наслажденью...» 270 140
XI. «Уснуло озеро, безмолвен чёрный лес...» 270 141
XII. К красавцу 270 143
XIII. Сон и Пазифая 270 202
XIV. Амимона 270 204
XV. Диана, Эндимион и Сатир (Картина Брюлова) 271

XVI. Золотой век ... 271
XVII. Даки ... 273
XVIII. Телемак у Калипсы ... 274
XIX. Венера Милосская ... 275
XX. Нимфа и молодой Сатир (Группа Ставассера) ... 275
XXI. Сон и Смерть ... 276

МОРЕ

I. «Ночь весенней негой дышит...» ... 277 215
II. «Жди ясного назавтра дня...» ... 277 216
III. Морской залив ... 277 221
IV. Вечер у взморья ... 277
V. «Как хорош чуть мерцающим утром...» ... 278
VI. «Морская даль во мгле туманной...» ... 278
VII. Прибой ... 279
VIII. На корабле ... 279

ВЕСНА

I. «Уж верба вся пушистая...» ... 281 150
II. «Ещё весна — как будто неземной...» ... 281 159
III. «На заре ты её не буди...» ... 281 170
IV. «Ещё весны душистой нега...» ... 281 215
V. Пчёлы («Пропаду от тоски я и лени...») ... 281 225
VI. Весенние мысли ... 282 227
VII. Весна на дворе («Как дышит грудь свежо и ёмко...») ... 282 227
VIII. Первый ландыш ... 282 234
IX. Ещё майская ночь ... 282
X. «Опять незримые усилья...» ... 283
XI. Весенний дождь ... 284

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

I. «Владычица Сиона, пред тобою...» ... 285 109
II. Мадонна («Я не ропщу на трудный путь земной...») ... 285 110
III. Хандра
1. *«Непогода — осень — куришь...»* ... 285 146
2. *«Не ворчи, мой кот мурлыка...»* ... 285 147
IV. Венеция ночью («Всплески волн сверкают ярко...») ... 285 149
V. «Полно спать: тебе две розы...» ... 286 154
VI. Б.....м (При получении стихов и нот) ... 286 157
VII. Колыбельная песня сердцу («Сердце — ты, малютка...») ... 286 157
VIII. «О, не зови! страстей твоих так звонок...» ... 286 162
IX. «Облаком волнистым...» ... 286 167
X. «Я пришел к тебе с приветом...» ... 287 166
XI. Деревня («Люблю я приют ваш печальный...») ... 287 171

XII. «Ах, дитя, к тебе привязан...» ... 287 171
XIII. Узник («Густая крапива...») ... 287 172
XIV. «Люди спят; мой друг, пойдём в тенистый сад...» ... 287 211
XV. «Растут, растут причудливые тени...» ... 288 212
XVI. На Днепре в половодье (А. Я. П — вой) ... 288 212
XVII. «Как здесь свежо под липою густою!..» ... 288 216
XVIII. «Над озером лебедь в тростник протянул...» ... 288 216
XIX. Осень («Ласточки пропали...») ... 288 217
XX. Сосны («Средь клёнов девственных и плачущих берёз...») ... 289 218
XXI. Больной ... 289 218
XXII. В саду («Приветствую тебя, мой добрый, старый сад...») ... 289 219
XXIII. Памяти Дмитрия Львовича Крюкова ... 289 220
XXIV. «В долгие ночи, как вежды на сон не сомкнуты...» ... 289 220
XXV. «Не спрашивай, над чем задумываюсь я...» ... 290 221
XXVI. Первая борозда ... 290 222
XXVII. «Ты расточительна на милые слова...» ... 290 222
XXVIII. Лес («Куда ни обращаю взор...») ... 290 223
XXIX. «Какое счастие: и ночь, и мы одни!..» ... 290 223
XXX. Степь вечером ... 291 224
XXXI. «Что за ночь! Прозрачный воздух скован...» ... 291 225
XXXII. Старый парк ... 291 226
XXXIII. Вечер («Прозвучало над ясной рекою...») ... 291 227
XXXIV. Муза («Не в сумрачный чертог наяды говорливой...») ... 291 228
XXXV. «Тёплый ветер тихо веет...» ... 292 229
XXXVI. «Последний звук умолк в лесу глухом...» ... 292 230
XXXVII. «В пору любви, мечты, свободы...» ... 292 230
XXXVIII. Ива («Сядем здесь, у этой ивы...») ... 292 231
XXXIX. «О друг! Не мучь меня жестоким приговором!..» ... 292 231
XL. Приметы («И тихо и светло — до сумерек далёко...») ... 293 232
XLI. «Какие-то носятся звуки...» ... 293 232
XLII. Ревель (После представления Фрейшица) ... 293 234
XLIII. Пароход ... 293 235
XLIV. Знакомке с Юга ... 293 235
XLV. «Вчера, увенчана душистыми цветами...» ... 294 236
XLVI. «В темноте, на треножнике ярком...» ... 294
XLVII. Ивы и берёзы ... 294
XLVIII. Ответ Тургеневу ... 295
XLIX. Е. П. К — у («Напрасно жизнь зовёшь ты жалкою ошибкой...») ... 296
L. У камина ... 296
LI. Сестра ... 297
LII. Горное ущелье ... 297
LIII. Музе («Надолго ли опять мой угол посетила...») ... 298
LIV. Рыбка ... 298
LV. «Был чудный майский день в Москве...» ... 299
LVI. «В леса безлюдной стороны...» ... 300
LVII. На лодке ... 300
LVIII. «Только станет смеркаться немножко...» ... 301
LIX. «Расстались мы, ты странствуешь далече...» ... 302
LX. «Я был опять в саду твоём...» ... 302
LXI. Дождливое лето ... 303
LXII. Псовая охота ... 303
LXIII. Грёзы («Мне снился сон, что сплю я непробудно...») ... 304

LXIV. Тургеневу («Прошла зима, затихла вьюга...») 305
LXV. Мотылёк мальчику 306
LXVI. «Молчали листья, звезды рдели...» 306
LXVII. На железной дороге 307
LXVIII. «Зреет рожь над жаркой нивой...» 308
LXIX. «Кричат перепела, трещат коростели...» 308
LXX. Георгины 309
LXXI. «Если ты любишь, как я, бесконечно...» 310
LXXII. «Ещё акация одна...» 310
LXXIII. «Тихонько движется мой конь...» 311
LXXIV. «Чем тоске, и не знаю, помочь...» 311
LXXV. «Прежние звуки, с былым обаяньем...» 312

Сабина. *Поэма* 313

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИКИ

СТИХОТВОРЕНИЯ

«<...>Нет, сколько козней ты ни крой...» (<К А. М. Погодиной>) 321
«Григорьев, музами водим...» (<Эпиграмма на А. А. Григорьева>) 321
Дифирамб на Новый год 322
«Щёчки рдеют алым жаром...» 323
«Он в идее вечно жаден...» (<Эпиграмма на А. А. Григорьева (?) >) 323
«Стихом моим незвучным и упорным...» 323
Звезды 324
К жаворонку 324
Ручка 324
Весенняя песнь 325
Вечерний сад 326
Горный ключ (Офелии) 326
«Безмолвные поля оделись темнотою...» 327
«Когда кичливый ум, измученный борьбою...» 328
К Морфею 328
«Когда не свищет вихрь в истерзанных снастях...» 329
Бюст 329
«Как на черте полночной дали...» 329
Элегия («Мечту младенчества в меня вдохнула ты...») 330
Сонет (Офелии) 330
Хронос 331
Странная уверенность 331
Возвращение 331
Её окно 332
«Сорвался мой конь со стойла...» 332
«Как много, Боже мой, за то б я отдал дней...» 333
Утёс 333
«Поверьте мне: с надеждой тайной...» 334
«Ночь тиха. По тверди зыбкой...» 334

Блудница ... 335
Горы (Ода) ... 335
«Смотри, красавица, — на матовом фарфоре...» ... 336
Цыганке ... 337
В альбом («Я вас рассматривал украдкой...») ... 337
«Я говорил при расставаньи...» ... 338
Песнь пажа (Из времён рыцарства) ... 338
«Вижу, снова небо тмится...» ... 339
«Я вдаль иду моей дорогой...» ... 340
На смерть Бражникова ... 340
«В зверинец мой раскрыты двери...» ... 341
«Поднялася пыль степная...» ... 342
«При свете лампады, над чёрным сукном...» ... 343
Воздушный город ... 343
«Стихом простым, стихом случайным...»
(<В альбом А. Я. Марченко>) ... 344
Художнику ... 344
Прости (Офелии) ... 345
Весна на Юге ... 345
«Прекрасная, она стояла тихо...» ... 346
«Кенкеты, и мрамор, и бронза...» ... 346
«Я знал, что нам близкое горе грозило...» ... 347
К Цирцее ... 348
Мой Ангел ... 348
Последнее слово ... 349
«Мы нравимся уездам и столицам...» (<В альбом
А. Л. Бржеской>) ... 349
«Весенних чувств не должно вспоминать...»
(<В альбом А. Л. Бржеской>) ... 350
«Я в моих тебя вижу всё снах...» (<В альбом А. Л. Бржеской>) ... 350
«Отвергнув гордое сомненье...» (<В альбом С. А. Рачинского>) ... 351
«Мой друг, я верую, надеюсь и люблю...» ... 351
«Когда опять по камням заиграет...» ... 352
«Где Север — я знаю...» ... 352
«Среди несметных звезд полночи...» ... 352
«Как гений ты, нежданный, стройный...» ... 353
«Перекладывают тройки...» (<И. П. Борисову>) ... 353
«Напрасно, дивная, смешавшися с толпою...» ... 355
«Слеза слезу с ланиты жаркой гонит...» ... 355
«Следить твои шаги, молиться и любить...» ... 356
«Я жертву приносил обильную Приапу...»
(В альбом Г. П. Данилевскому) ... 356
Вчера и сегодня ... 357
Отъезд ... 357
Шарманщик ... 358
«Дай руку мне, дай руку, пери злая...» ... 358
«Люди нисколько ни в чем предо мной не виновны, я знаю...» ... 359
Хижина в лесу ... 359
«Заревая вьюга...» ... 360
Неотразимый образ ... 361
«Когда у райских врат изгнанник...» ... 361
«Поднять бокал в честь дружного союза...»
(<Экспромт на обеде в честь И. С. Тургенева>) ... 362

Рододендрон ... 362
Ошибка ... 363
Сонет («Угрюм и празден часто я хожу...») ... 364
В альбом в первый день Пасхи ... 364
Шиллеру ... 365
Другу ... 365
«Весь переезд забавою...» (<В альбом Крюгеру>) ... 366
Аполлон Бельведерский ... 366
«Какая ночь! Как воздух чист...» ... 367
«Весна и ночь покрыли дол...» ... 367
Ответ старого поэта на 37 году отроду <Д. В. Григоровичу> ... 368
«Лесом мы шли по тропинке единственной...» ... 368
Нельзя ... 368
«Возвестил народу...» (<Я. П. Полонскому>) ... 369
«Как эта ночь, ты радостно светла...» ... 369
«Влачась в бездействии ленивом...» ... 370
Превращения ... 370
«Как ярко полная луна...» ... 371
«По ветви нижние леса...» ... 371
«Я целый день изнемогаю...» ... 372
«Твоя старушка-мать могла...» ... 372
«Поэт, пророк, орловский знатный барин...» (<Эпиграмма на И. С. Тургенева>) ... 373
«Ты прав. Мы старимся. Зима недалека...» (<И. С. Тургеневу>) ... 373
К молодому дубу ... 374
На пятидесятилетний юбилей П. И. и Н. А. Постниковых 4 февраля 1862 года ... 374
Эпиталама графу Л. Н. Толстому («Кометой огненно-эфирной...») ... 375
9 марта 1863 года ... 375
«Нетленностью божественной одеты...» (<Ф. И. Тютчеву>) ... 376

ПОЭМЫ

Сон ... 377
Две липки (И. С. Тургеневу) ... 384

ЛИБРЕТТО

Днепровские русалки. Либретто музыкального драматического произведения ... 398

КОЛЛЕКТИВНОЕ

Автору стихов «Безыменному критику» (М. Дмитриеву, который поместил их в «Москвитянине») ... 403

А. А. Фет

Собрание сочинений и писем. Стихотворения и поэмы 1839—1863 г. / Под общей ред. Г. Д. Асланова и др. Ред. тома Н. П. Генералова, В. А. Кошелев, Г. В. Петрова — СПб.: Академический проект, 2002 — 552 с.

ISBN 5-7331-0170-9 (Собрание сочинений)
ISBN 5-7331-0171-7

Настоящее собрание сочинений и писем Афанасия Афанасьевича Фета (1820—1892) представляет собой первую попытку издания в возможной полноте всего многообразного наследия великого русского поэта. Стихотворения, художественная проза, переводы, мемуары, письма распределяются по жанрово-хронологическому принципу.

Первый том включает в себя полностью первые четыре книги стихотворений Фета в том виде, в каком они предстали перед читающей публикой, а также обширный раздел произведений 1839—1863 гг., не включавшихся поэтом в свои сборники. Стихотворения, подвергшиеся правке И. С. Тургенева, впоследствии не дезавуированной Фетом, печатаются в обеих редакциях. В комментариях подробно изложена творческая история фетовских книг, использованы многочисленные мемуарные и эпистолярные свидетельства. Много места уделено реакции современников на новаторскую поэзию Фета, приведены многочисленные варианты, оставшиеся в рукописях.

Научное издание

Ответственный редактор *А. Е. Барзах*
Переплет *Ю. С. Александров*
Художественный редактор *В. Г. Бахтин*
Компьютерная верстка *Е. Ф. Шараева*
Корректор *О. И. Абрамович*

ЛР №066191 от 27.11.98

Подписано в печать 20.07.2002. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Балтика.
Усл. п. л. 30. Уч. изд. п. л. 26,5. Тираж 3000 экз. Заказ № 3396

Гуманитарное агентство «Академнческий проект»
191002, Санкт-Петербург, ул. Рубинштейна, д. 26

Отпечатано с готовых диапозитивов